

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

НАПРЯЖЕНИЕ: КОРОННЫЙ РАЗРЯД

Annotation

Двадцать первый век, магия, автомобили, самолеты, университет, Максим и его путь к известной цели.

- [Содержание](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Эпилог](#)

Содержание

Владимир Ильин

Напряжение: Коронный разряд

Пролог

Зимний вечер выстуживал огромный зал через приоткрытое окно, бесцеремонно врывается внутрь, рассыпая на драгоценный паркет хлопья снега и торжественно завывал от собственной безнаказанности. Потому как некому выгнать расшалившуюся погоду обратно на улицу – слуги куда-то запропастились, а гостям малого императорского дворца не пристало заниматься самоуправством в чужом доме.

Тем более, что в этом месте не бывает случайностей, и раз окно открыто, а на столике резного дерева чайные чашки, с аккуратно разложенными дольками лимона на ложечках, но без единой капли воды, разумнее распознать в этом высокое недовольство и быть готовым к непростой беседе, а не пытаться выкликать обслугу – потому как ее отсутствие тоже символ.

Впрочем, гости – юная леди и ее отец – вовсе не страдали от холода, чувствуя себя великолепно под теплыми соболиными накидками. Под мехом проглядывали торжественные наряды: классическое платье на девушке, исполненное в серых тонах с серебряным шитьем, с акцентом в виде массивного браслета из крупных самоцветов на руке. Мужчина предпочел черную рубашку с красным узором герба перед сердцем, заменой же статусным украшениям служила серебряная княжеская тиара Юсуповых, опоясывающая лоб.

– Ну и зачем? – Спросил мужчина, с укоризной посмотрев на дочь.

Он возвышался над столиком, смотрясь великаном даже в массивном дворцовом кресле. Чайная чашка вполне уместилась бы на его ладони.

– Рано. – последовал безмятежный ответ.

– Мы могли бы задержаться на улице или перенести визит на завтра.

– Поздно.

Оставалось только горестно вздохнуть в ожидании, когда совесть дочери процарапает стену показного равнодушия, и она сама пожелает объяснить отцу, зачем и по какой причине она навлекла великокняжеский гнев.

Несмотря на радушие свитского, попросившего ожидать пару минут, князь Юсупов подозревал, что ждать им в этом холоде не менее часа. Но если ожидание затянется и на больший срок, он все равно будет рад, что их вовсе не выставили за порог, демонстративно, с глухим звуком затворив тяжелые дубовые ставни за спинами.

Есть определенные правила, этикет, регламент поведения. Даже ему, хозяину необъятных земель на северо-востоке страны, для которого Император – не хозяин, а всего лишь первый среди равных, положение не застило глаза настолько, чтобы говорить правду августейшей фамилии. Особенно ту, которую слышать не хотят.

Еще он достаточно хорошо воспитал дочь, чтобы и она не позволяла себе столь скверного поведения. Тем не менее, его Ксения позволила себе обронить пустяковую фразу под конец церемониального приветствия с дядей императора. Тому шел шестой десяток лет, и как полагается в его возрасте, политика и власть занимали его внимание куда сильнее, чем житейские проблемы, третьей по счету и потому слишком молодой, чтобы иметь общие темы для беседы. Оттого, поговаривают, беседовали с нею иные люди, соблюдая в тайне высокоинтеллектуальные визиты от ревнивого супруга.

Надо сказать, когда Великого Князя искренне поздравили с тем, что он скоро станет папой, он даже обрадовался на мгновение. Потом, видимо, сопоставил даты, и долгожданные гости отправились в застуженное помещение вместо приемной Императора. Не по статусу крохотное, без слуг, в дальнем конце дворца, но...

«Других бы точно выставили», - меланхолично кивнул своим мыслям князь.

Легкомысленная фраза смотрелась прямым оскорблением – особенно в адрес влиятельного мужа, привыкшего считать себя всеведущим и всезнающим, а жен – кроткими и верными под его рукой. Даже усомниться в этом – означало обвинить в измене не только супругу, но родине и присяге. А тут даже не сомнение, а искренняя радость за грядущее прибавление в императорском доме. Счастливое, неожиданное и настолько удачное событие, что будущему отцу даже от дел государевых отвлекаться не пришлось.

К счастью, Великий Князь встречал их лично, оставив свиту позади. В противном случае, его реакция неизбежно последовала бы с оглядкой на общество.

За слова детей, как полагается по традициям, ответ держать отцу. С учетом прежних заслуг и некоторым послаблением относительно возраста дочери, наверняка последовало бы августейшее повеление о нежелании видеть княжеский род в Москве. Но это – за слова обычных детей, чей длинный язык есть признак недалекого ума и небрежения воспитанием.

Ксения же обычной называться не могла с самого детства. Не повезло родиться с даром пророка.

Семнадцать лет назад признаки великого дара посчитали за чудо; сходили с ума в попытках усилить талант, жертвуя ради шанса увидеть будущее слишком многим, в гордыне своей полагая любую плату уместной. Сейчас же пришло понимание, что все это было не то что напрасно, но переоценено столь сильно, что невольно разводишь руками. У клана просто не было настолько великой цели для такого дара. Даже без таланта Ксении, род бы жил и процветал. Зато любую нынешнюю победу семьи тут же с иронией привязывают к прозрению будущего, а не мастерству управленцев.

Тайну сохранить не удалось – слухи неведомо как вышли в народ, и любые попытки их опровергнуть только подогревали интерес. Правда, по сей день все серьезные игроки полагали дар Ксении достаточно слабым, чтобы игнорировать его или воспринимать на уровне случайной погрешности. Этих зубров от аналитики даже убеждать не пришлось – ведь клан в самом деле не стремился свергнуть Императора с престола, захватить земли врагов (более, чем обычно) или разграбить финансовые рынки точными прогнозами. То есть, клан не делал то, что сделали бы они, имея пророка. А значит, никакого пророка нет – так, видимость. Логично и достоверно, да к тому же изрядно всех успокаивало.

Одно тревожило князя на фоне этих рассуждений: в самом деле, полагали бы дочь слабой ведуньей, выставили бы... Или нет, и причиной милости – все же высокий статус гостя? Но когда он удерживал семью императора от того, чтобы громко хлопнуть дверью даже перед лицом самых родовитых и демонстративно ввергнуть в опалу, особенно столь несерьезную по своей сути... Что для Юсуповых неделя, максимум месяц без Москвы? Всего-то – Москва станет ездить к Юсуповым, а не наоборот.

Сомнения подогревал пустяшный мотив для приглашения во дворец. Было бы нечто серьезное и важное для короны, гнев железно отложили бы на потом, а то и вовсе оценили его в звонкой монете, предложив списать в часть оплаты за будущую услугу. Но цель визита выглядела довольно обыденно. Даже слишком – впору брать пару-тройку консультантов и вычеркивать половину дня из расписания, пока будут сходиться мнения профессионалов под одобрительные кивки господ. Так и было бы, если не вскользь оброненная фраза, что на встрече будет великая княжна Елизавета, младшая дочь императора и «погодка вашей очаровательной Ксении, им как-нибудь надо обязательно познакомиться, не считаете?». Намек полностью менял тему визита, переводя ее из финансово-экономической в светское русло, впрочем, все так же несерьезное по своей сути. Разумеется, на все рекомендации можно было плюнуть с высокой колокольни, и заявиться со свитой финансистов, но дипломатия предписывала делать

легкие уступки просьбам равных.

Хотя некоторое недоумение осталось. С чего бы дочь решили представить Его Величеству за месяц до новогоднего имперского бала? В последний день года, князь все равно подведет дочь к трону, представит ее августейшей фамилии и передаст через нее подарки. Этого более, чем достаточно. Никакой дружбы Ксении с принцессой рода Рюриковичей не планировалось.

И уж тем более, будущая встреча двух девчонок не являлась настолько важной причиной, чтобы Великому Рогоносцу пренебречь болезненной гордостью и оставить обидную правду без наказания.

Разумеется, если для него Ксения – именно девчонка, пусть и княжеских кровей, а не прорицательница. Но если иначе...

Место, где они сейчас находились, вполне укладывалось в концепцию благодарности за своевременное предупреждение и одновременный гнев за манеру подачи ценных сведений. Ведь там, где есть вера словам, должна быть и уверенность в их источнике. А слабому пророку веры у такого человека, как Великий князь, быть не может. Вот с сильной ведуньей – ссориться нельзя, но на место следует поставить. Сходится?

– Они знают? – Уточнил князь у дочери.

– Давно, – поднялся на него взгляд зеленых глаз. Как у матери.

– Имею в виду... – Замер он в середине фразы, внимательно посмотрев на дочь.

Понятно, что о даре его дочери самый сильный клан в Империи знал, и наверняка раньше остальных. Вопрос в понимании истинной мощи дара.

– Давно. – Терпеливо повторила Ксения.

«Вот же...» – Чертыхнулся про себя князь, не выдав и движением своих чувств, которые можно было бы увязать с сутью вопроса.

Мало ли, кто на них сейчас смотрит – в завитках резьбы на карнизах, в углах зала, в лепнине стен наверняка множество камер и микрофонов. Особенно, если император действительно знает и желает об этом сегодня говорить.

Аналитики, просчитывая визит, отдавали этой версии малый шанс, прагматично сходясь на более простых версиях. Например, на огромном приданом, которое постараются потребовать за брак Ксении и дальнего родственника императорской фамилии. В обмен – немного власти и небольшой рост статуса клана в общей иерархии. Другое дело, что кем-кем, но Ксенией князь торговать бы не стал, оттого изначально воспринимал этот визит без энтузиазма, надеясь максимально сократить его благодаря отточенному умению улыбаться и не понимать намеки.

Значит, знают. Давно знают – не верить дочери нет смысла. Раз молчала, то это не повредит клану и роду – так она говорила, некогда поставив перед фактом отца, что подобные решения были и будут. Хорошая, красивая формулировка, от которой хочется разбить кулаком стол. Потому что понимание вреда у семнадцатилетней девушки, какой бы умной она ни была, может быть недостаточным для сложной реальности.

И если Ксения чувствовала себя совершенно безмятежно, опираясь на знание светлого будущего, у князя заворочался под солнечным сплетением дурных предчувствий. К цели ведут множество путей. Прорицая светлый терем, ладные одежды и богатый стол, можно пропустить кровавую резню за час до этого и не заметить пропитанные кровью бинты под плотной рубахой. А ведь дар дочери – всего лишь узенькое окошко в будущее, время в котором идет, как обычно... Много ли останется вне ее внимания? Созерцая светлый терем, полный добра, увидит ли врагов, что притаились до поры на чердаке? Или чумных крыс во тьме подвала? Или ядовитый металл на дне колодца, который отравит воду и убьет болезнями?

– Ксюша, – с тоской выдохнул князь Юсупов. – Предлагаю вернуться домой и все обсудить.

За тяжким выдохом – горечь от осознания, что все взаимоотношения с императорским родом придется просчитывать заново. Очень не хватало помощи от аналитиков, но на территории дворца для гостей не было связи, так что хитрый механизм-транслятор, сокрытый в княжеской тиаре, не мог доставить толковые советы и помочь владельцу на ходу сформировать новую линию поведения.

А вести игру в одиночку против императорского рода князь Юсупов не собирался. В этом была мудрость шестого десятка лет, пока недоступного его дочери.

– Нет необходимости, – без паузы отреагировала его дочь.

– Все, что ты знаешь об этой семье, – надавил он тоном на предпоследнее слово и повел взглядом, намекая на владельцев дворцовых палат. – Все, что ты про них могла узнать. Это все даже в малой степени не даст тебе даже крохотную картину их возможностей. – встал он с кресла. – Мы уходим.

Рисковать дочерью, отчего-то решившей поиграть с короной, он не собирался. Плевать, что запланированный визит не состоится. На все плевать, кроме родной крови. Пророков за историю империи было во множестве, но род Рюриковичей всех их пережил. Даже самых сильных, даже тех, кто встал против них, полагая знание следующего дня залогом победы. Всех уничтожили. Своей Ксении он в это влезть не позволит.

– Будущее невозможно изменить. – Поднялась дочь вслед за ним и поправила соболиную накидку. – В этом большом театре, что делает человечество, я не могу менять его судьбу. Они и я это знаем.

– Не следует объединять свои мысли и то, о чем думают в этом дворце. – Со скрипом задвинул князь Юсупов кресло к столику и предложил дочери локоть опереться.

Девушка положила ладонь на сгиб его руки и направилась вместе с ним к массивной двери покоев.

– У нас разная точка зрения на это знание, – согласилась Ксения. – Они считают, что могут подготовиться к любому будущему, как талантливый режиссер с труппой к любой постановке.

– Дочь... – Строго произнес князь Юсупов.

– Я же просто выбираю для нашей семьи лучшие места на этом представлении.

Дверь распахнулась одновременно с тем, как отец протянул к ней руку.

По ту сторону стояли трое богато разодетых свитских, почтительно согнувшихся в поклоне, стоило соприкоснуться взглядами.

– Император ожидает князя и княжну в алмазной палате.

Ксения сжала локоть отца, на мгновение опередив вежливый отказ со ссылкой на недуг дочери.

– У каждой истории есть множество начал, – прошептала она ему на ухо, приподнявшись на носочках. – Но только одно завершение.

– Оно будет хорошим? – Замешкался отец.

– Пойдем, – со смешинкой потянула она его за собой. – Наши места в первом ряду.

Глава 1

Жаркое солнце середины июня спряталось за высоткой главного корпуса университета, накрывшего широкой тенью площадь перед ним. Под глубоким темно-синим небом звенел смех, царила радость и волнительное предвкушение счастливого будущего, полного новых знакомств и сбывшихся надежд. Период вступительных экзаменов начнется всего через неделю, но к тому времени надо собрать списки желающих, подтвердить способности оригиналами аттестатов, а намерения – солидной суммой залогового взноса или же подписью в гербовом контракте с княжеством, готовым платить за самых перспективных в обмен на службу.

Разумеется, документы можно подать в любой день только-только начавшейся недели, но в таком серьезном деле, как собственное будущее, большинство предпочло прийти сразу, разумно страхуясь от возможных накладок.

Оттого народу на университетской площади, обрамленной пешеходными улицами и трехэтажными зданиями университетских корпусов, было особенно много. Молодежь занимала самый ее центр, оставив край площади степенно прохаживающимся родителям, зорко поглядывающим за поведением и первыми знакомствами своих чад. Когда-то нынешние отцы и матери тоже стояли в центре, полагая себя по-настоящему взрослыми, а родителей – слишком старыми, чтобы прислушиваться к увещаниям и строгим наставлениям. Вскоре они вырастут, и станут отговаривать уже своих детей от собственных ошибок и промахов.

«- Но те им тоже не поверят» – хмыкнул своим мыслям Александр Ефремович Ферзен, ректор имперского университета княжеского города Шуйск, отдавая должное крохотной чашке с ароматным кофе.

Зеркальные окна от пола до потолка огораживали высокий подиум кафетерия от оживленной летней улицы. Взгляд сверху вниз и непрозрачность стекол со стороны тротуара где-то даже оживляли аппетит, добавляя вдумчивому потреблению пищи сочную картину жизни, не замечающей пристального внимания.

Заведение находилось на первом этаже дома для преподавателей, примостившимся у левого края площади, сразу за небольшой парковкой для персонала. И хоть оно и было открыто для всеобщего посещения, но высокие цены и тяжелый взгляд профессуры, видящей все долги студентов

насквозь, давно уже сделали его заведением «для своих». Хозяев кафе, впрочем, это не вводило в убыток, судя по тому, что работало оно уже пятый год и не собиралось закрываться.

А конкретно это место – на подиуме, отделенном от общего зала отдельным проходом, за годы стало лично его, ректора. Всякий раз за столиком его дожидалась табличка «заказано», а персонал будто предугадывал его визиты – иначе и не сказать, если от времени заказа до расставления на столе пышущих ароматом и жаром блюд проходило от силы пару минут. Затем наступало время крохотной чашки кофе, запиваемой стаканом воды, и вдумчивое наблюдение за жизнью подопечных. То, что наверняка не увидеть из окна его кабинета.

Складывались пары, обозначали общие интересы группы студентов. Порою доносились отрывки фраз и сплетен. Нет, человеку его статуса подслушивать даже в мыслях не было, но не уши же закрывать за обеденным столом? Все в рамках приличий и без урона дворянской чести. В конце концов, милостью государя, именно он, Александр Ефремович, поставлен хозяином университетских корпусов и начальником преподавателей, ему полезно знать, что на самом деле волнует студентов и подчиненных. Ведь на кону вполне может оказаться преуспевание университета и лично его должность.

Пересекли площадь преподаватели, степенно вышагивая к парковке через пугливо раздавшуюся толпу. Новички пока не знают своих наставников в лицо, но достаточно вида парадного мундира гражданской службы, чтобы ощутить должную степень робости и уважения. В чем-то форма преподавателей схожа с военной: хоть и лишена знаков различия, но наградные медали и планки, пусть те и выданы исключительно по мирным поводам, придают вид внушительный и грозный. Пусть сразу видят, что тут тоже идет война – за светлые умы, против тьмы невежества!

Ректор разглядел лица коллег и погасил порыв попросить у obsługi добавить кресел к столу и принести дополнительные меню. Вряд ли кто из них присоединится к нему за обеденным столом – то люди семейные, предпочитают обедать дома. Это он, ректор, один. От позднего брака осталась только дочь. Сердце потеплело от законной гордости – с отличием закончив консерваторию, родная кровинка сейчас покоряла своим талантом столицу и даже пару раз показалась на центральном телевидении, пока, правда, мельком, на втором плане. Но даже эти короткие записи он трепетно хранил. Жаль только – поделиться с ними не с кем. Супруга отошла в другой мир десять лет назад, а новые отношения даже сейчас ощущались изменой той самой истинной любви, что бывает раз в жизни.

Тем временем, профессура раскланялась меж собой и предсказуемо разошлась по машинам. Дорогим, к слову, автомобилям, не старше года каждый.

Учитель физики Аристарх Игнатьевич, любитель дорогих костюмов и модных галстуков, прикрыл дверцу своей «Импалы», пронесся под басовитый рев двигателя по улочке, распугивая зазевавшихся гостей, и лихо вырулил за знак «стоп», «только для персонала». Следом куда спокойней вырулили «Порше» и «Сеат» профессоров кафедры высшей математики, а заверил процессию совсем не скромный «Балто-Русс» проректора Овсянова, стоивший как бы не дороже первых трех автомашин вместе взятых.

Не бедствовали преподаватели имперского университета, что скрывать. Сам ректор, правда, всегда находил, куда потратить деньги – в основном, на подарки дочери. Но разве ему много нужно было? Квартиру ему подарил университетский фонд пять лет назад, тогда же предложил выделить машину на выбор, но тут он постеснялся и остался при своей «Волге», которой тогда шел всего второй год. Да и зачем менять? Скорость Ферзен не сильно любил, а добираться до дома всего с десятков минут пешком. На машине – так и вовсе смех.

В общем, грех жаловаться, право слово. Что вне работы, что в стенах университета, блиставшего свежим ремонтом, пятым за пять лет, все у ректора ладилось.

А тут еще, незаметно подкравшись, комплемент от повара подали, добавив «в счет заведения», и мысли вовсе обрели радужный тон.

«В столицу махнуть на выходные, что ли? За свои деньги, разумеется».

Хотя у университета был собственный самолет. Небольшой, на пятьдесят пассажиров, но, поговаривают, даже у многих столичных такого не было. Ведь небо – только для аристократов, а как бы не любило государство высшие учебные заведения, но такая роскошь, как бесконечный лимит на топливо, любые маршруты над страной и два дежурных пилота, выходила за всякие рамки. Самолет – князя Шуйского, предоставленный в аренду за одну копейку в год.

Редко кому так везет с сиятельными владельцами земель. Обычно они те еще скряги, дико ворчливые от необходимости каждый год платить за имперский университет на своих землях. Дорого им, видите ли. А специалистов им выдай наилучших! При этом, те же ворчливые князья в то же самое время хороводы вокруг Москвы водят с просьбами открыть еще один храм науки и выделить преподавателей. Однако стоит добиться успеха и перерезать красную ленточку – тут же начинается вечное недовольство

тратами. Но это они, наверное, от прошений и университетских просьб страхуются. К таким скрягам идти на поклон – никакого желания, проще в столицу написать.

Не всем достается такое счастье, как Александру Ефремовичу, ой не всем.

«А может, на университетском самолете и махнуть? Вон, как раз экскурсия по Кремлю намечается у стипендиатов, можно всего на один день сменить график вылета и... Хотя нет, нагло вато». – Все же решил ректор добираться на имперских авиалиниях.

К доброму отношению следует относиться бережно. Будто в пику его мыслям, величаво вырулил с парковки покрытый золотом «Эскалайд» преподавателя по русскому языку.

Не у всех, правда, это понимание есть... Но да их дело.

– Александр Ефремович?

– Да-да? – Повернулся он, вострепелувшись от знакомого голоса.

Рядом с его столиком замер в почтительном поклоне хозяин заведения самолично, отчего-то накинув белоснежное полотенце на сгиб локтя, будто обычный официант. Впрочем, остальная его одежда – жилетка в крупную клетку поверх белой рубашки, ничем не отличалась от формы остального персонала. Облик смотрелся целостно, выдавая немалый стаж руководителя на низовой должности.

«Но с чего бы такой вид?» – ворохнулось любопытство. – «Решились обслужить самолично? Приятно, безусловно, но нет времени на новую перемену блюд».

– Александр Ефремович с вами желают переговорить. Окажите милость, всего пять минут вашего внимания. – Обозначил самую радушную улыбку ресторатор, добавив толику вины во взгляд.

Ферзен поджал губы и укоризненно посмотрел на мужчину.

Никто не любит нежданных визитеров, особенно разрушающих таинство послеобеденного отдыха. А тут еще назревает явный проситель – наверняка, с весьма предсказуемой просьбой пристроить нерадивое чадо на первый курс. Столь же предсказуемый (для тех, кто ректора знает) отказ наверняка попортит им обоим настроение. Словом, дело неприятное, но видно, неизбежное.

– Прошу вас, Александр Ефремович, – молитвенно сложил хозяин заведения и искренне добавил еле слышным шепотом то, что тут же, с великим изумлением, заставило сомневаться в его истинном статусе. – Иначе меня уволят.

– Приглашайте, голубчик, – скорбно выдохнул Ферзен, складывая руки

на груди и демонстративно отворачиваясь к окну.

В конце концов, ему тут еще завтракать, обедать и ужинать, а возможная смена администратора может принести отрицательные изменения в привычный распорядок дня. Пусть холуй выслуживается, от Александра Ефремовича не убудет сказать «нет» еще раз. В его университете не будет кумовства!

Стол тут же очистили от посуды, вернув через половину минуты графин с водой и два пустых стакана. За этим делом все хлопоты, в общем-то, завершились, а вот обещанного просителя не наблюдалось. Но раз у него одолжили ровным счетом пять минут – ректор демонстративно поднял левую руку и приподнял рукав пиджака, чтобы посмотреть на циферблат часов – еще три минуты, и он отсюда уходит.

Чтобы озвучить данную мысль, Александр Ефремович грозно оглядел зал в поисках администратора, но с удивлением обнаружил отсутствие как obsługi, так и иных посетителей. В кафе кроме него – никого.

Солидный звук автомобильных моторов дернул нервную струну, заставив резко повернуться к окну.

«Коллеги вернулись?» – Немного нелепо смотрелась мысль при виде кавалькады из трех незнакомых автомашин, втекших на университетскую парковку, игнорируя знаки и ограничения. Впрочем, если обратить внимание на имперский герб на двух авто в арьергарде – они имели на то право. Вот только первый автомобиль, слегка потрепанный временем темно-синий «опель» с обычным гражданским номером, совсем не гармонировал с черными квадратами внедорожников сопровождения. Но именно к невзрачному автомобилю бросился ресторанный служака от входа в заведение, торопясь открыть дверь. Не успел – из задней двери уже вышагнул молодой парень лет семнадцати в бежевых брюках и белой безрукавке. Мельком огляделся, игнорируя суету вокруг него, и шагнул к двери кафетерия.

«Две минуты», - нервно дернулся взгляд Ферзена к циферблату часов.

Мелодично тренькнул входной колокольчик, возвещая о прибытии нового гостя. Крайне необычного, по всей видимости.

«Да что с того?» – Раздраженно дернул плечами Александр Ефремович, подняв взгляд к горделивому полотну с двуглавым орлом на шпиле университетского здания за окном, дарующему абсолютную защиту от сильных мира сего. – «Да хоть князь!»

Краем глаза ректор отметил силуэт в белой рубашке подле стола и еле слышный звук от положенной на скатерть папки с бумагами.

– Добрый день, Александр Ефремович, – вежливо поздоровался с ним

молодой голос, уже приобретший некую толику бархатистости и глубины, свойственную старшему поколению.

Ферзен вновь сложил руки на груди и недовольно покосился на говорившего.

– И вам доброго дня, юноша.

Совсем молодой, как те, что занимали сегодня университетскую площадь, ожидая своего времени для подачи документов. Между прочим, честно ожидали и не пытались через знакомства пробиться к ректору лично!

Парень напротив внимательно посмотрел на него, умудрившись-таки зацепить взглядом серо-синих, словно штормовое небо, глаз. Глубоких, завораживающих кажущейся подвижностью радужки, будто медленно вращающейся... и тускло мерцающей сотнями еле заметных огоньков в самой ее глубине, если приглядеться. Но ведь так быть не может...

– Александр Ефремович?

– А? – Спыхватился ректор, осознав, что пропустил обращенные к нему слова.

– Мне нужно завершить ваш университет, – терпеливо повторил юноша, стукнув пальцем по укладке документов в раскрытой папке перед собой.

– Не смею препятствовать. Поступайте обычным порядком, отучитесь положенные пять лет, и я лично вручу вам диплом, – расправил плечи Ферзен, возвращая привычную уверенность.

Все же, самый обычный проситель, а он уже надумал себе...

– Я уже поступил, – парень взял первый лист сверху и переложил на половину стола ректора. – Отучился и получил все положенные отметки, – следом за первыми, легли новые бумаги с выкопировками из приказов и зачетных книжек, ведомостей и прочей канцелярщины, сопровождающей студентов на всем пятилетнем пути.

– Разрешите поинтересоваться, – хмуро глянул на юношу Александр Ефремович, придвигая к себе листы. – Самойлов Максим, из свободных граждан.

Он не помнил такого имени. Безусловно, ректору огромного учреждения и не положено знать всех учеников поименно, но за пять лет он обязан был зацепить взглядом, оставив в памяти хотя бы легкое чувство узнавания. Пусть даже не самого ученика, но такую свиту из машин он наверняка не упустил бы из виду. Вернее, знал бы точно, кого в стенах его заведения так опекают.

– Год рождения... Принят в Имперский Университет города Шуйск в

две тысячи... Хм... В тринадцать лет?! – Невольно в огромном изумлении распахнулись глаза. – И вы пришли ко мне с этой подделкой?! Молодой человек, я немедленно вызываю полицию!

– Они подлинные. – Абсолютно спокойно отнесся к угрозам Самойлов. – Оригиналы документов в двух экземплярах, первая часть в вашем архиве, вторая у меня здесь, – вновь щелкнул он по оставшимся бумагам в папке. – Будет много ненужных вам вопросов, не считаете?

– Не считаю! – Взвился с места Ферзен, опершись руками о край стола и нависая над самозванцем. – Я вас в университет не принимал!

– Такое право есть у проректора, в ваше отсутствие, – столь же меланхолично отреагировали по ту сторону стола и положили еще один лист из бумажной укладки поверх остальных.

Очередная подделка!

Обличительная фраза, уже готовая сорваться с уст, разбилась сорванным на выдохе словом и надсадным кашлем, стоило вновь наткнуться на взгляд гостя. Завораживающий и холодный, словно поверх оружейного прицела. Но не того, что ведет дичь, а что заставляет смотреть на охотника, не позволяя шевельнуться – от которого желание кинуть бумаги в лицо наглецу обернулось непонятной робостью, а правильный и очевидный поступок с вызовом представителя службы безопасности университета подменился порывом разобраться во всем самостоятельно. Даже сама поза ректора показалась настолько неудобной, что Ферзен предпочел медленно вернуться в кресло и присмотреться к подделке внимательней.

Стоило отметить, что бумага выполнена безупречно и украшена положенным количеством печатей.

«Подпись зама, росчерк пера, все сходится», – с досадой кусал он губы – «Номер приказа!».

Набрать на сотовом номер телефона приемной – секундное дело, даже с неприятным мандражом в кончиках пальцев. Зачитать заветный номер, услышать ответ от секретаря...

– И он посмел пойти на подлог?!

– Александр Ефремович, в моей зачетной книжке более тридцати подписей и печатей, проставленных не одномоментно, а с полным соблюдением всех сроков и регламентов. Ни одна проверка не выявит нарушений.

– То есть, все они? Все мои коллеги? – С некой растерянностью вымолвил Ферзен, переводя взгляд от странного гостя на документы и обратно.

Растерянность, впрочем, тут же сменилась законной яростью.

– Все они продались за моей спиной?! – Вцепился ректор в копии бумаг и грозно потряс ими над столом.

– Все, – отчего то с некоторым сочувствием кивнул парень. – И даже вы.

– Я-я?! – Прогремело в здании кафе.

– Квартира, ежемесячные поступления, оплата счетов. Все они происходят из того же источника, что у остальных.

– Я! Никаких! Денег! Не! Брал! Убирайтесь из моего университета и ждите повестки в суд, молодой человек! – Грозно указал ректор перстом на дверь, вновь взвившись с места.

– Университетский фонд, – даже не дрогнуло лицо у юноши, а вся гневная речь будто относилась не к нему, а к той же двери, на которую все еще указывал Александр Ефремович. – Вам знакомо это наименование? И сядьте, будьте так любезны.

В последней фразе было достаточно воли и жесткости, чтобы Ферзен предпочел выслушать продолжение этого нелепого разговора сидя. Он все равно немедленно отправится к главе особого отдела, а тот пока все равно на обеде, так что можно потешить себя выслушиванием всяческих нелепостей.

Но ком недобрых предчувствий, заворочавшийся под солнечным сплетением, настаивал совсем на иных мыслях, которые даже про себя произносить было боязно.

– Какое отношение Имперский университетский фонд имеет к вам, молодой человек? – Едко поинтересовался ректор.

– А вы знаете, что за употребление слова «имперский» в именовании полагается годовой сбор в два миллиона рублей? – Неожиданно поинтересовался Самойлов. – За пять лет сумма вышла довольно значительной. Я бы, к слову, с куда большим энтузиазмом потратил бы их на вас, но вы бы не стали брать деньги и ценности от фонда с другим наименованием, верно?

Александр Ефремович побуравил взглядом собеседника и категорично мотнул головой.

– Вздор.

– Неужели ни разу не интересовались у коллег из иных городов уровнем зарплат и привилегий? – Приподнял бровь юноша. – Не заметили несоответствий?

Замечали, но предпочитали не озвучивать и не вызывать зависть. Казалось вполне разумным, что фонды от княжества к княжеству разные, а

поддержка профессуры может значительно отличаться от результата работ. Свою работу высший руководящий и преподавательский состав университета считал безупречной, оттого не удивлялся ни секунды щедрым поощрениям.

– У вас есть иные доказательства, кроме этой вашей наглости и слов? – Попытался надавить едким ректор тоном, с коим обычно распекал подчиненных.

Получалось плохо – гость даже к спинке стула не отодвинулся, продолжая сидеть ровно и прямо. Тут уже неудобство почувствовал сам Ферзен и предпочел позу скептика, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди.

– Документы, – невозмутимо качнул плечами Самойлов. – Но моим вы ведь не поверите, верно? Посоветую вам поинтересоваться учредителями фонда в иных источниках.

– Там я увижу вашу фамилию, смею думать?

– Владелец будет фонд «Наука – развитие». – Отрицательно качнул тот головой. – А уже его владельцем – офшор на Кипре. Так что, даже обратись вы в полицию, мало чего добьетесь. А вот к вам уже будут вполне определенные вопросы, ведь принимать деньги от заграничного предприятия, пусть даже опосредованно...

– Вы смеете мне угрожать? – Прошипел ректор.

– Ни в коей мере, – поднял руки юноша, отмахиваясь от обвинения. – Я уже говорил: все, что я хочу – завершить обучение.

– Так шли бы к этому вашему Овсянову, век бы его не видеть! – Хлопнул он рукой по скатерти.

– Как оказалось, документы о присвоении диплома могут быть только с вашей подписью.

– И что будет, если я не подпишу? Вы станете шантажировать меня своим фондом?

– Александр Ефремович, слово даю – никакого шантажа. – Приложил Самойлов руку к груди. – Ни шантажа, ни денег, ни квартир, ни машин, каждая из которых в найме у фонда. Ведь это было так удобно – переложить налоги и ежемесячные платы на фонд.

– И вы говорите, не шантажист? – Иронично хмыкнул Ферзен, которого новость о лишении привычного жилья кольнула тоской даже через ярость и гнев на молодого наглеца.

– Всего лишь, мне больше незачем будет вас добровольно поддерживать. Все эти расходы, ремонты университетских корпусов, оплата самолета...

– Самолет – княжеский! – Ухватился ректор.

– Александр Ефремович, – укоризненно глянул на него взгляд необычных темно-синих глаз. – К чему слова? Самолет уже сегодня перестанет вас принимать. И не следует на меня смотреть столь гневно. Да, парад роскоши последних пяти лет завершится, но я же не забираю у вас ничего лично вашего, верно?

– Я ничего не подпишу, слышите?! – Заставив себя не думать о том, что станет с единовременно выкинутыми из домов преподавательскими семьями, и какой разразится скандал, произнес ректор. – Катитесь к черту со своим фондом!

– То есть, «спасибо» за эти пять лет мне тоже не услышать, – вздохнул Максим Самойлов. – Не мое это – хорошие дела.

– Вы нас обманывали все эти годы!

– Меня бы кто так обманывал... Александр Ефремович, приношу извинения. Жаль, что разговор не задался. Признаюсь, совсем не хотел вас волновать и уж тем более, испытывать столь сильные эмоции. Вашей дочери вовсе не понравилось бы, случись что с вами. – Сложив бумаги обратно в папку, приподнялся парень из-за стола.

– Стоять! – Рывкнул Ферзен, стукнув кулаком по столу. – Что ты там сказал про мою дочь, щенок?!

Сейчас он был даже не главой вуза, а зверем куда страшнее – любящим родителем.

– Говорю, что Александра Ферзен моя знакомая. – Поднялся на него хмурый взгляд. – Не более того.

– Если с ней хоть что-то... – Пророкотал он, комкая скатерть в кулаке.

– Все у нее будет хорошо, – вновь прижал к полу его эмоции холодный тон. – Никто не тронет.

– Откуда ты ее знаешь? – Сглотнув комок из ярости и злости, ректор предпочел прислушаться к чутью и поумерить тон.

– Саша работает на моем канале. – Видимо, убедившись, что старик не сорвется на него с кулаками, Самойлов стукнул пару раз ребром папки о стол, выравнивая бумаги.

– Лжешь! Это канал князей Долгоруких!

– Долгорукого Игоря, угу, – вздохнул парень, с грустью взглянув на циферблат своих часов.

Ректор невольно повторил его движение – уже на три минуты больше, чем планировалось. А нервов выжгло – на целые месяцы.

– Только я не вру, но вам это будет проверить еще сложнее, – потер он задумчиво переносицу и повернулся к двери. – Спросите у дочери, ей вы

наверняка поверите.

– Пойдите, – не удержался Ферзен от оклика, стоило парню уверенно двинуться на выход. – А... Карьера Александры?

Он просто хотел услышать ответ, неважно какой. Пусть будет плохим, это уже не испортит день – но даст железное обоснование вернуть дочь обратно, прямо сейчас. Предварив звонком и обязательно – личным визитом. Отчего-то про владельца канала верилось. Хотя и быть такого не могло, что представитель славного рода Долгоруких на кого-то мог работать!... Вернее, Александр Ефремович раньше не встречал никого, кто соответствовал бы такой невообразимой начальственной должности.

– Пять лет счастья завершены. – Задержался юноша, с полной серьезностью посмотрев на него. – Я не собирался и не собираюсь забирать у вас ничего. Не стану возвращать обратно, как великую милость, и требовать за это платы. Всем вам придется жить дальше, с тем, что имеете, и с теми силами, что при вас.

– То есть... – заволновался ректор за дочь.

– Роли перестанут падать с неба, если говорить условно. – Пожал тот плечами. – Но все, что она заработает сама, своим талантом и трудом – никто не отнимет. Даю слово. Она способная, я вас уверяю. Лет через десять, вот увидите...

– Мы не могли бы вернуться к столу? – Дала трещину воля пожилого человека.

Десять лет – это много. Для юной звезды потом будет уже старость и четвертый десяток лет...

Поэтому сейчас, вернув Самойлова и вновь сев с ним за стол, Ферзен был готов подписать любую бумагу.

Но медлил, с тоской ощущая собственное бессилие над событиями, желая их хотя бы немного отдалить. Например, хотя бы соблюсти церемониал от начала до самого конца – принять его в вуз... Изобразить в своем воображении экзаменационные вопросы и ответы на них... Словом, совершить весь этот фарс для себя лично, чтобы утихомирить разболевшуюся совесть. Ведь есть же экстерн, верно? Для гениев... Этот был определенно гений, пусть талант его был предгрозовой тьмой, от которой хотелось сбежать или отвести от себя и близких в сторону.

– Итак, Самойлов Максим, – скрывая волнение, начал Александр Ефремович, перебрав папку с бумагами юноши и положив перед собой школьные аттестаты, характеристику и заявление на поступление. – Завершил школу номер сто пять. Оценки превосходные, – распахнул он красную книжку аттестата за одиннадцатый класс.

Уже – неплохо. Уже не придется мучать себя тем, что подписал диплом бездарности.

– Аттестат за девятый, для сравнения. Хм-м. «Восемь» по русскому языку? – Невольно поднял ректор брови и посмотрел на Максима.

А тот – о удивление! – изволил проявить смущение!

– Это досадная техническая ошибка, – отвел юноша взгляд в сторону. – Вы понимаете, базы данных, электроника... Там должно было быть пять с плюсом.

– Плюс в аттестат не проставляется. – С некой веселостью отреагировал ректор на эмоции Самойлова.

Вернее – с облегчением от соответствия поведения гостя возрасту! Мальчишка, странный, опасный – но мальчишка! Человек!!!

– Кто ж знал? – Пробурчал тот и поднял ладони вверх. – Уверяю вас, просто недоразумение.

– Допустим, – хмыкнул Александр Ефремович и переложил документ с характеристикой наверх. – Так... «Теперь это ваша проблема». – Вновь взмыли брови вверх от удивления.

– Разрешите посмотреть? – Возмутился юноша и приподнялся на месте, довольно споро, судя по движению зрачков, читая текст вверх ногами. – Нет такого!

– Так вот же, если позволите. – Начал чтение ректор, указывая кончиком ручки на заглавные буквы предложений. – «Терпелив и внимателен к учебе. Если требуется помощь другу – непременно окажет. Положительно показал себя в видах спорта... Ежегодно...».

– Достаточно, – нахмурился Самойлов и откинулся на спинку стула. – А я им теплоход подарил...

– Не стал забирать? – Едко уточнил ректор.

– И это тоже. – Вздохнул юноша и махнул рукой на документы. – Ладно. Давайте сделаем так, чтобы эта проблема перестала быть вашей, – чуть грустно произнес он.

Александр Ефремович внимательно посмотрел на гостя по ту сторону стола. Пожалуй, у него были причины ненавидеть Самойлова. Определенно, находились поводы опасаться и избегать. Да и в целом, вся эта беседа, от ее начала до сей минуты – не имела в себе ни малейшей крупинки для того, чтобы испытывать к парню хоть малейшие положительные эмоции. Но было что-то в последней фразе, отчего Ферзен неожиданно для себя обнаружил сочувствие.

А еще – желание разобраться в некоторой нестыковке, в несоответствии размаха замысла, возраста гостя, ожидаемых дивидендов...

– Скажите, – замерев с ручкой над приказом о выдаче диплома, решился поинтересоваться Александр Ефремович. – Зачем вам это все? Все эти траты, манипуляции, – внимательно смотрел он на собеседника. – Неужели было не проще завершить заочно?

– Видите ли, – после некоторой задумчивой паузы, вздохнули с того края стола. – Есть у меня одна книжка... – Из укладки папки, самого ее низа, показался добротно прошитый кожаный переплет, размером в тетрадь.

Судя по характерным полоскам, внутри и была обычная тетрадь в клетку, отчего-то украшенная и защищённая столь дорого и надежно.

– Вернее, свод правил, – еще раз вздохнул юноша. – Свод, которого я обязан придерживаться, пока не завершу очное отделение имперского университета.

– Позвольте поинтересоваться, а кто составитель этого документа? – Осторожно задал вопрос Ферзен.

– Один человек, – сухо отозвался Самойлов.

Не отец, не дед... Ведь просто «человеком» не назовешь родного... Странно и довольно сильно будоражит любопытство.

– Еще раз прошу прощения за назойливость, этот человек был вам важен?

– Он за меня как-то умер. Чудом остался жив. Вернее... Она.

К его удивлению, гость пошел на откровенность. А значит, он может задать еще один вопрос?..

– Смею полагать, она желала вам самого лучшего, вручая этот свод правил?

– Именно так.

– Как считаете, вот это условие по завершению очного отделения университета... Оно содержало в себе доброе пожелание?

– Безусловно, – автоматически вымолвил юноша.

– Можем ли мы сойтись на мысли, что в очном обучении, год за годом, от экзамена к экзамену, она видела для вас пользу?

– Допустим, – уже настороженно вымолвил Самойлов.

– Не ради корочки, а для самих знаний и процесса их получения, поставлены условия. – Подводил Ферзен его к мысли.

Правильной, единственно верной мысли, принятие истинности которой поможет и юноше и если повезет, то и ему...

– Вы не понимаете, я не успеваю. – Взорвался раздраженной эмоцией Самойлов. – У меня два контейнеровоза застряли на границе, фуры стоят под Орлом, а мороженое тает!

– Тогда вам точно следует получить нормальное высшее образование. – решительно постановил Ферзен.

– Но где я найду столько времени!

– Неужели у вас нет подчиненных? – удивился ректор.

– Есть, как и проблемы от их ведения дел. – Парень выложил на стол три простеньких кнопочных сотовых телефона, один из которых мерцал вызовом в беззвучном режиме. – Первый – это проблемы, которые требуют незамедлительного решения. Как вы видите, – демонстративно указал он на иллюминацию звонка. – Проблемы есть всегда.

– А второй телефон, простите за назойливость?

– Катастрофа.

Словно уловив внимание к себе, телефон вжикнул вибровывозом.

Впрочем, сам Самойлов позволил себе только досадливо поморщиться, но не стал бестактно прерывать беседу на вызов.

– Не будете отвечать? – С опаской посмотрел на аппарат ректор.

– Сегодня это не моя катастрофа, – равнодушно отмахнулся юноша.

Любопытство подсказывало уточнить характер катастрофы и ее владельца, но Ферзен удержался.

– Третий телефон? – Поднял взгляд на гостя ректор.

– Семья. Редко тревожат, только когда действительно важно.

– Семья – это всегда важно, – веско отметил Александр Ефремович. – Что будет, если вы не снимете трубку?

– Убытки.

– Давно вы работаете на первые два телефона? – С сочувствием уточнил ректор.

– Я работаю на себя. – Отреагировали непониманием с того края стола.

– Тогда почему они не дают вам получить нормальное образование? Они перестанут платить вам деньги и вы помрете от голода?

Юноша, к удивлению ректора, не стал спорить, а просто задумчиво посмотрел на одинаковый пластик сотовых.

– Ваш фонд, все эти квартиры, машины и гонорары... Вы настолько дорого оценили пять лет свободы от университета. Я удивлен, что у вас не хватает средств заплатить за свою свободу от чужих ошибок.

– Это довольно дорогие ошибки, – поднял Самойлов взгляд.

– Но не смертельные, верно? Купите себе молодость и образование, юноша. Пусть финансовые потери будут тому платой, но взамен вы наверняка обретете знания, как их избежать в будущем и уберечь подчиненных.

– Наверное, вы правы, – подумав, гость взял в руки первый телефон и отключил его. – Если долго не отвечать, эти проблемы решаются сами собой. Не так хорошо, но решаются. – Будто уговаривал он себя.

– Вот видите! – Даже обрадованно всплеснул руками ректор.

– Образование нужно получить, – теперь Самойлов смотрел на свой «свод правил». – Если она этого хотела, то так будет правильно.

– Я рад, что мы вместе пришли к этому решению. – Довольно улыбнулся Александр Ефремович. – Только у меня к вам будет одна просьба. – Завершил он, стараясь не выдать дрожь в голосе.

– Если в моих силах, – кивнул парень.

– Поступайте куда угодно, но не в мой университет, – убрав улыбку, смотрел на него ректор. – Езжайте в Москву, мой вам совет. Там таких, как вы, много.

– Таких, как я? – Нейтрально уточнил юноша, вновь глядя равнодушным взглядом надвигающейся грозы.

Но ректора уже было не остановить.

– Вы чудовище, – Сбился он на гневную дрожь. – И я не хочу, чтобы такое чудовище училось в моих стенах, среди моих чистых и наивных учеников! Езжайте к таким же монстрам, как вы сам!!!

Напряжение в установившейся тишине ощущалось туго натянутым тросом, готовым разорваться. И горе тому, кто окажется рядом.

– Не был бы я, как вы говорите, чудовищем, стал бы кто со мной разговаривать, – устало провел Самойлов ладонями по лицу.

А Александр Ефремович ощутил, что может осторожно и тихонечко выдохнуть.

Вскоре дверь за гостем закрылась, оставив ректора с мыслями о том, что неплохо бы завершить рабочий день прямо сейчас. Накатить для успокоения нервов и прогуляться пешком до дома. Заслужил – хотя бы тем, что не дал совершиться тому, за что долгие годы грызла бы совесть... А дочка – получит блестящую карьеру, сама и честно. Ферзен так захотел, а Самойлов напоследок пообещал сломать ноги любому, кто захочет поставить ей подножку. Ну, тоже приятный компромисс между собственной честью и осознанием прагматичной реальности...

За окном немелодично зашумел двигатель Опеля, ушедшего на разворот. Следом за ним отъехала одна машина сопровождения. Вторая, отчего-то, не торопилась продолжать путь – напротив, из задней дверцы показался кряжистый человек в строгом пиджаке, застегнутом на белой рубашке без галстука. Он мельком оглянулся в сторону отбывших машин и тут же направился к двери кафетерия.

– Забыл что-то? – Вслух произнес ректор.

Огляделся – и действительно, один из телефонов Максима остался на столе. Но, при этом Ферзен отчетливо помнил, как все три телефона, фигурировавших в беседе, отправились обратно Самойлову в карман...

– Александр Ефремович? – Уточнил вошедший мужчина, стоя возле столика.

Был он основателен, собран и уверен в себе. Возрастом за пятый десяток лет – но судя по бицепсам, проступающим под складками рукавов, явно задержится в этом облике до семидесяти – восьмидесяти лет. Слегка полноватая фигура, правда, выдавала сидячую работу, явно составляющую большую часть рабочего дня в последние годы. Дополняли образ след перелома на носу, грубая кожа лица и слегка поломанные уши. Внешность борца, а если добавить осанку – то человека, имеющего определенное отношение ко службе. Только взгляд какой-то странный, блеклый, гуляющий будто – никак не удавалось его поймать. Будто смотрит через человека, чуть выше переносицы.

– Да, вот, – указал ректор подбородком на телефон у края стола и принялся выглядывать администратора.

Все же мысль о коньячке и завершении рабочего дня оформилась.

– Разрешите представиться, Борис Игнатьевич. Полковник имперской стражи, – достав из внутреннего кармана и махнув на мгновение раскрытым удостоверением, в котором почудилось слово «генерал», с шумом отодвинул мужчина стул и сел напротив, сцепив руки в замок и положив их на стол. По телефону он лишь скользнул взглядом, проигнорировав. – Как полагаю, вы уже познакомились с нашим... опекаемым?

– Простите, что? – Не расслышал Ферзен, с удивлением вглядываясь в собеседника.

– Беспокоиться не о чем. Вы не первый, кого этот молодой человек запугивает и шантажирует, вынуждая нарушать закон. Нам приходится сопровождать этого негодяя, оберегая спокойствие честных граждан. Сейчас мы зафиксируем ваши показания, и он безусловно направится за решетку. – Вернув удостоверение обратно в пиджак, полковник демонстративно достал оттуда же крохотный диктофон и положил на стол.

– Да о чем вы вообще?!

– Вам совершенно незачем беспокоиться. – Успокаивающе поднял ладони Борис Игнатьевич. – Вы находились под давлением и являетесь свидетелем, а не соучастником. Особенно, пока сотрудничаете со следствием, – включил он прибор и чуть переместил его поближе к центру

стола. – О чем вы с ним говорили?

– Я категорически не понимаю...

Громко прозвенела мелодия «забытого» телефона, прерывая нервную беседу. Полковник выжидательно посмотрел на ректора, а ректор – на него, а затем растерянно на окно, будто Самойлов должен там обнаружиться. И только посмотрев на аппарат и заметив имя абонента, ректор взял его в руки. Звонил «Ответьте, будьте так любезны».

Подняв трубку и выслушав пару фраз, Ферзен протянул аппарат через стол.

– Тут вам хотят напомнить о том, что у вас осталось четыре дня.

Полковник заторможено принял трубку, приложил ее к уху. А затем смял хрупкий пластик могучей ладонью. Громко вздохнул и медленно выдохнул, откладывая обломки аппарата в сторону.

– Итак, Александр Ефремович, что этот человек от вас требовал?

– Ничего. – Сложил руки на груди ректор.

– Молчите... Все молчат. Вы понимаете, что этот... останется на свободе из-за вас? Мы бессильны без вашей помощи!

– Вся государственная машина, институт расследования и дознания? – Скептически приподнял бровь Ферзен.

– Вы представить не можете, какие у него покровители! – Поднял голос Борис Игнатьевич, но тут же перешел на куда более мягкий тон. – Но вы под защитой государя, вам незачем бояться. – Вкрадчиво увещевал полковник и продолжил после многозначительной паузы, демонстративно выключив диктофон. – Просто скажите, что он замыслил на этот раз?

– Я скажу, что Максим будет делать, – ответил Александр Ефремович, глядя в вспыхнувшие злорадством и радостью глаза.

Может быть, Самойлов был чудовищем.

– Он будет учиться, – с железной уверенностью продолжил ректор.

Но, пожалуй, это было самое правильное чудовище в мире.

Глава 2

Клацнула крышка телефона, выщелкнулся аккумулятор, а вслед за ним – сим-карта. Небольшой ящик, до того зафиксированный под автомобильным креслом, проглотил останки телефона, сыто щелкнув плотной пластиковой крышкой с двумя клавишами и таймером на ней. Включить на пару минут, и все электронное с гарантией обратится бесполезным куском кремния.

– Где-нибудь возле урны притормози, – бросил я взгляд в сторону водительского сидения.

– А где «пожалуйста»? – буркнула сестра, демонстративно вздохнув на эдакую бестактность.

– Пожалуйста, – терпеливо произнес, развернувшись к багажнику и подтягивая габаритный пакет с угловатыми ящиками внутри.

Движение, и в руках коробка с новым телефоном, абсолютно таким же, как и прежние. Только партия разная, как и город приобретения. Обычный кнопочный, дешевый, надежный, с солидной батареей, которую мы сейчас установим, сняв изоляционные наклейки с клемм. Сим-карта там же, в коробке – оформлена на мелкую фирму-однодневку где-то во Владивостоке. Но тариф международный и предоплаченный, так что никого это не волнует.

Осталось отбить смс на короткий номер, добавив пару дополнительных цифр вместе с кодовым словом, и телефон вновь подключен к информационной системе.

– Система Проблем и Катастроф, – невольно вырвалось, стоило экрану засветиться входящим вызовом.

– Школу вспоминаешь? – Отозвалась Тоня, с серьезной моськой выруливая на соседнюю полосу.

Половину дороги заняла дорожная бригада, занятая крайне важным делом – превращением круглых дыр на асфальте в квадратные.

– Вспоминал десятком минут раньше. Хочешь посмотреть, как теплоход тонет?

– Не особо. У нас поход перед первым сентября на нем. – Мельком глянул на меня встревоженный взгляд через центральное зеркало. – Что-то не так?

– Характеристику испортили, – пожаловался сестре. – И что я им сделал?.. Эй, что за тишина? Где родственная поддержка? – Возмутился я,

когда пауза затянулась.

– Вспоминала, что ты им сделал.

– Но хороших дел...

– Тихо! Я еще не все вспомнила! – Шикнула она.

– В следующий раз с Катей поеду, – строго постановил, налагая санкции на Тоню в пользу сестры.

Им, близнецам, по тринадцать, и водить без присмотра старших не положено. Раньше уговаривали отца сесть за руль, а как я получил права, то стали категорично требовать от меня того же. Иногда отказаться не удавалось, потому что в обмен предлагались вовсе немыслимые ценности – вроде мытья посуды на месяц вперед или выгула Брунгильды в пятом часу утра.

С собакой бегать нравилось, но делать это одновременно с деловыми разговорами, на ходу – означало высокий шанс испугать собаку грозным тоном и мчаться потом за ней под тридцать километров в час, пытаясь успокоить. А потом успокаивать тех, у кого прихватило сердце от вида несущегося им навстречу четырехлапого монстра. Брунгильда – собака габаритная. Где-то даже волшебная, если учесть съеденное еще щенком кольцо Силы, которое извлекли только через год, когда игривая Бруня принесла в зубах задний бампер от убежавшей машины, и папа заподозрил что-то неладное. Бегать за бамперами отучили, но мчаться на выгуле – есть суть собачьей природы, и участковому, со всеми его жалобами, по сей день приходится довольствоваться этим фактом.

– Мой брат не станет манипулировать любовью к вождению! Мой брат – самый лучший на земле! – Попыхтев от возмущения, выдала Тоня, вполне разумно пытаясь замирииться.

– Вот.

– И не важно, что он взорвал школу! Он все равно для нас пример!

– Это было давно и неправда. И я извинился. И так делать не хорошо, – буркнул, скармливая второй использованный телефон системе очистки.

В современном мире, со всей его техникой и системами контроля, крайне вредно звонить из заведомо известного противнику места. После такого полезно менять телефоны и номера, иначе в любых последующих разговорах будет как минимум три участника.

А насчет школы – всего лишь вскрыл перекрытие, добираясь до сервера со школьными отметками. Ну, переборщил немного, но стена ведь не несущая. Тем более, все потом аккуратно зашпатлевал обратно, а свидетелей ночному происшествию не было. В общем, если бы не

«восемь» по русскому, образовавшегося из-за ошибочной прибавки «пяти с плюсом» к «тройке», никто бы и не догадался.

Машина вильнула к тротуару на остановке, притормозив так, чтобы остатки телефонов можно было выбросить метким броском в корзину с мусором, и резко дернула с места, под визг шин вклинившись во вторую полосу.

Разумно удержался от комментария вождению, спасая язык. Глянул назад – один из джипов тут же прижался к остановке, на пару секунд опередив молодого человека в шортах и майке, первым разглядевшего ценный хлам. А вот второй джип, уже догнавший нас в медлительном потоке, продолжил преследование. Один, конечно, не два, но сбросить такой хвост у Тони наглости вождения не хватит. Так что пусть себе ползет следом. Скоро эта проблема решится сама собой. Через четыре дня, если быть точным.

– Что у нас сегодня по графику? – Перевел я разговор.

– Тебя бросает девушка.

– Отлично, – откинулся я на кресло машины, с некоторой обескураженностью постучав пальцами по коже сидения. – Информация достоверная?

– Мы, между прочим, не просто так «А» класс! А – аналитика! – Важно заключила сестра.

– Ну, вы только восьмой, – усомнился я.

– Тебе ее финальную речь дать почитать? Гарантирую совпадение на восемьдесят процентов! Спорим? – Азартно повернулась Тоня.

– На дорогу смотри.

– Ой, – пискнула она, оттормаживаясь перед безликим микроавтобусом мелкой фирмочки по ремонту сельхозтехники.

А потом и вовсе вдавила педаль тормоза, когда машина впереди встала. Резко прозвучал клаксон нашего авто под неодобрительные слова Тони.

– Чтобы такого я от тебя не слышал. Дома язык с мылом помоешь. – Одернул сестру, и на всякий отцепил свой ремень безопасности.

– Но... – заканючила она.

– Кольца активируй сейчас же. – Оборвал я, заметив, как распахнулась откатная дверь фургончика.

Капризы кончились моментально, а от Тони по салону повеяло волной Силы, еще не оформившейся в видимую форму защитных щитов, но уже готовую принять любой удар.

– Отбой, – выдохнул я напряжение, стоило разглядеть парня,

вышагнувшего на асфальт.

Как-то неправильно на него лето действует. Солнышко, витамин «Д» – это я понимаю, но если сравнить нынешнего Артема Шуйского с тем щуплым пареньком, которым он был в первый день нашей встречи, выходило, что распирает его раза в полтора за год. В общем, если быть объективным, Артем не вышагнул из минивэна, а выкарабкался из него. Стянул с себя.

А затем жизнерадостным прямоугольным объектом, два метра диагональю, зашагал к нашей машине, распугивая машины со второй полосы.

Был он одет в пеструю майку, будто сшитую из государственного флага какой-то африканской республики, снятого собственноручно с флагштока перед тамошним правительством. Две разросшиеся пальмы ног прикрывали белоснежные шорты, а сандалии казались разорванными внутренним давлением кедами. Ну и, конечно же – улыбка, искренняя и чистая, чтобы горожане от такой харизмы не стали разбегаться в разные стороны.

– Превед, медвед.

– Привет, – спотыкнулся он заготовленной фразой и наклонился к окошку. – Ты почему трубку не берешь?

– Здравствуйте, – ангелочком пропела Тоня.

– Привет! – Отреагировал на нее Артем, ослепив отраженным от зубов солнечным светом. – У тебя сегодня крутой водитель, а?

– Ага. Правила соблюдает, посередине дороги не встает.

– Слушай, мы тебя еле в городе отыскали, – с укоризной отреагировал он. – Всех постовых подняли, чуть ли не план перехват. А у тебя вон, телефон вызовом мерцает. Почему не отвечаешь?

– Я тебя в последний раз видел два года назад, – Повернулся я по направлению движения машины и добавил холодно. – И ты был очень занят для меня.

– Максим! – Жалобно простонала крыша Опеля от возмущенного движения руки Артема. – Дался тебе этот момент!

– Это был очень важный хоккейный матч, и ты должен был стоять на воротах!

– Да я в эти ворота еле залазил!

– Ты был идеален для этой миссии, – согласно кивнул я. – Без тебя, мы чуть не проиграли.

– Так, стоп! – Поднял он руки. – Но не проиграли ведь, верно?

– Да, без тебя.

– Так в чем дело?!

– Вы тоже справитесь без меня.

– Да там твой родственник в аэропорт приехал! – Воскликнул Артем, теряя терпение. – Рухнул с неба на взлетку без разрешения, попробуй его выкинь теперь, «виртуоза» чернобородого! У нас аврал, эвакуация! Сорок рейсов возвращены, две тысячи человек кое-как устроили по всем гостиницам!!!

Мимо, объезжая нас, пытались прислушиваться к экспрессивной речи другие водители, но неведомо откуда взявшийся регулировщик быстро оживил движение. Даже двух наших попутчиков на джипах тоже прогнали вперед.

– Грустно вам. – Покачал я головой.

– Да он тебя требует, Максим! Тре-бу-ет! У меня в княжестве!!! – Чуть ли не рычал Артем, от гнева сжав ладони в кулаки.

– Совсем грустно. Сочувствую.

– Да есть в тебе хоть капля понимания?! – Посмотрел он хмуро, вновь кладя лапищу свою на крышу машины. Сталь ощутимо прогнулась, но убирать руку он не стал.

Я бы, наверное, предложил ему присесть, если бы хотел. Но так – была дружба, а стало «я занят» и «я очень сильно занят», быстро сменившееся в «Артема нет» голосом камердинера. Отец говорил что-то про его статус, а по мне так – статус друга, он всегда выше.

– А ты мне прикажи? – Холодно предложил я ему.

Вообще, может. На его земле живем, хоть и присягу не давали. Под его защитой стоит дом. Правда, я спас ему жизнь, но за это они уже откупились парой построек и княжеским самолетом с бесконечным топливом.

– Ты сам-то как? – После паузы и досадливого закусывания губы, обратился он.

– С универом не получилось. На работе проблемы. Девушка бросает. Тонь, точно бросает?

– Ага.

– Вот. Как выпускной? – Не дал я ему время проявить эмоции.

– Да там, – махнул он рукой, глядя на дорогу. – В лес пошли, до родников. Все клещей наловили – слезы, сопли, истерика, предсмертные признания в любви. Никакой водки не надо, полный комплект. Вообще по лесу ходить не умеют. А у вас?

– Ресторан хотели нанять, так в последний час решили на теплоходе. Удачно вышло, на первом этаже здания в тот вечер сберкассу грабили, в зале людей постреляли.

– Да, слышал. Ищут гадов, обязательно найдут.

Я чуть наклонился вперед, выглядывая черные джипы. Недалеко, возле магазинной парковки перед поворотом стоят.

– Остается пожелать удачи.

– С университетом помочь? – Искренне, как показалось, спросил Артем.

– Нет, в Москву поеду. Три дня, чтобы документы подать. Успеваю.

– А может и правильно, – согласился он. – Я бы, веришь, сам махнул. От этого всего, – указал он на город. – Хотя бы лет на пять.

– Сложно это, дорого. – Посочувствовал уже искренне.

Ведь его бизнес – размером в княжество. И тут даже не две тревожные трубки вводить надо, а даже не знаю, как и быть.

– Но у тебя же получилось? – Неожиданно произнес Артем.

– У меня в аэропорту не сидит непонятно кто.

– Ой, не трави душу. Ладно, не бери в голову. Разберемся, – вздохнул он. – Извини, что попытался тебя в это дело притянуть. Я ведь понимаю...

Для Артема вовсе не секрет, что у меня есть только одни родственники – те, что живут в моем доме. Иные, кто считают меня своим вне моей воли, мне чужие. И мне все равно, что они там хотят.

Но, откровенно говоря, любопытно, для чего нужно делать из нашей встречи шоу на всю страну. Даже настолько любопытно, что...

– Артем.

– А? – Повернулся к нам уже отошедший к своей машине парень.

Мелькнула на секунду надежда. А может – просто вера в меня.

– Заеду в аэропорт на пару минут.

– Спасибо!

– А вы не могли бы этих дяденек не пускать за нами? – Похлопала ресницами Тоня, указывая Артему на джипы.

– Это кто? – Сурово спросил Артем, прицениваясь к объектам. – Обижают? Хамят?

– Трогать не надо. – Пресек я самодеятельность сестры. – Люди на службе, документы в порядке.

– Как они появились, Максим дельфинов к Шуваловым отправил, – все же поделилась горестью сестра. – В школу через секретный ход ходим.

– Максим? – Внимательно посмотрел на меня Шуйский.

– Это не проблема, – успокоил я его. – Верь мне.

– Допустим, – осторожно кивнул он.

– Удачи, – попрощался я, велев Тоне выруливать за город, к аэропорту.

– Мы закроем дороги всем, кроме вас, – наклонился напоследок к

окошку Артем и шагнул вбок, занимая для нас вторую полосу.

Вышло очень удобно. По эффективности регулирования движения, пожалуй, я бы поставил его в рейтинге на первое место, прямо перед бетонным блоком. Потому что если кто-то в бетонный блок врежется, тот не даст сдачи.

– Максим, – тихо спросила сестра, когда мы проехали парковку магазина, и черные внедорожники снова пристроились за нами. – А все-таки кто это?

– Это те, кто уже упал, но отчаянно пытается вылезти из закрытой банки.

Глава 3

Громада международного терминала застыла на конце длинной дороги, будто не приближаясь, не смотря на мелькавшие по сторонам столбики километровых отметок. Вокруг – скошенное поле травы, редкие ленты высоких деревьев, останавливающих разогнавшийся ветер. На трассе никого, кроме нас – преследователей остановил блокпост на повороте. Те, как я успел заметить, пытались отмахнуться от постовых красными корочками, но вместо этого дорогу им заградил БТР охранения, встав на все три полосы движения к аэропорту, а документы унесли на проверку. Ничего незаконного, в самом деле – свяжутся с отделением внутренней стражи в княжестве, проверят, извинятся и, козырнув, пожелают счастливого пути. Но к этому времени мы вернемся.

Тоня выжимала максимум из машины, уронив стрелку спидометра вправо, но скорость ощущалась так себе. Наверное, если открыть окна, то ворвавшийся ветер подсказал бы, каково это – под две сотни километров в час, однако я запретил. Да и погода изрядно испортилась, собираясь грозowymi тучами над головой.

– Снижай скорость, – попросил я, заметив первую каплю дождя, тонкой полоской разлетевшегося по дверному стеклу.

Машина послушно сбросила газ. И, будто дождавшись этого, силуэт аэропорта скачком стал ближе. Много стали и зеркального стекла, ныне тусклого из-за нависавших над ним темных облаков. Силуэты самолетов, крошечных на фоне терминала, пустые прямоугольники гостевых парковок, алые капли пожарных машин и скорых. Некоторое скопление автомобилей у самого входа, заехавших по бордюру прямо к стеклянным дверям.

– Нам к ним? – скорее утверждая, произнесла Тоня, глянув на меня в центральное зеркало.

Подтвердил ей коротким кивком, бросив взгляд на «рабочий» телефон, выключенный после недавнего разговора. Сложно удержаться и не включить, вновь встав в центр всех решений и ответственности. Тут даже не работа, не бесстрастные цифры, отсчитывающие прибыли и убытки на расчетных счетах, а ощущение заботы за выстроенное самим собой. Наверное, с некоторых пор действительно избыточное. Справятся, выдержат, пойдут дальше и шагнут на новую высоту, иначе какой из меня руководитель, если бы все дышало только одновременно со мной, думало только моими мыслями. Надеюсь, через пять лет мне достанется гордость

за них, а не сожаление, что выбрал не тех и поставил не на то. Уверен, что будет только гордость.

Кризисный телефон тоже молчит, Шуйские уже в курсе. Артем, конечно, не хозяин тут всему – над ним есть отец. Но решают и думают они семьей, высказывая свой гнев и свое «я» за всех вместе. Если позволить себе немного гордыни, вполне может получиться, что именно из-за меня Артем упросил отца не вышвыривать нежданного гостя, всякий раз пытаюсь ко мне дозвониться. Просто потому, что тот приехал ко мне.

А они могут вышвырнуть кого угодно, скорее, даже должны были так сделать для поддержания своего статуса и чести. Не смотря на то, что в результате этого скорее всего придется отстраивать новый терминал. «Виртуоз» стихии огня – это очень много разлитого солнца по бетону взлетных полос, по этажам терминала, по его крыше и в воздухе вокруг. Солнца, что не радует мягким теплом и бежевым светом, но плавит до черной пыли. Эту стихию практикует Амир, названный брат моего биологического отца. Других чернобородых виртуозов я среди той семьи не помню. Разве что дед решит сменить облик, как он это умеет... Но тогда Шуйским действительно лучше договариваться.

Так получилось, что своего отца я не знаю вообще, а деда – единственного, с кем из рода знаком лично – впервые встретил четыре года назад, когда тот устроился в нашу семью преподавателем, под чужим именем и личиной. Невысокий старик с умными глазами и располагающей улыбкой, бороздами импозантных морщин на лбу и длинными пальцами пианиста, он представлял собой образец честности и профессионализма, компетентности и еще десятка восхваляющих слов, благодаря соответствию которым ему передали заботу о доме (вместе с повышением оклада) и стали пускать за общий стол, внимательно прислушиваясь к советам.

После ряда важных событий в моей жизни, я выяснил, что мое желание называть его дедом совпадает с реальностью, данной от рождения. То, что он может быть частью довольно известной фамилии, не тревожило – ведь в цепочке родства той семьи больше тысячи человек, и она точно не обеднеет, если дед станет частью нашей.

Узнал же я, кто он на самом деле, тремя месяцами позже, после его стремительного отъезда «по делам». Узнал из новостной передачи.

Надо сказать, деду очень шел строгий костюм с серебряным шитьем, мрачным алым гербом у сердца и тяжелой золотой цепью поверх груди. Пожать руку старому князю Юсупову, «вернувшемуся из долгого путешествия», выстроилась целая очередь из желающих, умудряясь даже

при солидном росте заглядывать снизу вверх в глаза не самому высокому человеку, в поисках его внимания и милости. А говорили, что он погиб давным-давно...

Передачу в нашем доме смотрел не я один.

Этим же вечером, все его вещи в доме были собраны отцом и высланы в ближайшее представительство Юсуповых, вместе с запиской о расторжении контракта, тщательно подсчитанной суммой полагающихся отступных и требованием никогда более не появляться на пороге нашего дома.

Моя нынешняя семья стала таковой пять лет назад. Хорошая семья из папы Михаила, отличного мастера-ювелира и великого сердца человека; веселых и никогда не унывающих сестер-близняшек Тони и Кати, начинающих аналитиков и автокаскадеров; самого лучшего на свете брата Федора, настоящего и будущего гения артефакторики. Одновременно с этим, моя семья очень скромна и вовсе не требует от мира чего-то особенного. Счастье для них – просто в том, чтобы не падали с неба снаряды, а соседние дома не горели в огне. Нет семьи более жизнерадостной и веселой, чем мои новые родичи в последние пять лет.

Пять лет и два месяца назад, те снаряды, которых боится Федор, которые сняты по ночам сестрам и что разрушили старый дом отца, посылались по слову князей Юсуповых.

Только вот в те времена «могиле» деда уже было с два десятка лет, и никакие новостные издания, даже самые желтые, не сомневались в его смерти от старости. Выходит, не было его вины в той войне? Семья считала иначе, а я теперь – часть семьи.

Следующим днем, дед стоял у калитки за воротами, не замечая льющегося с небес дождя и заходящейся громом грозы. В том же самом костюме виденном по телевидению, перед черным лимузином, с распахнутой задней дверцей, он требовал от отца меня. Было не похоже, что просто поговорить.

Папа Михаил тоже стоял под дождем, по нашу сторону забора, и чуть наклонив голову, звучно поцокивал тяжелыми зачарованными перстнями на пальцах рук. Он уже успел ему отказать.

Между ними, на металле ограды, был охранный знак княжества Шуйских – в знак того, что никто не смеет угрожать этому дому без гнева хозяина окрестных земель. За спиной отца, над дверью, тускло смотрелась охранный калита Древичей – символ защиты дома могучим и закрытым воинским объединением. Для кого-то иного – достойные знаки судьбы, чтобы развернуться и молча уйти. Но дед не из их числа.

– Уходи. – для этого слова мне все же пришлось выйти из дома к нему на встречу.

Дождь быстро пропитал рубашку и брюки, растрепал прическу и закапал с подбородка. Я стоял рядом с отцом, глядя на обретенного было, но навсегда потерянного деда.

– Пойдем со мной, – надавил Юсупов голосом и протянул ко мне руку. – Я отведу тебя к отцу, матери и сестре.

Я отрицательно повел головой. Потому что семья – она тут. Даже дед – и тот мог бы стать настоящим дедом, принятым в семью. Но для этого ему не следовало возвращать старую фамилию.

Небеса вспыхнули сетками молний и взревели громом гнева человека, стоящего напротив.

– Тогда я заберу тебя сам. – Принял он решение и шагнул вперед.

Второй шаг он сделал по ярко освещенной солнцем траве. Даже шагнул третий, до того, как остановиться и недоуменно посмотреть в небеса над собой.

Там, где быстро расходились в стороны грозовые тучи, ведомые моей волей.

– Навсегда уходи, – отвернулся я от него и, бережно взяв отца за руку выше запястья, повел его обратно домой.

Когда мы дошли до калитки, позади хлопнула дверь лимузина, а шелест колес обозначил разворот машины.

Пять лет с тех пор прошло. Забыл ли дед про меня? Как видите, вспоминает иногда.

Авто лихо забралось на бордюр и подкатило ко главному входу. К машине тут же метнулся мужчина лет тридцати, с видом озабоченным и обрадованным, будто все его проблемы сейчас же будут решены. На его белой рубашке красовался бейджик с эмблемой аэропорта и неопределенной должностью «Старший супервизор» чуть ниже имени «Семен».

Дверь «опеля» с моей стороны попытались вежливо открыть и недоуменно посмотрели через окно, когда это не получилось.

– Медведь, блин, – проворчал я, тоже предприняв попытку распахнуть створку.

Заклинило, и тут явно замешана тяжелая рука моего товарища. Пришлось выбираться с другой стороны и смотреть на ненатурально-счастливую улыбку встречающего, в глазах которого уже было некое сомнение. Потому что спасение редко приезжает на потрепанном Опеле.

– Максим Михайлович? Очень рад, – заключил он мою ладонь в две

своих и энергично пожал. – «Гость» на втором этаже терминала, я вас лично провожу до эскалатора. – Открыл он дверь и ожидаючи посмотрел на меня.

Я же не торопился и внимательно осмотрел лица всех «встречающих» со стороны Шуйских, заглянул в окна их машин и неспешным шагом вернулся обратно. Никого из главных семей рода. Свита Артема, все до единого – охранение, консультанты, солдаты.

Остановился напротив Семена и приподнял бровь, ожидая комментариев.

Тот изрядно занервничал и упустил дверь в терминал, тут же распахнув ее вновь.

– Они же не внутри, верно? – и речь тут совсем не о гостях.

– До прибытия Старших рода сорок минут, – посмотрел он нервно на наручные часы.

– Значит, не будем медлить, – вздохнул я и обернулся к нашей машине. – Тоня, езжай-ка ты обратно, – посмотрел я на иссиня-черное небо над головой, в которое успела превратиться непогода с легким дождем.

– Что-то не так? – Тревожно спросила она, заводя-таки мотор.

– Все будет нормально. – С улыбкой попрощался я и зашагал внутрь терминала.

Перед Артемом надо будет извиниться. Может, даже ящик меда заказать, или что там ему нравится. Через сорок минут тут будет война – и будет она вне зависимости от того, есть я тут или нет. Потому что так правильно, когда на твою землю приходит чужак и не подчиняется твоим законам. Тут не до денег и возможного ущерба.

Но шанс поговорить друг мне подарил. Звонил, уговаривал, нашел в городе и приехал ко мне сам. Нужен ли он мне, этот шанс? С моего места не очевидно, но рядом с тронем Шуйских вид гораздо лучше.

Путь шел через гигантские залы, пустые и обесточенные. Кое-где остались чьи-то рюкзаки, нелепо замерли посередине зала тележки. Эскалаторы стоят, смотрят табло черными прямоугольниками со стен. Только аварийные выходы подсвечены тусклым красным светом автономных батареек.

– Нам налево, – обернулся на меня Семен и заспешил вдоль зеленой полосы на полу.

Поддавшись моменту, перешел на легкий бег, а сопровождающий будто того и ждал, тут же рванул еще быстрее. Необъятные пространства терминала уместились в десяток минут, а время до конца света в отдельно взятом месте уменьшилось на четверть.

– Вы уж как-нибудь... – Пытаясь отдышаться и с тревогой глядя внутрь второго этажа, замер Семен на вершине эскалатора. – Поговорите, а?

Речь, понятно, не о встрече и обмене слов.

Мне от Артема – шанс что-то услышать. Ему от меня – наверное – сохранение аэропорта и уважение от семьи за это. Только Артем рискует гораздо больше, потому как шансов на мирное решение не слишком-то и много. Для этого нужно, чтобы извинялись Юсуповы, а они это делать давно разучились. Но свое я наверняка получу или услышу.

– Поговорим, – согласно кивнул. – Попробуем.

Дальше я пошел один, выглядывая в секторах кресел неожиданных гостей. Нашел, минут через пять – на диванчике возле окна, лицом к свету.

Одинокая фигура восточной внешности в белоснежном европейском костюме и контрастирующей черной бородой, с декоративной тросточкой светлого металла. Все-таки, не дед.

Мельком оценил вид из окна – беготня по терминалу вывела нас на место над самым входом. Как на ладони видна магистраль до аэропорта, с замершим вдали «Опелем». Если приглядеться, где-то там точка блокпоста – и именно оттуда к аэропорту приедут хозяева этих земель, вершить закон и сравнивать тут все с землей.

– Я пришел, – вместо приветствия обозначил себя, встав поодаль и чуть сбоку от Амира, не загораживая ему вид.

Поговаривают, страшный человек, знающий любовь и милосердие только к своей семье. Но выглядит вполне обычно, лицо не хранит жутких шрамов, а руки, что на трости, чисты и ухожены. Впрочем, если есть знакомый Целитель, то внешний вид зависит только от настроения.

– Твой дед сказал передать тебе это, – неспешно запустил он руку во внутренний карман и достал плотный конверт с чем-то объемным внутри. – Кем бы ты себя не считал.

Чтобы забрать, шагнул ближе. А затем и вовсе присел рядом, с интересом просматривая документы, оказавшиеся внутри.

– Самойлов Максим, – открыл я чуть потрепанный паспорт, лежавший сверху. – Из мастеровых...

– Хочешь называться Самойловым – твой выбор. Называться простолюдином – тоже. – Оценил мою реакцию Амир, чуть скосив на меня взгляд. – Но родился ты у нас, в нашем княжестве, и так будет записано в твоём документе. – Постановил он мощным, хорошо поставленным голосом без намека на акцент.

– Тут написано, день рождение – сегодня? – Поднял я удивленный

взгляд.

– Это правда.

– Но – девятнадцать дет? – Усомнился я.

Совсем недавно праздновали семнадцать.

– Неправда, – согласился Амир. – Тебе семнадцать. Но эта неправда защитит твою мать и сестру. Тебе ведь все равно, верно?

– Как им – на меня.

– Некрасиво, – укорил он. – Не нужно так думать о семье.

– Я где-то не прав?

– Твоя сестра заботится о тебе. – Вздыхнул он. – С самого детства. Ты не знаешь этого, но в том твое счастье.

– Никогда ее не видел. – с равнодушием, слегка припорошенным любопытством, произнес я.

– Не старался. – Пристукнул он тростью о пол. – Дед к нему едет, он его с порога гонит...

– А мама? – Проигнорировал я ворчание.

– Виктория Павловна работает у вас? – Спросил он неожиданно.

– Английский вела до прошлого года. – Припомнил я автоматически знакомое имя.

– Вот. – Буднично постановил он.

А у меня холодная волна, прокатившаяся по телу, сменилась жаром, а затем недоверием и надеждой, в которой было намешано столько всего...

– Она? – Робко уточнил я.

Самая любимая учительница, так добро и с любовью улыбающаяся классу... Или только мне?

Не заметил, как кусаю губы и верчусь тревожно, не зная куда деть руки. Из эмоций – желание бежать в город. Да, она уже уехала, год назад, но остались фото в фойе школы. Память – крепка, но вдруг выветрилась хотя бы малость?

– Она. Не думай о семье плохо, – усмехнулся Амир. – Знаю, ты считаешь, твоя семья – тут. Это правда, но только часть ее. Теперь у тебя две семьи.

– Как я могу защитить мать и сестру? – Собрался я, обуздав эмоции. – Что им угрожает?

– Главная угроза – это ты. – Повернулся ко мне дальний родич. – Нельзя, чтобы вас считали родней. Опасно для них. Но ты – наш, и это тоже важно.

– Но, зачем тогда, – посмотрел я на документы, в которых не было намека на происхождение.

Даже город, улица и дом с квартирой – и те обыденные, просто находятся в княжестве Юсуповых.

– Самолеты, завернутые домой. Тысячи людей, которые не могут вылететь и прилететь. Не все из них, но самые важные и влиятельные спросят – почему? Что задержало и нарушило их планы, кто повинен? Те, кто обладают деньгами, узнают обо мне. Те, кто обладают властью и умом, об этой встрече. Узнают о тебе, а этого достаточно. – Внимательно смотрел на меня Амир. – Род признает тебя, Максим. Таким, какой ты есть. Сыном своего отца, но увы – не матери. Братом сводных братьев, но без родной сестры. Называйся Самойловым, но Юсуповым ты от этого быть не перестанешь.

Под паспортом – свидетельство о рождении... Затем медкарта – тоненькая, сложенная пополам, но подлинная. Всего три документа, считая паспорт. Но главное – подлинный день рождения. И знание, какие фотографии следует поднять, чтобы увидеть маму снова, запомнить ее облик, даже если она переоденется, восстановить в памяти походку и тембр голоса, если ее поведут к Целителю... и искать.

– Это о хорошем, – вздохнул он и вновь посмотрел вперед, в окно.

– Я слушаю? – Подобрался я.

– Вне зависимости, примешь ты эти документы или оставишь их здесь. – Начал он и замер на длинную паузу. – Кое-что будет с тобой всю жизнь. Ответственность за то, кто ты есть. Ответственность за то, кем станут твои дети. Потому что ты – наша кровь, и дети твои – будут нам родичами.

Я промолчал, давая ему досказать свою мысль.

– Выбирай свой путь сам, – поднял он примирительно руку. – Но выбирая пару, наше одобрение ты получить обязан. – Жестко завершил он. – Наш род – река, и нечего пачкать ее воды...

– Амир, – сухо прервал я его, уловив недобрый намек.

Одновременно, гроза над аэропортом произнесла его имя двумя раскатами грома.

– Елена Белевская тебе не подходит, – продолжил он тем же тоном. – Прими это и постарайся больше не ошибаться.

– Вы посмели?! – Потонули гневные слова в грохоте расшалившейся стихии, припомнив слова сестры и сопоставив.

– Это был ее выбор, – посмотрел он на меня равнодушно и переложил серую папку с места слева от себя мне на колени. – Читай, пока есть время.

Привстал он с места и посмотрел вперед, на шоссе, где показались пока еле видимые точки машин.

Я меланхолично полистал бумаги досье со знакомой фотографией на первой странице в углу, ловя текст целиком, не вчитываясь, но выделяя самое главное. Всего шесть листов крупным шрифтом. Немного, познавательно.

– Не надо считать сокровищем мира то, что можно купить. – Болезненно донеслось до сознания, а затем холодный тон сменился состраданием. – Больно?

– Нет, – ощутил я внутри себя холод и сотни образов и картин общей с ней памяти, выцветающие пустотой.

– Это хорошо, – одобрил он. – Может, выйдет из тебя толк. Было бы неплохо. А то смотри, на чем едешь, – презрительно хмыкнул он. – Даже дверь не открывается. Водителя нет, свиты нет, все деньги призовые потерял, как воду в песок пролил. Твоя сестра – изумруд, сапфир по сравнению с тобой, недостойным!

– Всего доброго, – мельком глянул я на него, забирая папку по Елене и новые документы.

Первое – потому что личное. Второе – потому что это поможет матери. С сестрой я не знаком, но похвала родни в ее адрес настораживает.

– Такси лучше заказывать из города. Тут дорого, – напоследок махнул я рукой и направился на выход из терминала.

А скептический взгляд Амира проигнорировал. Не нравятся ему деньги, пролитые в песок Каймановых, Сейшельских островов и Кипра – его дело. А то, как выглядеть и жить, не совсем от меня зависит.

Давит на плечи кодекс правил. Правило о том, что машина должна быть скромна и неброско выглядеть. Правило о том, что нельзя превышать скорость, разговаривать за рулем, ездить без ремня безопасности... Правила общения с другими людьми... Правила о ведении бизнеса... Много правил, которые я обещал и буду соблюдать.

Как и правило не захватывать мир до получения высшего образования. Но эти пять лет мы и мир как-нибудь перетерпим.

* * *

– Господин? – Обратился к Амиру вышедший из глубины зала слуга, со взволнованным видом прижимая к себе трубку спутникового телефона. – В самолете вся электроника выгорела! Не можем взлетать!

Тот скривился, будто лимон разжевал.

– Характер отвратительный, как у деда. Что Шуйские?

В данный момент кавалькада автомобилей с гербовыми номерами княжества замерла на середине дистанции до терминала, остановившись около Опея, уже забравшего своего владельца.

– Молчат, – недоуменно повел он плечами.

Конфликт, в общем-то, Юсуповым был не нужен, так что в последний момент было передано предложение разойтись мирно. То есть, Юсуповым – воздушный коридор, Шуйским – целый аэропорт и символические подарки. Хорошее решение проблемы с сохранением лица всех сторон, на которое уже давно должно было поступить согласие.

Между тем, вся кавалькада машин резко повернула обратно в город.

– Не понял? – Изумился Амир, подходя к окну.

– Господин, тут вас к телефону, – с несколько обескураженным видом вновь подошел слуга.

– Наконец-то. – Хмыкнул он, принимая трубку. – Шуйские? – Уточнил зажимая ладонью динамик.

– Н-нет, – замотал тот головой и округлил глаза. – Смотритель крепости Биен.

Амир так же отреагировал удивленным выражением лица – с чего бы ему звонить...

– Милый мой ученик, – раздался в динамике до боли знакомый ворчливый голос.

От которого тело резко приняло стойку смирно, а недостойная армейского распорядка трость глухо хлопнула, отлетев куда-то в сторону.

– Ты там совсем страх потерял, ребенку день рождения портить? – Спросили Амира вкрадчиво – да так, что поднялись стоймя волосы на спине.

– Я-я... – растерялся тот.

– А НУ МАРШ ИЗ АЭРОПОРТА!

– А у нас самолет не работает, – обескураженно оправдался он.

– Такси возьми! Все!

Последовали короткие гудки.

Амир с видом дикого удивления и опаски посмотрел на трубку, а затем перевел взгляд на трассу.

– Жил бы себе и жил, зачем его трогать, а?

Глава 4

Кавалькада машин выдерживала стабильные сто десять километров в час по безлюдной трассе, пронесшись сквозь спешно разведенные барьеры поста, и с той же скоростью повернула на городские улицы.

Впереди вручную переключали светофоры на зеленый, освобождали полосы и блокировали прилегающие выезды знаками регулировщиков, приветствуя череду машин с флагами княжества на капоте и гербом на номерах.

Редкое дело – выезд первых лиц княжества, оттого не сильно раздражающее простых людей. Отношение к промелькнувшей кавалькаде, как к экипажу скорой помощи или пожарной службы – и это недалеко от истины, если объединить оба процесса в нечто единое. Только под угрозой всякий раз здоровье целого княжества и целостность его стен, которые коварный враг то и дело норовит поджечь. Вечером телевизор расскажет, что произошло, а до того – остаются слухи и пересуды. И невероятное удивление от вида обнаглевшего микроавтобуса строительной фирмочки и старенького опеля, затесавшихся в конец кортежа.

– Ох и попадет им, – хлопнет кто-то по рулю, с долей одобрения глядя на лихачей.

А кто-то решит повторить маневр, и будет тут же прижат к обочине черным джипом сопровождения, до того момента, как подъедет машина патрульной службы, и рамный внедорожник не рванет с места вдогонку к остальным.

Вскоре кавалькада разделилась, своей мрачной и сурово-представительной частью свернув к старому городу. Остались микроавтобус, да иностранная легковушка, отвернувшие к малоэтажному пригороду. Правда, тут же от первой группы, вильнув зигзагом на все четыре полосы, резко отвернули две машины сопровождения и заторопились им вслед.

Остановилась вторая группа возле высокого кованного забора частного дома: микроавтобус и легковая возле самой калитки, а охранение предпочло закрыть корпусом всю дорогу на отрезке в пять сотен метров, с той и другой стороны. Движение в этом районе полусонное, так что жаловаться на неожиданную преграду оказалось некому.

Я еще раз подергал заклинившую дверь, махнул на нее рукой и выбрался из противоположной.

– Нормально все? – наклонился я к водительскому окошку.
– Это было невероятно, – с бессмысленной улыбкой произнесла, сжимая руль и глядя куда-то вперед, Тоня. – Сорок минут на зеленый! Кате ничего не говори!

– Почему? – Заинтересовался я.
– Она меня убьет, если узнает, – повернулась сестра ко мне, сияя, как забытая в одной комнате с Брунгильдой тарелка из-под торта.
– Ладно, – качнул я плечами. – Давай пока в дом, гараж открывай.
– Хорошо, только я к Катьке сбегая сначала, и откроем!
– А как же?
– Если промолчу, меня саму разорвет! – Унеслась она в сторону дома.
– Вот, логика, – указал я на сестру подошедшему от микроавтобуса Артему.

– Это нормально, – махнул он рукой. – Мне вон мама панамку передала, чтобы голову не напекло. Мне! – Возмутился он, проведя по густой шевелюре.

Так то у него в загривке пуля застревает, поговаривают. Очень необычный молодой человек.

– Отказался? – С интересом глянул на него, предполагая ответ.
– Нет, почему, – смутился он. – Надеваю. Только я же в фургоне этом, а на улицу всего на пару минут.

А иначе и быть не могло. Матери у них в семьях, это... Ну, я ни одну из них не видел, это не смотря на то, что жизнь ему спас, и нас вместе с крыши княжеского дворца снимали.

Зато мы дали имена всем пяти будущим соколятам.
– Домой к нам зайдешь? Есть мороженое. Много. Можно с медом.
– Нет времени, – виновато развел он руками. – Я поблагодарить хотел, – протянул он навстречу свою лапищу и убедительно потряс мою руку в рукопожатии.

Аэропорт остался целым, без войны и неприятной дипломатии, когда от тебя вытирают ноги, а ты улыбаешься и приглашаешь заходить еще. Его родня высоко это оценит, а уж зрелище отъезжающего из аэропорта Юсупова Амира со свитой, на вишневых девятках начинающих свой путь в соседнее княжество, обещали заснять со всех ракурсов и прислать копию. Попросту других машин такси внезапно НИГДЕ не оказалось. Все занято, бывает. Тут главное руками виновато разводить и не смеяться глазами слишком сильно.

– Тебе тоже спасибо, – ответно пожал я крепкую руку.
– Да ладно тебе... А что хотели то? – Полюбопытствовал-таки

Артем. – Если не секрет, конечно.

– Да какой секрет, – пожал я плечами. Скоро сами догадаются. – Признали, дали документ о том, что на два года старше. Дату дня рождения поправили на настоящую. Плюс еще мелочи, – грустно посмотрел я на дом и почти сразу отметил любопытствующее лицо Лены за занавеской второго этажа.

– Сильно, – положил он пятерню на свой затылок и принялся массировать умственную деятельность. – Фамилию свою дали?

– Нет, оставили эту. – не стал я делать секрета.

– Значит... – Замялся он.

– Бастардом, наверное, – подсказал я ему то, что он не хотел произносить.

– Не так плохо, если подумать, – скрывая скепсис, произнес Артем. – Права те же самые. Герб можно носить, хотя, если честно, я бы не советовал, – вздохнул он, откидывая напускной энтузиазм. – Я думал, в семью возьмут.

– Старые мои документы они аннулировать не могут?

– Нет конечно.

– Значит, вообще без разницы, – пожал я плечами. – Что он приехал, что нет.

– Тогда за что «спасибо»? – Удивился он.

– За то, что посчитал это важным для меня, – признательно посмотрел на него. – Нашел, придержал родных и все организовал.

– Я ведь ради аэропорта, – засмущался друг.

– Да кого ты обманываешь, топтыгин? Ты же знать не мог, зачем он приехал, – усмехнулся я его алым пятнам смущения на щеках. – Если бы Амира по другой причине прислали, мы бы там все до фундамента снесли.

– Ну, я не думаю, что было бы все так... остро, – отвернулся он чуть в сторону. – Я верил, что вы договоритесь в любом случае.

– В общем, спасибо, – хлопнул я по плечу этой громадине. – За веру – тоже. Будет тебе подарок. Правда, хотел к дню рождения, но... – Махнул я рукой с улыбкой.

– Да не надо... – Засобирился он. – На день рождения – приглашаю! Завтра – жду! Встретимся еще! – Попятился он к машине.

– Присядь пока в мою, – указал я на опель. – Или панамку надень, печет.

И спокойно повернул к дому. Позади, конечно, пытались извиняться и сообщали, что вот-вот уедут, но обязательно позвонят. Однако, как ожидалось, ни шума мотора, ни звука шин отъезжающего микроавтобуса не

было. Артем – весьма культурный и приличный молодой человек, и даже некогда носил очки. Он так не может.

– Привет! – Махнула рукой Лена с дивана гостиной. – Артем Шуйский зайдет? – С интересом смотрела она за окошко.

Я приветственно качнул головой и тут же повел отрицательно, обозначая ответ.

Заготовленный подарок оказался на своем месте, в огнеупорной ячейке потайной секции шкафа. Увесистые папки, которые пришлось нести обеими руками, предварительно замотав в праздничную ткань и обвязав шелковой лентой. Разве что одна бумажка, слегка потрепанная, осталась наверху – хрустящая, с записями, пропущенными через копировку, оттисками нескольких печатей и нечитаемыми закорючками росписи. Но главное – все на ней отлично читалось. Ну и еще кое-что прихватил и положил вместе с остальным во вместительную холщовую сумку.

– Вот, – потеснив Артема на заднем сиденье своей машины, сел я рядом и положил папки из сумки пока что между нами, украсив бумажкой-копией.

Осталось только загадочно посмотреть и дожидаться реакции.

Артем, правда, делал вид вежливого, но очень опаздывающего гостя – то есть, смотрел на часы, тоскливо посматривал на микроавтобус, да и вообще...

– Это что? – Заинтересовался он, мощно вдыхая воздух, будто принимаясь.

А бланк-то сверху знакомый, угу.

– Ничего не напоминает? – Подбодрил я его, указав взять хрустящую бумагу железнодорожной накладной в руки.

– А должно? – Посмотрел он на меня чуть настороженно, внимательно вчитываясь и хмурясь.

– Емкости с фенолом. Сошли с рельс позавчера в двадцати километрах под Шуйском, разбились и упали в мелкую речку – приток Шуи.

Артем вздрогнул и вцепился в бумагу так, что та стала расползаться под пальцами.

– Район оцеплен войсками, бригады МЧС осуществили ликвидацию, движение поездов приостановлено на шесть часов, блокированы проезды двух близлежащих поселений, на объекте за зоной оцепления работали четыре бригады скорой помощи и два вертолета пожарной службы.

– Ты обещал подарок, – глухо отозвался Артем, пока еще не пуская свой рык наружу.

– Там не было фенола. – Вздохнул я, грустно улыбнувшись. – Это мои

цистерны. Проблема в том, что министры вооруженных сил, министры МЧС, транспорта, экологии, здравоохранения и дорожного движения – твои министры. А ты ничего не знаешь, – указал я пальцем на накладную, уже почти порванную его руками.

– Я ничего не понимаю, кроме того, что ты мне пока еще друг, – наклонил он голову и хмуро посмотрел исподлобья.

Я поудобнее сел на кресло машины и посмотрел вперед, разрывая контакт взглядов. Иначе точно заведется.

– Это работает как фильтр. Берешь большую грудку денег и ставишь на самый верх. Внизу должно оказаться столько же, ведь деньги чистые и без криминала. Но, знаешь, прилипает и существенно, где-то там, внутри механизма.

– Ты будешь рассказывать, как купил моих чиновников? – прогудел Артем.

Я укоризненно посмотрел на него и задержал взгляд на десяток секунд, пока тот не смутился и тоже устроился, чуть сгорбившись, смотреть по направлению машины.

– Так вот. Чистые деньги прилипают к грязным лапам, дело обычное. Иногда прилипает мало, иногда больше, иногда страшно много. Ведь все зависит от того, чьи деньги. А я, вроде как, простолюдин, и все мои компании тоже зарегистрированы на самых простых ребятах. Таких каждый считал законной добычей, и не гнушался обидеть, забирая больше разумных пределов.

– Бедняги, – хмыкнул Артем, сложив руки на груди и параллельно о чем-то внимательно думая.

– Затем я ждал, пока деньги потратят. Недолго, к удивлению. Любую сумму можно потратить очень быстро, как оказалось. Дома, яхты, квартиры, машины, драгоценности, картины...

– Не играй на нервах.

– Да, собственно и все. – Пожал плечами. – Попросил одного из моих друзей назвать эти деньги своими, а меня – поверенным.

– Ты давал право аристократам на свои деньги? – Изумился Артем. – Они же никогда от них не откажутся.

– Не аристократам, друзьям, – подчеркнул я. – Затем шел к этим министрам и от имени поверенного просил все вернуть.

– Это же подстава.

– Я просил их воровать мои деньги? – Позволил я жесткости в голосе. – В общем, не вернуть деньги мне и не вернуть какому-нибудь древнему гербу – это ситуации очень разные.

– Шантаж?

– Да что вы весь день с этим шантажом, – возмутился я. – Просто верните то, что не ваше. Без процентов! Без огласки! Была яхта – отдай яхту, в чем вопрос? Была вилла – так отдай виллу? Я даже готов терять деньги на трансферте, ведь даже если вещи месяц, ее не продашь, как новую. И знаешь, что?

– Догадываюсь, – скрежетнул зубами Артем.

– Чиновник, у которого нет денег, отчего-то предпочитает отдать немного родины, но не собственных палат.

– Короче, ты всех купил. У меня дома!!!

– Да тихо ты, – отмахнулся я от его ярости. – Я между прочим, всегда выслушивал твои поздравления, и так не реагировал.

– Я, между прочим, всегда желал тебе только хорошего. – Едко отозвался он. – И всегда защищал от отца и родных!

– Вот. Ты не дослушал, – терпеливо повторил я.

– Слушаю, – взял он себя в руки после длинной паузы и яростного дыхания.

– Беда в том, что кроме меня, все они уже были кому-то проданы. Вперед моих вагонов запускали опломбированные составы, фурам закрывали проезды по ряду трасс ночью и много других мелочей из других ведомств, которые списывали мой долг своими услугами и брали деньги сверх того. Я, признаюсь, открывал те, чужие, вагоны.

Артем дернулся от паузы и внимательно на меня посмотрел.

– Оружие с ваших складов, взрывчатка, герметичные контейнеры... люди. Состав с людьми сошел с рельс, упал в реку. Все живы, разумеется, захочешь поговорить с этими несчастными, которых везли куда-то на границу – всегда пожалуйста. В полицию, извини, сдать их не мог. Для проверки попросил в ночь крушения у армии и полиции людей, помочь по мелочи с разгрузкой, так не дали ни человека. Всех на поиски подняли, но потом признали утонувшими. Поднимать состав не стали, он все равно запечатан.

– Это... Все еще плохой подарок, – сглотнул он и поиграл желваками.

– Артем, почему в твоём княжестве происходит нечто, о чем ты не имеешь ни малейшего понятия? – Внимательно посмотрел я ему в глаза. – Почему все эти службы не спешат заложить друг друга, когда наступает кризис? Я же не случайно «разбил» ту бочку с фенолом. Беда не в том, что они взяли у меня деньги и закрыли глаза на трагедию регионального масштаба. А в том, что все они, все до единого отработали тихо. Хотя, казалось бы, какой легкий способ обнулить обязательства передо мной и

даже получить медали, если поднять шум. Но ты ведь так и не узнал о существовании этой накладной. – Указал я на листок.

– Я не занимаюсь разработкой преступлений такого уровня, – дернул подбородок Артем. – Мне могли не докладывать.

– А кто должен был доложить? – Мягко уточнил я.

– Дядя Элим.

– Элим Шуйский. Глава вашей разведки?

– Да. Там большая машина, у нас. Все потоки со всех камер, компьютеров, вся связь, интернет, письма. Все в ком и к нему. Если мы нужны – он призовет. А так – сам справляется. Думаю, он этих... К ногтю. А тебе тогда в Москву точно ехать надо, – упрямо наклонил он голову. – Я, конечно, прикрою, но Элим очень жесткий, даже среди всех нас.

– И прав на престол, у него, наверное, никаких?

– Он никогда не претендовал. Он с отцом, как правая и левая рука. Незачем ему.

– Что же тогда он эти вагоны своим именем через границы тащит? – Мягко уточнил я.

Артем резко дернулся, и неловким движением снес подголовник переднего сидения.

– Тебе потребуются очень веские доказательства, – почти прорычал он.

Осталось только посмотреть с иронией и произнести самые главные слова.

– Когда-то я обещал подарить тебе княжество. Пока, – хлопнул я по «подарку» ладонью, – я дарю тебе твое собственное. Там все бумаги, изучай. Пока вас не разорвали на множество мелких медвежат.

Парень хотел возмутиться, но, поймав мой взгляд, как-то сник и, хоть и тронул укладку с документами, но будто даже развернуть упаковку и глянуть, что там – сил не имел.

– Максим, это... – потерянно произнес тот.

– Правда, угу. На бумаге, потому что сам понимаешь, – пожал я плечами. – Эта ваша большая и очень секретная электронная машина...

– Зачем это ему?!

– Запрещенный товар? Или очень быстро много денег за него? Или тишина с отсутствием проверок?

– То, есть, действительно...

Не знаю, что он хотел сказать.

– Ну и если подарок не зайдет, вот, резервный вариант, – выудил я из сумки трехлитровую банку меда.

Артем только страдальчески поморщился.

– Ты смотри, с пчелой внутри, – пощелкал я по стеклу ноготком. – Производитель лицом и жалом! Знак качества, как мне сказали!

– Максим, хватит, – сжал он виски руками и с силой помассировал.

– Да что ты голову ломаешь? Вон, с отцом советуйся. И банку открой, сладкое оно для нервов хорошо.

– С отцом, верно, – услышал он только начало фразы.

А затем выпрямился, как пружина, которую долго сжимали, и произнес уверенным, спокойным голосом.

– Надо деда звать.

После чего вышел в свою дверь, ближнюю. Ту которую он сам же и заклинил парой часов раньше до уровня не открывания. Короче, с дверью вместе вышел.

– А и забирай, если она тебе так понравилась, – лихо махнул я рукой.

Суровость и грозность на его лице сменилась неким смущением и непониманием, куда деть дверь. Даже к проему примерил, будто приклеится она обратно.

– Мед заберешь – дверь прощу.

– Ладно, давай, – вздохнул он покаянно и с показной неохотой подхватил в одну руку первой подарок, а в другую – мед. – Да не ем я его, сколько говорить можно! – возмутился он напоследок.

– Ты главное, бумаги не заляпай, – обеспокоенно посоветовал я. – Вон, бумагой оберточной вытирайся, там как раз внутренняя часть шершавая.

Тот, подхватив мою эмоцию, оценивающе оглядел упаковку, но через секунду спохватился, нацепил прежнюю невозмутимость и пошел к своему автобусу.

Ну-ну. А то я не знаю этого сладкоежку. Да что он, ложку не найдет? Хотя, говорит, лапой вкуснее... Это если она пролезет еще.

Посмотрел на джипы в разных концах улицы и невозмутимо отправился к себе домой.

В тех машинах гвардия, а не стандартное охранение. Эти – не предадут никогда.

У меня таких людей мало. Но я счастлив, что такие есть.

Я остановился и посмотрел на приветливую улыбку Елены Белевской, махнувшей из-за окна.

И я счастлив, что иных все меньше.

Глава 5

В просторном зале на два этажа, обрамленном красным деревом лестниц, было много света. Окна гостиной частного дома редко зашторивались, открывая вид на яблоневый сад, за листьями которого угадывалась высокая решетка ограды. Ставни наверху светили теплым оттенком штор. Темно-алым пламенем горел огонь в массивном камине напротив входа, отражаясь алыми искрами в сотнях граней массивной люстры, окрашивая оранжевым ткань дивана, мерцая в глазах замершего на нем юноши. Даже бежевые платья двух близняшек тринадцати лет, что замерли с блокнотами у балюстрады второго этажа, тоже будто бы светились.

Но во всем этом сиянии была одна длинная тень, что металась от края до края зала, заставляя нервно подергиваться даже невозмутимое пламя. Она вышагивала перед диваном, пытаясь пробить каблуком мягкий ворс ковра и цокнуть особенно громко. Она задевала краем серого рукава юношу, опираясь на спинку дивана за его спиной. Но время шло к полудню, и скоро ей суждено навсегда пропасть.

Для юноши мир звучал классической музыкой из незаметных наушников-вкладышей. Приятные мелодии, хоть и прослушанные бесчисленное число раз. Но если снять наушники – вряд ли там тоже будет что-то новое, и уж наверняка – ничего хорошего. Он готов спорить. И этот спор, что характерно, даже приняли два раза.

– «Подлец», было, – сосредоточенно чиркнула на втором этаже одна из девушек-сестер карандашиком по листку.

– «Бесчувственная сволочь», – хмыкнула вторая. – Тоже есть.

– Сама такая! – Отреагировала ее сестра, поджав губы после особо едкой фразы.

Но все же, пробежавшись по списку взглядом, убедилась, что брат такое уже слышал.

Сцена расставания на первом этаже гремела повышенными тонами, колкими и обидными выражениями с акцентом на каждом слове, но исполнялась всего на один голос.

И, по всей видимости, именно равнодушие другой стороны бесило гостью еще сильнее. Можно понять – столько подготовки, отчетливо видимой по укладке волос и профессиональному макияжу; по дорогому платью, хоть и строгих тонов, но столь соблазнительно очерчивающему

формы девушки; со вкусом подобранным украшениям; изысканной парфюмерии, от которой кружит голову; высокой платформе туфель, благодаря коей осанка обрела особенно женственный вид.

Словом, все для того, чтобы расставание непременно обернулось бы штормом эмоций, стоило юноше оценить весь масштаб грядущей потери. Но он молчал, глядя на огонь и удерживая левую руку в мягкой шерсти кота, расположившегося клубком в глубине дивана, рядом с бедром хозяина.

В общем-то, шторм был запланирован еще на вчерашний вечер, и шел по плану, от тихого недовольства прогулкой к эмоциональным обвинениям с предсказуемой развязкой.

Однако фраза «Ну наконец-то! Всего наилучшего!» под конец прогулки никак не планировалась. Как и хлопок дверью в сантиметре от носа. А ведь она его так любила! Ну, до того, как решила прекратить отношения. Возмущение, конечно же, было тут же экспрессивно высказано по телефону, после звукового сигнала автоответчика, но ощущения все равно были не те.

– «Сволочь!». Второй раз за минуту, – цокнула одна из девушек на лестнице, с волнением отметив, что гостя уже выдыхается.

Потому расставание было решено провести повторно, на этот раз по всем правилам. Но по ответной реакции выходило, что бросили ее, и это крайне болезненно било по самолюбию прекрасной графини. Настолько, что словарного запаса крайне не хватало. По крайней мере, не более сказанного автоответчику и тщательно законспектированному адресатом в двух копиях.

– Какая банальность, – вздохнули на лестнице, для порядка подчеркнув третий раз слово на букву «к».

– Может, подсказать ей?

– И потом язык с мылом мыть? Ну уж нет, – буркнула сестра.

И тут же насторожилась, заслышав начало особо забористого эпитета, высказываемого напряженно застывшей гостьей в спину юноши.

– О-о... – протянула она, даже не сразу обратившись к заполненному листочку.

– А это надо делить по словам или как одна фраза? – С азартом вычитывала список подруга.

– Точно не было такого! Точно говорю! – Блестели триумфом глаза рядом.

С первого этажа донесся резкий звук с силой захлопнутой двери – даже стекла задрожали, хрусталики люстры запели тихим звуком, а в углу

гостиной, у камина, заполошно подпрыгнула с места дремавшая до того собака.

Скандал, что характерно, собаку пробудить не смог. То ли мелковат был конфликт для двухметровой, если встать на лапы, немецкой овчарки (ну или смеси овчарки с чудовищем из болот Дартмура). То ли привыкла за эти дни к набегам суетливой особы, пахнувшей волнением, тоской и решимостью. А сон – он важнее людских чудачеств!

– Нет, точно не было! – победно завершила девчонка, подпрыгнув у лестницы. – Катька, приз наш!

– Еще бы было, – хмуро закрыла блокнот ее сестра после подтверждения победы, но отчего-то не желая поддерживать веселье.

– Тонь, Максиму расскажем? – Зеркально отразила ее настроение Катерина, вспомнив про наушники в ушах брата.

Речь о концовке экспрессивной фразы, произнесенной перед тем, как хлопнуть дверью. Как оно обычно и бывает, напоследок гостя не удержалась от шаблона. Так уж воспитал телевизор – уж если все потеряно, то надо обязательно рассказать о коварном плане, о собственном уме и чужой глупости. Или хотя бы о последних двух.

– Можно. Но, думаю, он знает, – подумав, произнесла Антония, убирая выданный братом листок и заодно придумывая, где она его «потеряет».

В ее планах на жизнь – роковой роман, Париж, расставание и случайная встреча под свистом вражеских пуль. Ну, это не сейчас, после школы и университета. Но обширный перечень емких выражений еще определенно понадобится!

– Почему так решила? – Посмотрела на сестру Катерина, вопросительно подняв бровь.

Старшая выразительно посмотрела вниз, на диван. Где фигура их брата за все это время будто не сдвинулась ни на миллиметр.

Сестра была не особо-то и старшая, всего на пару минут. Но в этой паре близнецов именно она занимала титул «умной». Кате достался титул «самой красивой», щедро отданный ей сестрой-двойняшкой.

– Лучше бы покричал на нее. Или домой не пускал, – с сочувствием прокомментировала поведение брата Катя.

– Зачем? – Смотрела вниз Тоня. – Ее ведь нет.

– То есть?

– Наверное, уже шестнадцать часов, как не существует. – Прикинула Тоня время от встречи в аэропорту до этого момента.

Отношения распадаются по разным причинам, и бывает сложно определить момент, с которого расставание стало неизбежным. Но не в

данном случае. Тут дата определенно была, только – в будущем. Дата помолвки графини Елены Белевской с весьма перспективным юношей из древнего и очень влиятельного рода. На его фоне парень из мастеровой семьи, за заслуги пущенной присматривать за особняком, машинами и гигантским аквариумом с дельфинами здешнего князя, совершенно не смотрелся. Во всяком случае, юноша был ей представлен именно так. А фраза, сказанная ею напоследок, как раз соизмеряла два социальных статуса и их перспективы на будущее – это если убрать слова, никак не красящие леди.

– Как он там? – Вынырнул из своего кабинета папа-Миша, осторожно подкрался к ограждению, чтобы выглянуть за него на мгновение, и с тревогой обернулся на дочерей.

– Думаю, Максим еще не осознает всю величину потери, – серьезно произнесла Тоня.

– Такая трагедия, ведь он ее так любил, с первого взгляда, я же видела, – смахнула несуществующую слезу Катя. – Как он теперь без нее?

– Досадно, – вздохнул отец. – Может, Максиму стоило рассказать о себе чуть больше?

– Не, – возмущенно отмахнулись обе. – Не про нее речь.

Уж точно – не про графиню, по невероятной глупости своей променявшей их брата на какого-то аристократишку.

– А про что? – Запнулся папа и недоуменно посмотрел на дочерей.

– Максим!!! – Хором выдали обе.

Внизу гостиной сонливо приподнялась собака и засеменила в сторону выхода. Потому что все грандиозные (и тревожащие сон) события в этом доме начинались именно с этого имени.

– Мы выиграли!!! Где ключи от «Феррари»?!

* * *

Черно-красный пластик брелока взлетел в воздух и медленно, словно нарочно дразня, описал дугу в вершине полета, целя в распахнутые ладони девчонок на втором уровне гостиной.

Доставка счастья: от легкой тревоги, что оно может не состояться; недоверия, что за обещанными «ключами» скрываются железки в пластиковом боксе; через панику, что электронный ключ рухнет и обязательно сломается, но в отчаянной надежде, что все будет хорошо. И вот – ключ в руках, а тело наверняка наполняет ликование и восторг,

предвкушение басовитого рокота мотора и скорости.

Доставленный утром на эвакуаторе «Феррари», с праздничной лентой поперек капота, открыткой и подписью «Почти столь же быстрая, как вишневая девятка», обрела новых хозяек. Мне такой подарок без надобности, так что передарить сестрам, у которых точно такой же авто красуется на больших настенных постерах, в радость. Столь же искреннюю, что у них самих – знающих, насколько это ценно, ответственно и не должно врезаться в яблоню. Уверен, предложи им кто иной сейчас что-то другое на обмен, пусть даже дороже и роскошней, они откажутся. Потому как это – мой подарок, а это уже не измерить порядком нулей, и без разницы что считают другие.

Но есть люди, эмоции которых вне их. Графине Елене Белевской, выросшей в сытости и благополучии родового поместья, очень хотелось, чтобы ее считали счастливой со стороны. Не важно, насколько вкусно мороженое в твоём стаканчике, но главное – яркость этикетки и восторг в глазах окружающих. Сложно объяснить человеку, что он счастлив с рождения, а тот блеск во взгляде тех, кто на нее смотрит – часто не восторг, а зависть и пожелание беды. Для этого надо быть рядом не только в высокогорных восхождениях и спусках по реке, во тьме шахт и под толщей воды затопленных пещер, но и на светских раутах и приемах, бесконечно скучных и далеких, чтобы тратить на них время. Но, как оказалось, именно там Елене сообщали, что «она была счастлива», голосами подруг. И все у нас ладилось, до поры.

Со временем у Елены вырастут требования к тем, кто должен выступить индикатором счастья. В эксперты будут призваны высокопоставленные родственники и сиятельные знакомые, которые по тем или иным причинам сообщат ей грустный факт: «Вы несчастливы, милочка», «Вы, в своих странствиях, потеряли единственную ценность бытия – замужество за титулованным господином», «Ваши подруги, увы, счастливы не вашими свершениями, а частым отсутствием конкурентки», и, многозначительное: «А ведь вам почти двадцать один год». Радость сменится мигренью, и начнутся поиски «истинного счастья». Уже начались, месяцем ранее, и даже успели закончиться, как выяснилось из бумаг. Как полагают окружающие, а значит и сама Елена – успешно.

В общем-то, все это – не главная ее проблема. Ума Лене вполне достаточно, чтобы при желании и дружеской помощи отделить свое мнение от чужого. Можно забрать ее от подруг и от родни, увезти достаточно далеко, где титулы ничего не стоят, а землям вокруг хозяин свирепый медведь.

Проблема графини Елены Белевской в том, что она не нравится моему деду.

Графиня Елена Белевская выходит замуж за Виктора Юсупова, младшего сына двоюродного дяди самого князя. Невероятная честь и явный мезальянс для Юсуповых, поговаривают. И, разумеется, настоящее счастье (или тщательно скрываемая ненависть) на лицах всех, кто наблюдает за Еленой в эти дни. А значит – и ее счастье.

Можно ли переубедить ее в этом? Не в том случае, когда в супружестве – интерес всего графского рода Белевских, и уже не только ее воля, но долг перед семьей. Но даже если разыграют эмоции, то всегда будет, кому напомнить, что отказ от невероятной чести можно трактовать, как оскорбление. А в таких трактовках и манипуляциях ими, мой дед большой мастер.

Можно ли все исправить? Достаточно принять ненавистную моей семье фамилию и стать тем, для кого Виктор Юсупов – человек из очереди на прием. Этот способ легкий, есть иные, куда сложнее, но столь же эффективные. Вопрос в другом – действительно ли стоит об этом переживать и стоит ли за это бороться, если о проблеме я узнаю из третьих рук. Сомнения, вызванные переданными документами, подкреплялись фрагментами из памяти.

Вот принято решение отправить моих дельфинов к Шуваловым, на время. Следующим днем Елена прошла мимо грани пустующего бассейна, щебеча столичные сплетни. Момент, когда она чуть не села на кота, пожаловавшись на шерсть на новом платье. Хотя, в самом деле, пустяки. Но ведь можно сделать проверочное испытание? Дать ей высказаться, например, показным равнодушием царапнув по нервам.

Высказалась, и вместе с поставленной в пику моим подозрениям машине, исчезла и девушка. Но, в итоге, определенность стоила того, а несостоявшиеся метания и резкие шаги, которые присущи сомнениям, вышли бы всяко дороже любого автомобиля. То, что мне было важным, не стало таковым для нее. А значит, стоит ли ломать все остальное, что делает меня собой? Может, лучше убрать из памяти то, что не станет ее частью?

В мире стало на одного человека меньше, добавляя пустоты скамейкам и тропинкам, местам и путешествиям в моей памяти. Слишком много пустоты для того, чтобы оставаться в этом городе.

И без того – ощущение последнего пассажира в автобусе, подходящего к конечной станции, без уверенности, что именно этот маршрут – твой. Пусть даже пять лет пути за спиной.

Первым этот рейс покинул Пашка, примерив черного орла над своим

гербом и навсегда исчезнув в столице. Говорят, обида его на меня настолько сильна, что его личные вещи забирали чужие люди. Сам он не пожелал навестить некогда родной город, ставший местом падения свободного рода Зубовых. Его отец перевозил наркотики, за что всю его семью должны были колесовать. На самого Пашку охотились бандиты, желая выбить с его отца деньги за потерянный груз. Его отец жив, Пашу спас я с друзьями. Но вышло так, что началом всех его бед и гибельной огласки стала случайность, вышедшая из под моей руки. На человека, который помешал славному роду возить гибельную химию по реке, разозлился друг. А у меня вместо него образовалась первая пустота в этом городе.

Чуть позже исчез дед, предпочтя стать князем Юсуповым ради новой войны, денег и власти. В старости это отчего-то особенно важно – отправить за грань побольше молодых, будто выгадывая себе место в конце общей очереди.

Война гремела всего пару-тройку месяцев, долетая до моего дома отголосками слухов и мельком отмеченных газетных заголовков у людей на улицах. У меня к тому времени был уже свой телеканал и свои газеты, которые возглавил Долгорукий Игорь, мой друг. Если остальные каналы смаковали чужое горе, изображая участие из теплых кабинетов и дорогих костюмов, то мы предпочли дать детям – детские мультфильмы после школы, а взрослым после работы – кино для расслабления, а не топливо для переживаний. В наших новостях были достижения и радость. Даже неизбежно касаясь войны – речь шла о спасенных и их светлом будущем, которое телеканал обещал устроить. Потому что эта война, как и все предыдущие, не зависела от обычных людей ни на сколько, и мы решили не множить печали. Расчет обернулся расширением аудитории и ростом прибыли – на которую можно было делать новые добрые дела.

Через месяц уехала бабушка. Вера Андреевна Прибрежная, внезапно и по неведомому волшебству оказавшаяся княгиней Борецкой Лидией Андреевной, держалась этот месяц из упрямства и нежелания подчиниться воле деда. Тот требовал от нее покинуть наш дом сразу же, из вредности ли или ввиду приготовлений по возвращению княжеского титула последней из рода Борецких. Точно не могу сказать – этот момент слегка потерялся на фоне общей грусти и предчувствия расставания навсегда, пусть даже и были сказаны разные слова о скором возвращении и даны самые искренние в том заверения. Но каждое из них непременно завершалось «если смогу» и «постараюсь». Верный признак того, что обещанию не суждено сбыться.

Если бы бабушка оставалась обычным учителем на пенсии, по неведомой причине очнувшейся без памяти на берегу речки возле

деревеньки «Заречное» восемнадцать лет назад, то все еще была бы с нами, наверняка отогнав холод пустоты и одиночества волнительными ароматами выпечки, а грустные мысли – умным советом. Но с нее новой-старой этого требовать было неправильно. Ведь «последняя из рода» – это в первую очередь долг и путь длиной в целую жизнь, чтобы найти других членов своей семьи. Говорят, погибли все – но ведь она жива? И может ли она задерживаться у нас, если где-то ждет ее помощи родной человек?

Мы отпускали ее с грустью, а Федор и сестры – со слезами. Даже Брунгильда жалобно ластилась к руке, то и дело прятала по дому ее ботинок. Но отпустить было нужно – и это понимали все.

Бабушка же ощущала вместе с грустью – вину, и отчего-то передо мной одним. Говорят, аристократы не могут просто так дать обещание, а затем его нарушить. А ведь она обещала стать мне бабушкой – пусть и под другим именем и с иной памятью. Чтобы сгладить этот момент, мне было предложено взять виру и вернуть обещание назад. Я бы и так вернул, на самом деле. Но не воспользоваться моментом и не любопытствовать у хозяйки Борецких земель о том, что скрывается за оградой с черепами, на которую мы наткнулись в ходе турнира... Я спросил. Меня попросили заменить виру, пусть та и будет в два раза больше. Пожав плечами, ответил честно – ничего страшного, узнаю сам, и уже приготовился к новому вопросу... Только тогда мне ответили. Окинули внимательным взглядом, увели в мою комнату и, плотно заперев дверь, тихим голосом начали долгий и подробный рассказ, заставляя запоминать, выписывать на листок и сжигать цифры, бессмысленные строки, координаты и десятки имен. Тайна длиной в шесть часов, которой обязали не пользоваться, пока не придет крайняя необходимость. Но, одновременно – тайна, в которой не было солидной части, без которой быть ей просто легендой, будоражащей фантазию и тщательно оберегаемой всего двумя людьми во всем мире, считая меня теперь. Но бабушка, как я видел, полагала ее бесполезной, сказочно-красивой, оттого допустимой, чтобы ею поделиться. Все-таки, это гордость целого клана и рода. То, что должны были знать ее внуки, переполняясь радостью от сопричастности к общему и великому. А я, вроде как, на пару дней – и есть ее внук...

После девятого класса исчезла Светлана, столь же стремительно, как появилась в восьмом. Успехи в танцах потребовали профильного образования, а следовавшие за ним гастроли более никогда не посещали наше княжество, крайне редко оказываясь даже в столице, предпочитая радовать публику других стран. Наверное, там у нее появился иной телефон, с другим номером. Старый более не отвечал. В память осталась

тетрадка «правил», исполнять которые я обязался. Хотя обещания прямого не было, просто некая смесь осознания правильности рекомендаций, вреда собственных действий им вопреки, уважения к той, что готова была пожертвовать жизнью ради меня... И тихая надежда, что исполняя эти правила, Светлана вновь появится в моей жизни. Мог бы разыскать ее сам, но правило «не искать» – было тоже...

Два года назад покинул дом Федор, мой брат. Все началось с неразделенной любви – он влюбился в нее с первого взгляда, а она оказалась актрисой модного телесериала. Собственно, на экране он ее и увидел, после чего написал пламенное признательное письмо, для верности отправив заказным с уведомлением.

Любовь всей жизни не ответила, возмутив уже меня. Пришлось ехать лично, подключив Игоря и телеканал. Девушка искренне поверила в то, какой Федор замечательный и чудесный, и даже бралась написать ответное послание, объяснить по телефону или по видеосвязи. Выбрали третий вариант, потому что иначе Федор бы не поверил, что актрисе на десять лет больше, чем ее персонажу в телесериале, а красивый псевдоним скрывает фамилию мужа, принятую в браке. Расстаться с супругом тоже не особо вариант – у них уже двое детей, и те не поймут.

В общем, Федор ударился в меланхолию. Оттого с нездоровым энтузиазмом воспринял предложение по обмену учащимися с неким румынским княжеством, куда и отбыл после пятого класса.

Как отец отпустил его одного – до сих пор не понимаю. Вернее, мне сообщили про гарантии безопасности, данные ну очень влиятельным человеком, но я после турнира словам и обещаниям не сильно-то верю.

Я честно пытался отговорить брата и даже подсунул попугайчика в качестве взятки. Теперь пернатый тоже проживает в Румынии и умеет говорить фразу «Попугая не красть!» на четырех языках. Надеюсь, меры безопасности этим не ограничиваются.

Но, вроде, Федор там действительно счастлив, а это главное. Только в доме без него пусто. И вновь – я не могу требовать от него отдать свою радость ради моего счастья. Ведь я за ним тоже не поехал. До одиннадцатого класса жизнь моя была накрепко привязана к помещениям безликого заводского корпуса, примыкающим к самой обычной школе. Об этом даже родным знать не следует, но папа все равно догадался сам.

Ничего не бывает бесплатно и просто так. За каждым шагом и поступком следует плата, взятая временем или счастьем. Откупиться деньгами – за радость. Но их редко берут, когда дело доходит до действительно важного.

– Как ты? – Присел отец рядом, с правильного относительно кота края.

– Отлично, – снял я наушник и переложил во внутренний карман костюма, взамен взяв оттуда фотокарточку. – Вот кстати, узнаешь?

– Кажется, твой преподаватель по английскому? – Сбился он поначалу, но потом вгляделся и осторожно добавил. – Виктория Павловна, если не путаю?

– Красивая? – Внимательно следил я за его взглядом.

Имя помнит – уже хороший признак.

– Весьма обаятельная дама. – Тактично ответил папа, чуть смущенно отведя взгляд.

– Скоро познакомлю, – увидев, что хотел, довольно подытожил я, отправляя фото обратно, во внутренний карман рядом с сердцем.

– А? – Поднял он глаза недоуменно.

– Не в этом месяце, правда. – С некоторой досадой прикинул я время. – С планированием пока беда, тут еще восемнадцать часов до вступительных экзаменов... Но до конца года...

– Максим! Какое еще знакомство! Стоп. Какие экзамены? – Не понимая, наклонился он чуть вперед.

– Москва, университет Ломоносова. В девять часов начало.

– Неожиданно, – закусил он нижнюю губу и обернулся было в сторону лестницы, но сестер там и след простыл. – А документы?

– На месте, – я указал пальцем под кота, на кожаную папку черного цвета.

Кот уловил внимание и неспешно перетек чуть дальше по дивану, позволив мне положить прямоугольник кладки, обтянутый кожей, на колени.

– Что скажет князь? – Осторожно уточнил отец.

Там, где особые отношения – непременно будет ряд требований.

– Им сейчас будет не до меня.

– В Москве вы можете встретиться с Леной вновь. Зачем беречь сердце? Может, останешься? У нас ведь тоже хороший университет.

– Не встречу. – Скупое гарантировал я.

Линии, по которым идет студент среднего достатка и высший свет, не пересекаются. Я не стану их пересекать. А если встречу, то не вижу большой беды. Это, наверное, отец за меня переживает больше меня самого.

Во дворе резко взвыло спортивным двигателем и тут же завизжало тормозами, сменившись мгновением тишины и ликующим воплем.

– Девочки! – Изменился лицом отец и тут же выбежал из дома.

Забрал документы и вышел следом, уже зная по тихим пискам оправдания и громовым раскатам голоса отца, что сестры наверняка целы и здоровы, но ключи у них забрали.

– Может, заберешь с собой? – Качнул Михаил брелоком в сторону машины.

– Статус простого студента не совместим с этой маркой гоночного авто. – Тактично отказался я.

Вернее, будет действовать, как яркая тряпка на всех, кто видит чужое и слабозащищенное – своим.

Вот Хонда Одиссей, подогнанная к дому с утра, вполне соответствует. Это Артем извинился так за слегка поломанный Опель, а я отказываться не стал. Да и в самом деле – посмотрел я на солнце и вновь на машину, мне, пожалуй, пора.

– Я поехал, удачи, – улыбнулся семье, хлопнув папкой с документами по бедру.

– Надолго? – Поинтересовалась Катя, подозрительно глядя снизу вверх.

– Лет на пять, – честно ответил ей, тут же пообещав. – Но на длинные выходные обещаю приезжать!

Тут бы быть граду обвинений и шантажу на слезах, но рядом с ними все еще выразительно отливало красным Феррари, на фоне которого любые заявления «ты нас не любишь!» с их стороны смотрелись бы крайне неубедительно.

– Ты это специально подстроил, – буркнула старшая сестра, смахнув слезу.

Уклонился от ответа, прижал их обеих к груди и строго рекомендовал вести себя прилично.

Там и Брунгильда подошла, уловив тревожный настрой. И кот Машк внезапно оказался около ног. Животных тут же обняли сестры в целях успокоения.

– Да уже в субботу буду, – буркнул я на немую сценку и повернулся спиной.

А то ведь действительно не уеду.

Я дошел до машины в одиночестве, оставив замершего на полдороги к калитке мужчину. Завел мотор, махнул напоследок сестрам и отцу.

Впереди были пять лет, наполненные предвкушением и неопределенностью, от попытки взглянуть в которую любопытство захлестывало с головой.

Но на переднем плане всего этого все еще оставалась малая часть

загадки, оставленная после себя Борецкими, которую тоже следовало решить. Малая – потому что все эти годы я не сидел на месте.

По всем расчетам, столица для того подходила наилучшим образом.

Глава 6

Подарки Артема основательные, как он сам. Кто-то вряд ли зашел бы дальше ключа в замке зажигания, полного бака и документов на переднем сидении. Артем же перенес всю обстановку прошлой машины в новую. За козырьком над рулем обнаружилась топливная карточка и мои пропуска, в бардачке – разнообразная полезная мелочь, о которой редко задумываешься, пока в ней не настанет нужда. Под сидением – тайник, абсолютно такой же модели, как был раньше. Проверил старый пароль – подходит, а содержание идентично. Значит, вырезали за ночь целиком из Опеля и перенесли в Хонду. Приятное ощущение старого уюта в новом, свежем.

Даже зеркала настроены под меня. Кое-что новое, разумеется – в аптечке новые медикаменты, но того же самого ассортимента. Не хватает вещей на дорогу, но их даже в старой машине пришлось бы покупать.

Вырулил на дорогу, стараясь не оглядываться назад, однако краем глаза все равно поймал силуэты родных. Грустно, но тем приятней будет новая встреча.

На следующем повороте, позади столь же привычно возобновилось преследование угловатыми внедорожниками. Теперь все именно так, как было в последние дни.

Хотя, метров через шестьсот перестроений по трехполосному шоссе, в процессе осваивания характера, возможностей нового авто и его динамики, оказалось, что все не совсем обычно. Но это, в общем-то даже неплохо.

Придорожный универмаг позволил обновить запасы привычной, местной продукции. Дальше, за границей княжества, будут уже другие вкусы. Не моего производства, а значит наверняка хуже.

Со звучным щелчком открыл алюминий банки со сгущенкой, пару раз крутнул в руках, позволяя аромату растечься по салону, и поставил на заднее сидение, внимательно и с интересом наблюдая за пространством позади через центральное зеркало.

Через пару минут в багажнике заворочались, а еще мгновением позже над вторым рядом сидений поднялась хмурая и заспанная физиономия Артема, прикрытая темным пледом.

– Издеваешься, да?

– Охота на медведя – крайне волнительное мероприятие. – Доложил я ему доверительно.

– Никто не должен меня видеть! – Шикнул он, на пару сантиметров приседая вниз, но при этом не отрывая взгляда от содержимого банки.

– Так ложись обратно, – подсказал я ему, заводя мотор.

– Там это... Сгущенка на сиденья прольется. Кожа испачкается. – Деланно невозмутимо произнес он.

– Можешь ее спасти.

В зеркале невообразимо быстро метнулось серое пятно. И, понятное дело, через мгновение ни пятна, ни Артема, ни банки.

– От чего прячешься? – Вырулил я на трассу.

Легкая тревога царапнула душу – как бы не опоздал я с подарком.

– Мы решили, что я уеду из княжества на время. – С легкой укоризной ответили мне.

Мол, не могут люди их рода и крови прятаться, не по чину. Вот путешествия и отъезд по делам...

Закинул назад еще одну банку со сгущенкой в качестве извинений. В зеркале вновь мелькнуло нечто серое, а голос Артема стал гораздо добрее:

– Тем более, дедушку не сегодня-завтра в город приведут.

– Значит, проблем у вас через пару дней не будет? – Отметил я краем глаза перечеркнутую табличку «Шуйск» и прибавил в скорости.

– Проблемы только начинаются, – вздохнув, заерзали позади.

А затем, будто решившись, мощная рука товарища согнула задний ряд кресел вперед, а сам он, через десяток тихих чертыханий и движений корпусом, перебрался из багажника в салон.

– Дед меня не помнит, – выдохнув и огладив челку, произнес Артем, глядя в на меня через центральное зеркало. – Есть опасность, что конкурента может во мне увидеть и убить. Дядя сбежал. Отец в ярости.

– А я как всегда виноват, – продолжил за него.

– В общем, вовремя ты уехать собрался, – все же кивнул он, признавая, что такое мнение существует. – Не беспокойся. Ты, вроде как, меня из города увозишь.

– Не безопасней самолетом в Австралию?

– В столице нормально. Я так решил. – Жестко постановил Артем, но потом добавил чуть мягче. – Хотя отец тоже настаивал на Австралии, но я достаточно взрослый, чтобы решать сам.

– У тебя сгущенка на левой щеке осталась.

– Да? – Суетливо стер он запястьем.

– Теперь нормально.

– Спасибо. В общем, заодно университет посмотрю. – Улыбнулся Тема, глядя в окошко. – Все равно теперь дед и отец на правлении. Может,

даже оставят на пару лет, отдохну, – с легкой грустью продолжил он. – Не было счастья, да несчастье помогло.

– Бывает, – выдал я задумчиво, окинул взглядом циферблат часов и присмотрелся к километровым отметкам на трассе.

Скорость – чуть ниже.

– Мог бы и раньше сказать. – Попенял мне Артем.

– Сложно отличить, где заговор, а где бизнес. – Нейтрально отозвался я.

– Да какой еще бизнес, если люди в вагонах?!

Осталось только плечами пожать, не желая развивать тему.

– На какой факультет решил идти? – Поинтересовался я.

– Да погоди ты с факультетом!

– Всякое едет по железнодорожным трассам. – Терпеливо произнес я. – Некоторое сходит с рельс. А потом диву даешься, какие люди требуют все найти.

Артем примолк, переваривая фразу.

– Отцово что-нибудь было?

– Вон, все княжество твоего отца. – Вновь обратил я внимание на время и столбики. – Пойди, угадай, от кого пришел чиновник и за кого просит.

– Максим!

– Лично твой отец никогда не контролировал грузы. Не слышал о таком. Нет его интереса в перевозках, – наблюдая в зеркало, как с каждой фразой отпускает напряжение товарища, добавил я.

– Ясно...

– Так что с факультетом?

– Да управления кем-нибудь, чего-нибудь, – равнодушно отмахнулся друг.

– Там конкурс на место знаешь какой?

– Я же княжеский сын, – пожал он плечом и махнул рукой в сторону багажника. – Грамота, патент, документы – все там. Нет, я конечно, итак сдам! И ты сдашь. Так что чего время терять?

– Я – не княжеский сын.

– Так ты свитой пойдешь за мной вместе, – охотно добавил Тема. – Мне по статусу можно двоих без конкурса провести. Вместе будем, а?

– На робототехнику хочу. – Емко отказался я. – Федор схемы оставил перед отъездом. Надо пробовать.

– Не надо пробовать! – Категорично заявил Артем, чуть придвигаясь на кресле вперед и хватая рукой оголовье пассажирского сиденья спереди.

– Схемы – доработанные. – Со всей ответственностью отметил я.

– А в тот раз кто обещал, что все проверил?!

– Федор.

– Мы три дня тот склад тушили!!! – Застонало пластиком оголовье под ладонью Артема.

– Федору было очень стыдно, – поделился я с ним. – Зато он спор выиграл с тем майором.

– Каким еще майором? – быстро успокоившись, как бывает после давным-давно пережитой эмоции, устало выдохнул Тема, откидываясь на сидение.

– Который полковником был.

– А, этот... Помню. Стыд и срам без фуражки и удостоверения... На что спор? – Слабо заинтересовался Артем.

– Что мы дострелим до склада боеприпасов.

– А мне сказали, случайное попадание, – хмыкнул княжич. – Приз какой?

– Фуражка и удостоверение.

– То есть, вы ему еще жизнь сломали. – Тяжело вздохнул Артем.

– Федору было очень стыдно, – помедлив, подчеркнул я. – А у майора нормально все. Он ведь в тот вечер вообще лейтенантом стал.

Потом я ему немного помог. Потом его дядя Артема завербовал, как обиженного князем, и на новый склад поставил. А дальше из склада уходило чуть больше, чем просил его новый покровитель... Но и приходило на склад – тоже больше, хотя смысл в этом круговороте найдется далеко не сразу...

– Ладно, строй, что хочешь. – Отмахнулся товарищ. – Москва чужой город, не жалко.

– Да доработанная схема! – Возмутился я.

– Верю. Только год хотя бы подожди, достопримечательности дай посмотреть...

Но это он шутит, настроение хорошее возвращается. Наверное.

– Дядя твой точно не достанет в Москве?

– За меня не переживай. Вон, о себе бы подумал лучше, – обернулся Артем назад, выглядывая сквозь тонированный задний полукруг сопровождения, где как приклеенные продолжили сопровождение внедорожники. – Я уточнял, это не самые последние люди. Из столицы, причем. А мы как раз туда едем. – Со значением завершил он.

– Что еще уточнил? – Отслеживал я его жесты через зеркало.

Дорога спокойная, маневров нет. Знай, держись за фургонем спереди

на почтительном расстоянии и изредка поглядывая то на часы, то на километровые столбики.

– Не сильно много. Командировка с открытой датой, как основание визита – защита свидетеля. То есть, тебя.

Последовала выразительная пауза, использовать которую я не захотел – промолчал.

– Только есть мнение, что их желания противоположны.

– Правильное мнение, – согласился я с товарищем.

– Им ты тоже денег дал и назад попросил?

– Нет, – пожал я плечом. – Деньги их начальству предназначались.

Вернее, дорогой подарок.

– А они, так понимаю, себе забрали?

– Пытались подарить от своего имени. Не самое умное решение, так как их шефы знали что и откуда должно прийти. Удивились неслабо, – хмыкнул я. – В итоге, эти получили нагоняй и в нагрузку поручение оказать мне услугу.

– Какую? – Заинтересовался Артем.

– Ту самую, за которую был вручен подарок. – Уклонился я от ответа, а друг понятливо не стал повторять вопрос.

На самом деле, поручение так или иначе передоверили бы им, этим хозяевам внедорожников за спиной. Не дело сиятельным, стоящим во главе, заниматься лично, каким бы ни был дар.

Но сама постановка задачи, основанная на собственной ошибке, сформулированная криком и матом высокого начальства, выводила исполнителей из себя. Била по нервам и болезненно царапала фактом, что их поймали за руку. До сих пор успокоиться не могут.

– Я как понимаю, они не хотят тебе помогать? – Вновь оглянулся Артем назад.

– Им срок поставлен, личные желания никого не интересуют.

– Тем не менее...

– Тем не менее, – повторил я за другом. – Посадить им проще и привычней, чем сделать дело.

– Сильно ты их обидел.

Я только головой покачал, не желая спорить. Всех отчего-то обижает, когда не получается что-то отнять у меня.

– А как их шефы отнесутся, если тебя посадят?

– Да никак, наверное, – пожал плечами.

– Но подарок...

– Если за дело – им все равно будет, думаю. Никакой подарок не

спасет. Разве что проверят все обстоятельства дела, чтобы успокоить честь и забыть обо мне навсегда. Но если во время проверки не найдут оснований для заключения под стражу, то выходит, что уже их подчиненные нарушают приказ, уклоняясь от порученного. Вот это уже серьезный проступок.

– Странно у них там все.

– Кто бы говорил, – хмыкнул я в ответ, вновь посмотрев на часы. – В общем, потому катаются за мной.

– Лучше бы работали...

– Они уже не успевают до срока, – отвернул я в сторону, на асфальтовое ответвление под железным навесом «Грузовые ворота». – Одна надежда – убедить меня дать еще неделю.

– Могут ведь и подкинуть чего, – переживая за меня, добавил Артем, не обратив за разговором внимания на смену маршрута.

– Так подкидывали, – пожал я плечами. – Представляешь, тормозят меня на посту, не дают выйти из-за руля, а через пять минут «откройте багажник». В багажнике внезапно – упаковки белого порошка россыпью, килограмм под десять. В общем, твой Коперфильд отдыхает. И позади как на зло целый автобус с туристами в качестве понятых.

– Шутишь, что ли? – Усомнился друг.

– Честно говорю, так и было, – медленно рулил я через лес по избитой колдобинами дороге. – Даже есть многочисленные свидетельские показания, как багажник при них открывали и обнаружили криминальный груз.

– Тогда почему ты здесь?

– Оказалось, что в автобусе были пациенты сумасшедшего дома. Все до единого. В итоге, двадцать подписей под протоколом осмотра признаны недействительными. Кроме этого, во внутренней части багажника обнаружена сорванная пломба с гербовой печатью, подписью и датой скрепления. Выходит, что груз подбросили. Постовых всех под суд, а они потянули за собой тех, кто был выше и отдавал приказы. В общем, замяли по итогу. Эти, которые позади нас, получили первое и последнее предупреждение.

– Как-то складно у тебя выходит, – провел задумчиво ладонью по волосам Артем. – За что не берешься, все один к одному.

– Помнишь эти часы? – Поднял я руку, демонстрируя циферблат.

Около пяти лет назад они пришли в подарок, неведомо от кого и откуда. Стерильная упаковка, стерильное содержимое и корпус без клейма производителя.

– Ну. Которые слегка сломанные?

Это он про то, что табло, которому положено показывать день недели, отчего-то в самом начале показывал цифру пять, медленно ползущую к четверке... Очень медленно – для этого понадобился год.

– Отлично работающие. – Встряхнул я часы, отметив, что единицу и цифру ноль в том необычном табло отделяет всего пара месяцев. – Просветили начинку, там все именно так и задумывалось. Механизм все это время отсчитывал пять лет наоборот. Понимаешь, что это значит?

– Что-то должно случиться совсем скоро? – Неуверенно предположил он.

– Это значит, что кто-то умеет планировать на пять лет вперед, – въехал я за открытый шлагбаум, и, стоило шлагбауму опуститься вновь, через небольшой тамбур – в открытые железные ворота, тут же сомкнувшиеся за спиной. Притопил педаль газа, отметив, как гневно гудят джипы преследователей, требуя дорогу. – Значит, я обязан уметь делать это на десять лет.

Впереди и на сотни метров вперед земля была расчерчена линиями железной дороги, объединенных съездами и стрелочными улицами. Справа, возле видимого горизонта, замерли до поры грузовые вагоны. Более счастливые их товарищи гремели сцепками, формируя новые эшелоны. Сновали вокруг группы люди, перекликаясь на уровне крика. Грозно ревели локомотивы, вдали шумела сварка, высоко взлетали звуки металла о металл и соло одинокой болгарки. Вся эта симфония звуков, до того сокрытая лесной преградой, одновременно ударила в уши, слегка шокируя моего пассажира. Следом, через приоткрытые окна, пришли запахи мазута и масла, наполняя волнением и предчувствием дороги под перестук колес.

– Мы где? – позабыв обо всем, придвинулся вперед Артем, во все глаза рассматривая открывшуюся картину.

– Железнодорожное депо, – пояснил я, набирая скорость и пыля по грунтовке рядом с рельсами.

Асфальтовая дорога тоже была, но она вела в иную сторону.

– А зачем мы здесь? – Почувствовалось недоумение в его словах.

Вместо ответа, я вывернул руль влево, подъезжая к распахнутому настежь вагону в уже сформированном составе со вторметом, единственно пустому из двух десятков. Стоило подъехать, как пара жилистых мужиков в спецовках приладили к краю вагона пандус из двух железок, по которому машина осторожно загрузилась внутрь.

– Едем в Москву, – нашел я время пояснить другу, отклоняя кресло

назад и удобно в нем располагаясь.

– Максим, тут что-то тащат к нам, – затормошил он меня за руку.

Я лениво покосился в сторону – там погрузчик вез нечто железное, свитое из лома металла и перевитых обрезков арматуры, общей площадью с прямоугольник грани вагона. Позади угадывались еще два таких же массива, но их неспешно нес на своем крюке кран, слегка раскачивая при движении.

– Все идет по плану, – отрегулировал я его кресло, невольно заставляя отклониться в сторону. – Направо не смотри, зрение испортишь.

Лист металлолома приладили к грани и принялись шустро сцеплять его с полом и потолком вагона сваркой. Через десяток минут так же закрыли другой бок, а затем и закрыли от нас небо, приварив металлический хлам сверху вагона. Но мы еще успели увидеть, как загудевший парой минут ранее рядом грузовой вертолет неуклюже проходит чуть в стороне над нами, забрав с собой красный сорокафутовый контейнер.

– Конечно, я немного виноват, что не предупредил о своем визите, – спокойно рассуждал Артем, отклонившись на свое кресло. – Но тебе не кажется, что кое-что нужно пояснить?

К этому времени наш состав уже рывком двинулся с места, передвигая в сторону Москвы двадцать вагонов металлического лома по товарно-транспортной накладной, в том числе наш, который никак не отличался от остальных внешне. Там, конечно, не Урал, но есть кому переплавить металл и извлечь из этого прибыль.

– У нас экзамены завтра, надо выспаться, – прикрыл я глаза. – Не всю же ночь рулить.

– Максим!

– Ты про этих, из Москвы? Да пусть дергаются и паникуют. Зря что ли тот контейнер в красное покрасили и вертолетом подняли. Пусть подключают знакомых в авиации, тратят нервы, деньги и время. – Сонно произнес я.

День вышел длинным и сложным – таким же, как и прежние два.

– Пусть занимаются чем угодно, но не мешают мне спать.

– Ясно, – поерзал на своем месте Артем, тоже собираясь ко сну.

Но потом нечаянно пнул пакет с едой, заинтересовался и принялся хрустеть под ухом.

– Слушай, там, чтобы я выспался, войсковая операция уже наверное проводится, – включив верхний свет, недовольно посмотрел я на его лицо, уже укусившее шоколад.

– Понял, я просто нервничаю, – шустро дожевывал друг и успокоился. – Но вообще, на самолете было бы быстрее и точно спокойнее.

– На самолете – не то.

– Значит, тебе нравятся поезда?

Я вздохнул, но решил, что можно выкрасть пару минут от сна на ответ.

– Помнишь, мы на поезде ехали на турнир?

– Ага. Яркое воспоминание.

– Тогда меня поразило то, что где бы мы ни были, наш вагон всегда был территорией нашего княжества. Не важно, сколько бы мы ни ехали, мы всегда были дома.

– Да, для гербовых поездов это так, – подложил он руку под голову, слегка проехавшись локтем по обивке потолка.

– Не только для них. Но да, мне понравилось.

– Спокойной ночи, – отозвался Артем, зевнув. Сказывалась темнота в вагоне. Доступ воздуха все равно был, но сама конструкция прятала от постороннего взгляда.

Вся территория государства, планеты, расчерчена границами владений и государств. Нет на земле свободной территории, все имеет хозяина.

Но есть вагоны поездов, растянутые на тысячи километров на железнодорожном полотне. Их суммарные размеры достигают площади небольшого города. И они – сами по себе, неподвластные местным князьям и герцогам, над которыми стоит закон о неприкосновенности транзитных составов. Моих составов. Моей маленькой империи, граничащей со всеми княжествами разом.

– Спокойной ночи.

Глава 7

Город, собранный широченными лентами автомобильных дорог вокруг монструозных высоток с гербами на шпилях. Город, в котором серые цеха заводов и складов могут занимать пространства до горизонта, а за дымом теплоцентралей не видно неба. Но одновременно – с парками не меньших размеров, разбитых в самом центре, на драгоценной земле, квадратный метр которой стоит больше, чем обычный человек заработает за всю жизнь.

Город-государство с населением в двадцать миллионов человек. Сердце, качающее по артериям банковской системы финансовые потоки. Ум страны, ее голос и твердая рука, открытая для рукопожатия и сжатая в кулак для драки.

– Почему в наш вагон загрузили танк? – Бестактно прервал романтику сравнений Артем, подозрительно глядя с пассажирского сидения.

– Потому что это технически возможно, – дипломатично ответил я.

Мы неслись по трассе в шесть полос с положенными сто двадцати километрами предельной скорости, разумно выбрав крайнюю справа полосу, чтобы не мешать отчаянно опаздывающему городу. Ракетами проносились мимо одиночки и богатые кортежи. Камеры фиксации нарушений никого не смущали – тут все были готовы платить. Десяток минут ценился дороже штрафа, единого на всю страну, потому смешного для столицы. Стандартные расходы, вроде бензина.

– Допустим, – набрал Артем воздуха в легкие и медленно выдохнул. – А почему тогда его заварили той же самой маскировкой из металлического хлама?

– Тебя очень сильно волнует этот танк? – Присмотрелся я к указателям будущей развязки.

– Очень.

– Ну вот, – спокойно констатировал я. – А так люди его не увидят и волноваться не будут.

– Максим!

– Что? – Невозмутимо уточнил я, съезжая на нужную ветку трассы.

– Ладно, – махнул он на меня рукой. – Вот поймают тебя с этим танком, сам все расскажешь.

– Это металлолом по документам.

– Танк?! Да он своим ходом на платформу залез!

– Ну, он же из металла, – пожал я плечами. – Плюс разумный процент

включений, пластик там, резина. Идет по пятнадцать копеек за килограмм, если интересуешься.

– М-м, он хоть стреляет?

– Металлом-то? – С усмешкой уточнил я.

– Тогда ладно, – успокоился Артем.

– Конечно стреляет, – вырулил я к башне из стекла и бетона в двенадцать этажей.

Все, что выше – запрещено к строительству тем, у кого нет герба. Небо – для аристократов.

Рядом подавился фразой товарищ и закашлялся.

– Снаряды по сорок копеек за килограмм. Цветмет, сам понимаешь.

– Но это же страшно дешево! – Удивление даже перекрыло возмущение.

– Зато ты бы знал, как дорого порою стоит перевозка негабарита, – цокнул я, с улыбкой выбираясь из машины на асфальт парковки. – Да успокойся, груз принадлежит одной фирме, перевозит вторая по заказу третьей, а та на комиссии у четвертой. Я там вообще ни при чем.

– Доиграешься, точно говорю, – буркнул товарищ, выходя из машины со своей стороны. – Надо ли так рисковать из-за одного танка?

Там их полтора десятка. Но эдак он еще сильнее переживать начнет... И это еще без вертолетов, которые по тридцать копеек за кг – меди и серебра много.

– На университет не похоже, – скептически озвучил Артем, вслед за мной двигаясь с тонированным дверям из стекла.

Никакой рекламы или наименования на здании не было. Обычная безликая коробка, органично влившаяся в ансамбль похожих зданий по обе стороны улицы, с литерным адресом на адресной табличке. Что это за место можно было прочесть только на небольшой золоченой эмблеме возле входа.

– «Индивидуальные механизированные перевозки», – прочитал друг и скользнул взглядом на лозунг чуть ниже. – «Единые решения автоматизированной транспортировки объемных ресурсов». Кучеряво.

Я молча вдавил неприметную кнопку слева от входа и придержал для Артема распахнувшуюся дверь:

– Прошу.

Тот со странным выражением оглядел меня и шагнул на мраморный пол широченного зала, вдали которого угадывалась стойка, на данный момент пустая, и серебристые двери четырех лифтов позади нее.

– Что-то немногочисленно, – цокнул Артем, разглядывая окружающую

пустоту.

Стоило закрыть дверь, отрезая уличный шум, и наступила приятная тишина – разве что шепот системы кондиционирования, наполняющей помещение приятной прохладой, звучал под перестук наших шагов – я уверенно шел к лифтам, а Артем за мной.

– Еще скажи, это тоже твое, – как-то серьезно, даже без иронии спросил он.

– У меня, если честно, ничего нет. – Признался ему, нажимая кнопку вызова у второго справа лифта. – Веришь, Юсупов Амир за это родственником признавать не хотел. Говорит, не достоин.

– Но ты ему объяснил? – Постарался заглянуть в глаза друг.

– Зачем? – Недоуменно глянул я на него, перед тем, как войти в лифт.

– Чтобы относились уважительно.

– Эм, а зачем? – Вновь не разобрался я.

Где в этом уважении деньги, прибыли и интерес? Вот желание назвать своим чужое и попытаться навязать свою волю – оно неотрывно с этим уважением.

– Нудный ты, – фыркнул Артем. – И скрытный. Ничего про все это не говорил, – обвел он рукой сверкающий металл кабины лифта.

– Когда ты в последний раз у меня о чем-то спрашивал? В девятом классе? – Вышел я на нужном, десятом этаже.

– Ладно, прости, – пробурчал он. – Родители посчитали твое общество слишком опасным, – признался он напоследок. – Я был против.

– Это после какого случая? – Заинтересовался я.

Мы шли по длинному светлому коридору, украшенному дверьми с обеих сторон. Ни на одной из них не было таблички, даже врезки замка не отыскать, не говоря о ручке – чистая, гладкая поверхность, окрашенная под дерево.

– По совокупности деяний, – засопел он, явно вспоминая насыщенное лето перед старшей школой.

Нас тогда отправили из города в местный летний лагерь, с отбором на основании социального статуса родителей. Артем был под маминой фамилией, и для всех – не княжеским сыном, а так – почти как я, из простых, хоть и приближенных. В общем, с остальными ребятами мы сразу не поладили, а классические методы решения проблемы блокировало торжественное обещание не применять Силу и не драться. «Вы должны научиться решать проблему без этого!» – благородным посылом был выслан наш путь.

На третий день, после объявления войны в виде соленого компота на

нашем столе и слитного гогота за соседним, в ночь мы слили с трактора солярки и залили ее в выставленный на подиуме при въезде в лагерь Т-34 времен второй мировой. Добротная техника завелась, пронзив ревом спящий лагерь. Ну а мастерство вождения позволило снести только домики неприятелей. Люди, разумеется, не пострадали – весь лагерь был предупрежден рокотом дизеля и с благоразумно бежал в лес. Наивные. Через какое-то время особенно отмороженные недруги повстречали в чащобе гигантского медведя. С тех пор характер их изменился, став робким и заикающимся.

«Я имел ввиду совсем не это!» – Кричал потом на нас человек, что брал обещание, а мы грустно кивали головой. – «Я говорил про дипломатию!»

В общем, во вторую летнюю смену, уже в другом лагере мы-таки освоили все таинства дипломатии. Оказывается, любой конфликт можно решить словами, если они звучат, как «ребята, у нас есть танк». Особенно после подтверждения, что те два отмороженных парня в дрожащем ночном видео на ютубе, снятом на бегу, неслучайно похожи на нас.

Дипломатия – это, как оказалось, вообще мое. Главное правило в дипломатии, чтобы танк действительно был, и продолжение беседы выходит позитивным и дружественным.

Ну а у Артема отчего-то любая затея с танками теперь ассоциируется с неприятностями. Индивидуальная реакция, причем ошибочная, я считаю – механик-водитель он от бога.

– Тебе в третью дверь направо. Там душ, сменная одежда. Твой размер найдется.

– Это еще зачем? – Возмутился Артем.

– Ты же не хочешь вызывать стойкие ассоциации с поездом и долгой дорогой? Выйдешь раньше – постучись в дверь напротив, я там.

– Откуда в офисах душевые? – С сомнением пробурчал он, подходя к своей створке двери, но не решаясь ее открыть.

– Не за всякой дверью то, что написано на табличке.

– Тут вообще ни одной таблички нет!

– Значит, там может быть вообще все, что угодно. – Распахнул я свою дверь, входя в уютную комнату с панорамным остеклением и запирая за собой.

Артем уж наверняка справится и зайдет самостоятельно.

А передо мной был обычный гостиничный номер, из лучших – с широкой постелью, холодильником, офисным столом и ноутбуком. По правую руку дверь шкафа прикрывала полноразмерную гардеробную

комнату, по левую же за зеркалом спряталась душевая и прочие удобства. Весь этаж предназначался для командированных, а так же для персонала, привычного к ночным вахтам. Страна большая – иногда нужно ночевать на работе, чтобы позвонить во Владивосток и застать их «восемь утра».

К слову, в коридор я вышел первым, поправляя серый костюм, надетый поверх классической белой рубашки с красной бабочкой.

Вежливо постучал в противоположную дверь и покосился на достаточно скромные часы на левой руке. Пока в графике.

– Тут сорочка не застегивается! – Отчетливо проворчал Артем на мой стук.

– Это называется «мода», – чуть повысив голос, подсказал я.

Резко распахнулась дверь, и из комнаты на меня хмуро посмотрел товарищ. Был он в островерхих бежевых туфлях, брюках им в тон, застегнутых строгим ремнем с достаточно вычурной серебряной пряжкой. Мускулистый торс закрывала шелковая сорочка с крупным, но почти незаметным по цвету орнаментом, а мощную шею даже и не думал закрывать достаточно широкий и непослушный ворот, пуговицы на котором были исключительно декоративными.

– Почему там нет ничего нормального на мой размер? – Хмуро произнес он. – Я проверил. Два пиджака на спине порвались. Кстати, извини, – добавил он с оттенком вины, чуть умерив тон.

– Это сейчас – самый шик, – доверительно доложил я ему.

К тому же, с пиджаком такое не носят.

– У нас за такое бы побили. – Тронул он ворот.

– Тебя?

– Не меня, а вообще!

– Через год перестанут. Мода распространяется со скоростью выхода новых сериалов. Тут снимают сейчас, у нас покажут потом. Да нормально все, точно тебе говорю! Между прочим, кучу денег вещи стоят. – Постарался я быть убедительным.

– А ты почему выглядишь нормально? – Смотрел он на меня с легкой завистью.

– Так провинциал, – развел я руками и выдал убедительную улыбку.

– А я, значит... – Как-то нервно оглядел себя с ног до головы Артем, подбирая приличное слово.

– Респектабельный аристократ, – уважительно высказал мнение и вовремя повернулся к лифту.

– Ладно хоть карманы нормальные, бумажник и нож переложить можно, – Проворчал он мне в спину, заходя в кабинку.

– Это под новую модель сотовый телефон. – Нажал я на две кнопки лифта сразу – седьмую и вторую.

– Все-то ты знаешь, во всем разбираешься, – тихо шумел рядом явно недовольный товарищ.

– Ботинки жмут?

– Нет!

– Тогда в чем дело? – Вышел я на новом этаже, пронзенной ниткой абсолютно такого же коридора, прошелся чуть дальше и остановился возле очередной типовой двери, пятой по счету от лифта.

Пока Артем формулировал свое недовольство, приложил ладонь чуть сверху и слева от центра, дождался щелчка автоматики и шагнул внутрь, на паркет крупного кабинета, залитого столичным светом.

– Максим, – подхватился с места друг Димка, блеснув радостью сквозь линзы дорогих очков, и тут же быстро зашагал навстречу, протягивая руку.

Пиджак индивидуального пошива, шелковая сорочка, сверкающие штиблеты и сияющие белизной ровные зубы – так теперь выглядел мой давний приятельский друг. Деньги изменили его внешность, сделав лучше, но не тронули душу – потому как там и раньше все было отлично. Ум, верность, доброта для своих и жесткость для окружающих – именно характер позволял зарабатывать деньги, а вид был пропуском в мир крупного капитала.

– Хочу представить, мой помощник и хозяин этого здания, Дмитрий, – представил я его Артему. – А это Шуйский Артем.

– Очень рад знакомству, весьма наслышан, – осторожно пожал Димка руку моего товарища двумя ладонями. – Присаживайтесь, у меня все готово.

Он указал на длинный С-образный стол, заставленный папками, к которому было примкнуто три кресла с одной стороны и одно начальственное внутри дуги. Но присел Димка не за свое рабочее место, а в кресло рядом с нами.

– Вот, ознакомься, – тронул он корешок папки рядом. – Это досье на преподавателей, это на их семьи, тут у нас материалы на секретариат деканата, – касался он папки за папкой. – Это материалы по аспирантам.

– Максим, что происходит, – вклинился громким шепотом в перечисление Артем, тронув за локоть.

Димка из вежливости остановил перечисление.

Я тоже приподнял бровь, ожидая продолжения от Артема.

– Сбор информации о государственных служащих – это нарушение закона! – Грозно тряхнул он непослушным воротом рубашки.

– Мы когда поступать будем, анкету заполняем, верно?

– Ну, – напряженно глядя, подтвердил он.

– Благодаря нашим анкетам, преподаватели с нами знакомятся, – благожелательно продолжил я. – Будет правильным, если мы тоже немного узнаем про них.

– Максим, но не в таком же объеме! – Пододвинул он папку и распахнул на случайном месте. – Тут даже кличка кота!

– Хорошо, я тоже напишу, что моего кота зовут Машк. – Терпеливо кивнул я. – Это ведь будет честно?

– Да тут не только клички, – в некотором смятении листал бумаги в папке Артем. – Тут вся личная жизнь, привычки, интересы!

– Согласись, все это мы узнаем во время учебы.

– «Федор Семенович, высшая математика, сорок семь лет, женат, есть любовница, смотри приложение шесть. Любит выпивать». – Прodeкларировал Артем. – Максим, пойми, должны быть какие-то пределы! Адекватные рамки, за которыми тебя не схватит за шкуру Имперская Безопасность и не потащит на висельницу!

– Что, так и написано? – С недоверием переспросил я. – «Любит выпивать»?

– Именно! – Хлопнул Артем по бумагам ладонью.

– Димка, – с укором повернулся я к другу. Тот виновато хмыкнул и отвел взгляд.

– Почему не написано, что именно любит выпивать? – Покачал я головой. – В каких количествах? Где? С кем? По каким дням недели?

– Мало времени для разработки, – дернул Димка плечом, но тут же встряхнулся и куда увереннее выудил из внутреннего кармана черный смартфон, положил на стол и слегка подвинул в мою сторону. – Вот, тут все базы в электронном виде. Все то, что есть в этих папках на данный момент. Будьте уверены, обновление направим в самое ближайшее время.

Артем ссутулился и недовольно покачал головой.

– Максим, ты в моей свите, если тебя с этими знаниями поймают...

– Спасибо Дим, отличная работа, – похвалил я расцветшего улыбкой друга и обратился к Артему. – Пойдем, поругаешь меня по пути.

– А мне дадут такой же телефон?

– Нет.

– Но почему? – Возмутился Артем в голос. – У меня, вон, и карман подходящий...

– Потому что ты вечно против любого приключения, но искренне возмущаешься, когда оно проходит без тебя. – Похлопал я его по спине,

вызывая лифт. – Не беспокойся, мы ведь рядом, так какая разница, в чьих руках телефон?

– Если нет разницы, почему не в моих?

– Так он без моего отпечатка взорвется. – Невозмутимо пояснил я ему, нажимая на кнопку последнего этажа.

– Это да, аргумент, – нехотя признал Артем. – И вообще, ты мне должен многое рассказать. – Произнес он, вновь оглядывая пустынный холл.

Я только плечами пожал. Два года хотел рассказать – да он слушать не хотел. А тут – всего одно здание и немного информации.

– Сейчас в универ, – обозначил я другу планы, и вместе с ним вышел из здания на улицу.

Туда, где эвакуатор загружал на платформу мою припаркованную перед зданием хонду.

– Кем бы ты себя не считал, Москва тебя сожрет, – с неким удовольствием произнес Артем, положив мне руку на плечо.

Эвакуатор тем временем неспешно отчалил. А вслед за ним подъехал еще один – принявшийся сгружать с себя белоснежный «Кадилак Эскалейд».

– Это что за? – Удивился друг вслух.

– Княжич Шуйский не может приехать в университете на старенькой хонде, – прищурился я на блеск хромированных дисков. – Давай за руль, мне такой авто водить нельзя.

Артем с изумлением посмотрел на меня.

– Поехали, твоя светлость, – подмигнул я ему. – Я покажу дорогу.

Глава 8

Особое мастерство сюрприза – вызвать неподдельное восхищение на лице получателя.

В машине, подаренной мне Артемом, все вещи были на своих старых местах, подчеркивая внимание и уважение к привычкам. Я постарался угодить не в меньшей мере.

– Слушай, даже регулировка сидений и зеркал под меня, – наслаждался Артем вождением, с удовольствием поворачивая с тесной улочки, заставленной машинами, на автостраду.

Моя подколка забылась, а пейзаж вокруг сменился обзорными видами Москвы – с высоты поднятых над землей путепроводов и развязок. Столица – она очень разная: красивая и тоскливая, богатая и бедная, в сверкании позолоты и облезшей с ржавчины грунтовки. Смотря куда смотреть и откуда. Чем выше и ближе к центру, тем больше красоты – как уже наверняка заметили хозяева сотни невероятно высоких клановых башен, видимых практически из любой точки города. Разных башен, индивидуальных в своем величии, мастерстве архитекторов и богатстве, выставленном напоказ. Но все они едины в одном – из каждой башни отчетливо виден Кремль, далеко не такой высокий и помпезный. Можно сказать, скромный в своем облике белых стен и молодой зелени островерхих башен. Но смотрят на него с княжеских высот пристально и очень насторожено.

– Документы твои тоже переложил на положенные места, – между тем, прикрыл я глаза, принимая похвалу.

– Руль-то какой удобный, все как в моей парадно-выездной машине! А мне говорили – редкость, – продолжал Артем восторгаться, любовно проводя рукой по бежевой коже. – И герб на номерах как у меня, – слегка задумчиво продолжил он, а затем отчего-то напрягся и откинул солнцезащитный козырек. – Максим.

– Ау? – Откликнулся я, лениво глянув, как товарищ цепко смотрит на укладку документов, подцепленных в специальный кармашек.

Документов, которые он точно не брал с собой в Москву.

– Ты спер мою машину. – Утвердительно и как-то спокойно произнес он, отчетливо скрежетнув зубами.

– Совершеннейшая неправда, – открестился я. – Чья машина? Твоя. Кто за рулем? Ты.

– Ты спер мою машину!!!

– Доставил к тебе в Москву. – тактично поправил я.

– Да ты знать не знал, что я с тобой поеду!

– Позвольте, – возмутился уже я. – У меня было сорок минут, пока мы ехали по трассе. Ты что, считаешь, что я настолько бездарен, что не способен ничего организовать за это время?! Ну знаешь, я считал тебя другом, – скрестил я руки на груди и демонстративно отвернулся к окошку.

– Да постой ты, – с досадой отозвался Артем. – я не это хотел сказать... Стоп! Ты мне зубы не заговаривай!

– Ну что мне, тот красный контейнер на вертолете порожняком в Москву гонять? – Примирительно произнес я. – Зато сейчас на колесах. Ну что тебе не нравится?

– Мне не нравится, что она сейчас наверняка в угоне!!!

– Так документы же на руках? Отзвонись да и сними угон.

– Максим, – снова скрежетнули его зубы, но он все же не сорвался на новый вопль. – Мне очень не желательно звонить домой.

– Досадно, – потянулся я почесать затылок, но спохватился и оставил руки лежать на коленях.

– И это все, что ты можешь сказать?!

– Если бы ты мог позвонить домой, наверняка был бы доволен. – Вздыхнул я в ответ. – Команду на доставку я дал еще до посещения универмага.

– На «доставку», – фыркнул Артем. – Да как тебе в голову пришло такое поручить?! С охраняемой стоянки, джип на княжеских номерах!

– Ой, ключи все равно в замке зажигания.

– Конечно в замке зажигания! Назови мне человека, который станет угонять княжеский джип! Хотя погодите, я же его знаю!

Но говорил Артем уже без прежней ярости, скорее ворчливо. Он вообще – отходчивый и при этом очень умный, так что редко злится на то, в чем видит логику и доброе пожелание.

– Да, я немного виноват, – признал свой недосмотр. – Думал, ты просто сбежал из дома под шумок больших событий. Дед точно еще лет пять власть не отпустит, время у тебя – море.

– А просто спросить? – покосился он.

– Что спросить?

– Спросить, – терпеливо повторил он. – Стоит ли перевезти мою машину сюда?

– Так какой же тогда будет сюрприз, – хмыкнул я.

– Максим!!! Я в угнанной, но при этом в своей машине, еду по столице

под десятками камер! Где-то там уже наверняка грузится в автобусы спецназ, объявлен план-перехват! Да нас заблокируют на следующем же съезде!!!

– Главное – не спорить и спокойно дать уложить себя на асфальт, – поспешил я с дельным советом. – Там люди вообще без чувства юмора.

Кожа на руле отчетливо скрипнула под руками Артема.

– Мне кажется ты просто нервничаешь перед университетом. – Заметил я мудро.

Тот каменной физиономией медленно повернулся ко мне – благо, хоть дорога впереди прямая, так бы точно влетели куда.

– Ай, да ну тебя, – расслабляя мышцы, безнадежно махнул Артем рукой, дотянулся до портфеля с документами на заднем сидении и принялся выуживать документы, выкладывая их на торпеду над рулем.

Чтобы, значит, при проверке под рукой были.

– Ты паспорт после четырнадцати лет менял? – Заинтересовался я.

– Нет, зачем? – Продолжал он манипуляции с бумагами.

Значит, на фотографии в паспорте – скромный парень интеллигентного вида в очках. А не обретший волю и мышцы шкаф.

– Не признают, – цокнул я скептически. – Ты с этими документами из разных эволюционных ступеней.

Артем замер, затем взглянул на права, лежавшие на стопке бумаг сверху, и хмуро всмотрелся в улыбающуюся и худенькую физиономию. Права мы тоже получили в четырнадцать.

– Да что б тебя... – Произнес он с тоскливым надрывом, а затем заприщипав что-то в зеркала уже откровенно взвыл. – Я же говорил!

Крякнув дикой уткой, позади пристроился мерседес с полицейской расцветкой и игриво мигнул сине-красной люстрой.

– Вон там остановиться можно, – с заботой подсказал я ему, указывая на кармашек после знака «место стоянки».

– Молчи, просто молчи, – категорично отозвался Артем, снижая скорость и выруливая одной рукой, другой же лихорадочно тасуя документы так, чтобы сверху был просто княжеский патент.

Внешний вид и форма серебристой гербовой бумаги «Его светлости» пережили уже два столетия без серьезных изменений, оттого и сейчас она не украшалась фотографией. Но и подделать ее было не под силу обычному жулью, так как в сути своей патент представлял собой артефакт, охотно отзывающийся визуальными эффектами по требованию настоящего владельца, будучи в его, и только в его руках. У Шуйских серебро бумаги проходило жемчужными волнами, складываясь в силуэт стремительно

взлетающей чайки – мне как-то показывали, опасаясь, что я решу проверить эффект самостоятельно и все сломаю. Возмутительное предубеждение.

Занятно, что именно чайка – в роду-то прирожденных медведей-оборотней. Быть может потому, что второй облик Шуйских – довольно серьезная и тщательно оберегаемая тайна. У них из-за этого и родовое оружие – пистолеты, огнестрельное оружие, а родовая стихия – огонь. Абсолютные антагонисты медвежьей природе – чтобы даже краем мысли не связали огромные следы в дремучих заповедниках княжества с теми элегантными и солидными людьми, что обитают в родовой крепости. В общем, тайна настолько деликатная, что подшучивать над Артемом никогда не становится скучно. Понятное дело, что допустимо это только среди своих, посвященных и уже успевших на нем прокатиться. Но если без шуток – большой кровью может огласка обратиться. Никто не любит чуждого, нелюдского – под искоренение коего (и попутный грабеж) всегда можно найти союзников. Хорони их потом...

– Так, документы есть, руки на руле, Максим молчит, все будет в порядке, – между тем успокаивал себя княжич, останавливаясь на краю дороги.

Я только фыркнул и отвернулся, но краем глаза продолжал наблюдать в центральное зеркало, как из остановившегося позади автомобиля, уже не сверкающей «люстрой», с пассажирского сидения с солидной неспешностью выбрался мужчина в возрасте, поправил мундир с богато расшитыми и звездными погонами и принял от кого-то в салоне фуражку, размещая ее на голове козырьком ровно вперед мастерски и с изрядным опытом. Последним из салона показался продолговатый футляр орехового дерева сантиметров сорок в длину, десять в ширину и пять в высоту, принятый вышедшим офицером бережно, двумя руками. И столь же деликатно, неспешно, он понес его к нашей машине, двигаясь со стороны водителя.

Артем явно удивился, но виду не подал. Кнопкой опустил стекло рядом с собой, позволяя звукам оживленной трассы ворваться в салон. Следом пришел запах разогретого асфальта и бензина, а парой секунд позже – тонкие нотки хорошего одеколона.

Из-за высоты машины, взгляды Артема, все еще дисциплинировано удерживающего руки на руле, и подошедшего господина, оказались на одном уровне.

Седина на висках, морщины под глазами и холодный, цепкий взгляд, за равнодушием которого чудилась ярость и обреченность, запрятанные

настолько глубоко, что уловить их можно было только зная, что произошло.

Артем понятия не имел, оттого встретил офицера радушной улыбкой и простодушным вопросом.

– Что-то случилось? – Произнес мой друг легко и спокойно, щурясь от заглянувшего в открытое окошко яркого солнца.

Офицер ощутимо вздрогнул, подавившись заготовленной фразой. Но довольно быстро собрался и четким, выверенным движением протянул футляр Артему.

– Приношу извинения, Артем Евгеньевич, за доставленные неудобства. Неизбежные в профессии накладки. Виновные будут строго наказаны. Прошу принять от всего сердца.

Артем подарок принял, умудрившись не выдать обескураженности на лице и не озвучить вертящиеся на языке вопросы.

– Честь имею, – резко качнул головой офицер, по-уставному повернулся через левое плечо и отправился к своей машине чуть ли не чеканя шаг.

Надо сказать, следующие свои слова Артем произнес уже после того, как позади вновь замерцало синим, и ведомственный авто, потребовав себе начальственным побрякиванием место в вечно спешащем потоке, вновь вырулил на магистраль. И даже после этого события прошло не менее пяти минут.

– Максим, что происходит? – Коротко выдохнул он, продолжая смотреть вперед через лобовое стекло.

Футляр продолжал лежать на его коленях нераскрытым.

Я изобразил пантомимой, что вообще-то мне настало запретили что-то говорить.

– Не пясничай. Можешь говорить. Итак? – Рубленными и строгими фразами потребовал он ответа.

– Позволь выразить искреннее возмущение этим безальтернативным тоном, который накрепко связывает меня с происшедшим. Эта тенденция во всем винить именно меня, раздражает еще со школы. Какая-то вечная презумпция виновности!

– Но это ведь ты, да? – Не сменил тон Артем.

– Я, но...

– Максим!

Один из случаев, когда слово приобретает новое значение. Было имя – а стало нечто обвинительное и требующее немедленного раскаяния вместе с расшифровкой всех планов.

– Ладно... Твоя машина, как я уже сказал, была контейнере. Вертолет с

контейнером летел в Москву. Мои недоброжелатели задействовали свои связи в штабе ПВО столицы и посадили вертолет. Вскрыли контейнер, сорвали пломбы. А там твой джип. Княжеский, то есть.

– Краденный... – Глухо отозвался Артем.

– Ну кто ж станет красть княжеский джип! Да кому такое в голову придет!

Артем молча сложил руки на руле и уперся в них лбом.

– Вот и получается, что местного генерала подставили, заставив посадить вертолет с имуществом наследника княжества Шуйских. А тот даже не аристократ, ему твой гнев, переданный через отца, всю карьеру сломать может. Вот, разыскал нас и пришел лично приносить извинения.

– Так что у тебя в Москве есть первый должник, – бодро завершил я, уже со скепсисом предчувствуя, что благодарностей не дождусь.

– Максим, а мне он нужен? – Выпрямился товарищ и строго посмотрел на меня.

– Ну, дело ведь хорошее. Не в этом году, так через пару-тройку...

Артем поднял стекло, завел машину и молча вырулил на магистраль. Смотрел он вперед холодно и равнодушно, сконцентрировав все внимание на дороге. А подарок офицера, так и неоткрытым отправился на заднее сидение, вместе с документами, собранными одним движением с приборной панели.

– Что, даже что в футляре, не посмотришь? – Осторожно поинтересовался я, заерзав от его реакции.

– Нет.

Я невольно покосился назад.

– А можно я посмотрю?

– Нет.

Тревожное ощущение и некая неустроенность, как у кота перед дверью, за которой кто-то шуршит, поселилась в душе.

– Я одним глазком?

Артем вобрал воздух для очередного категоричного отказа, но выдохнул с некой обреченностью и отмахнулся рукой.

Быстро перегнулся через кресло, приподнял крышку, мазнул взглядом по содержимое, закрыл и удовлетворенно вернулся на место. Ощущения – как будто прохладный ветер подул на зачесавшееся место.

– И что там? – Полюбопытствовал все-таки Артем, пусть и прежним равнодушным тоном.

– Наградной кортик, выданный в честь завершения офицерских курсов. Категорически не рекомендуется терять, вещь сугубо

индивидуальная и где-то даже ритуальная.

– Зачем он мне?

– В том-то и дело, что незачем! – Старался добавить я эмоциональности в тон, чтобы перебить его равнодушие. – Поэтому спокойно можешь вернуть его назад. Более того, с твоей стороны это будет правильно и красиво. Но так как это подарок возвращенный, то вместо него тебя попросят выбрать что твоей душе угодно: вещь или услугу. Это обычная ситуация, когда неизвестна плата, которую затребуют, но по умолчанию согласны на любую.

– Я же не для себя... – Произнес чуть смущенно, так и не дождавшись ответа или какой-либо реакции.

И вновь тишина.

– Мы же просто ехали учиться, – произнес он, не выдержав, сквозь зубы.

– Тебе не кажется, что просто ехать – невероятно скучно?

– Поэтому надо манипулировать, использовать чужой герб и имущество, сталкивать лбами генералов и тревожить систему обороны столицы?!

– У меня все точно и запланировано на несколько ходов. – Уверил я его. – В конечном итоге, ты главный выгодоприобретатель, без малейшего для себя риска.

– А ты?

– Я – в легком плюсе, – добавил я тоном скромного хорошиста.

На этот раз молчание длилось несколько минут. Я уже собрался выдать что-нибудь примирительное, когда Артем вновь заговорил – тоном усталым, но с оттенком заботы. Как отчитывают тех, кто бесспорно дорог.

– Скажи, почему с тобой все так сложно, а? Какие-то танки, вертолеты, контейнеры, генералы...

Набрал было воздуха, чтобы отделаться шуткой, но, поразмыслив, решил, что так будет неправильно. Крепко дружили мы достаточно давно, так что теперь многое друг о друге не знаем. При этом, в памяти моей, Артем – он все еще прежний, будто не прошло и одного дня с момента последней встречи. И для Артема, наверняка, я остался там, в конце девятого класса.

Забавно, но отвечая на его вопрос, не придется искать отметку, с которой все изменилось, после которой со мной стало «все так сложно».

– А что мне было делать тогда, два года назад? Ты телефон не берешь, Федор уехал, скучно. – Спокойно ответил я, не допуская и намека на иронию.

Артем покосился, но встретив абсолютно серьезный взгляд, задумчиво хмыкнул и надолго замолчал. Поглядывал, правда, будто ожидая улыбки или продолжения истории. Но она, история, вся целиком такая и есть.

Новый съезд вернул нашу машину в тесные объятия города. Тут, ближе к центру, свободной земли было отчаянно мало, оттого теснились по обеим сторонам дороги дома: старые и новые – древние панельки времен завершения войны, когда жилья требовалось много, дешево и быстро; там же, плечо к плечу к ним высились молодые красавцы из кирпича и гранита. Иногда казалось, будто не здания, а отцы и дети стоят плечом к плечу. И виделась в этом даже не смена поколений, а подвиг, которые старики, пусть ветхие, но все еще горделиво и осанисто стоящие на мощных фундаментах, через бедность и надрыв сил совершили для того, чтобы росли рядом молодые, богатые и счастливые.

Медленно приближался центр города через традиционные пробки, куда быстрее росли цены за квадратный метр на рекламных баннерах, а Артем все молчал, обдумывая что-то свое.

Университет, в общем-то, далеко не в середине города – корпуса и общежития вынесены ближе к северо-востоку, забирая от столицы добрый десяток квадратных километров. Просто навигатор, который Артем пробудил в машине, вел нас напрямик через центр, не признавая сложности передвижения по перегруженной транспортом столице. Вернее, вел он правильно со своей точки зрения – ведь для княжеского авто допускалась куда большая свобода по правилам дорожного движения. Те же выделенные полосы со значком «А» – для автобусов, но Артему можно читать и для «аристократов». Только вот после новости о сложном статусе машины – толи в угоне она, толи нет – двигался он по дороге с осторожностью пенсионера, у которого на день просрочена страховка, в багажнике тело случайно сбитого оленя, а сам он немного нетрезв в связи с поминками по сохатому. А вокруг, как бы, столица страны...

– И ты занялся танками? – Произнес наконец Артем недоверчиво.

– А что ты мне предлагаешь делать в такой ситуации? Начать курить?! – Отозвался я на его недоверие.

Он только головой покачал.

– Ладно, замяли, – буркнул Артем, уступая нагло влезшей из соседнего ряда «мазде».

«Мазда» моргнула габаритами «спасибо». Потом, видимо, присмотрелась к княжеским номерам, и замигала «спасибо» совсем уж отчаянно...

– Ну мы едем, нет?! – Рыкнул товарищ и длинно библикнул.

Впереди сорвались вперед, обгоняя движение через две сплошные.

– Вот же сумасшедшие, – отозвался Артем, набирая скорость в, наконец-таки, приободрившемся потоке машин.

Дорога стремительно расширялась, уходила витками в высь, падала под землю, пронзая ее на протяжении доброго десятка минут, потом вновь взметнулась на широкий мост, открывая вид на изгибы спокойной реки, к которой вплотную подступал лес – настоящая чащоба, тут, все еще почти в самом центре... А на вершине лесного склона, шедшего к реке, горделиво смотрели в небо шпили главного корпуса МГУ, цвета платины и алебастра, с темно-алым кантом у карниза. Если приглядеться, виделась и свита из университетских корпусов – невысоких, максимум в пять этажей, окруживших главное здание. К слову, частенько перестраиваемых практически с нуля – нервные студенты, обладающие Силой, в период сессии иногда срывались...

– Мы будем там учиться, – спокойно произнес Артем, не сомневаясь ни мгновение.

– Разумеется, – кинул я, неотрывно глядя вперед.

Дорога повернула вправо под зеленую стрелку светофора и завершилась перед бетонным блоком с крупной и убедительной схемой, как выбраться на парковку. За бетонным же блоком кипела пешеходная жизнь – по асфальту, по тротуарным дорожкам уже расхаживали сотни людей самого разного возраста – от тех, кому предстояло сегодня сдать или не сдать экзамены, с группами поддержки из друзей и родни, до праздных зевак, кому дни поступления в центральное учебное заведение год от года служило неплохим шоу.

– Вот сюда поверни, – указал я на полностью заставленную «восьмерку» парковочных мест, ближнюю ко входу в главный корпус.

– Там все занято. – Отметил очевидное Артем, вытягивая шею в поисках свободного места.

Гигантская, без шуток, парковочная площадка была заставлена полностью и переплетена медленнодвигающимися машинами, занятыми тем же самым, что и Артем – выглядыванием тех, кто-то может отъехать.

В цепочке гражданских машин бесшумно сверкали синими люстрами постовые автомобили, зорко пресекая через громкоговорители попытки запарковаться вторым рядом. В общем, многие, проехав всю парковку насквозь, выбирали обратный путь в город, потеряв всякую надежду. Благо, еще можно было оставить железного коня у станции метро и вернуться по персональной ветке до университета.

– Поверни, – добавил я просительно и мягче.

– Ладно, сделаем круг, – проворчал он, вырвав и медленно двигаясь вдоль заставленных с двух сторон рядов.

Неожиданно в двух метрах от нас ожил двигатель габаритного белого микроавтобуса и выехал, освобождая нам место.

Отличное место, надо сказать – в сорока метрах от главного входа. От такого чуда, кто-то даже выскочил из машины, надеясь занять место собственным телом. Но, углядев номера на машине Артема, с досадой остановился.

– Хочешь сказать, у тебя все распланировано? – Покосившись на меня, запарковался Артем.

– Смею на это надеяться, – ответил я ему улыбкой.

– То есть, вообще все? Куда нам идти? Как, к кому? – Не отрывая от меня взгляда, открыл дверь со своей стороны друг.

– Есть такое, – выбрался я из машины.

– Раньше ты любил неопределенность.

– В спокойствии и размеренности есть свои преимущества. – Прищурился я на солнечный свет и повернулся. – Документы не забудь.

– А твои где? – Достал он из машины укладку бумаг.

– В приемной комиссии, разумеется.

– Ну-ну, все просчитано, все учтено, – хмыкнул он. – Сколько у нас еще времени? – Мурлыкнул дважды брелок в руках Артема.

Никогда он ее на сигнализацию не ставил – и вот...

– Полтора часа.

Полтора часа – это до момента открытия регистрации на первый экзамен. Статус Артема позволял его там же и «сдать», как и все остальные, которые будут позже. Но общего порядка никакой титул не менял.

– Быстро мы. – Повернулся Артем в сторону площади и посмотрел с высоты роста на деловитую и чуть нервную суету абитуриентов. – Могли бы что-нибудь посмотреть интересное по пути.

– Вон, смотри, – указал я на площадь. – Самое интересное в Москве – это москвичи. – Произнес я убежденно.

И смотреть действительно было на что. Наверное, когда прическа может стоить со среднюю заработную плату в нашем княжестве, так и должно получаться – необычный вид, необычные одежды, стили, цвет волос, бижутерия, линзы в глазах. У парней. И почти то же самое, но при этом – длинные, ниже колен и почти до пола, летние платья у девушек с красными, синими, золотистыми и зелеными волосами, причудливыми браслетами и сверканием камней в ожерельях и сережках.

И все они – с книгами, конспектами, стоя, на ступенях, на брусчатке площади, привалившись к стенам, на траве, на парапете. Ощущение возбужденного предвкушения и легкомысленной радости последним теплым дням лета. А еще – флер причастности к этому могучему зданию, чтобы охватить взглядом которое приходилось заирать голову.

– Да ну, и обычные есть, – увидев ту же самую картину, явно впечатлился Артем, и невольно искал привычное.

– Приезжие, – с гарантией в голосе отреагировал я.

– Спасибо тебе, Максим, – отчего-то искренне произнес он.

– А?

– На фоне их, я нормальный. – Мельком и явно с удовольствием оглядел себя княжич.

– То-то же.

– Давай хоть пройдемся, – тронув затылок, шагнул он к зданию.

– Где машина стоит, запомнил?

– Так напротив парадного входа? – Не понял Артем.

– Мы сейчас вообще сбоку. – Хмыкнул я, глядя на чудо архитектуры, обладающее удивительным визуальным эффектом. – Справа.

– Да ну? – скептически огляделся он, и предложение лично в этом убедиться принял, как розыгрыш.

Но, в общем-то, убедились, повздыхали над красотами, полюбовались девушками («– В длинных платьях – местные, запомнил?») и уже с видом бывалым повторили круг по сторонам здания.

– Ощущение, как будто на открытку смотрю, – выдал сложные и противоречивые чувства Артем. – Как ненастоящее. И день такой же ясный, как на фото. Надо внутрь зайти, руками стены и перила потрогать.

– Наша очередь через двадцать минут подойдет, – глянул я на часы. – Вернее, нам уступят место, – уточнил я на вопросительный взгляд. – Но можно и сейчас. Ты, к слову, где жить собрался? Если тебе домой звонить нельзя, то в клановой башне, выходит, тоже не желательно появляться?

– Найду жилье, – отмахнулся Артем. – Я взрослый и самостоятельный мужчина.

– У тебя шнурки развязались. – Обратил я внимание на важное.

– Ага, спасибо, – жестом попросил он поддержать свои бумаги и опустил на корточки. – В общем, ерунда. Объявления есть, деньги тоже.

– Ты там только не дай себя обмануть, – уже механически посоветовал я, поймав краем глаза движение в нашу сторону.

Целенаправленное, напряженное и наполненное силой – оттого пропустить его не было никакой возможности.

Резко собравшись, без труда определил и вектор движения угрозы, волноломом движущейся сквозь скопление людей у лестницы главного входа. А затем с невероятным недоумением и искренним удивлением узнал в быстро приближающемся силуэте человека – давным-давно не виденного, уже более трех лет. И тем не менее – забыть которого нельзя да и совсем не хочется.

– Ника? – С удивлением и радостью признал я в остановившейся напротив рыжеволосой девушке старую знакомую.

В изумрудном платье, удивительно ей шедшем, памятная знакомая виделась даже лучшей версией самой себя, которая оставалась в моей памяти. Да и сейчас, запыхавшаяся от быстрого движения, оттого румяная и с глубоким дыханием, слегка поднимающим плечи – была совершенным очарованием. Только вот взгляд ее отчего-то совсем не соответствовал кажущейся радости момента.

– Так, – звонко и сухо произнесла она без малейшей улыбки. – Самойлов.

– Привет, Ника, – вновь улыбнулся я.

– Ты не будешь тут учиться. – Произнесла она строго и с тихой яростью.

– Что? – Признаться, недопонял я, и упустил момент, когда Ника аккуратно и ловко перехватила бумаги из моих рук.

А девушка одним невероятно сильным движением разорвала все документы напополам, после чего гордо и с вызовом подняла подбородок.

– Это были его документы, – указал на шокировано стоящего рядом товарища.

Артем со смятенным непониманием перевел взгляд с разорванных бумаг и патентов на Нику.

– Я, я, – сбилась Ника от взора княжеских очей.

В которых непонимание заклубилось яростью и гневом.

– Хочу еще представить, если вы успели друг друга позабыть, – галантно повел я рукой в сторону товарища. – Наследный княжич Шуйский Артем Евгеньевич. А это у нас, разумеется, Еремеева Ника, – улыбался я доброжелательно. Ника, вам не составит труда передать разорванные документы об образовании и удостоверения личности их владельцу?

– Я, я, я...

– Ох, давайте я вам помогу. Вот так... А теперь, беги, Машенька, – добавил я с искренней заботой, наблюдая, как поднимается тьма Ночи Охоты в глазах урожденного Шуйского.

– Я, я, н-не М-маша... – Пробормотала Ника, одновременно вполне

разумно пятясь назад.

Инстинкт самосохранения – великая вещь!

Наконец, она повернулась спиной и опрометью и явно применяя Силу рванула в сторону корпуса.

– М-м-мак-с-сим-м, – провибрировал низким рокотом искаженный голос друга.

Люди с хорошей интуицией поспешили расчистить круг в радиусе двадцати метров.

– Да ну, почти не порвались, – успокаивал я его, вручая документы. – Вот, видишь? Если совместить две половинки...

– М-максим-м...

– Что Максим? – Проворчал я. – Я вообще не понимаю что происходит! Это – не я!

Артем крепко зажмурил глаза и глубоко вздохнул. А когда выдохнул – был прежним, старым, от которого не удаляются спешно люди и не рвут поводки, пытаюсь сбежать, случайно оказавшиеся на их руках декоративные собачки.

– Та-ак. Твоя подруга?

– Я ее три года не видел! – Честно ответил я.

– Что ты ей сделал?!

– Ничего! – Попытался припомнить я все свои прегрешения и искренне развел руками. – Она мне жизнь спасла, я ей отослал письмо с благодарностями и ящик мороженого. Она не приняла. Я отправил нашего общего друга Игоря Долгорукого с новым письмом и подарочным тортом. И все!

– Точно?

– Да точно! – Всплеснул я руками. – Ну, я ее еще вроде в реку столкнул...

– Ах, в ре-еку!

– Да не записываю я! И вообще, я столкнул ее до того, как она спасла мне жизнь. – Воззвал я к логике.

– Иногда спасают для того, чтобы лично свернуть шею. – Как-то недобро посмотрел он ниже моего подбородка.

– Ящик мороженого! Торт! – Привел я веские аргументы этого не делать.

И не абы какой торт, а вышедший из под рук лично главы клана и рода Юсуповых. Как говорили знающие люди, за тысячелетия подковерных интриг род достиг настоящего мастерства в создании ядов и токсинов, убивающих медленно и быстро, маскирующихся под болезнь и спящих в

ожидании катализатора, наполненных Силой и без малейшего ее следа. Но порою, крайне редко, побочными результатами поиска очередной отравы оказывались настоящие кулинарные шедевры, секреты приготовления которых, впрочем, охранялись столь же строго.

В общем, торт Юсуповых – это квинтэссенция Счастья в шоколадной глазури. У меня один такой оставался после турнира – да и наверное во всем мире в тот миг он был один. И я понятия не имею, как за него можно не простить.

– Так, – обратил Артем внимание на документы в своих руках. – Вот по этой части документов я Артем. – Качнул он левыми обрывками бумаг с патентом наверху. – Вот по этому – Шуйский.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем! – Выдал я оптимистично и бодро. – Немного прозрачного скотча, и ты снова княжеских кровей!

Артем поднял на меня хмурый взгляд и покосился на часы на главной башне.

Там, где до регистрации на первый вступительный экзамен оставалось десять минут.

Глава 9

Сквозь массивные очки с плюсовыми диоптриями на нас смотрели тысячелетние мудрость и понимание, сокрытые в глубине карих глаз, но приближенные мощной оптикой. А грудной голос, исполненный уважения, осторожно уточнил по второму кругу:

– Так значит, бумаги ваши порвали? – Поправила оправу легким движением руки Эльза Леонидовна, председатель приемной комиссии, и обозначала искреннее внимание к ответу.

– Именно так, – с горячностью кивнул Артем.

Мы стояли перед массивным столом, брустверами по обе стороны которого высились личные дела абитуриентов, а в центре, освобожденному по такому случаю от бумаг, лежали наши документы, тщательно изученные и на данный момент мягко, но надежно зафиксированные к столешнице левой рукой Эльзы Леонидовны.

Ну а кабинет, в котором мы были, разумеется, был самым-самым – где, как нам пообещали все прошлые наши собеседники, очарованные моими увещеваниями и запуганные хмурым выражением лица Артема, обязательно решат нашу небольшую, хоть и крайне щекотливую проблему.

Проблема в том, что порванный княжеский патент не хотел «оживать» в руках Артема.

– И вы, юноша, княжеских кровей, – женщина мельком взглянула в бумаги перед собой, искусно скрепленные скотчем. – Шуйский Артем Евгеньевич?

– Абсолютно верно.

– И мы должны зачислить вас без конкурса? – Мягко улыбнулась она.

– И его тоже, – указал Артем на меня. – Он в моей свите.

– Очень интересно, – чуть повернула она голову, чтобы посмотреть на меня, и вновь вернулась к Артему. – Так-так-так. А патент ваш не работает, потому что был порван.

– Да!

– Тогда спешу поздравить вас, молодые люди, – положила она руку на бумаги и добавила обаяния в голос. – Вы в этом году – первые!

– Уф-ф... – на секунду отлегло у Артема от сердца.

– Первые в этом году жулики с убедительными документами, – пожурив нас пальчиком. – Порвали бумаги, надо же, – фыркнула она со смешинкой. – У нас такие мастера в прошлом году были – даже патент

звездой Туркменского ханства сиял! Столько труда и времени потрачено! А вы, ребята, совсем без фантазии. Ай-яй-яй.

– Н-но, – сбился Артем.

Нет, он бы гаркнул – точно вам говорю. Просто атмосфера кабинета весьма напоминала директорский, а память об одиннадцатом классе была еще настолько свежа в сердце, что невольно накатывала некая робость. Даже у меня – нам в школу после девятого класса такого директора поставили, что ух... Никакого педагогического образования, но ранг «виртуоз». Официально вел в школе французский. И скажу я вам, в школе французский с той поры знали все, даже трудовик...

– И документы, документы вы посмотрите! Какой милый мальчик на фотографии! Хрупкий, изящный! – Взяла Эльза Леонидовна в руку заклеенный паспорт Артема и дальнозорко отставила его в руке. – Совсем на вас не похож, молодой человек. – Переведя взгляд на Артема, с укором добавила она.

– Я просто хорошо кушал, – напряженно произнес Артем, играя желваками.

На Артема было страшно смотреть (это для понимающих – а для посторонних он белозубо улыбался), так что следовало выводить его отсюда.

– Легенда, ребята, у вас не настолько и плоха, – вновь поправила она очки и посмотрела на нас тем же добрым и чуть задумчивым взглядом, словно у сытой кошки возле аквариума. – Шуйские крайне редко появляются в столице, а уж об учебе в столичных университетах и не слышала ни разу. Домоседы, известные затворники. Так что личных знакомств и разоблачения вы действительно могли не опасаться... Но! – Веско обозначила она паузу.

Да так, что даже Артем преисполнился внимания.

– Не любят в столице Шуйских, ребята. А вы куда собрались? На «Мировую политику», – грустным тоном листнула она документы, заглянув в наше заявление. – Там одних кровников и злопыхателей... – Печально качала она головой. – Вас бы, милые мои, в первые же дни на тот свет отправили. Так что, считайте, жизнь вам спасаю.

– Мы вас поняли, спасибо, – холодно ответил Артем. – Разрешите забрать мои документы. – Сделал он шаг вперед.

– Куда? – Цепко убрала к себе бумаги Эльза Леонидовна. – Это – я забираю! В наш музей подделок!

– И все же, я настаиваю на их подлинности и прошу вернуть.

– Ребята, – Обрел строгость ее взгляд. – Вы же понимаете, что

подними я шум, вас вульгарно повесят? Да, будет суд, рыдания ваших матерей, прошения на высочайшее имя и может, если повезет, просто каторга... А если это дойдет до Шуйских? Да вы просто исчезнете, и никто вас никогда не найдет! Скажите спасибо, что я не хочу ломать вам жизнь и даю шанс исправиться. Пойдете в другой университет с этой подделкой – там ведь может оказаться человек не такой и понимающий. – Добавилось угрозы и предупреждения в ее голос.

– Мы поняли, спасибо. Мы уходим, – взял я руку Артема и потянул назад.

Тот вроде замер (и я уже смирился с тем, что придется его буксировать), но вроде отмер и дал себя повести к двери.

А ведь мои документы тоже остались на столе. Впрочем, всегда есть возможность вернуть все тихо и без скандалов.

– Не вешайте нос, абитуриенты. Еще есть время сдать экзамены честно! – Веско произнесла Эльза Леонидовна нам вслед.

То ли воздуха не хватало, то ли хотелось простора, но добрели мы в молчании до самого выхода, остановившись на ступенях университета, да там же и присев – с левого края, в пространстве весьма вежливо и чутко расступившейся толпы. А иначе бы их Артем растоптал, не заметив...

– Положение интересное, – улыбнулся я радуге, образовавшейся в высоком пении центральных фонтанов.

– Можно же что-то сделать. Может, я Силу Крови им покажу... – От безысходности предложил Артем.

– А учиться мы где будем? – Скептически поднял я бровь. – На развалинах?

– Максим! Ну ты же планировщик, ты же можешь что-то придумать!

– Могу.

– Ну?!

– Вариантов море. Но все равно развалины университета получают.

Мы вместе горестно вздохнули. Было бы время – я бы председателю комиссии зрение наладил, о проблемах семьи побеспокоился. Досье на нее в телефоне было, но из очень сложного и трудозатратного случая, когда объект живет честно и спокойно. Никаких возможностей для давления и манипуляции. Ну а просить моих знакомых убедить председателя в том, кто такой Артем... Тут ведь не звонить нужно, а приезжать лично, при полном параде. И ради кого – ради Шуйского Артема, которого большинство из них знать не знает, а другая часть счастлива самолично уничтожить... Они же мои друзья, не его. Не вариант.

– А может, оно и к лучшему для тебя? – Пробормотал я. – Сам же

слышал, какая обстановка на факультете.

– Я никого не боюсь, – категорично отозвался Артем. – Ну, может быть, тебя немного. – Добавил он чуть неуверенно. – Побаиваюсь. Изредка. Но ты же за меня?

– За тебя.

– Тогда вообще ничего не боюсь. Слушай, а тот кортик, который мне офицер подарил? – Припомнив, воспрянул Артем, загоревшись азартом. – Можно же попросить, чтобы он как-то вмешался, поспособствовал?

Звонить домой он категорически не хотел, а я не желал настаивать.

– Можно, – поддакнул я, прикинув. – У меня на Сортировочной две самоходных гаубицы стоят. Попросим нашего общего знакомого чуть приспустить «зонтик» ПВО над столицей и прямой наводкой по кабинету с документами всех абитуриентов. Нам с с нашими только двумя половинками еще завидовать будут!

– Максим...

– Нет, разумеется, для начала мыждемся сигнала ГО ЧС и общей эвакуации из здания. – Поспешил я уточнить на его тон.

– То есть, ты сейчас серьезно? – Внимательно посмотрел на меня Артем.

Я только руками развел – нормальный же вариант.

– Вот потому я тебя и побаиваюсь... – Положил он ладони на виски. – Охо-хо... Первый день в Москве. Без документов, машина в угоне. Ладно хоть деньги есть.

– Еще не вечер. В смысле, все еще наладится!

– Слушай, ну что на тебя эта Еремеева взъелась, а? – Глянул он из под руки.

– Тоже интересно, – поддакнул я и потянулся за сотовым, вызывая забитый в памяти номер. – Сейчас узнаем. Але? Дима, слушаешь? Ставлю задачу...

– А просто найти ее и спросить? – Скептически произнес Артем по завершению вводной и нажатия на кнопку завершения вызова.

– У меня целый отдел аналитиков на неплохой зарплате. – Буркнул я. – Пусть копают. А как накопают – вот тогда и спрошу.

– Так смысл?

– В том, что если ответы не совпадут, то это уже будет очень важный результат, – поучительно качнул я трубкой в руках и положил ее обратно в карман. – Просьба будет, до этих вот ответов ты ее извини, наверное? – Пробормотал я чуть неуверенно.

Размер проблем, которые создала пусть и родовитая, но аристократка

из простых целому наследному княжичу, тянул на то, что не зажить ей на свете. А при особом невезении, то и всей ее родне. Не потому, что Артем такой плохой и злопамятный, ужасный и кровожадный. Он, в общем-то, скорее добрый, просто статус такой – немного людоедский. Так что не пойдет в счет то, что девочка, что глупая, что не хотела и не знала, что ошиблась, и вообще... Не повезло – вот и весь разговор, печальный, как бывает после бедствий стихийных и нелепых случайностей.

Только вот Ника спасла жизнь мне. А я, в свой черед, спас жизнь Артему. Так что есть у меня возможность и даже обязанность за нее просить. Но вот Артем уже ей совсем не обязан, и жизнь ее, без усмешек, в его когтях. Да и передо мной за его долг жизни Шуйские откупились давнехонько...

– Ладно, – проворчал он.

Показалось – даже с облегчением.

– Спасибо, – искренне поблагодарил его.

Я ведь – за свой долг Нике так и не оплатил.

Никто не предъявит его, не поставит на картотеку требованием в банк, ни один суд не возьмётся его взыскивать. Но он есть, и я о нем знаю, даже если она решит позабыть.

– Но с тебя решение нашей проблемы, – строго добавил Артем.

Ну а как же – за каждое послабление он просто обязан требовать платы. Пускай из разряда тех, что я все равно бы стал делать.

– Вообще без проблем. Я же все документы твои в машину переложил. Так что твой второй комплект, где ты не Шуйский, а Архипов, там тоже есть. – Легко отмахнулся я. – У меня вон, тоже второй комплект от Юсуповых с собой, правда я там постарше на пару лет... В общем, сдадим, поступим, проблема что ли?

– И ты молчал?!

– А вдруг ты бы на залп по университету согласился. – Качнул я плечами невозмутимо.

– Ну, знаешь! – Задохнулся возмущением Артем.

– Зато никто в истории так громко и отчётливо не стучался в эти двери! – Добавил я солидно и ловко увернулся от подзатыльника товарища.

Но потом он начал чиркать, и пришлось с важным видом поспешать интересоваться расписанием экзаменов. То есть – скрываться в толпе.

Пока изучал схему проведения вступительных испытаний для «людей из народа» и занимал новую очередь, прошло минут двадцать – а Артем все еще не появился. Появилось даже подозрение, что захомутали-таки его вместе с ворованной машиной (в нынешней его бытности Архиповым), но

разгадка исчезновения оказалась более благополучной и очевидной – Артем переодевался. Неведомо где он нашел в окрестностях магазин готового платья и неведомо сколько заплатил денег на подгонку по фигуре, но сейчас он лучился счастьем, пребывая в обычном бежевом костюме и белой рубашке. В общем, громадный такой объект с повышенной светоотражающей способностью – даже девушки в комиссии его не признали (в прошлый раз он был хмурый и злым), и даже немного влюбились в эдакое яркое солнышко с чуть наивной и простоватой улыбкой. Во всяком случае, искреннее:

– Ой, ребята, на «Мировую политику» шестьдесят человек на место! – Абы кому не говорили.

Остальных просто и без эмоций вписывали в число смертников.

– Может, вам на химфак? Там два человека на место. – Смотрели они по-прежнему на чуть погрустневшее светило.

– Мы сдадим, – уверенно произнес он.

– Он сдаст, – поддакнул я. – Но дайте нам минуту.

Чуть развернул товарища к себе и предложил дельное:

– Предлагаю поступить на роботехнику, там четыре человека на место. Потом восстановишь документы и переведешься на «Мировую». Как план?

– К чему эти маневры? – Нахмурился Артем.

– К тому, что тут любая запятая в экзаменационных работах будет трактована против тебя. А если ты не поступишь?

– Поступлю, – уперся друг. – Понимаешь.... Я поступлю, – стал его взгляд очень-очень скверно отрешенным.

Нет, понятно, что он оценивал риски и отдавал себе отчет, что высокий конкурс – это не просто огромное количество желающих на одно место, но и не меньшее желание их родителей, для которых цель удачно «поместить» чадо в свиту какого-нибудь княжеского ребенка может быть превыше любых денег. Так что в некоторых «мешающих» конкурсных работах вполне могут появиться дополнительные ошибки, а в ряде «своих» – исчезнуть. Очень сложный факультет – оттого и процедура попадания на него не менее «особенная». Чтобы, значит, сразу привыкали...

Только вот для урожденного аристократа пообещать себе и отступить – то же самое, что пообещать и не сделать, не соблюсти зарок, обойти прямо данное обещание... В общем, сильный удар по тому, что именуется честью и составляет фундамент Силы, определяет ее ранг.

Еще пару часов назад обещание Артема «поступить» на конкретный факультет не было из числа тех зарок, что хоть как-то отразятся на Силе – в самом-то деле, прием по княжескому патенту без экзаменов трудным и

близко не назвать. Но как только обещание скакнуло в новую степень сложности, то и ставки стали столь же высоки. «Пустячное» внезапно стало «невероятным» по своему достижению – а ведь обещание все еще в силе, и пойти против него – сломать себя. И как бы даже очень основательно сломать в плане способности пользоваться своей Силой...

Сложно все у аристократов, порою голова раскалывается, когда пытаешься просчитать моменты, когда это «сложно» может взбрыкнуть вновь, казалось бы, на ровном месте. Вот как сейчас.

– Да, но риск... – Взывал я к его разуму.

В конце концов, он же все равно переведется на нужный факультет, а значит утерянные способности вернутся, пусть с небольшим штрафом... А так, чую, лишится и силы, и времени... Ведь кто в Москве Артем Архипов... Один из пятидесяти девяти.

Иногда надо просто максимально снижать возможный ущерб, если шансы на победу крайне невелики.

– Вы можете подать заявление на оба факультета, – тихонько пискнула девочка за столиком регистрации.

Внимательно посмотрели на нее. Скромная брюнетка с собранными в хвост волосами, уложенных на плечо в белой блузке; в крупных, ныне модных очках, за диоптриями которыми прятался чуть усталый взгляд карих глаз.

– Только часть экзаменов идет одновременно, не со всеми факультетами получится, – добавила она. – И сдавать придется не два экзамена в день, а иногда даже четыре... Но зато будет еще один шанс... Вот... – Потупилась она под нашими внимательными взглядами. – Этим редко кто пользуется, сложно...

Она, наверное, не понимала, сколь важной эта информация для нас была.

– Что будем дарить? – Подхватил мою мысль Артем.

– Девушка, а как вас зовут?

– Вера, – смутилась она.

– Вера, у вас есть мечта? – Со всей серьезностью уточнил я.

– Але, очередь будет двигаться?! – Испортили весь момент позади.

– А ну цыц! – Рывкнул Артем, и позади поняли, что не спешат.

– Мечта есть! – Рикошетом зацепил рывк и девушку, заставив выпрямиться и отрапортовать. – Квартиру хочу. Хотя бы однокомнатную, – отвела она взгляд испуганно-смущенно.

– Так, деньги тоже до вечера не дожили, – пригорюнился Артем, залезая в карман пиджака.

Ну а сколько может стоить потенциально сохраненный ранг силы? Вот то-то же... А за чудо, поговаривают, надо платить полную цену.

– Да ладно, пополам же, – выложил я свою часть наличности из кармана.

Потому что, судя по увиденному, Артем не совсем понимает сколько стоят квартиры в этом городе.

– А хотите, я вам все документы сама заполню? – Задрожал голос девушки после того, как два столбика «красненьких» заняли позицию перед ней на столе. – А может вам ручки нужны, тетрадки?

– Очень хотим.

– Очень нужны.

В общем, разобрались. И расписание оказалось не самым страшным – сегодня вон всего три экзамена. Нормально.

Первый проходил в корпусе химического факультета – совсем рядом с главным корпусом, в пятиэтажном здании, исполненным в том же стиле, что и главенствующая над местностью высотка. Не смотря на направленность факультета, принимали там «экономку» – в том ее виде, которую следует знать чистым и наивным школьникам, со сказками о том, что предложение не может вызывать спрос (а губернаторам не хочется продавать грошевое барахло втридорога), ну а «невидимая рука рынка» обязательноотрегулирует цены там, где за место под солнцем надо пролить море крови.

Руководствуясь знаками и подсказками волонтеров, добрались на второй этаж. Только вот аудитории нам достались разные – но оно и понятно, Архипов и Самойлов в разных частях алфавита, вот и распределились даже не в соседние кабинеты.

– Вечером увидимся, – не стал напутствовать меня Артем.

– Вечером – праздничный салют, – предупредил я его о подготовленном сюрпризе и приободрил улыбкой.

Тот ответил чуть вяловато, а затем добавил еще одну фразу перед тем, как зайти в свою дверь.

– Ты там насчет Еремеевой постарайся побыстрее уточнить, – ответил он без особенных эмоций.

Все же, подвела она его очень сильно – покачал я головой. И ведь даже не поняли, поначалу, насколько...

Рассадили по аудитории – по одному за парту, в шахматном порядке. Кабинет, впрочем, не сильно большой, но уместил аж четыре ряда по пять парт в глубину. Тесно, хоть и не душно – сквозь открытые окна ветер раскачивал чуть потускневшие жалюзи. Под массивным и редким сетчатым

узором белого потолка висели плафоны освещения, в центре комнаты пауком свисал проектор, а безжизненный тускло-желтый цвет стен добавлял неуверенности моим конкурентам.

Сам же я занял место возле окна, потому как вошел одним из первых, да и в общем-то, без разницы.

Минута, когда экзамену положено было начаться, не принесла новых событий, кроме как недоуменного гула почти двух десятков поступающих. Но вот минут через пять в помещение вихрем ворвались три дамы в возрасте и парадно-экзаменационных нарядах, раскидали запечатанные конверты заданий по партам, проконтролировали их вскрытие, объяснили, что и где заполнять, пожелали ни пуха, ни пера и удалились в неполном составе – одна из них так и осталась в кабинете, в углу возле двери. Надо понимать – грозно надзирать за всеми нами.

Проглядел задания – ерунда, но галочки вместе с ответами проставить все же надо. Чем и занялся, не особо и спеша. До поры до времени.

– Самойлов! – Раздалось за окном знакомым девичьим голосом. – Ты тут?!

Ручка в руке дрогнула.

– Телефон не работает! В шестом задании ответ «б»!

– Так, это кому подсказывают?! – Встрепенулась женщина-контролер.

– Восемь – «цэ»!

– Я закрою окно, – сыграл я на опережение и быстро закрыл створку, а затем и соседскую.

Мельком глянул за шторку жалюзи. Ника!!! Под окнами! Но за парту вернулся абсолютно невозмутимым.

– Кто из вас Самойлов? – Грозно произнесла наш куратор.

Но, не дождавшись ответа, как операционная система вновь ушла в спящий режим.

А я лихорадочно и крайне быстро писал ответы. Потому что беда не приходит одна.

– «Двадцать второе – В-ээ» – Загудело по системе вентиляции усиленным и огрубленным голосом.

– Так, Самойлов, немедленно сдать работу и выйти из аудитории!

Недоуменно повернулся на класс, якобы пытаюсь вместе со всеми найти виновника. В конце концов, мы тут все на «С»! Должны быть совпадения. Но на меня внимательно и с подозрением смотрели девятнадцать пар юных и одна пара умудренных глаз. Категорически мне не верящих. И изначально не собирающихся обсуждать, какой мне толк от совершенно случайных ответов.

– Сдавайте, или я вообще ее не приму! – Пригрозила куратор.

Пришлось с видом лорда, которого обвинили в краже серебряной вилки, покинуть сие помещение.

Потому что спорить против девятнадцати конкурентов не вариант – тут все из группы смертников, и «минус один» в интересах каждого. Ну а объяснять преподавателю, что случайные ответы действительно случайны – вообще бессмысленно. Что она в этой экономике понимает? А если понимает – то, выходит, ей придется решать задания за меня, чтобы убедиться в неправильности надиктованных «ответов». В общем, шум, скандал и не наш метод.

Ну а в душе надрывно кипела только одна фраза, чуть-чуть не вырываясь в полный голос, чтобы воплем искреннего непонимания заполнить пустующие коридоры.

«За что?!»

Глава 10

Лестницы, как известно, нужны, чтобы по ним подниматься. Ступени мелькали под ногами, касаясь подошв разве что на третий счет. Широкие перила из лакированного дерева выдерживали рывки рук, благодаря которым удалось буквально пролететь со второго на четвертый этажи. Затем по гремющей железной лестнице на чердак. Ударом плеча выбить хлипкую дверцу, клацнувшую мощным навесным замком, но бессильно всхлипнувшую за спиной слабыми петлями. Оставив позади оседать чердачную пыль, медленно вихрившуюся в солнечном свете, выбраться на покатую крышу, набранную крашенным под серую черепицу металлом. Цепко оглядеть конусы воздухопроводов, в два ряда проходящих вдоль всей крыши по самому ее центру. Много их тут – для каждого кабинета выведен отдельно. Но никого возле них не было.

Планы, как я искренне полагал, строятся так, чтобы по ним пройти спокойно и размеренно, обнаружив в конце пути очевидный и нужный результат. За спокойствием и размеренностью, правда, будет огромный ресурс потраченных сил и средств, обеспечивающих «легкость» и «волшебство» совпадений, удачных «стечений обстоятельств» и то самое, про что со стороны скажут «повезло». В лабиринте вероятностей, для ключевых персонажей будут заботливо подготовлены правильные решения, а за случайностями внимательно проследят опытные специалисты. Не так оно и сложно, если знать про человека чуть больше, чем он знает о себе – стены лабиринта уже окружают его, выстроенные обществом и им самим, надо только повернуть всё верным образом и идти по получившимся коридорам. Цель окупит все расходы.

Если, разумеется, не случится нечто дикое и невозможное – такое, знаете ли, что совсем не хочет жить, не думает о завтра, о родне, о подругах. Словом, если не случится Ника.

– Да за что?! – Искренне повторил я вопрос, от которого уже ощущался стойкий скрип песка на зубах.

Должна же быть в основе ее действий хоть какая-то логика! Ну или диагноз...

Задумавшись, прошелся по крыше, поглядывая вниз в поисках знакомого зеленого лоскута платья в толпе. Но ближнюю перспективу закрывали кроны яблонь, росшие вдоль корпуса, а вдали все сливалось в единую пеструю картину людского моря – чуть поредевшую с началом

первых экзаменов.

Я подошел к сломанной мною двери, присел рядом, оценивая масштаб работ по ремонту (потому что по правилам Светы нельзя ломать и не чинить... Да и не только по этому). Приподнял створку, ставя ее вертикально и занялся погнутыми от удара петлями.

– Ладно, разберем все с самого начала. – Вместе с монотонной и несложной работой пришло спокойствие. – Ника порвала документы. От гнева Артема спас ее я. Но если бы документы были моими, кто бы спас ее от меня?

Возможно, в голове ее виделась определенная картина моих действий... Хотя я не особо представляю иных путей, как выключить ее точным ударом в подбородок; громко и честно сообщить народу, что девушке плохо; расчистить место, дожждаться экипажа скорой, которых тут около десятка дежурит; представиться ее знакомым и взяться сопроводить до клиники, только вот не до городской, а своей, где девушка пару дней проспит на особенном внутривенном (безусловно оздоравливающем) питании до приезда отца, с которым и можно будет обсудить мотивы ее поступка и сколько его последствия будут стоять. Она же мне жизнь спасла – так что просто деньги. Разумеется, до прибытия ее родни я бы спокойно сдавал экзамены (а если он затянется – то и учился) по второму комплекту документов...

Допустим, Ника предполагала, что бить ее сразу не будут и для начала хотя бы спросят сакральное «за что?». Кстати, за что, а?! Спокойствие... Только спокойствие...

Вот она говорит свое «Самойлов! Ты не будешь тут учиться!», рвет мои документы, и я действительно понимаю, что не смогу (забываем про второй комплект бумаг и иные варианты). Пожалуй, единственное, что позволит ей удалиться с гордо поднятой и целой головой в такой ситуации – это и есть мой долг жизни... Только его списать придется подчистую.

Нахмурившись, шагнул вглубь чердака, установил петли к железной раме дверного проема и яркой вспышкой электричества от рук намертво приварил конструкцию.

Выходит, Ника готова списать долг жизни, лишь бы меня тут не было. Более того, зная, как влетела с Артемом, все равно пытается мне воспрепятствовать. И это вместо логичной в таком случае паники, попытки вымолить у Шуйского прощение и эмиграции в другую страну вместе со всей родней... Все бросает на чашу, лишь бы мне навредить. Да как так то?

Тут уже мое собственное любопытство не даст спать спокойно, пока не выясню причин.

Проверил обновление телефона – пришли контактные данные Ники, домашний адрес, координаты съемной квартиры, наименование ее банка, номер и марка машины вместе с реквизитами удостоверения личности.

Тут же набрал Никин номер, выслушал сначала длинные, а затем короткие гудки. Перенабрал и убедился, что добавлен в черный список. Шикарно, просто шикарно...

– Действительно, зачем экономить мое время. – С легким раздражением проворчал я. – Вот мои партнеры всегда тактично сообщали, почему я не должен жить. А тут детство какое-то...

Отряхнувшись от налипшей на чердаке паутины, зашагал вниз по лестнице, через тишину волнительно притихшего здания.

Посмотрел на часы и вбил по памяти одиннадцать цифр, за которыми в это время можно было услышать Диму.

– Есть ответ на мой вопрос?

Тот самый, самый острый и многожды в последние часы повторяемый...

– Пока нет, – замялся старый товарищ.

– Что, и подруг у нее нет, которых можно осторожно расспросить? С кем-то же она общается? Социальные сети, фотографии с раутов. Где-то же она принята? При каком дворе, в чьей свите, кто покровительствует? – Подсказал я очевидные пути поиска информации.

– Там ситуация выходит странная... Ощущение, что нигде не принята. – Произнес он осторожно, как бывает у специалистов на вымученное трудом и потом «ничего не найдено». – И ни с кем не дружит...

– Димка, ей двадцать один год. Красивая девушка из хорошей семьи, – усомнился я.

А в ответ тишина – будто недоуменно плечами пожали.

– Дим, она Целитель. – Почувствовал я легкое раздражение. – Не может она прозябать в неизвестности. Да после турнира, о ней вся страна знает!

– Стоп... Как Целитель? – Удивились на том конце провода, и послышался звук спешно перелистываемой бумаги. – Она же на обычном медфаке учится. Вот, сейчас снова анкету поднял. Никакой ошибки – кафедра хирургии, четвертый курс.

– Чего? – Протянул я после некоторой паузы.

Нет, есть любители забивать гвозди микроскопом, этого у нашей страны не отнять. Но Целитель ранга Ники, даже если взять ее уровень трехлетней давности, это примерно как светило хирургии с

двадцатилетним стажем... Да ей хватило бы краткой методички с парой цветных изображений «сюда лечи, туда не лечи», чтобы человека с того света достать (разумеется, при наличии грамотных ассистентов и оборудованной операционной). Хотя меня она вообще вытащила без каких-либо медикаментов – а, я говорят, был уже пару минут, как не совсем живой...

– Вот что, Дим, – произнес я во внимательную тишину. – Начиная собирать слухи, любые.

– Принято, – чуть растерянно ответили мне и отключились.

Убрал телефон и привалился к стене. Родителей бы ее расспросить... Но это уже не уровень Димкиной структуры – даже такие аристократы в пыль его сотрут за расспросы о родне. Тут самому нужно.

С Никиным факультетом действительно бред какой-то. Учиться при ее таланте на простого хирурга... Ну разве что ей просто нравится резать людей – пришла отчего-то тревожная и обеспокоенная мысль.

Вновь взгляд на часы – вроде как, еще половина часа до конца экзамена.

День подходил к четырнадцати часам, промелькнувшим суетливо и напряженно. И быть ему с таким же характером до самой вечерней поры – еще два экзамена: математика и информатика. Для тех, кто претендует на элитный факультет, все на сегодня завершится уже в шестнадцать тридцать. Остальным же придется подождать с отдыхом и прогулками по вечерней столице.

Зато завтра у всех выходной перед очередным штурмом. Отдыхать вряд ли кто станет – предварительные оценки должны вывесить, так что толкотни и очередей возле списков будет достаточно.

Настроение слегка испортилось – экономику, благодаря одной персоне, я успешно завалил. Положение смягчает то, что на «Мировую политику» и не стремился, да и не даст обучения там практической пользы – какой смысл пять лет общаться с сыновьями влиятельных фамилий, если полезнее вести дела с их родителями... Но если мне и математику так провалят – сцепил я ладони в кулаки и зорко огляделся.

Ники, разумеется, рядом не было. Но это не беда – для любого деятельного зла у нас найдется интересное занятие.

Быстрым шагом обошел парковки, выглядывая красный трехдверный «ауди» с обозначенным в досье Ники номером. Обнаружил у левого крыла здания, прижатой между массивным черным «бмв» и серебристой «ладой» в очередном кольце «восьмерки» парковочных мест.

– Отлично, просто отлично, – потер я руки, откашлялся и с

невозмутимым видом подошел ближе.

Правая рука легла я на ручку двери, из под ладони вырвалась череда крохотных электрических звездочек, почти невидимых в солнечном свете, и автоматика двери с приятным звуком деблокировала замки.

Теперь – одним движением распахнуть створку, снять ручник и закрыть все обратно, вернув блокировку дверей. И напоследок – небольшое дружеское подталкивание, чтобы машина тихонечко сдвинулась с места вперед, в направлении припаркованной напротив машины – а если повезет, то и двух...

При здешнем уклоне дороги, получилось диво как хорошо – вот всего пару секунд, и глухой звук металла о металл сменился громким и возмущенным воплем трех сигнализаций. Да тут еще и желающие встать на Никино место (отсутствие водителя в машине их не смутило) умудрились въехать ей в крыло и разнообразили окружающее пространство разъяренным звуком клаксона.

– Какая дивная, должно быть, должна получиться схема ДТП. – Вдохнув полной грудью, мечтательно произнес я. – Часа на три-четыре.

– Это что-тут? – Поинтересовался обеспокоенно подошедший слева мужчина.

– Машину на ручник не поставили, – осуждающим тоном пояснил я ему.

– Ай-яй-яй. Сразу видно – женщина за рулем.

– Совершенно безответственные и легкомысленные создания, – поддакнул я ему и с довольным видом отправился обратно.

Неплохо бы еще Артема перехватить перед математикой. Дружеское участие и, опять же, алиби – никогда не бывает лишними.

– Как твои успехи? – Умудрился я перехватить друга прямо возле выхода из здания.

Математику принимали в противоположном корпусе физического факультета, позволяя размять ноги и подышать воздухом в движении от кабинета в кабинет.

– Все написал. – Уверенно кивнул он. – Последнее задание – в трех вариантах, с учетом сезонного колебания температур и отрицательной конъюнктуры рынка. Пусть видят, как я подготовлен. Как я сосредоточен. Как остр мой ум.

– Как мощны твои лапищи, – поддакнул я.

– А это они узнают, если моя оценка будет меньше ста баллов, – поднял он палец ввысь. – У тебя-то, наверное, все по плану? – Поскущел он.

– Да как сказать... – Не удержал я кислого выражения на лице.

– Да неужели, – остановился Артем на шаг впереди и с интересом заглянул мне в глаза. – Великий планировщик пролетает мимо экзамена?

– Там форс-мажор, – вяло отозвался я, обошел его и двинулся дальше. Жаловаться на девчонку? Вот еще...

– Подожди. Или ты специально решил меня оставить одного на «Мировой политике»? – Помрачнел он. – Бросить друга! Подумать только!

– Да дорешаю я эти задачи. Приду ночью и дорешаю, – тяжело вздохнув, уверил его.

– То есть, тебе времени не хватило? И что значит, ночью приду?! Там же охрана, вооруженный пост!

– Если охраннику позвонят из дома и скажут, что они заливают соседей, какое ему будет дело до каких-то там работ? – Покосился я на Артема, продолжая идти дальше. – Все будет нормально. Никто не пострадает.

А ремонт я им как-нибудь косвенно компенсирую. Люди верят в страховые службы...

– Так что случилось-то?

– Выгнали с экзамена.

– Ха!

– То есть, твою работу мне на всякий случай проверять не надо? Вдруг тебе там помарочку какую поставили, штрихом замазали правильный ответ...

– Это было очень сочувственное «ха», – тут же поправился Артем. – Преисполненное негодования и соболезнования.

– Ну-ну...

– Ты, кстати, не увиливай от ответа. За что выгнали?

– Неучтенный фактор. – Безо всякой охоты произнес я. – В общем, Ника...

– Она что, бессмертной себя считает? – Нахмурился Шуйский. – Знаешь что, я тут подумал и решил ко всем чертям порвать их герб.

Было ли в том уже продуманное решение, или злость за содеянное в мой адрес наложилась – не поймешь. Скорее, второе: есть в Артеме такое собственническое, хоть и не афишируемое открыто – мол, его я человек, и никому меня обижать не дозволено... Я, в общем-то, тоже грешен и искренне считаю, что это мой медведь...

Но наказание страшное – свести род из аристократов в обычные мещане. Если никто не вступится – а кто же вступится за свободный род – быть беде...

– Тебе же дома лучше не появляться? – Хотел было взять я паузу на обдумывание.

Только вот ответа не дождался. Глянул в его сторону и уловил спокойный и уверенный взгляд княжича – такой, с каким идут вперед своими силами, не оглядываясь на родню.

– Серьезно? – Не удержался я от восклицания.

Тот, подтверждая, прикрыл глаза.

Оставалось только головой покачать, не разменивая на слова (тем более, в толпе) прошедший беззвучный диалог.

То есть, на всех Еремеевых, со слугами, союзниками и наемниками, ныне одного Артема хватит... Это как так то?

Три года прошло с тех пор, когда он был в ранге «ветеран». Вернее, этот ранг Артем получил еще до турнира, на котором прошел через смерть, но пережил своих врагов. По результатам таких событий, в его новом ранге «учитель» не было никаких сомнений. Невероятный, к слову, для его тогдашнего возраста, близкий к гениальности. Но – и все. От «учителя» до «мастера» была пропасть в десятки лет – либо ряд новых подвигов, в которые надо было умудриться влезть с риском для жизни и как-то выжить без посторонней помощи. В обычной же ситуации такой путь не проходят за три года. А ранг «учитель» – это, конечно, здорово, но глава Еремеевых именно в этом ранге и обретается, имея вдобавок немалый жизненный опыт и свиту, которая не станет просто смотреть, как убивают господина. В общем, самоубийственная затея.

Но если предположить, что там, на турнире, Артем пережил не один подвиг, а несколько...

Тогда становится понятно, почему директором нашей школы поставили «виртуоза». Я, к гордыни своей, искренне полагал, что это из-за меня и моего проекта строительства новой ГЭС на реке. Тем более, что директор появился сразу после пробных взрывов для изменения русла (тогда и познакомились, вместе сочтя электрогенерацию региона достаточной).

А оно вот как – из-за Артема... Есть такие техники Силы, которыми может обучать только «виртуоз» – единственный, кто может проконтролировать, чтобы обучаемый не убил себя в процессе и не уничтожил все вокруг... Техники ранга «мастер» и выше.... В общем, никто ему на этом модном факультете ничего не сделает, скажу я вам. Подавятся.

– Просьбу помнишь мою? Не торопись пока. – Попросил я Артема искренне.

– До каких пор? Пока она тебя не убьет?

– Нет. Просто, ней что-то непонятное... – Выдал я чуть сумбурно.

– Это я заметил, – вздохнул он. – Особенно с ее головой... Ладно. Вот сейчас сорвет тебе еще один экзамен, еще раз поговорим, – зашел он в здание, к которому мы успели подойти, первым.

– Да не должна, – оглянулся я в сторону парковки.

Пострадавшие авто в сторону быстро оттащат, а вот оформление бумаг – дело не быстрое. Никто просто так не отпустит виновницу, пока протокол не будет подписан. Разве что она бросит все, нарвавшись на огромный штраф, лишение прав и эвакуацию машины. Но кто нормальный на такое согласится?

– Вот блин, – тут же почувствовал я неладное. – Артем, я догоню! – Крикнул я другу вдогонку, а сам принялся лихорадочно набирать Димкин номер.

– Максим, хорошо, что ты позвонил! Тут такое дело... – начал он было чуть взбудоражено.

– Это потом. Ставлю задачу: мне нужно срочно знать, где находится эта Еремеева. Вплоть до метра. Технически решаемо?

– Можно подтянуть передвижной комплекс. Сейчас уточню, где он... – Зашелестели в трубке нажатия клавиатурных клавиш. – Минут двадцать. И уже отправил, – опередил он меня.

– Сойдет, – кинул я взгляд на часы. – Отбой.

Выйдет почти один в один с началом экзаменов. Вряд ли эта сумасшедшая начнет раньше.

Ожидать решил отойдя в тень парковых деревьев, цепко выглядывая подозрительную особу в зеленом платье. Ясное дело, не с пустыми руками ожидал – успел купить букет роз возле главного корпуса и замаскировать в его центре железный прут (потом приварю обратно в ограду). Это в целях самообороны – мало ли отмахиваться придется от бешеной... Кулаками даму – оно как-то не особо по джентельменски, а вот букетом где-то даже красиво, плюс дополнительная дистанция.

Не дождался – техника подъехала раньше. Обычный белый микроавтобус фирмы «фольксваген» – старый, но чистенький, без каких-либо надписей. Если не заметить, как сбился на секунду значок интернета в сотовом телефоне, сообщая о потере связи, а потом снова вернулся в том же объеме – и не догадаешься, что в сети сотовых операторов неожиданно появилась новая базовая станция – с очень сильным и стабильным сигналом, подсоединиться к которому ринулись все устройства в ближайшей округе. Правда, им тут же отказали в обслуживании, и они

подключились обратно.

Вернее, отказали в обслуживании всем, кроме одного-единственного сотового телефона, сигналы которого бережно перекинули к настоящей базовой станции, выступая даже не шпионом-ретранслятором, а в роли вполне легальной усиливающей антенны. Никакого криминала – только вот микроавтобус, продолжая медленно передвигаться по перегруженной парковке, довольно быстро триангулировал сигнал и скинул координаты абонента.

Софт в моем телефоне привязал полученные координаты к местности и отобразил искомый сотовый мерцающей точкой в объемной диораме комплекса МГУ.

И не на парковке, как я искренне рассчитывал. И даже не чуть в стороне, в машине инспектора. Какого-то демона Ника находилась в подвале здания, в котором должен проходить мой следующий экзамен. Никакой ошибки – возле мерцающей точки горела красным минусовая отметка местности, заданная относительно моего местоположения. А я, между тем, продолжал находиться в саду перед зданием.

– На пять минут опоздаю, ничего страшного, – еще один взгляд на часы и на здание передо мной.

Не сказать, чтобы я прямо рванул внутрь – для этого надо бы ориентироваться в здании, в которое попал впервые в жизни. В телефона была только схема, по которой вход в подвал располагался с тупиковой лестницы первого этажа в правом крыле здания. А вот огонек пеленга был слева, царапая интуицию. Понятно, что бешеной лисе сто верст не крюк, и добраться ей туда ничего не стоит. Но лазить по подвалам девушке – непременно испачкать платье и прическу. А ужасный внешний вид ну никак не сочетается с женской местью. Вон, когда Ленка меня в последний раз бросала, на одних визажистов с парикмахерами, по оперативной информации, угрохала среднегодовой доход обычной семьи. В общем, если совесть Ники и подсказывает грядущее покаяние за ее выкрутасы, то поверьте – в ее воображении, даже лежа шеей на колодке палача, у нее приталенное платье и идеальная укладка волос. Короче, у меня две сестры, я примерно разбираюсь...

Поэтому свернул влево, и почти добежал до конца коридора, когда краем глаза отметил некое несоответствие возле крашенной в серое двери с надписью «огнеопасно!» под желтым треугольником с восклицательным знаком внутри. На вход в подвал не похоже, но косяк двери явно вдавлен внутрь, а сама дверь слегка приоткрыта...

А вот за осторожно приоткрытой створкой оказался уже вполне себе

привычный спуск вниз, набранный из рифленых металлических ступеней вдоль коридора с бело-зелеными стенами.

Над головой по низкому потолку уходили вниз трубы, замотанные в серую от пыли изоляцию. Где-то там, ниже, монотонно гудело механизмами. А я тихонько крался вниз, подняв букет в замахе.

Спуск венчала еще одна дверь, немного приоткрытая. И характерный запах природного газа, сочившегося в проем, оцарапал обоняние, перебивая уже привычные запахи сырости и пыли.

– Совсем рехнулась?! – Бросился я вперед, резко влетел вовнутрь и вопросом пригвоздил отшатнувшуюся и попятившуюся назад Нику.

Девушка стояла в длинном подвальном помещении, большую часть которого занимали протянувшиеся вдоль правой стены желтые трубы, украшенные белыми манометрами и массивными черными вентилями. С низкого потолка светили три закрытые под толстое стекло круглые лампы, освещая серый бетон пола и замершую фигурку девушки на нем.

– Поздно, – пропал мелькнувший в глазах Ники страх, сменившись злым торжеством, а из пальцев картинно проявился лепесток огня.

Но еще раньше я оторвал верхнюю пуговицу от пиджака, наполнил ее Силой и метнул вперед. Артефакт, замаскированный под обыденную вещь (потому что перстни мне нельзя), звонко упал на бетон пола, немного прокатился по нему и замер возле дальней стены. А пожара – его не было. Хотя газ все еще чувствовался, а колдовской огонь по-прежнему горел в руке Ники.

Где-то наверху заревела сигнализация – умные датчики наконец-таки сработали то ли на утечку, то ли на огонь...

Осознав, что ничего не получилось, Ника, как подломленная, стекла по правой стене на пол, обхватив колени руками и уперевшись в них лбом.

Быстро оглядевшись, завернул вентиль, манометр возле которого нервно дрожал стрелкой. Сумасшедшая!

– За что? – Нашел я в себе силы спросить спокойно.

Букет упал на землю, рассыпавшись розами и гулко прозвучав стальным прутом – плечи девушки вздрогнули.

– Ты не будешь тут учиться. – Произнес тихий голос.

– Это я уже слышал. – Шагнул я в ее сторону, но замер после того, как она попыталась отползти от меня назад.

– Я не хочу видеть тебя тут каждый день.

– Для этого ты решила меня взорвать?

– Тебя не убьешь, – послышалось с горьким сожалением. Затем она взметнула голову и с яростью посмотрела мне в глаза. – Ты не

представляешь, как бы я этого хотела.

– Н-но, за что? – Получилось совсем растерянно.

– Потому что ты чудовище. – Ярость сменилась дрожащими нотками близких слез. – Ты мне всю жизнь испортил. А я, я... Я ведь тебе жизнь спасла! – И в этом вопле было столько отчаянного непонимания и обиды, что на этот раз на шаг отступил я сам. – Это я должна спросить, за что?!

Сверху послышался звук распахнутой двери и спешные звуки шагов по ступеням.

– Подожди, но я же ничего тебе не сделал, – искренне развел я руками за миг до того, как на спину навалились чьи-то руки, приказывая стоять на месте не двигаться.

Желания сопротивляться не было – просто какой-то ступор навалился. Настолько горьким и искренним было обвинение, вины в которое я в себе не находил. А мне не так часто спасали жизнь, чтобы быть к нему равнодушным.

Краем глаза отметил, как Нику довольно грубо поднял с места полицейский, рывкая на нарушительницу. Не услышал, что она ему ответила – но через секунду вел он ее вполне обходительно, смущенно отшагнув назад. Мои же руки пытались заломать куда как более активно, но что-то у них не выходило.

– Это он во всем виноват, – произнесла Ника строго, остановившись напротив меня.

Тогда-то и отпустило ошеломление. Аккуратно вернул себе руки, повернулся и подбородком указал возмущенно пыхтящему лейтенанту на угол комнаты.

– Там валяется артефакт в виде пуговицы. Отключится – взлетим все на воздух. Принесите его мне. – А когда уловил сомнение в его глазах, спокойно ответил на взгляд и добавил. – Стоит полмиллиарда. Пропадет – знаешь, с кого спрошу?

И чтобы избежать лишних вопросов, лениво крутанул вокруг себя цепь из звездочек.

Вроде как, проняло – и к пуговичке метнулся пулей, подняв ее с великой осторожностью. Газом-то еще как тянет, а жить-то хочется.

Пуговицу принял небрежно, отделавшись благодарственным кивком.

– Эта тут пожар решила устроить, – указал я взглядом на Нику. – Хотела сорвать экзамены. Я ее диверсию пресек. Девку в околоток и высечь.

Хотя нет, физические наказания века два, как отменили. А зря-я!

В свете подвального помещения вспыхнули яростью девичьи глаза.

– Вы кому верить собрались, городской? – Прозвенел злостью ее голос. – Я, кажется, ясно сказала свою фамилию?!

Лейтенант громко прокашлялся и демонстративно хрустнул подошвой по стеблям рассыпанных на полу роз.

– Вот что, ваши милости, – переглянувшись с подчиненным и понятливо улыбнувшись (да что б он понимал?!), произнес старший по званию, до того опекавший Нику. – Мы в ваши дела лезть не собираемся, но порядок для всех один. Просим проследовать в отделение, а там пусть начальство разбирается. Хорошо? – Потянул он просительно, а затем построжел голосом. – А упираться будете – я мигом Его Сиятельство попрошу вмешаться. Пинком под зад из Москвы оба улетите!

– Может, раз трагедии не случилось, разойдемся миром? – Мягко улыбнувшись, не согласился я с таким развитием событий. – Утечка устранена, опасности больше нет, а героям – заслуженную награду? – обозначил я ладонью движение к карману брюк.

– А я не против проследовать в отделение и дать показания, – отчего-то стала смирной Ника и даже глазки потупила.

– А у меня экзамены, – понял я ее коварство и нервно дернул кистью. – И нет времени на формальности.

– Преступник всегда торопится бежать с места преступления, – поделилась она мнением с лейтенантом бархатным голоском.

А тот и млеет, скотина.

– Впрочем, – добавила она. – Я не против дать показания одна. – И посмотрела на меня с торжеством.

Знаю я ее показания. Сейчас там и террористический акт будет, и приставания к целомудренному газовому вентилю...

– Вы бы, перед тем, как ей верить, проверили списки розыска госавтоинспекции, – одернул я лейтенанта голосом.

– То есть это тоже ты, чудовище?!

– Так! – Гаркнул старший. – Оба пойдете! Развели мне тут театр! Тут, между прочим, физфак! Тут люди спортом занимаются, а вы дурью маетесь! А ну пошли, оба! Пожалуйста! Ну будьте добры, а? – Добавил он с досадой.

И мы были добры, что б эту Нику об колено и ремня пожестче...

Глава 11

До отделения дошли неспешным шагом – словно приятели или знакомые, безо всяких пошлостей вроде наручников, заломленных рук и даже положенной на плечо руки. Взяли с нас честное слово, что бежать не будем, и устроили совместную прогулку – городской в центре, мы от него по бокам, и позади нас, присматривая на всякий случай, лейтенант.

Неприметная светло-коричневая каменная коробка, расположенная почти тут же – с левой стороны главного корпуса университета, возле самой ограды – по внешнему виду казалась еще одним учебным корпусом, пусть и лишенным множества окон и одноэтажным. И даже три патрульные машины, разместившиеся на парковке рядом, тоже не служили явными маркерами его предназначения – много их тут сегодня, почти на каждом повороте дежурят. Табличка же с обозначением номера отделения смотрелась весьма скромно и на расстоянии совсем не воспринималась. В общем, пока не подойдешь – не разберешься. Или пока не приведут...

– Подождите минутку, будьте любезны, – остановил нас городской за десяток метров, словно забыл о чем-то, а потом вспомнил, и поспешил внутрь отделения, чуть-чуть не переходя на бег.

– Чего это он? – Повернулся я к конвоиру, но тот только плечами качнул.

Разгадка появилась через пять минут, в виде потока хмурых мужских и женских персоналий разной степени опьянения, потрепанности и побитости, под громкие окрики в спину выгоняемых из отделения.

– Освобождают номер-люкс, – невозмутимо пояснил я, ни на кого не смотря.

Слева звучно хмыкнули.

Но на этом наше ожидание не закончилось – более того, внутрь отделения срочно призвали нашего конвоира, оставив нас вообще в одиночестве. Беги – не хочу. Нике нельзя – Честь и прочие заморочки. А я действительно не хочу, потому как предоставляется удобное место для разговора, откуда ей точно не сбежать. Надо было ее на площади перед зданием университета задержать, наверное, и сразу все выяснить... Хотя нет, ее бы тогда Артем, опомнившись, лапой приложил, и хана котенку. Так что все правильно сделал – ответы я бы так или иначе получил, пусть позже.

– Заходите, будьте добры, – утирая пот со лба, выглянул из отделения

городовой.

– Ба, да они полы помыли, – с интересом повел я головой, разглядывая помещение изнутри.

И, наверное, даже протерли пыль на широких подоконниках у забранных в решетку окнах. Хотя общего настроения отделения это не изменило – есть такой шедевр дизайнерской мысли, единый на всю страну, преисполненный отчаяния и равнодушия, собранный из серого бетона, зеленой краски и отваливающейся с потолка побелки; из неровного света люминесцентных ламп и обшарпанных столов с серым картоном папок «ДЕЛО» на них и хмурыми сотрудниками на стульях за ним. Словом, то самое сочетание, побывав в атмосфере которого человек постарается не повторять такой визит и обходить это место десятой дорогой. Может, на это и расчет.

В дальнем же конце широкого помещения размещались две клетки обезьянника, отделенные друг от друга бетонной стеной. Створка той, что была подальше, была любезно открыта, а городской, стоящий рядом, указывал широким жестом на длинную лавку вдоль стены, укрытую свежей газетой.

– Не серчайте, ваши милости, но порядок один на всех.

– А можно нам разные... комнаты? – Подняла подбородок Ника.

– Так, ваша милость, а бандитов нам куда сажать? Нет, ежели вы не согласны, то отделим, только к вам кумушек придется подсаживать. А они зело неприятными на запах могут оказаться, – равнодушно пожал он плечами. – Жара, многих тошнит с устатку.

Ника молча прошла в дальнюю клетку.

– И документики, документики ваши, будьте добры! Телефоны, опять же. Колюще-режущее, оружие? Нет – и отлично.

Передав вслед за Никой паспорт и сотовый, я проследовал внутрь, задержавшись только на самом пороге.

– Будьте так любезны, не найдется нитка с иголкой? – Указал я на свой пиджак и пуговицу в руках.

– Не положено, – промямлил он, но просимое мне все-таки принесли.

Нитка, конечно, не в цвет ткани, однако чем богаты.

Расположились на лавке – я в центре, пиджак на коленях разместив и пошивкой занимаясь. Ника – с самого края. Поначалу отвернулась было демонстративно, в стену уставившись, но там такая пошлость понаписана, что пришлось ей гордо смотреть перед собой. Собственно, перед ней тоже была стена коридора.

– Рассказывай, – мельком глянув на нее, предложил я.

- Про что?
- Как я тебе жизнь испортил.
- Даже сейчас решил поиздеваться?
- Я, между прочим, абсолютно серьезно пытаюсь во всем разобраться.

Девушка окатила уничижительным взглядом, встала с места и подошла к решетке.

- У меня же есть право на звонок? – Звонко спросила она дежурного.

Наши старые знакомые – городской с подчиненным – сообщив, что начальству доложили, почти сразу отделение покинули. Оно для чувства самосохранения верно и понять их можно – вдруг аристократы на них жаловаться начнут. Так что остались мы в компании хмурого типа, который от нашего присутствия тоже не испытывал ни малейшего удовольствия.

– Сейчас, – прошагали к нашей клетке с массивным телефоном, провод которого волочился за дежурным по полу. – Набирайте. – Предложили Нике трубку и четыре ряда кнопок для набора.

Сервис, однако.

– У вас связи нет, – попыталась девушка набрать первые цифры, пару раз нажала на сброс, но явно ничего не получилось. – Шорохи какие-то и шелест.

– Только что работал, – недоверчиво посмотрел дежурный на нее, забрал трубку, проверил сам и вынужденно согласился. – Не работает.

После чего ушел обратно на свое место.

– Подождите, а можно мой сотовый!

– Не положено, – канцелярски ответили ей.

– Итак, будем говорить? – отряхнул я пиджак и набросил себе на плечи, застегнув.

Оглядел – нормально пуговица встала: на одной линии с такими же, способными защитить от наводнения с камнепадом и от падения с высоты. Кого-то дома одевают, чтобы не простудился. Меня – чтобы выжил.

– Не о чем с тобой говорить.

– Сержант, а можно мне тоже позвонить? – Решил я заодно с возвратом иголки и остатков нити.

Дежурный специально проверил, работает ли связь, и еще раз дотащил аппарат до решетки.

Я же набрал номер Димки, сообщил диспозицию и то, что на основной телефон пока лучше не звонить. Неведомо когда придет обещанный нам уполномоченный человек, так что лучше оставить координаты.

– Можно мне тоже звонок? – стоило завершиться вызову, рядом оказалась Ника.

Взяла в руки трубку, постучала пальчиком по рычажку отбоя и разочарованно констатировала. – Как так? Опять шум. Опять не работает?

– Сбой на линии, наверное, – не проявил сочувствия дежурный и забрал телефон обратно.

– Значит, это ты, чудовище, – присев на свое место, констатировала Ника причину проблем со связью.

– Пока не поговорим, никто отсюда никуда не уйдет.

– Что ты хочешь услышать? Что посмаковать? – Едко отозвалась она.

– Все с самого начала, – проигнорировал я подначку.

– Пять лет назад я спасла одного неблагодарного человека. – После длинной паузы начала она.

– Так, уже очень хорошо. – Обрадовался я конструктиву. – Дальше?

– А дальше с нами оборвали связи все Старшие семьи страны. Приглашения отозваны. Все переговоры прерваны.

– Причина?

– Издеваешься?

– Нет, – ответил я очевидное. – Представь, что я действительно не в курсе. Не веришь, так хоть попытайся представить.

Ника посмотрела недоверчиво, но препираться не стала. Вздохнула и продолжила обреченным голосом.

– Кто мы такие для Старших семей, чтобы нам говорить причины? Мы спрашивали, мы дарили подарки и пытались узнать через влиятельных друзей. А пока узнавали, от нас начали отворачиваться все остальные.

– Но у них-то можно узнать?

– Причина одна, – горько улыбнулась она. – Если Старшие семьи не хотят нас видеть, то Старшим семьям виднее. Остальные повторяют за ними.

– Бред какой-то.

– Страшно идти против течения. Все хотят жить, – не согласилась она.

– Так где в этой истории я? – Недоуменно поднял я бровь. – Случится могло всякое.

– Но случился именно ты. – Жестко ответила Ника. – Через год всеобщей изоляции, мы решились пойти под руку Щепиных. Сил уже никаких не было, бюджет рода трещал по швам – никто не хотел у нас покупать, никто не хотел нам продавать. Но мы все еще были достаточно богаты, чтобы быть интересными великим князьям. Нам отказали с таким видом, будто мы сумасшедшие и требуем невероятного. Еле-еле удалось убедить, что в нашем желании нет оскорбления, а только непонимание и отчаяние.

– Щепины – это под Ростовом княжество?

– Они, – кивнула Ника. – Тогда нам сказали, что у нас уже есть хозяин. А то, что даже не знаем о таковом и бедствуем – то недоволен он нами, раз забыл и не заботится. Кое-как вытянули, что хозяева объявились у свободного рода... Отец еле удержался, чтобы не вспылить.

– Так кто же? – Отчего-то разозлился я.

Хозяева какие-то, ишь чего.

– Говорят, все видели, кого ваша дочь защищала. Из-за кого на восьмого наследника Голицыных с ножом пошла. На княжеский род! С ножом! – Всхлипнула Ника. – А мне что было делать?! Они бы всех вас убили, я же слышала!

– Там ведь не один я был. – Нахмурился я. – Артема ты, получается, тоже защищала.

– Но Шуйские не признали нас своими. А Голицыны сказали, что там был кто-то еще, кто-то страшнее наследника Шуйских, про которого он им сказал, но не представил.

– «Кто-то еще»? – Переспросил я недоверчиво. – То есть, все они, эти семьи, посчитали вас под «кем-то еще» и решили прервать взаимоотношения? – Усомнился я в их мудрости.

– Какие взаимоотношения могут быть с чьей-то вещью? – Глухо произнесла она. – Даже если не известно, чья она.

– Слушай, но это же бред какой-то... Ну какая вы вещь?

– Твоя вещь, – произнесла она безжизненно. – Которой ты поиграл и выкинул.

– Да я знать не знал! Я тебе мороженое присылал! – Воззвал я к ней.

– И торт.

– Да, и торт!

– Который принес запуганный и трясущийся от страха Игорь Долгорукий. Курьером. Княжеский внук.

– Как это влияет на качество торта?!

– О да.... – Протянула она. – Я никогда не забуду этот торт. Плесневелый, с отпечатком огромной лапы, выдравшей из его центра самое сочное, – уронила она лицо в ладони. – Только потом я поняла этот глубокий символизм...

– Блин. ИГОРЬ! – Прорычал я.

– Попрошу без шума! – Отозвался дежурный.

– П-поставил волка охранять овец, – хлопнул я рукой по колену, сопоставив внешний вид товарища и состояние торта.

– Ты еще скажи, что ничего не знал.

– Не знал, – выдохнул я, играя желваками.
– И поручение не проконтролировал? – Скептически произнесла Ника.
– Да он трубку уже пять лет, как не берет. – Отмахнулся я. – И я, кажется, знаю, почему...

– Так как тогда вы общаетесь?

– Я ему смски шлю.

– А он?

– А он никогда не спорит! Это, знаешь ли, удобно. – Проворчал я.

Надо будет к нему в Останкино съездить. Там как раз окна не открываются на его этаже – так что никуда не денется, все расскажет.

– Вот так и оказалось, что уже пять лет моя жизнь превратилась в ад, без друзей, без подруг и без перспектив, – тускло завершила Ника.

– Это просто недоразумение.

– И за пять лет у тебя не нашлось и минутки, чтобы узнать, как дела у спасшей тебе жизнь? – Безо всякой веры в мои слова произнесла она.

– Пять лет назад я дважды пытался тебе сказать спасибо. Ты дважды проигнорировала, а я, знаешь ли, человек понятливый. К тому же мне было тринадцать лет, а у тебя ни лошадей, ни дельфинов. Зачем мне вообще было тобой интересоваться? Вообще, если такая трагедия вокруг, почему ты сама ко мне не приехала?

– Я приехала, – эхом ответила она. – Увидела тебя счастливым с этой... Графиней... И уехала обратно к себе, в свою кладовку. Ждать, пока о нас вспомнят. И молиться, чтобы не вспомнили никогда. Но ты все равно появился. Я, как тебя увидела, сразу поняла, что жизни мне не будет.

– Чем бы тебе мои порванные документы помогли? – Отклонил я голову назад, уперевшись затылком в холодную стену.

Одновременно – размышляя, как это ситуацию решить. Выходит, сам того не зная, но за пять лет ее изгнания ответственен именно я. Хорошую же плату я плачу за собственную жизнь...

– Захотелось хоть немного, но разрушить твою идеальную жизнь. Чтобы понял, каково это – когда все твои мечты летят в пропасть. – Призналась девушка. – Хотя бы чтобы ты тут не учился. Чтобы я не встречала тебя случайно в коридорах. Вон, в МГИМО иди. Там, говорят, в этом году любимый сын каннибала и диктатора Юго-Западной Африки поступает. Подружились бы.

Посмотрел на часы – второй экзамен за этими разговорами уже кончился и начался очередной, последний на сегодня... А обещанного офицера все не было.

– Все, что ты себе надумала – не верно. Про твои проблемы не знал,

постараюсь исправить. Последствия твоей ошибки с документами Артема Шуйского тебе ясны?

– Да. Из-за тебя в моей жизни все станет еще хуже, – уверенно произнесла она, прикрыв глаза.

– Да нет же, – чертыхнулся я, но вместо объяснений просто махнул рукой.

Если она верит в то, что верит, то для них даже разорванный герб – просто очередная неприятность в длинной черной полосе. Скверно.

– Он ведь тебе шею мог свернуть.

– Твоей вещи? Шею?

– Ненормальная, – вздохнул я и надолго замолчал.

Психолога ей нанять, что ли...

– Почему на обычный факультет пошла? – Подал я все же голос примерно через час.

В небольшом окошке над нами уже темнело, рабочий день подходил к концу, а перспектива остаться тут на ночь вырисовывалась в полный рост. Может, это и есть самое страшное наказание для аристократов? Или припугнут, но все же выпустят...

– Потому что больше не могу лечить талантом, – просто ответила Ника.

А это уже большая беда, раз внутри нее что-то сломалось от пережитого. Что же я пять лет назад не поинтересовался-то...

– Но лечить буду. Буду спасать жизни нормальных людей не смотря ни на что. И ты, чудовище, этому не помешаешь.

Если ее Артем раньше не прихлопнет. Хотя кого я обманываю... Пальцем не тронет, пока я не разгребу то, что было наворочено, пусть и косвенно, но из-за меня. Да и устал я слушать это «чудовище» раз за разом...

Неожиданно от всей этой ситуации заболела голова. Какая-то трагедия возрастом в пять, сломанные судьбы, изоляция, придуманная месть, сорванные экзамены, отделение полиции – и это в то время, когда мои враги спят и видят на чем же меня подловить...

– Боже, я же просто хотел спокойно завершить университет и захватить мир, – склонив голову, принялся растирать я ладонями виски и не заметил, как произнес фразу в слух.

– Да ты сумасшедший, – с каким-то даже удивлением констатировали девичьим голосом.

Я хмуро глянул в ее сторону.

– В твоих интересах не сопротивляться, когда я буду возвращать

счастье в ваш дом.

– Может, ты просто уедешь, а? – С надеждой произнесла она.

– Все наладится. Все мечты сбудутся. – Не согласился я с таким малодушием. – Вот увидишь.

– Все, о чем я мечтаю, чтобы ты оказался далеко-далеко... – Раздалось в ответ тихо, словно шептали действительно искреннее пожелание.

Когда-то так говорила и Света – больно и обидно кольнуло в сердце.

– Дежурный, можно телефон?

Пора выбираться отсюда. И уйти нужно чисто, забрав с собой все бумаги, в которое попало мое имя. Так что адвокаты не пойдут – желательно что-то калибром выше. Тут опять сложности: уж больно мелкая проблема, чтобы с ней обращаться к высокопоставленным друзьям и знакомым. Это как не уметь завязать себе шнурки и прилюдно в этом признаться. Значит, надо, чтобы попросили в моих интересах, разговаривая о ситуации в целом, но без упоминания имени. Короче, нужен Артем.

Позвонил Диме, повелел встретить Шуйского после третьего экзамена и обрисовать ситуацию. Через какое-то время старый аппарат прозвенел сам и вежливо попросил со мной соединить.

Но сообщение было не из тех, которым радуешься – Артем, как выяснилось, работу уже сдал и ныне находился неизвестно где. Сотового телефона у него нет. Как найти человека в таких условиях?

– Алеу, агентство? Нужны рекламные площади по всей Москве, на один день, деньги не проблема. Очередь на месяц? Нет, боюсь, столько ждать я не могу... – Вернул телефон и принялся расхаживать по предоставленной площади.

В общем, не знаю, как найти. Артем радио не слушает, а пролет дирижаблей над Москвой запрещен.

В соседнюю клетку, между тем, никого так и не поместили. Вообще никого, кроме нас и дежурного не было – словно наступила эпоха мира и благоденствия, и никто не нарушает закон. Хотя вероятнее всего всех задержанных переводили куда-то в другое место. Мало ли отделений в округе...

Ладно, не найдется Артем – выкручусь как-нибудь иначе. Пока же присел на лавку и постарался прикинуть варианты, как вернуть слабый и всеми забытый род Еремеевых обратно в мир уважаемой аристократии. Может, войну с их участием устроить? Демонстрация силы, трофеи, опять же – самое то, чтобы общество приняло их обратно в свой круг. Покосился на Нику и, со вздохом, вычеркнул этот вариант. Не поймет. Можно по более медленному варианту – дать возможность зарабатывать, включив их

предприятия в собственные и дружественные цепочки производства. А там, где деньги, со временем прибавится все недостающее, вместе с друзьями и светскими раутами.

Только все же было ощущение неполноты в этих рассуждениях. Мысли, в целом, правильные, только что делать с тем, что меня все равно продолжают считать чудовищем? Все сломал, все починил – завтра снова ломает...

За окном прогремели первые залпы салюта – заказанного мною в честь успешного, как я тогда искренне полагал, завершения первого дня экзаменов. Отсюда его не увидеть никак – окошко высоко. Разве что на потолке отражались отсветы красочных переливов праздничных огней.

Пока прислушивался к раскатам феерверка, для порядка подсчитывая реальное и оплаченное их число (сошлись), понял, что мнение Ники будет для меня поважнее благополучия всего ее рода. То есть, пусть перестанет считать меня монстром – это важно, а ее семья идет прицепом. И никак иначе. Найти бы, к кому обратиться по этому поводу с советом...

– Дежурный, про нас забыли, да? – Подала голос Ника, когда салют завершился, и наступила глухая тишина.

– Начальство в курсе, ожидайте, – пробурчал он, перебирая листки очередного дела.

Телефон зазвенел минут через сорок, заставив встрепенуться нас обоих.

– Это вас, – принес ко мне трубку сержант.

Не соврал – по ту сторону отыскался бодрый и неунывающий голос Артема.

– Да я сразу заподозрил неладное, когда салют смотреть пришел. Как так – тут все взрывается, а тебя рядом нет. Никогда такого не было! – Охотно поделился он источниками своей интуиции. – Сразу к этому твоему Диме поехал.

– Это очень и очень хорошо, – согласился я. – А ты не мог бы поднять свои связи и попросить, чтобы человека из вот этого вот отделения выпустили, не забыв отдать ему все оформленные на него бумаги? Тут еще пугают каким-то должностным лицом не из простых, которое должно подойти. С ним бы тоже очень хорошо все уладить. А если тот проведет беседу с тем городовым и лейтенантом, которые меня задерживали, и убедит, что они ничего не видели – то вообще замечательно!

– Издеваешься? – Произнес Артем после паузы.

– Что значит издеваюсь? – Возмутился я. – Это квест!

– Что вообще у тебя случилось? Твой Димка ничего не знает.

– Утечка газа, угроза взрыва, но все отлично, и никто не пострадал.
– Экзамен – сдал?
– М-м, нет. – Признался я.
– Знаешь, в этот раз ты сам во всем виноват! – Неверно сопоставил он события.

– Да ты все неверно понял!
Щелкнула трубка, и раздались короткие гудки.
– Шикарно, просто шикарно, – горя возмущением, присел я обратно на лавку.

– Что говорит? – Любопытствовала Ника.
– Что я сам во всем виноват!
– Верные вещи говорит, – одобрила она.

Я только рукой махнул. Нашел у кого искать сочувствия...

В общем, минут через пятнадцать Артем приехал, о чем-то поболтал с дежурным, предложив ему переговорить с кем-то по уже набранному номеру сотового телефона, и еще через пару минут я стоял на улице, вдыхая прохладный вечерний воздух, наполненный свободой. В руках была укладка серой бумаги, которой суждено в самом скором времени сгореть.

Следом вышел Артем, уверенным шагом направляясь к серебристому мерседесу.

– У подчиненного твоего попросил на время, – кивнул он на машину. – На своей машине без документов страшно ездить...

Сел с ним в машину, рядом с водителем, щелкнул ремнем безопасности, выдохнул и решил не пересказывать свои чувства за прошедшее после его звонка время. Подумать только, и этого человека я кормил с рук!

– Как провел вечер? – Спросил я вежливо, пока он выруливал с парковки.

– Сдал экзамены. Выхожу с информатики – а там Вера, та девчонка из комиссии, сверток с деньгами мне вернуть пытается, представляешь? Главное, обернула в пакет из супермаркета, тянет их ко мне и дрожит. Кое-как убедил, что это действительно ее и действительно никто не попросит назад, – покачал он головой.

Для Артема понятие «карманные деньги» – это примерно сколько умещается в кармане крупными купюрами. Но цену деньгам знает, в общем-то – что не отменяет обязанность делать дорогие подарки в ответ на помощь. Чтобы княжич, да остался в долгу...

– В общем, провожать пришлось до дома, – подытожил он с довольным видом. – Иначе страшно ей с такой суммой одной. А там,

представляешь, двенадцатизэтажные дома, один за одним, сплошной стеной на целый километр вдоль улицы! Одинаковые – только по табличкам и разобраться можно. Как они там живут, а?

– Нормально живут. Лучше многих.

– Ну, может быть. – Не стал он спорить. – Вера, кстати, с твоей роботехники аспирант. Приглашала завтра на выставку достижений их технического центра.

– А что, вариант хороший, девушка симпатичная. – Одобрительно кивнул я. – Опять же – с квартирой в Москве.

– Чего? – Протянул Артем.

– Говорю, вот тут притормози, – убедившись, что мы отъехали достаточно далеко, указал я на обочину под густыми деревьями. – Спасибо. Я быстро.

Стоило машине остановиться, отстегнул ремень, выбрался на улицу и, не обнаружив случайных свидетелей, рванул обратно в сторону отделения, прикрывая свой бег от дороги деревьями и кустарником.

Затормозил, когда коробка отделения стала видна отчетливо. Потянулся к Силе и плотно зажмурил глаза, когда яркая вспышка молнии в оглушающем грохоте снесла ко всем демонам правый край стены, обнажив внутреннюю обстановку помещения – вместе с прутьями решетки и силуэтом девушки в зеленом, ошеломленно выглядывающей на улицу сквозь образовавшуюся трещину.

– За твою и нашу свободу! – Проорал я в сложенные ладони, стараясь сделать голос непохожим. – Смерть тирану!

Тут же девичью фигурку снес в броске силуэт дежурного, азартно призывая не двигаться не оказывать сопротивления.

– Эка он неаккуратно, – возмутился я, собираясь поворачиваться.

– Ты охренел?! – Тут же дернул меня за плечо Артем, видимо, бежавший следом.

– Что? Зато я точно буду знать, где она находится в ближайшие несколько дней! У меня еще шесть экзаменов, между прочим!

– Да вы оба больные! Валим отсюда!

Добежали почти мигом.

– Ты не поверишь, что я узнал. – Вновь пристегнулся я в кресле, когда машина резко дернулась с места. – Оказывается, у нее действительно есть мотивы меня не любить.

Артем резко нажал на тормоз, аж вперед качнуло.

– Да неужели? – Процедил он.

– Ага. Я ей, вроде как, действительно всю жизнь испортил, хоть и сам

не знал. Но я торжественно обещаю, что все исправлю. – Сообщил я соответствующим тоном.

– Максим, – смотрел на меня непонятым взглядом Артем. – Ты только что натравил на нее Имперскую Службу Безопасности.

– Да, но потом-то то я все исправлю. Я же обещал.

– Максим, очень тебя прошу, никогда мне не помогай. – Покачал головой княжич и вновь повел машину вперед.

– Что за чушь? Ты мой лучший друг! – Возмутился я.

– Очень тебя прошу. – Настаивал он. – Или, ради всего святого, хотя бы скажи мне, как собираешься помочь. Обещаешь?

– Обещаю, – буркнул я на такую несправедливость. – И, Артем... Тоже просьба есть. Ты прости ее, Нику эту. Совсем прости.

– Да щ-щас.

– А я буду должен, – такие легкие слова всегда давались с трудом.

Поэтому, наверное, произносил их всего пару раз. Словно что-то важное отдаешь в этот миг...

– Ладно, – почему-то согласился он почти не раздумывая и даже отчего-то подобрел лицом.

Как сто рублей на улице нашел...

– Что у тебя с жильем? – Не стал я разбираться в его подозрительных эмоциях.

– Все отлично. С минуты на минуту уже должны позвонить, – мельком глянул он на циферблат на приборной панели.

– То есть, позвонить? Кто позвонит? – Не понял я.

– Так насчет квартиры.

– Так а ключи где, адрес, договор?

– Знаешь, не надо меня так опекать. Я взрослый человек, и с таким пустяковым вопросом уж поверь, легко справлюсь сам. Вот договор, – движением, преисполненным величия, открыл он бардачок. – Сверху. С квитанцией!

– Очень интересно, – заглянул я в текст и пробежался по абзацам. – Сколько заплатил?

– Рыночную стоимость. Не больше! Ну и вперед на один месяц. И еще один месяц обеспечительного платежа.

– Ага. А они позвонят?

– Ну да. – Запнулся он. – Подходящую мне только-только сняли, но есть даже лучше и к метро ближе. Вот как ключи старые съемщики сдадут, сразу мне позвонят.

– У меня есть две новости, – завершил я чтение. – Плохая и очень

плохая.

– То есть? – Нахмурился Артем.

– Это договор на информационные услуги.

– Ну и?

– По нему ты им деньги за три месяца, а они тебе точное московское время. – Пояснил я, протягивая ему договор. – Не читал, когда подписывал?

– Бред какой-то, у них офис почти в центре, люди солидные, – но по тексту он пробежался глазами цепко. – Та-ак...

Машина взяла вправо, притормозив у парковочного кармана. Артем прикрыл глаза и расслабил сжавшиеся на руле руки.

– А какая очень плохая новость? – Спросил он голосом, в котором слышалось характерное рычание.

– А она не для тебя, она для них очень плохая, – улыбнулся я располагаяще, в ответ получив такой же белоснежный оскал.

Взгляд невольно зацепился за надпись на баннере с социальной рекламой чуть дальше по направлению дороги.

– Вон, видел, что написано? – Обратил я внимание соседа на него. – «Вместе сделаем наш город светлее и чище». А ты чего ждешь? Поехали.

Глава 12

В среде разного рода мошенников есть свои профессиональные риски. У нечестного автоинспектора – попытаться стребовать взятку с генерала в штатском. У нечистого на руку таможенника – арестовать груз, принадлежащий через фирмы-прокладки своему же начальству. Так и у жулья, с радостью забравшего деньги у розовощекого крепыша из провинции, есть шанс нарваться на княжеского сына.

Закон больших цифр говорит, что рано или поздно случится любое событие, имеющее ненулевую вероятность. Но, как полагают многие, не с ними. Да и много ли принципиальных генералов за рулем в бесконечном потоке машин? А «особенных» вагонов, к которым никто высокопоставленный не пожелает явно указать свою причастность?

Если же посчитать процент встречи с аристократом, приехавшим в числе двух миллионов человек, ежедневно прибывающих в столицу из страны и области, то цифра выйдет и вовсе мизерной. Пусть даже состоится та встреча – одного взгляда на паспорт хватит, чтобы жулик вежливо ответил «свободных квартир нет, приносим извинения».

Документы Артема были насквозь гражданские, без герба на обложке – такие же, к слову, как и у меня самого. Выбирал он агентство по рекламе, по внешнему виду офиса и цене, полагая кассовый аппарат гарантией честности. Быть может, привык к тому, как ведут дела у него дома. Но там, на родине, не было постоянного притока новых людей, в котором кое-кто научился отлично кормиться.

Говоря о профессиональных рисках, надо не забыть упомянуть про последствия. Придет черный день, и инспектор вылетит в отставку без пенсии. Таможенник – получит срок. А вот участь тех, кто обидел Артема, никак не регламентируется. Более того, нет такого потаенного страха, который наверняка посещал каждого жулика, способного описать то, что будет, если... Потому что во всех этих страхах все в любом случае завершается. И мир не превращается в крошечный ад.

Реальность, построенная на личной Силе, не терпит малодушия. И оскорбление такого порядка в нем – есть малая война, которая уже началась. Война, на которую Артем опаздывал, судя по изменившейся манере вождения – агрессивной, наглой, не признающей разметку, а сигналы светофора признающей исключительно в рекомендательном плане. Конец рабочего дня, пробки – иначе тут можно встать на несколько часов...

– Когда они закрываются? – Вновь взял я в руки договор.

– В восемь, – сухо ответил друг, выкручивая руль и уклоняясь от машины на встречном направлении.

Справа, подвинутые неожиданным маневром из полосы, гневно прогудели клаксоном.

– Адрес в договоре совпадает с реальным? – Глянул я на часы.

Еще тридцать пять. Вроде как, успеваем.

– Совпадает. Я проверял, – буркнул он.

Пожалуй что, гнев его был изрядно усилен уязвленной гордостью – так хотел казаться самостоятельным человеком...

– Хорошо. – Мельком глянув на товарища, набрал я новый номер в телефоне. – Родион Геннадьевич? Вечер-вечер, но не добрый. Шумно будет между четвертым и пятым Смоленским переулком, вы уж войдите в положение. Увы, но буквально в течение этого получаса. Очень крепко уважаемого человека обидели. Да, как обычно. Спасибо, Родион Геннадьевич, и вам крепкого здоровья.

– Это вот что сейчас было? – Рыкнул Артем.

– Как говорил папа, общество должно знать причины драки до того, как она начнется. – Убрал я телефон. – Да не сверкай ты глазами. У этого города тоже есть свои хозяева. Мы проявляем должную вежливость и учтивость, ставя их в курс дела.

– А если там всех эвакуируют?

– Зачем? Ничего же еще не произошло.

– Но он же знает, что произойдет.

– Артем, вот представь, ты в доме услышал очень громкий и характерный звук на улице. – Терпеливо принялся я пояснять. – Это запросто может быть выстрел, дальний разрыв снаряда или детская шалость с сильной петардой.

– Да причем тут это...

– При том, что в третьем случае ты не станешь поднимать гвардию, вводить чрезвычайное положение, перекрывать улицы и поднимать в воздух вертолет.

– То же мне, шалость, – фыркнул он гневно.

– Ну, от петарды тоже может оторвать пальцы, выбить глаз и вспыхнуть дом. – Развел я руками, признавая неочевидность сравнения. – Как рачительный хозяин, разумеется, ты проследишь, чтобы этого не случилось.

Что бы не подумал так и не ответивший мне Шуйский, но в узком проулке справа от здания торгового центра нас уже дожидалась пожарная

машина и скорая, помигивая синими огнями спецсигналов. А стоило выйти из машины и подойти к ним, обозначив себя, из черной «камри», прятавшейся до того за пожарным «КамАЗом», вышагнул усталый на вид господин средних лет в клетчатом костюме, удерживая в руках подшитую папку бумаг с плотным основанием, развернутую так, чтобы на ней можно было писать стоя и на ходу.

– А это кто? – Шепнул Артем, пока господин неспешно к нам приближался.

– Чиновник. – Пожал я плечами. – Будет фиксировать и оценивать сопутствующий урон. В том числе погнутые фонарные столбы, испорченное благоустройство улиц, и не дай тебе бог – разбитую тротуарную плитку. Ее только в этом году уложили.

– Ага. А платить, значит, за все это – мне? – Цепко следил за движением чиновника Артем.

– За скорую, пожарных и чиновника – тоже. По тройному тарифу, – согласно кивнул я. – Москва – очень дорогой город. Воевать тут тоже очень дорого. Да не переживай, из трофеев оплатишь.

– Я, как бы, за мезтью пришел. – Хмуро прокомментировал Артем.

– Теперь и про деньги не забывай. – И первым шагнул к представителю города. – Добрый день, меня зовут Самойлов Максим.

– Андрей Алексеевич, – пожал он мою руку, а затем улыбнулся Артему.

– Шуйский Артем Евгеньевич, – коротко кивнул он.

– Весьма рад знакомству и чести с вами поработать. – Не усомнился тот ни на секунду в его личности. – Суть конфликта? – Направил он острие обычной ручки на первую линию чистого листа.

– Посягательство на личную собственность. – Ответил Артем. – А именно...

– Этого достаточно, – вежливо и с поклоном обозначил полноту ответа Андрей Алексеевич и с какой-то тоской оглядел довольно симпатичное строение делового центра.

Пять этажей, красивый ажурный стиль постройки, формирующий фасад здания из крашеного в белый бетона и высоких окон, закрытых в зеленые рамы. Даже вывески особо его не портили – аккуратные, выполненные из букв, закрепленных так искусно, будто висели в воздухе. Солидно – с этим я с Артемом был согласен.

– Так полагаю, к собственникам здания тоже будут претензии? – Приподнял он бровь.

– В рамках, ограниченных ущербом строению, – ответил я за друга и

посмотрел на него.

А Шуйский, подумав, согласно кивнул.

Если хватит ума не жаловаться на нанесенный ущерб, то обойдутся без скользких вопросов на тему, знали ли, что тут ограбили целого княжича. И ответ «не знали», на их беду, будет в корне неверным – за аренду деньги брали, кто тут обитает, знали. Но, опять же, Артему пока нужны не они.

– Тогда внутренний осмотр не требуется, – констатировал чиновник и посмотрел на часы. – Мы отъедем, и через пять минут начинайте.

– Со мной не ходи, – после того, как мужчина удалился к своей машине, произнес Артем, хмуро глядя на здание.

– И не собирался, – отгородился я категоричным жестом. – Тоже отъеду, мало ли...

– Да я аккуратно, – хрустнул тот костяшками пальцев и пошел за угол, направляясь к главному входу.

Машины я оставил рядом с нашим сегодняшним сопровождением (те злостно нарушали, встав на проезжую часть, но вряд ли эвакуатор посмотрит в их сторону), и на всякий случай вернулся обратно, полюбопытствовать.

Ровно через пять отведенных нам минут по зданию прокатился глухой звук ударной волны, от которой тревожно зазвенели стекла, а ряд припаркованных в проулке машин нервно заистерили сигнализацией, призывая хозяев убрать их куда-нибудь подальше.

– Нормально, – кивнул я своим мыслям.

Начать – оно самое сложное. Дальше втянется.

Ну а у меня были свои проблемы, которые тоже следовало решать. Потому вернулся в машину и взялся за телефон, звонок за звонком формируя представление о положении дел Еремеевых, их финансовом состоянии и производственном потенциале. Раз обещался помогать, то откладывать такое дело не стоит.

Выходило, что события пятилетней давности довольно болезненно ударили по небольшой промышленной империи, специализировавшейся на проектировании и производстве крупных электродвигателей. Весьма нишевой продукт, который почти не интересует частного потребителя, внезапно оказался никому не нужен. Отсутствие новых заказов ожидаемо привело к простоям мощностей и сокращению персонала. Некоторое время предприятия держались на поставке ремонтных комплектов, но вскоре их стали теснить и там. Заказчики отчего-то стали предпочитать оригинальным запасным частям – аналоги, пусть и более дорогие. А там,

где срок работы механизма подходил к концу, конкурсные комиссии выбирали поставку двигателей другого производителя.

Казалось бы, все скатывалось к тому, что станочное оборудование в самом скоро времени будет продано, квалифицированные инженера – уволены, а имеющиеся площади сданы в аренду. Но род умудрился сохранить производственную базу, пусть и ужавшись раза в три от первоначального размера, и сейчас гнал свой продукт за границу, подкупая качеством и ценой. Поговаривают, поначалу такой ценой, что еле окупала производство – и зарубежные покупатели просто не смогли удержаться. Какие-то слухи про запреты и возможные кары меркли в сиянии трехсот процентной прибыли. У новых заказчиков, знаете ли, тоже были свои аристократы и своя гордость – тем более, что никто с претензией за пять лет к ним так и не пришел. В общем, кадры, технологию и производство Еремеевы сохранили, за что честь им и хвала. Вытаскивать в свет ларечников – арендодателей было бы гораздо сложнее...

– Дима, ты вот этому Еремееву Сергею Олеговичу назначь-ка встречу от имени одного из наших фондов. Найди поблаговзвучней и не связанного с.... Ни с чем не связанного.

– Хорошо, – приняли по ту сторону провода. – Какая будет повестка дня?

Я потер переносицу, пытаюсь представить, как мы можем с ними сотрудничать на данный момент. Расширение производства на отечественный рынок? С их-то печальным опытом – вряд ли. Очень сложно будет убедить, а уж тем более уверить, что это не очередная подстава. Что-то им заказать? Так они полностью закольцованы на зарубежье – даже сырье, металл берут из-за границы. Им проще отказать, чем ломать свою специализацию. Организовать им продажу дешевого отечественного сырья? Несерьезно, так как не увеличит сбыт.

– Вот что, предложи им денег под совместный проект. Много денег, под любой проект. Их доля – пятьдесят один процент, все расходы наши. С них – управление, персонал, технологии... Скажи, что инвестиционный фонд, и заинтересовались их успехами. Дима, еще важно – мы зарубежный фонд! – Добавил я, спохватившись. – У нас есть такой?

– Есть.

– Отлично, – успокоился я. – Старайся выглядеть очень респектабельным и очень жадным. И да, финансовую отчетность фонда нарисуйте такую, чтобы опытный специалист, покопавшись, увидел легкий налет нелегальности источника средств, иначе ни в жизни не поверят в таких красивых. Повторяю: легкий, житейский! Как-будто кто-то за

рубежом хапнул откат, а теперь хочет деньги легализовать. Иначе вечно эти аристократы морды воротят.

– Максим, – укорил меня друг голосом.

Мол, не в первый же раз...

– Ладно, – подобрел я голосом. – Тогда по Нике. Что она сегодня в университете вообще делала? – Полубопытствовал я вопросом, который не успел уточнить ранее.

Раз не специально меня там поджидала.

– Так медицинский, четвертый курс, – пожали плечами по ту сторону провода. – Они же каждое лето на практике.

– Так-так-так, – заинтересовался я. – А где у нас практика?

– Сейчас уточню, – озадачился он.

– Перезвоню, – завидел я приближающегося к машине Артема и положил трубку.

Друг шел с невозмутимым выражением лица, удерживая в левой руке завязанный у горловины мешок из занавески, набитый чем-то объемным, но явно легким.

Первым делом он распахнул заднюю дверь машины, закинул туда мешок. Затем столь же неспешно – как из магазина вышел – сел за руль, пристегнулся.

– Жилинский Эдуард Ростиславович, не слышал о таком? – Спросил Артем. – У него еще казино и с десяток таких же вот контор, – кивнул он в сторону невидимого отсюда бизнес центра.

Кстати говоря, вместе с открывшейся водительской дверью, с того направления отчетливо потянуло гарью. Вон, даже мотор пожарной машины позади ожил, а сама она в сопровождении скорой отправилась любоваться результатами частного посещения княжеской персоны отдельно стоящего здания (до того целого и невредимого).

– Сейчас узнаем, – хмыкнул я в ответ и спросил ответ у интернета. – Похож? – Повернул я к нему дисплей телефона.

Тут даже фото было – обычного лысоватого мужика с автозагаром на открытии того самого казино. И адрес заведения, разумеется, тоже присутствовал.

– Я откуда знаю, – буркнул он, заводя машину.

– Господа, – вежливо постучался в окошко знакомый чиновник, тоже подошедший со стороны делового центра. – У вас все на сегодня?

– Если бы, Андрей Алексеевич, – виновато развел я руками. – Но на этот раз уже не в вашем районе.

– Сочувствую вашим хлопотам. Соизволите рассчитаться? –

Предложил он листок, заполненный убористым почерком с крупно обведенной суммой в самом низу.

– Так, – взял бумагу Артем в руки и сосредоточенно взгляделся. – Уборка территории, вывоз мусора, нарушение санитарной зоны по сжиганию изделий из дерева и пластика... Шум в общественном месте, обесточивание газопровода, разрыв газопровода, восстановление линии газопровода... Суммарный сопутствующий ущерб сторонним организациям... Компьютеры, принтеры, куртки замшевые – три ... Дежурство спецтехники и экипажа... Деревья липовые, старше десяти лет, пять штук. Сколько?! – Наконец, возмутился Артем. – То есть, я хотел сказать, там не было ни единого дерева!

– Родион Геннадьевич очень бы хотел, чтобы они там появились.

– Плати, – кашлянул я в руку.

– Ладно, – неохотно произнес Шуйский, поняв, что за этой строчкой скрывается неизбежная плата за беспокойство. – Но плитка! Да я не то, чтобы на нее кого-то кидать с высоты, дышать боялся на эту плитку! Честью клянусь! – Задохнулся он от возмущения.

– Все бы так о ней заботились, – с уважением кивнул Андрей Алексеевич. – Значит, так было до вас. Вычеркивайте. Итого, за вычетом... – Как по волшебству появился в его руках калькулятор, быстро произведя операцию по вычитанию. – Соизволите ознакомиться. – Повернул он к нам циферблат.

Артем с сомнением посмотрел на мешок на заднем сидении. Что-то мне тоже показалось, что как бы не пришлось доложить своих.

Но обошлось – деньги выложили на багажнике, быстро пересчитали (у чиновника оказалась с собой специальная машинка), выдали положенное, а скудный остаток положили сверху в качестве чаевых.

– У меня такое ощущение, что их грабил не я, а город, – передернул Шуйский плечами, выезжая из проулка.

Я изобразил поддакивание. Так-то оно приятней думать, чем если бы город грабил лично вас.

– Зато у тебя осталось моральное удовлетворение.

– Еще нет. Надо к этому... Ростиславовичу.

– Значит, я звоню дальше, – констатировал я.

И вновь – мои сочувственные ноты в адрес человека, настроение которого явно не в восторге от излишнего шума в его районе. В ответ же – грустное понимание неизбежного, но вместе с ним вежливый призыв не горячиться и действовать на холодную голову.

– Знаешь что, – скептически смотрел Артем на переливающееся

огнями заведение, к которому мы подъехали уже в пол десятого вечера.

Некоторые пробки не победить – особенно на выезде из города, а тут край Москвы, его восточное направление, да еще усугубленное очередным ремонтом.

– Ау?

– Я вообще не хочу туда идти. Опять что-нибудь сломаю, плати потом...

Заведение казино было прижато двумя довольно старыми постройками, пусть и выглядящими довольно бодро. Некогда между ними наверняка был скверик или широкий двор, но кто-то посчитал, что лучше там быть «магазину товаров хозяйственного назначения». Через какое-то время магазин съехал, а на освободившиеся площади заехало казино. На возмущения жильцов наверняка последовал косметический ремонт их домов – и все успокоилось.

– Плитки тут нет, – успокоил я его.

– А эти вот два здания по бокам от казино? Вдруг они повышенной культурной и исторической ценности, а? И эти газовые трубы по фасаду. Тут их три! Ты видел во сколько они ремонтные работы оценивают? Ты видел?! – Искренне возмущался товарищ. – А если тут позади липы посажены!? Вдруг там целый парк?!

Возле здания, между тем, уже дожидалась знакомая троица машин: из пожарной, скорой и серого форда рядом, понятно кому принадлежавшего. Охрана казино, кстати говоря, первой подошла к пожарной, явно искренне удивляясь, зачем они тут. Ничего же не горит. Пока.

– На твоё счастье, всё предусмотрено могучим ураганом, – кивнул я в сторону черного «Ленд-ровера», ничем не отличавшегося с виду от иных машин на длинной парковке вдоль улицы.

– И кто там? Силовая поддержка? – Со скепсисом отреагировал Артем.

– Лучше, – веско заявил я и поднял палец правой руки ввысь. – Грамотный юрист и нотариус.

– И чем же...? – Осекся он на полуслове.

– Благородное искусство собирания трофеев давно вышло из пещерной эпохи, – тоном лектора произнес я. – И уже не ограничивается мешком из занавески, куда сваливается то скудное, что оказалось в поле зрения добытчика. Честное слово, я так с тобой и твоей местью в долги влезу. В прошлый раз еле-еле хватило, сам же видел.

– Все-все, не выноси мне мозг.

– Так что громи, ваше сиятельство. Только владельца оставь целым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

– Не гарантирую. – открыл дверь со своей стороны Шуйский, выбираясь из машины.

– Сойдет целая правая рука. – Последовал я за ним.

В первую очередь, конечно, побеседовать с представителем хозяина этой части столицы – проговорить рамки, условия и мотивы нашего поведения. Впрочем, после сообщения личности княжича, все пожелания свелись к единственному:

– Просим не повреждать несущие конструкции. На здание есть виды. – Обозначил чиновник интерес своего господина к постройке.

Интерес, который не подразумевал, что бывший владелец останется в живых. Как и намек, что здание себе забрать не получится.

А далее Артем пошел ко входу, я – к машине, а люди с развитой интуицией – подальше отсюда.

Собственно, в помощь иным людям почти сразу, как Шуйский зашел в здание, заревела пожарная сигнализация, призывая эвакуироваться побыстрее. Скорая и пожарная включили сирены, добавляя аргументов даже последним скептикам бросить игру и спасти свою жизнь.

Но даже после того, как выбежал крайний посетитель – по извечной народной привычке остановившись рядом со зданием и с интересом наблюдая за тем, что будет дальше – никакого яркого и сильного шума так и не донеслось. Впрочем, местные порядки и цены быстро учат решать свои проблемы тихо и без лишних разрушений.

– Дмитрий? – Вдохнул я в которой раз в трубку. – Что удалось найти?

Обсуждать Нику при Артеме не было желания, так что разговор удалось продолжить только сейчас.

– Еремеева проходит практику в частной больнице в Ельниках. – Обрадовал товарищ конкретикой. – Хирургия, как и ожидалось.

– Хорошо, мы можем эту больницу купить? – Прикрыл я веки.

А там – и идеальные условия можно устроить, владея административным ресурсом.

– Боюсь, нам ее не продадут. Больница в собственности князей Панкратовых. Заведение считается элитным, с собственной охраняемой территорией и парком.

– Закрытое заведение? – Напрягся я.

Если только для членов клана – то дело приобретает неприятный оборот. Абы кого лечить «своих» тоже не поставят.

– Общедоступное, – позволил выдохнуть ответ. – Для всех, у кого достаточно денег.

– Так... – Задумался я.

Попросить у Панкратовых я ничего не могу. Точек соприкосновения нет, интересы пересекаются весьма косвенно. Разве что я участвовал в том же турнире, где погиб его сын – но это даже не повод начать разговор. Так что без вариантов подхода к больнице с этой стороны. Во всяком случае, на данный момент.

– Может, как-то зайти туда через подрядчиков или поставщиков? Я имею ввиду, зайти мне и оказаться на том уровне, где разговаривают начальники.

– Можно перекупить кого-то из нынешних, – чуть неуверенно заключил Дима. – Только тебя придется шефом делать. – Намекнул он на нарушение негласного правила, на этот раз установленного мной самим.

Из всего, что у меня было, я не владел прямо ничем. Раньше это обуславливалось возрастом, позже – несомненными преимуществами анонимности и распределения бизнеса по стране. Да и к сотне малых предприятий отношение куда более спокойное, чем к одному крупному. Во всяком случае, меньше желающих взять и отобрать все разом.

– Делай, – подумав, согласился я. Ничего страшного в этом все равно нет – если ударят по мелкой фирме, желая навредить мне, то ущерб ничего не будет значить. – На новые документы оформляй. Где мне девятнадцать.

– Сделаем, – заверил друг перед тем, как отключиться.

Оставалось скучать, поглядывая на выход из казино. Особенного шума так и не услышал – так, прозвучало что-то гулко, но всего один раз. Посетители, не дождавшись сообщения об отмене тревоги – а пожарная сигнализация призывала покинуть здание до сих пор – принялись расходиться.

Минут через двадцать на пороге объявился Артем – один, без сопровождения. Устало махнул мне рукой, призывая подойти. Я же по пути сделал знак представителям юридической службы выдвигаться к нам.

– Как успехи? – Полюбопытствовал я, заглядывая в темноту за входной дверью.

Вроде как, целым все выглядит – и даже запаха гари нет.

– Так себе. Услышал еще одно имя, – ответил он без энтузиазма, кивком здороваясь с подошедшими и вежливо вставшими чуть поодаль юристом и нотариусом – солидными людьми в возрасте, в костюмах, с увесистыми кожаными папками в руке и тусклыми перстнями на пальцах.

– Этот Жилинский что-то вроде администратора высшего звена. Все деньги уходят выше.

– Не врет? – Для порядка уточнил.

– Я был очень убедителен, – свернул Артем глазами, но тут же

успокоился. – Сколько там их еще сверху может быть?

– Как говорится, главное в таком деле не выйти на самих себя! – Важно изрек я прописную истину, но не заметив энтузиазма в ответ, добавил честно. – Как повезет. Казино уж точно само по себе просто так существовать не может. Думаю, еще одну-две ступеньки пройти осталось. И делать это надо сегодня, пока все сидят на местах.

– Я так до утра не усну, – пожаловался Артем.

Впрочем, без особых эмоций. Война – это тоже работа.

– Со временем действительно проблема, – посмотрел я на часы. – Так. Одиннадцатый час, плюс тебе еще тут оформляться, плюс дорога. Артем, мне в университет бы заглянуть, свои дела решить, – перевел я на него взгляд.

– Езжай. Я тут справлюсь. – правильно понял он не заданный вопрос.

– Следующий адрес где? Предупрежу хоть. – Почувствовал неловкость.

– Самый центр, высотки на Пресненской набережной.

– Часа через два там тебя встретят. Позже и я подъеду, – похлопал я его по плечу. – Машина вон, у юристов.

Затем, на всякий случай, отметилсЯ вместе с ним у чиновника, с интересом изучавшего трещины в асфальте.

– Но ведь даже легкого толчка не было, – пожурил Артем представителя города, обескураженно наблюдая, как напротив строчки с описанием повреждения оказывается круглая сумма.

Наверное, он старался.

– Так или иначе, город должен становиться красивее, – наставительно ответил он. – Люди приезжают и приносят городу проблемы. Вы, молодой человек, отличаетесь от них в лучшую сторону, поэтому мой господин с пониманием относится к происходящему. Но если продолжите только чинить вами сломанное, так и останетесь приезжим.

– То есть, если я закатаю всю эту улицу от края до края в идеальный асфальт?.. – Уточнил Шуйский.

– Значит, поступите так же, как ваш уважаемый друг с двенадцатью другими улицами столицы, – пожал он плечами. – А если облагораживанием парков займетесь... За остальных не ручаюсь, но моему господину вы точно сможете звонить самостоятельно, – доверительно продолжил он.

– Понятно, – покосился на меня Артем и отчего-то решил проводить меня до машины.

– Что-то не так? – Уточнил я у него.

– Слушай, а что за хозяева города? – Спросил он, покосившись назад.

– Так кто тут у всего хозяин, – сел я в машину, а Артем облокотился на крышу и дверь. – Местный император.

– Он же один, а хозяева – множественное число.

– Один, но родни у него много. Вот одному внуку – один округ, второму – другой. А иногда, представляешь, – произнес я шепотом и сделал знак, чтобы Артем чуть нагнулся ко мне. – И внучке!

– Да ну тебя, – фыркнул он.

– Раздаст и смотрит, как Рюриковичи со своими районами справляются. Как с князьями и их вольницей управляют. Говорят, очень внимательно смотрит. У кого-то округ отберет, кому-то отдаст. А там же, без шуток, больше миллиона человек в каждом живет и работает.

– М-да? – Задумался Артем.

– Ага. Только если ты дорогу тут в асфальт закатаешь, то на тебя уже дома косо посмотрят. Вон, музеям помогай, если денег много.

– Да мне расположение Рюриковичей как-то без надобности, – пожал он плечами.

– Тем более. А если что, у тебя есть я. – Ободрил товарища, завел мотор и жестом показал, что дверь надо закрыть.

– А если б не ты, что бы мне было? Ну, если бы я один пошел решать тут со всеми этими...

– Я же сказал, – терпеливо повторил другу, на пару секунд придержав дверь перед тем, как ее закрыть. – Наверху очень внимательно смотрят, как наследники управляют с княжеской вольницей.

Глава 13

Как говорит народная мудрость, если вы платите вашему охраннику мало, то найдётся тот, кто будет платить ему достаточно.

– Доброй ночи, Роман Вениаминович, – постучался я в резную дверь центрального входа университета, заглядывая сквозь толстое стекло узорных окошек внутрь холла.

В приятном полумраке, подсвеченном желтой лампой, справа от входа шевельнулась тень, прозвучали семенящие шаги, а еще через пару секунд дверь отворилась, выпуская приятное тепло в прохладу августовской ночи.

– Максим Михайлович, – искренне обрадовался пожилой смотритель университета, распахивая дверь. – Заходите быстрее! – Осторожно выглянул он наружу и посторонился, пропуская меня внутрь.

В темно-красной жилетке поверх желтоватой рубашки, седой и с массивными очками на носу, от которых тянулась серебристая цепочка к шее, Роман Вениаминович напоминал скорее профессора, чем ночного сторожа. Схожесть объяснялась очевидно – когда-то он действительно вел тут философию, но с достижением пенсионного возраста оказалось, что ставки преподавателя для него больше нет. Зато отыскалось место ночного сторожа, кое-что добавившего к неплохой, в общем-то, пенсии.

Но на мечту, увы, денег все равно не хватало. Хотя кто бы мог подумать, что у стариков остались мечты.

Вот и те, кто ставили смотрителя на эту должность, посчитали его проверенным и досконально понятным – вдовец, трое детей, восемь внуков, идеальный послужной список и никаких амбиций. Поэтому ему доверили ключи, порядок взаимодействия с сигнализацией в главном здании и оставили доживать на этом месте последние дни.

Между тем, страница Романа Вениаминовича в социальных сетях пестрила огромным количеством фотографий самого лиричного свойства – берег моря, небольшое бунгало и одинокий мужской силуэт на пляже с удочкой в руках. Иногда вместо моря была река, а бунгало сменял добротный дом-трехстенка. Но моря там было больше – теплого, светло-синего, подернутого рябью легким ветерком.

Дорогая мечта, на которую с его восьмым десятком лет никак не накопить.

Я мельком повернулся к пустующей парковке, въезды на которую к ночи перегородили цветочными клумбами – чтобы не баловали на машинах

под окнами. Никого – разве что утопали в темноте дальние части площади на контрасте с яркостью мощных прожекторов, высвечивающих статный силуэт здания.

Зашел внутрь здания на пару шагов, давая сторожу закрыть двери на засов, и огляделся, привыкая к мрачноватой темноте, собранной из угловатых силуэтов рамок металлоискателей, прямоугольников объявлений и схем на стенах и нескольких дверей в конце помещения, которые скорее угадывались, чем были видны.

Неожиданно темнота в дальнем углу шевельнулась и выступила вперед в виде моложавого охранника, небрежно придерживающего правой рукой укороченный автомат, зацепленный ремнем на плечо.

– Вы кто такой? – Грозно прозвучал слишком молодой, оттого звонкий и нестрашный голос.

Который даже самому владельцу, по всей видимости, не понравился – иначе бы руки и тело его не заискрились бы пленкой «Щита Духа», показывая довольно серьезный для возраста боевой ранг. «Воин», надо же.

– Коля, это ко мне, – выступил вперед меня Роман Вениаминович, отмахиваясь от него небрежным жестом руки.

– Но ведь не положено же, – возмутился парень, но без прежнего напора..

– Чай мой пил? Печенья мои ел? – Недовольно проворчал сторож. – Не положено ему.

– Да я для порядка, Роман Вениаминович, – пошел тот на попятный, добавив в голос виноватые нотки. – Если к вам, то ладно.

– Все в порядке, офицер, – продемонстрировал я в воздух удостоверение, в котором не было ни слова правды (и которое было точно не разглядеть). – Я с ночной проверкой.

– Ежели так, то совсем хорошо, – подобрел молодой охранник с облегчением отступил обратно в темноту.

Да и обращение мое ему явно понравилось.

Понятное дело, охрана такого огромного здания не могла быть возложена на одного старика. На подряде у университета находилось несколько охранных контор полным составом, обеспечивающих как физическую защиту руководства и территории, так и поддержку видеонаблюдения с сигнализацией. И понятное дело, никому из этих охранников университет не мог и не хотел доверить шкафчик с ключами от аудиторий. А вот бывшему преподавателю – мог. Естественно, изрядно напугав перед этим ответственностью и карой самого князя Воронцова, наследовавшего почетное, хоть и сомнительное право тратить уйму денег

на покровительство университету.

Заодно, разумеется, кара настигла бы с самого верха – университет все же был государственный и принадлежал императорской фамилии, со всеми из этого вытекающими последствиями. Но двух смертей не бывать, а Воронцовыми пугать было проще и безопаснее.

Однако есть такой возраст, когда тягостное ощущение невозможности что-то изменить бросает человека то на покупку лотерейных билетов в надежде на призрачный шанс, то на изменение некоторых жизненных принципов.

Вот и наш смиренный сторож, получив два дня назад в полную его собственность участок на побережье в Феодосии со скромным домиком в два этажа, решил, что без принципов будет теплее зимой и определенно полезнее для здоровья во все остальные сезоны (морской воздух, опять же – при его хроническом бронхите). Тем более, что сделка была прикрыта весьма искусно, а дом с землей принадлежали даже не ему, а фирме, от которой он неожиданно получил сто процентов акций на предъявителя. Короче говоря, есть за что поскучать тут еще два года, изредка выполняя некие поручения.

– Все в порядке? – Спросил я шепотом, когда Роман Вениаминович дошел до своего столика, скрытого за большим трюмо, и зашебуршал в верхнем ящике стола, что-то в нем выискивая.

– Как сказать. Сегодня у нас шумно и многолюдно, – так же тихо отозвался он, выразительно посмотрев наверх. – Проректоры, заведующие кафедрами, всем не спится. И, представляете, камеры совсем не работают. – С лукавой улыбкой указал смотритель на черные прямоугольники мониторов на его столе, которые укрывались деревянной стойкой от постороннего взгляда.

А вот это уже не я. Кто-то иной позаботился.

– Где они? – Собрался я, прикидывая варианты.

– Так ключ ищут, – простовато посмотрел на меня Роман Вениаминович, похлопав ресницами. – От аудитории, где все работы лежат. Всем туда отчего-то нужно. Кто телефон забыл, кто паспорт: «им на секундочку». А я говорю – не было ключа! Вон, журнал посмотрите. – Тронул он толстенный и наполовину исписанный grossбух, лежавший на столе справа и открыл его там, где закладкой была поставлена ручкой. – Не сдавал никто. Ищите, кто из преподавателей был последним. А может, он домой его с собой забрал? Или на кафедру унес и там оставил?

– Как думаете, найдут? – Улыбнулся я.

– Вот этот вот ключ? – Появилась в его глазах хитринка, а на стол из

его ладони легла длинная железка с рядами зацепов-секреток. – Навряд ли.

– Одолжу на пару часов?

– Максим Михайлович, обижаете, – пододвинул он ключ ближе и добавил выражению лица просительный оттенок. – Вы уж не сочтите за труд, по завершению дел выкиньте его куда-нибудь в темный уголок, чтобы с утра его техничка нашла.

– Может, его в ординаторской какой оставить? – Усомнился я.

– Максим Михайлович, чем проще, тем лучше, я вас уверяю. Вы бы знали, сколько ключей и от каких кабинетов теряются тут каждый месяц. – Покачал он головой уже с искренним осуждением. – А ведь уважаемые люди, доктора наук. Словом, удачи вам.

– С ним точно не будет проблем? – На всякий, легонько кивнул я подбородком назад, где в темноте кемарил на стульчике молодой охранник (отсюда его было видно отчетливо).

Меня, разумеется, еще днем уверили, что никаких сложностей не ожидается. Оттого (да и по недостатку времени – никак не планировал, что придется сюда вламываться ночью) конкретно на этого человека заготовок не было. Пришлось верить – цейтнот, форсмажор, Ника.

– Думать забудьте, – отмахнулся сторож. – Я вас, на всякий случай, как нашего молодого завкафедры химии в журнал запишу и время проставлю, вы с ним одинаковой комплекции, в темноте тут все равно не видно. Тем более, он тут тоже где-то бродит. Да и не будет Слава ничего говорить, Максим Михайлович! А станет, так кипятка лишу, паршивца!

Для вежливости кивнул и улыбнулся незамысловатой шутке.

– Как там охранник у дверей? – Для порядка поинтересовался я.

Разумеется, сакральную в этот день аудиторию охранял персональный страж. Вернее, должен был.

– Гена ушел, проблема у него дома. Я обещал посмотреть, чтобы никто лишний в кабинет не входил, – веско ответил Роман Вениаминович.

Я, понятное дело, лишним даже близко не считался. В общем, чистая и прямая дорога уже ожидала того, кто приложил немало усилий по ее созданию. Как оно обычно и бывает.

В памяти была схема движения, номер аудитории легко читался на гравировке ключа, а темнота, без шуток, огромного здания не звучала чужими шагами. Дорогу освещали две звездочки, парившие кругами чуть впереди, да отсветы с улицы, ложившиеся на низкий потолок тусклыми размытыми прямоугольниками.

Не смотря на полумрак, воображение достраивало величественную красоту коридоров, подсказывая невидимые глазу детали по памяти

утреннего посещения. Дерево и бархат стен с ростовыми портретами, тяжелый алый ковер на мраморе пола и стремительные легкие линии лепнины над головой, придававшие низким и давящим потолкам легкости. Несколько лет назад университет всерьез стали перестраивать и ремонтировать, найдя управу на невероятную тягу студентов к разрушению – банально установив камеры практически повсюду. Злые языки полагают, что сделано это было не только из желания превратить внутренний интерьер здания в чуть ли не в храм с самыми натуральными фресками – пусть и с ликами ученых вместо святых. Но главным образом из желания знать, о чем могут говорить иные студенты.

По мне так, было в этом нечто среднее – и Воронцовым хотелось покровительствовать чему-то действительно уникальному и прекрасному не только снаружи, но и изнутри. И отдельная служба университета нуждалась в возможности разбирать склоки родовитых и не очень студентов.

Заодно, в ходе реконструкции, снесли все общежития, так же бывшие некогда внутри здания, заменив новыми кабинетами с потолками высотой в два прежних этажа. Жить же приезжим студентам ныне предлагалось где-нибудь еще и за свой счет. Желательно дома, желательно учась в своем княжестве и сюда не приезжая – в общем, характерное столичное гостеприимство.

Коридор с заветным кабинетом оказался на удивление безлюден – видимо, ключ-таки искали, но не здесь. На двери висела грозная табличка в виде тетрадного листа бумаги с надписью «Не входить!» синей ручкой. И никаких характерных блоков сигнализации, настроенных на размыкание; никаких датчиков движения и отдельной линзы автономной камеры. Быть может, потому что за дверью находилась обычная потоковая аудитория для проведения лекций, и специально охранять ее было незачем.

Я открыл дверь, нащупал в темноте справа от входа выключатель и слитно щелкнул обеими доступными клавишами. Сверху замерцали прямоугольные лампы, освещая довольно большой и уходящий ступенями вверх лекториум. Слева, ближе к окнам, забранными тяжелыми фиолетовыми шторами, располагалась кафедра и стол преподавателя. Там же, слева, всю стену закрывали шесть прямоугольников учебных досок с хитрыми механизмами поднятия и опускания. Ну а всю остальную часть помещения занимали ряды парт, амфитеатром поднимаясь вправо и ввысь, с широкими проходами в центре и по краям.

А на столах этих весьма плотно громоздились сотни картонных коробок, доверху – а где и с горкой – забитые работами поступающих...

Все результаты за первый день, в одном месте – чтобы удобнее было охранять (не удержался от ухмылки) и обрабатывать. Вот последнее – из-за того, что итоговые протоколы будут подписывать только завтра утром. Они, в общем-то, готовы, эти протоколы – закрыв дверь за собой и оставив в замке ключ, прошел я к преподавательскому столу и с интересом посмотрел на стопку заполненных бумаг формата «а три», где напротив отпечатанных фамилий в таблицах уже стояли баллы, написанные от руки.

Дело в том, что преподаватели, проверявшие труд сотен абитуриентов, завершили в десятом-одиннадцатом часу вечера. Протоколы же надо, во-первых, перепечатать в чистовом виде на компьютере. Во-вторых, на финишных протоколах должна быть подпись руководителя университета и представителя попечительского совета. Собственно, в это время секретари университета спят. И руководители с попечителями – тоже спят. В общем, все замерло до утра. А ночью, вдобавок, просыпается «в-третьих» и начинает бродить по университету в поисках ключа...

Все же, поразительно, как паника, нервы, всеобщие хороводы толп людей вокруг результатов днем превращаются в тишину и одинокого охранника ночью.

Но да ладно – взялся я для начала результаты, разыскивая и отделяя в сторону листы с оценками Артема и своим одним-единственным баллом, да к тому же основательно Еремеевой подпорченным...

– Так, Архипов Артем. Экономика – сто, ну кто бы сомневался. Математика – девяносто девять. Информатика – восемьдесят два.

Набрал сотовый номер юриста, уточнил, что они пока в дороге и попросил передать трубку Артему.

– Позор своих родителей, ай-яй-яй! – С осуждением заявил я на его «алло».

– Что не так? – Спросили нервно и взволнованно.

– Восемьдесят два балла. – Добавил я скорбно.

– К-как восемьдесят два? – Спросил он внезапно охрипшим голосом. – По математике? Я так и знал, что надо было через производную...

– По информатике, – добавил я, выдержав трагическую паузу. – Экономика – сто. Математика – девяносто девять.

– Уф... Погоди, почему девяносто девять? – возмутился Артем через секунду.

– Да ты зажрался, – с негодованием завершил я вызов.

Еще и потому, что на руках был собственный результат за первый экзамен. Самойлов Максим – шестьдесят пять. Блин. Убил бы. Но не могу.

Тихая трель звонка – юрист перезванивает.

– Алоу?

– Узнай, почему девяносто девять. – Раздался настойчивый голос друга.

– Страдай и мучайся теперь, неуч. – Положил я трубку.

Так, теперь надо было дорешивать свои задачи. Встал, прогулялся по рядам, нашел укладку с фамилией на букву «С», а там и незавершенную работу. Затем отыскал эталон с тем же вариантом и проверил уже выполненное – без единой ошибки.

– Нормально, – подобрело настроение.

Выставил в телефоне время, которое оставалось мне до завершения экзамена днем, и собрался уже приступить к ответам – все честно, никуда не подглядывая – как от дверей донеслось подозрительное шебуршание.

Для начала – поскребывание в замке, словно отмычкой механизм царапали, и почти сразу – звучное удивление в голос. Это они полосу света под дверью наконец-таки разглядели, не иначе.

– А ну отошли от двери! – Рывкнул я строгим голосом.

Шум – как тараканы разбежались.

Но в темноте иные существа весьма храбры, так что не прошло и пары минут, как в дверь требовательно застучали.

– Вы кто и что вы там делаете?!

Я хмуро посмотрел на запущенный таймер, неумолимо отсчитывающий секунды до конца экзамена. Да что за день-то такой!

– Работу охраняю, – ответил я чистую правду, припомнив обещание Артему.

– Вы охранник? – Обсудив мой ответ между собой, сделали коллективный вывод доценты и доктора наук.

– Допустим.

– Откройте! Это из деканата! – Вернулась уверенность в голосе говорившего.

И даже немножко – нотки превосходства.

– Пароль? – Хмуро уточнил я.

– К-какой пароль? – Растерялись там.

– Без пароля стреляю на месте, – грозно предупредил.

И пока они обсуждали новую вводную, взял в руки телефон и нашел в интернете звук оружейного затвора.

– Послушайте, ну что за бред...

Я оскорбился и включил найденный звук на максимум громкости.

С учетом эха, созданным аудиторией, вышло весьма убедительно – пару человек за дверью поспешили быстренько попрощаться с коллегами и

покинуть их общество. Остальные упорствовали.

– Послушайте, Геннадий, Верно? А давайте мы вам денег дадим? – Прорезался новый голос, более ворчливый и недовольный.

– А давайте я вам денег дам? – Простонал я еле слышно и с тоской запустил пальцы в шевелюру.

Как же их прогнать-то? Так, а чего они могут бояться?

– Геннадий, пять тысяч рублей вас устроят? – Покровительственно продолжил тот же господин.

Угу, штрафы хотя бы заплачу, которые сегодня Артем наездил по Москве... Хотя нет, не хватит.

– Десять тысяч, Геннадий! – Добавили с тихим торжеством, восприняв мое молчание за тягостное раздумье.

Вместо ответа, включил звук с телефона на повтор.

– Вы же видите, он сумасшедший! – прошипели тихо и отчетливо, и поспешили покинуть остальных.

– Геннадий, сорок тысяч! – В этот раз голос звучал куда нервнее и суше.

Да сколько же вас там?!

– Хорошо, я открою дверь! – принял я решение и произнес громко и отчётливо.

– Замечательно, просто замечательно! Ваши деньги уже вас ждут... – И чуть тише, явно не мне. – Скидываемся господа, скидываемся...

– Вы не будете против, если я сделаю это на камеру? – Добавил я чуть скучающим тоном. – Назову видео «Ночь результатов в МГУ», как вам?

– Н-но зачем, ведь сорок тысяч...

– Так я ее телеканалу потом продам, – доверительным тоном пояснил им.

– Вам столько никто не заплатит, бросьте!

– Точно... Тогда – «Кровавая ночь результатов», – зло рассмеялся я под очередной звук затвора и громко затопал к двери.

Дрогнули даже самые стойкие.

– Вот и отлично, – хмыкнул я, прислушиваясь к поспешному отступлению, а затем – к благодатной тишине.

Вернул таймер, вернулся к работе.

В дверь деликатно застучали.

Да что с ними не так...

– Пароль?!

– Геннадий, тысяча извинений, – донесся мягкий и чуть растерянный голос. – Вы меня очень обяжете, если возьмете трубку телефона. Я ее

сейчас положу под дверь и легонько толкну к вам. Будьте так добры, уважьте старика, мне не так и просто даются эти наклоны...

– Спасибо, но у меня есть свой.

– Нет-нет! Я не в этом значении. С вами очень хочет поговорить князь Галицкий, он уже на проводе.

Со вздохом поднялся и подошел к двери. Действительно – виднеется часть довольно простой белой кнопочной трубки сотового, и синеватый экранчик отсчитывает пятую минуту вызова.

– Ладно, – буркнул я, поднял телефон и вернулся за стол. – Алло, Яков Савельевич? Узнали? Приятно, честное слово, – потеплел я улыбкой. – Богатым буду? Вот уж пять лет, как не жалуюсь, Яков Савельевич. В деньгах ли счастье. Вот решил результаты друга проконтролировать, тот переживает сильно. Вам ли не знать главное правило – не доверять самое важное подчиненным. А бывает ли что-то важнее, чем дружба? Яков Савельевич, как можно – нашей с вами дружбой искренне горжусь. Как-нибудь обязательно заеду – я в столице надолго, дела-дела. Решил вот совместное предприятие с Еремеевыми основать. Совет? От вас – приму конечно... Яков Савельевич, уверяю – сейчас с ними работать уже можно. Это абсолютно проверенная информация. А у вас сын поступает, Дима, верно? Конечно, не затруднит. Сейчас посмотрим его работу...

И еще минут двадцать на громкой связи с князем, его сыном и супругой (очаровательная женщина по уму и красоте), чтобы разобрать его задания за два экзамена. Кстати говоря, больше восьмидесяти баллов за каждое – да и то из-за каких-то досадных ляпов и ошибок, которые Дима с изумлением (а иногда неверием в собственную оплошность) исправлял тотчас, схватывая задания на слух и тут же выдавая ответ, а я переносил на бумагу истинный уровень его знаний. Ведь для этого и нужны экзамены.

– Волнение, незнакомая обстановка, со всеми бывает, – успокоил я дружное и очень влиятельное семейство. – Сейчас девяносто пять и девяносто три балла.

– Максим Михайлович, вы не представляете, как нас обязали! – С искренним облегчением выдал князь.

В занятную и беспрюирышную игру «поступить своим умом, будучи княжичем» играли многие. Потому как победа в таком деле легонько – чуть-чуть – могла приподнять ранг. Риска же никакого – это только Артем у нас так вляпался.

– Пустое, Яков Савельевич. Я с большой радостью присутствовал при торжестве правды. И, Яков Савельевич, поймите меня правильно – не мог бы наш разговор и мое тут присутствие оставаться в тайне?.. Приятно

говорить с понимающим человеком.

Завершил вызов, прошел к двери и вернул телефон таким же образом, как получил.

– А вы не могли бы принять еще один вызов? – С паузой и каким-то сомнением произнесли из-за двери.

– Если абонент ниже графа – нет. – Категорично ответил я.

С этими разговорами и суетой итак уже почти половину часа потерял. А мне еще решать и решать – два экзамена впереди, кошмар...

– Вы же не охранник, верно? – Чуть замявшись, все же произнес старческий голос. – Не Геннадий?

– Не Геннадий. – Признал я.

– Кто вы, юноша? Меня зовут Юрий Александрович, я проректор по административным вопросам, – спохватился он и представился первым. – Признаюсь, мне очень понравился ваш вариант решения довольно щекотливой просьбы, к которой ко мне обратились, – завершил он чуть виновато, то ли всерьез демонстрируя, что возня вокруг результатов ему неприятна, то ли делая вид. – Иногда отказать нет никакой возможности...

Я обернулся, словно разыскивая ответ на весьма опасный вопрос. Говорить свое имя тому, кто может быть потенциально страшно зол на срыв собственных планов, не хотелось. На глаза невольно попала коробка, маркированная по первой букве моей фамилии.

– Зовите меня господин С.

– Господин С.? – Повторил он с сомнением, будто прислушиваясь к имени, но затем повторил куда спокойнее. – Господин С, быть может, мы сможем поговорить с вами по одну сторону от двери?

– Вы действительно хотите познакомиться со мной так рано? – Вкрадчиво произнес я.

– Я думаю, мы могли бы договориться. – Произнес куда более нервный голос.

– Договориться – со мной? – Погасил я свет, тронув выключатель, и аудитория погрузилась во тьму.

Теперь был виден яркий полукруг от фонарика в его руках, пробивавшийся отсветом под дверь.

С рук стекли звездочки, пролетели под створкой. Тишина вздрогнула звоном лопнувшей фонарной лампы, и это крыло здание полностью погрузилось во мрак.

– Пожалуй, что нет. – Легонько дрогнул его голос. – Вы правы, наше знакомство преждевременно.

За дверь раздались удаляющиеся шаги – такие, которые хотели бы

слышаться степенно и неспешно, но что-то выбивалось из ровного ритма – словно тщательно гасимое желание перейти на бег... А еще – звук ладони, которой на ходу держалась за стену в темноте, касаясь деревянных панелей интерьера и бархата обивки, чтобы не упасть.

Подождав пять минут, включил свет и обреченно вздохнув, посмотрел на таймер – двадцать минут мне оставили на завершения экзамена. Ужас.

Но уложился за пятнадцать, без малого.

– Девяносто два балла, – вздохнул я на результаты, сверившись.

Да, можно было схитрить, но себе врать – последнее дело. С неверными ответами я был не согласен, но для того, чтобы их оспорить, в этом государстве следовало получить высшее образование, защитить кандидатскую диссертацию, стать доктором наук и написать учебник за собственным авторством, а затем сделать так, чтобы по нему стали учить. Слишком большой путь для восьми баллов.

Оставалось внести оценку в промежуточный протокол – а именно взять лист и провести над старой оценкой небольшой медной пластинкой с запечатанными в слое металла камнями. Секунда, и то, что было написано ручкой, исчезло без следа и потертостей, оставив разве что легкий отпечаток контура двух цифр. Но если записать поверх них новые, то уже никак не отличить. Хотя на нижней половине листа оценку правили обычной замазкой – все мы люди, рука могла дрогнуть, и результат был исправлен сотрудником. При наличии вопросов, все равно ведь можно поднять работу и удостовериться в правильности отметки, а протокол перепечатают...

– Так, а с математикой и информатикой что делать? – Хмуро констатировал я, не найдя ни одного чистого бланка.

Ника даже начать работу не дала...

Но, подумав и прикинув варианты, все же справился и с этой нелегкой задачей и к четвертому часу ночи был абсолютно свободен.

На всякий случай, заварил внутренности механизма замка, чтобы исключить неожиданности, а ключ выкинул в темноту под цветочной клумбой.

– Как наши успехи? – Отзвонился я юристу.

– Есть сложности, – обтекаемо пояснил он. – Ваше присутствие будет не лишним.

Пришлось ехать.

Высотки в центре города, названные помпезно и с большим значением, несмотря на видимое величие и внешний вид космических кораблей, словно приземлившись посреди малоэтажной застройки центра, по сути

своей являлись настоящим парадоксом. Как и все здания выше определенной отметки, строились они под аристократическим гербом, и в этом не было особой загвоздки – разве что земля под зданиями так и осталась в собственности императорской короны. Так, в общем-то, делать не принято – строить на чужой земле аристократу, это неплохой такой шанс в один момент получить предложение взять свое здание и идти с ним на все четыре стороны.

Но это меркло перед тем, что род Глинских, выстроивших все пять высоток, принялись банально сдавать построенные площади в аренду.

То есть, сдавать исконное право на высоту всем, у кого окажется достаточно денег. Для большинства старых семейств это было настолько же дико, как отдать в аренду иные священные права, как ту же кровную месть или свободу от налогов. То, что достигалось потом и кровью поколений предков, теперь можно было купить – и это шокировало, не на шутку.

Те же, кто родился без герба над детской кроваткой, приходили от такой высоты в священный восторг, полагая возможность занять хоромы на самом верху – способом сравняться с аристократами. Да что там сравняться, стать выше иных из них – далеко не каждый род мог позволить себе строить здание в столице. Фактически, овеществленное представление высшего успеха в жизни.

Третья сторона этого противоречия между обществом и аристократами – император – не давал прямых комментариев. То есть, не соглашался с аристократами, что такой позор нужно снести, а Глинских наказать. Опять же, император не выступал и в их пользу, как-либо защищая. Защита, правда, Глинским и не была нужна – с такими деньгами, которые они гребли, род мог позволить себе нанять сильнейшие отряды одаренных наемников и выйти на уровень средних князей по силе.

Говорят, императору было просто интересно, кто из его подданных забирается на самый верх башни. А там и налоговую декларацию можно поднять – ведь лезут же бездумно, как мотыльки на свет... Так же говорят, что иных вознесшихся на вершины, но не запятнавших репутацию слишком грязными деньгами, император, присмотревшись, вполне мог одарить гербом... Но это по тем слухам, которым не было ни единого реального подтверждения. То ли Глинские их оплатили, то ли ИСБ...

И где-то там, в центральной башне под названием «Созвездие» должен был быть Артем.

– Мне на двадцать восьмой этаж, – обратился я к консьержу у входа.

Машину оставил на парковке перед зданием, а сам прогулялся до парадной.

– Секундочку, – степенно ответил мужчина в форме английского лакея и взялся за трубку домофона.

Я же оглянулся вокруг, констатируя, что представление о роскоши, приличествующей аристократической высоте, у дизайнеров, которых наняли Глинские, не имеет ничего общего со спокойной и антикварной реальностью. Хотя, быть может, так и было сформулировано техническое задание – стекло, позолота на пластике, колоннады из гипса поверх железобетонных свай. Ампиры и дорого-богато.

– Вас ждут, прошу проследовать к лифту, – указал он с полупоклоном направление ладонью.

– У нас может быть шумно, – нашел я секунду, чтобы предупредить.

– Предыдущие гости поставили в известность, – после чуть нервной паузы сообщил он. – Они были достаточно убедительны, чтобы я об этом не забыл.

– Вот и славно, – проследовал я в железный короб лифта, мягко подхвативший за подошвы и понесший вверх.

Нужный номер апартаментов был сообщен заранее, оттого не было заминки с поиском двери. Да и та оказалась не запертой.

Потянув на себя ручку, зашел в ярко освещенную прихожую, откуда отлично просматривалась скромная кухня, с которой приветственно качнули руками мои сотрудники, не прерывая поздний ночной перекус наспех сделанными бутербродами за белым столом под аляповатого вида хрустальной люстрой. На вид, конечно же, они были усталыми, но пока успешно отгоняли сонливость кофейными ароматами, шедшими из больших кружек. Что поделать – ненормированный рабочий день. Вот когда дело дойдет до премиальных, вспомнят о нем с теплотой...

Я же проследовал в гостиную, прячущуюся до времени за бежевой межкомнатной дверью. Больше комнат в апартаментах все равно не было – «высоту аристократов» было выгодно нарезать однушками, продавая скорее статус и вид из окна, чем удобную площадь для проживания. Хотя, разумеется, были даже пятикомнатные хоромы, причем гораздо выше этажом – но масштаб нашего мошенника вряд ли потянул бы тамошние космические цены.

Распахнул дверь, вежливо поздоровался с Артемом, сидящим на диване вместе с каким-то мужиком под сорок – сорок пять лет.

Был тот мужчина в одной белой майке и серых семейных трусах, на босу ногу – визит явно застал его спящим. Вон и широкая постель возле окна расправленная – хотя белье скорее скинуто на пол, а матрас перекошен, как от рывка. Да и прочий интерьер выглядел весьма

неопрятно, будучи свален большей своей частью на ковер. Разве что огромная плазменная панель, будучи закрепленной на стене перед кроватью, этого избежала.

Но Артема, который своей огромной рукой придерживал мужика за плечо и сейчас укоряюще указывал на бумаги, разложенные перед ними на журнальном столике, окружающий бардак нисколько не смущал.

– Пан Янковски, ну как же так, – мягко пенял ему Артем, кивнув мне. – Опять ваша подпись сама на себя не похожа. Мы уже пятый раз перепечатаваем договор, ну что вы как ребенок.

– Я из Свиты князя Ружинского, – бормотал тот потерянно, глядя перед собой, а рука его с сжатой в пальцах ручкой дрожали. – Я не собираюсь ничего подписывать. Я требую, чтобы вы уведомили князя Ружинского.

– Что-то не так? – Спросил я.

– Врет про князя, – категорично произнес Артем. – Врет и сам верит.

– Понятно, – я присел на диван с другого края от пана из соседней дружественной державы.

Тот сильно вздрогнул, среагировав на голос и ощущение от промявшегося дивана – глазами он меня до этого явно не увидел, да и приветствие не услышал. Эка его Артем перегрузил.

– Я свитский Ружинского, – повернулся он ко мне и произнес чуть истерично. – Как вы смеете меня трогать!

– Знаете, пан, – поймав его взгляд и подождав, пока он сфокусируется на мне, произнес я мягко. – У меня есть танк.

От такого взгляд его немного прояснился – быть может, удивление прорвало закольцованные в голове мысли про свитского.

– Так вот, пан. Там стоит пушка калибра сто двадцать пять миллиметров. И если закрепить напротив нее коровью тушу, а потом выстрелить, то эту горемычную тушу распыляет на атомы. Ни единого следа не остается. Ни единого. Представляете?

Тот механически кивнул.

– Давайте подпишем документы и пойдем спать, – заверил я столь же спокойным и доброжелательным голосом.

– Я подпишу, – дернулся он и с испугом отодвинулся к Артему, бросив на него жалобный взгляд, словно в поисках защиты. – Где подписать?

– Работайте. Но если что – я рядом, – одобрил я его энтузиазм и направился на кухню.

Есть хотелось страшно – с утра маковой росинки во рту не было.

– Получилось, Максим Михайлович? – Осторожно спросил юрист,

наливая воды в протянутый мною стакан.

– Дипломатия – это мое, – довольно кивнул я.

В общем, в гостиной справились, пока я завершал поздний ужин.

Нам достался пакет подписанных и заверенных документов, ключи, кредитные карты и деньги; пану – одежда.

Все вместе, уже договорившись, что нет между нами больше конфликта, спустились вниз на лифте. Вышли из здания, попрощались и направились по своим делам.

Только вот пана Янковски больше не пустили обратно внутрь парадной.

– Подождите, но я здесь живу! – Негодовал он в голос, что было слышно и нам.

– Ваш ключ и карту жильца, будьте любезны. – Настойчиво спросил охранник.

– Эти забрали, – оглянулся он на нас. – То есть, я хотел сказать, я потерял! Номер пять тысяч двести тридцать! Извольте проверить!

– Одну минуту... Но номер только что сдан обратно.

– Я передумал!

– В таком случае, будьте любезны оплатить за проживание.

– Я уже заплатил! За месяц!

– Но вы сдали апартаменты в неподобающем виде, который был компенсирован за счет остатка средств по аренде. Пункт договора шесть – двенадцать.

– Это какое-то мошенничество!

– У вас есть еще вопросы, господин?

– И где мне теперь жить?!

– Не могу решать за вас, господин.

Мы с Артемом понимающе переглянулись и, попрощавшись с юристами, направились к мерседесу.

Длинный день и ночь подходили к концу, хотя просто так его нам завершить не дали.

– У вас будут проблемы с Глинскими, – сочувственно произнес представитель хозяина этой части города, принимая свою долю в виде документов на одну из фирм с солидной суммой на счету.

Условно, пришлось отдать половину всего, что удалось выбить из скользкого и откровенно мерзкого упыря, который до сих пор бесновался перед порогом высотки.

– Мы могли бы помочь с их решением, – добавил чиновник со скрытой досадой, заметив откровенное равнодушие в ответ на его предложение на

моем лице и столь же яркое проявление чувств у Артема.

Явно на вторую половину от награбленного у грабителя нацелился.

– Глинские – очень сильный род, им очень не понравится, что с одним из их клиентов можно сотворить... Справедливость без их участия, – тщательно подобрал он слово. – Для репутации рода и бизнеса будет вредно, если они оставят все так, как есть. Мой господин не хотел бы, чтобы такие достойные люди, как вы, пострадали.

– Благодарим, но в вашем содействии нет необходимости. – Нашел в себе Артем силы на вежливость.

– Я полагаю, вам следует уточнить, что хотел бы ваш господин, – вежливо попенял я чиновнику. – Заодно спросите господина, как она относится к земле под этими высотками. Быть может, она хотела бы построить на ней что-другое? До завершения нового строительства будет шумно, но результат может оправдать временные неудобства. В ином случае, давайте вместе наслаждаться красотой построек и помнить, что окружающая тишина зависит от каждого из нас.

– Я передам это моему господину. – Коротко поклонился он и ушел к своей машине (кстати, чистокровный роллс-ройс), прижимая папку с бумагами.

– Я не понял, – после паузы, хмурясь и явно обдумывая, произнес Артем. – Почему она, если «господин»?

– Как фирма называлась, на которую мы часть денег перекинули и отдали?

– ООО «Роза».

– Дарите девушкам цветы, – важно поднял я перст ввысь.

Артем фыркнул и повел машину. Понятное дело, никаких Глинских он не боялся просто по происхождению.

Мне же было настолько наплевать на род, который ведет себя настолько нагло и вызывающе, прикрываясь силой охранного сообщества Древичей... Что становилось даже неловко, как представишь, что с ними будет, если Древичи внезапно расторгнут контракт. Впрочем, до этого не дойдет – местная хозяйка сама урезонит недовольных аристократов хотя бы из-за участия в этом деле князей Шуйских. Это ж какая радость будет древнему роду подхватить прямой намек на войну и с чистой совестью снести символ попрания их прав и вольницы... А ведь высотки хозяйке нравятся, не захочет она их терять – хотя бы потому, что нет в стране иного места, где так болезненно и демонстративно щелкают по носу представителей древнейших родов.

– У тебя можно будет заночевать? – Спросил Артем.

– Конечно.

– Максим... – Произнес он уже после того, как мы доехали до моей высотки, но еще не вышли из машины. – Не сочти за наглость и не обижайся. Хочу стребовать твой долг, – помрачнел он, явно без особого удовольствия произнося эти слова.

– Говори.

– Так сложилось, что у меня нет под рукой моих людей. – Сосредоточенно говорил он, глядя перед собой. – Мне тут не на кого опереться, и я благодарен тебе за помощь.

У Артема дома есть все, что у меня, в общем-то. Только больше, лучше, дороже, сильнее и многочисленнее, с огромным количеством верных людей. Один аэропорт если вспомнить – там же все лично его были...

Так что эти его слова не признание слабости, а просто обстоятельства. Сегодня информацию и специалистов ему поставляю я. Но если дома у него все успокоится, то уже у меня появится повод по-доброму завидовать мощи и возможностям княжеского рода. Слишком много у них скопилось за поколения, пусть и работает не без осечек.

– Есть еще одно дело, которое нужно сделать. – Он опустил руку во внутренний карман пиджака и достал сложенные два раза листочки обычной тетрадной бумаги, исписанные знакомым почерком – его, Артема, почерком. – Тут списки людей, которые непосредственно виновны и замешаны в преступлении, сотворенном против меня. Все эти квартирные жулики и те, кто за ними.

Я взял протянутые мне листки, повертел, увидев фамилии в том числе на обороте, и вопросительно посмотрел на друга.

– Я хочу, чтобы они страдали. Чтобы за этим проследили.

– До конца жизни? – Приподнял я бровь.

Артем сцепил ладони в кулаки, но потом выдохнул и ответил расслабленно.

– Пусть будет год. Если кто-то сможет исправиться...

– Пребывая на самом дне? – Усомнился я в возможности подобного.

– Если кто-то додумается самостоятельно пойти в полицию и покаяться. Если кто-то уйдет волонтером в туберкулезные диспансеры и хосписы для обреченных. Если кто-то завербует в охрану границы. Я прощу.

– Хорошо, – забрал я листки себе в карман. – Будет сделано.

– Твой долг закрыт, – буднично подытожил Артем.

– Пойдем спать, – ободряюще пригласил я его, указав на вход в

здание. – Тебя пустят и проводят в номер. Я машину запаркую позади здания и тоже спать.

– Спокойной ночи.

Оставил машину, вышел в посветлевшую уже у горизонта ночь, потянулся руками вверх. Хрустнули листочки, переданные Артемом, во внутреннем кармане. Равнодушно поправил их и шагнул в сторону здания. Где и замер на полушаге.

Быть может, была тому причиной усталость, выкристаллизовавшая разум до чистоты. А может – холодный ветер, налетевший и пробравший до озноба. Или же хруст той бумажки со списком обречённых людей стал последним звеном в цепочке мыслей, до поры таящихся в подсознании. Слишком часто и искренне мне это повторяли в последние дни.

– Я действительно чудовище, – произнес еле слышно, констатируя факт.

И эта мысль потянула тоской другую – напомнив свое же обещание доказать одной бедовой девушке, что это совсем не так... Доказать неправду?

Требовался совет, но на пустой парковке не было никого. Хотя, наверное, не было никого даже в целом городе, к кому бы я прислушался. А вот дома...

Сопоставил время – у них уже восемь часов, проснулись.

– Алло? Тонь, Катю позови и громкую связь... Мне помощь нужна. Пришла? Привет, Кать. В общем... Что там за звуки?

– Тут Брунгильда прибежала на твой голос и хочет зализать телефон, – со смехом ответили мне.

– А еще Машк пришел и ходит кругами, – прыснула Катя. – Так что хотел?

– Ну-у... – Смутился я от того, что в такой момент улыбаюсь, представив собаку и кота. – В общем. Ваш брат чудовище...

– Конечно, чудовище! Только сейчас позвонил! А мы, между прочим, волнуемся!

– Да нет... Я действительно чудовище. Я аморальный человек, готовый на все.

– Ради семьи и друзей, – поддакнули мне одобрительно.

– Разве это нормально? – Усомнился я. – Меня тут со слезами обвиняли, что нет...

– Кто тебе там такую чушь рассказывал, а? – Разгневанно произнесли в трубку на оба сестринских голоса.

– Да вот... Я тут жизнь целому роду испортил, вроде как...

– Так. Ага. А в прошлый раз тебя Паша Зубов в этом обвинил.

– Да это не то! – Попытался возмутиться я.

– Помним-помним. – Проигнорировали меня. – Они тогда всем родом как раз хотели на виселицу, а ты им все испортил. А ну говори, кто там плакал и что вообще случилось? И знай, что если ты действительно чудовище, то мы тебя вылечим! А если не вылечим, то твой чешуйчатый хвост достанется мне!

– Нет, мне!

– А ну тихо там! Ладно, слушайте... – Вздохнул, посмотрел на алеющий рассвет и понял, что в ближайший час сон мне не светит точно.

Глава 14

Из тысяч путей, находящихся свое начало в городах и весях огромной державы, только малая часть не позволит достигнуть столицы. Так устроены империи, что все дороги стремятся к центру, словно малые ручьи вливаясь для начала в реки, и в составе их вод достигая моря-океана.

В отличие от природы, главные дороги государства могут быть не столь полноводны и величественны, ибо всерьез зависят от жадности и недостатка хозяев земли, через которые они проходят.

Так, широченные и залитые светом магистрали Казанского ханства, призывающие к лихачеству и скорости на радость мытарям, притаившимся с радарам в кустах, вдруг ужмутся ближе к Нижнему Новгороду до двухполосного недоразумения, не освещенного даже в ночную пору. Все потому, что князья Городецкие, владеющие той землей, не сильно рады высочайшему повелению, разрезающему их вотчину пополам скоростной трассой, оттого без особого энтузиазма относятся к поддержанию чужой воли. К Владимиру дорога нехотя станет трехполосной, демонстрируя с обочин виды полузаброшенных деревянных изб и покосившихся заборов с облезшей краской. Тут просто бедны – той честной бедностью, от которой сам главный город будет чист и спокоен по ночам, но в праздники не расцветет тысячами салютов. Старое в этом княжестве старится без внимательного присмотра бульдозеров и экскаваторов, как в столице, а новым считается хорошо окрашенное старое. Не повезло князьям Владимирским с ресурсами на родной земле – один песок, торф, да гравий с щебнем. А еще Честь, которая не позволяет отнять недостающее у соседей, не дает стать наемниками или «союзником» за хорошую плату. При такой-то дикой силе, унаследованной от предков. Но на жизнь им хватает, и на три полосы дороги – тоже.

Ближе к подмосковным владениям трасса, конечно же, расцветет многоуровневыми развязками, величественными эстакадами и иными признаками императорского домена, собравшего нити всех финансовых потоков страны. Но стоит пути перетечь по кольцевой автострате на другой край города и удалиться от столицы, вновь начнутся бесчисленные истории, почему этот отрезок широк и прекрасен, а иной – тянется направлением без знаков и указателей через заброшенное поле.

В иной раз и не поймешь, что за дорога под ногами, и в каком направлении будет стольный град. Однако есть надежный признак, по

которому легко и без посторонней помощи можно определить, к столице ли ведет путь, и насколько вы к ней близки. Достаточно сравнить стоимость кофе на двух заправках – ближе к Москве будет дороже.

На больших расстояниях наценка почувствуется не слишком сильно – процентов на десять-пятнадцать за сотню километров. Близость к Подмосковию умножит цену вдвое, а на въезде в Балашиху за эти деньги вам уже перестанут улыбаться. Потому что улыбка это сервис, и он оплачивается отдельно. Внутри третьего транспортного кольца стоимость возрастет повторно, и не перестанет этого делать до самого центра города, заодно уменьшая порцию напитка.

Из окна ресторана, в котором мне довелось встретить десятый час этого утра, были видны белые стены Кремля. А мое кофе в крошечном стаканчике из белой керамики стоило таких денег, что невольно представлялось, как много полезного и хорошего можно взять на эту сумму в другом месте. По старой памяти пересчитал в порции мороженого – выходило четыре коробки, и от этого накатывала светлая грусть.

Но в ином месте такие встречи провести не получалось. Потому что по другую сторону овального стола расположился Милютин Борис Игнатьевич, бывший генерал-майор имперской стражи собственной персоной.

У Бориса Игнатьевича была серьезная проблема. Месяц назад ему поручили несложное задание, а он его провалил. Этим предложением легко подытожить историю, как-то рассказанную Артему в упрощенном виде.

Но даже если развернуть ее целиком, то она вряд ли прибавит в деталях: я пожелал купить одну пустяковую услугу в руководстве ИСБ, а Борис Игнатьевич посчитал, что его руководство слишком занято для моей просьбы, так что плату за нее он лучше прикарманит и преподнесёт в виде подарка от себя лично. Мол, не было никакого Максима Самойлова, а есть щедрый и внимательный к интересам начальства подчиненный, который засиделся без повышения на своей высокой должности. Там, глядишь, и звездочкой на погонах станет больше, на худой случай – орден какой перепадет. А если все пройдет гладко, то в конце пути ожидает личное дворянство и немного земли за верную службу. Так он и сделал, отделившись в мой адрес фразой «в просьбе отказано». Действительно, как я проверю, что мне не отказали, забрав положенную плату?

На беду Бориса Игнатьевича, положительное решение уже давно было получено без его участия, плата обговорена, а он играл роль высокопоставленного курьера. Курьера, который украл груз.

Разнос, который прогремел в высоких кабинетах, был настолько суров

и яростен, что потряхивало – уже полковника – пару дней кряду. Поручение повесили на него, пригрозив вышвырнуть из кресла, если не справится. Тут уже старые заслуги взяли свое – не убирают с таких должностей просто так, да и память о старых «подарках» Милютина еще не выветрилась из памяти сиятельного начальства. Уж не знаю, какого свойства были эти подарки, но на свою должность Борис Игнатьевич восходил не за один год, пробившись в столицу аж из северо-восточной части Сибири, где курировал интересы государства на золотых приисках.

Ему бы, в самом деле, выполнить порученное, да забыть о собственном промахе – глядишь, к очередному юбилею государя вернулось бы звание с очередной медалькой за выслугу лет.

Но характер бывшего генерал-майора, уже привыкшего за годы к власти и благолепному страху окружающих, разыграл. Борис Игнатьевич за свою жизнь ломал судьбы, держал за глотку мелких аристократов, разрушал концерны и приказывал губернаторам. Мысль, что он должен, как нашкодивший ребенок, заниматься унижительным заданием какого-то мальчишки без роду и племени, заставляла его яриться и строить планы. Планы, как ломать судьбы, держать за глотку, разрушать и приказывать – он умел и иные вещи, но от приятного и привычного сложно отказаться. По итогу замысла, должно было выйти так, что я сам откажусь от просьбы, возместив все его финансовые и моральные неудобства. Еще было бы хорошо представить меня-наглеца преступником и моральным уродом, о котором высокому начальству даже вспомнить было бы неловко – не то, что о личном знакомстве. Все это было бы идеальным решением ситуации с его, Милютина, точки зрения. Выполнять же порученное честно – означало проиграть и остаться вульгарным вором.

Беда в том, что раньше Борис Игнатьевич всегда действовал с оглядкой на высшее руководство. А вот в этот раз об этом позабыл.

Теперь же, после того, как его «желание сломать» разбилось об охранную калиту Древичей, брать за глотку отца – наткнулось на личное неудовольствие князя Шуйского, разрушать предприятия – завершилось гневными звонками начальству от совладельцев, в чьих титулах были слова «природный князь», а единственная, уже истеричная попытка приказать директору школы свидетельствовать о моем аморальном поведении с младшеклассниками (не дождутся) – на торжествующе-довольную фразу «ну наконец-то!», произнесенную под спешно закатываемые рукава и разминаемые пальцы всамделишного «виртуоза», заскукавшего на липовой должности...

И никакой, никакой возможности прикрыться интересами

государства... Как надавить на Древичей, если их шефы сидят в его же ведомстве, но бесконечно для него высоко? Как договориться с Шуйскими – первыми и главными поставщиками беспилотных аппаратов министерства обороны, утверждающими, что благодаря ювелиру Самойлову последняя, закрытая серия изделий не видна ни на одном вражеском радаре? Каким шизофреником надо быть, чтобы убеждать сиятельных князей, что проверяют не их часть предприятия, а исключительно юного совладельца? Да и как привлечь к ответственности за нападение приглашенного из другой страны «виртуоза», по неведомо какой причине занимающего ставку директора? Он что, сумасшедший?!

В общем-то, с присущим ему упорством, Борис Игнатьевич пытался осуществить каждый из этих пунктов. И всякий раз получал такой отлуп, что под конец отпущенного ему месячного срока выглядел КМСом по боксу, с удивительной стойкостью пережившего аж четыре раунда против профессионала-тяжеловеса. Он все еще был на ногах, но в голове кружилось, а в руках чувствовалась расползающаяся от позвоночника слабость.

Теперь же Борис Игнатьевич боялся – тем самым страхом, что у людей на его должности прорывается безумной ненавистью. Боялся настолько, что вполне мог решиться на штурм и захват ресторана, если бы он находился где-то подальше от центра, от радостных толп туристов из других держав и от чуткого уха Императора, который прямо сейчас находился внутри кремлевских стен. Словом, если кофе был бы дешевле.

Потому что срок, отведенный ему, вышел, а он ничего не сделал. И сегодня об этом узнает его руководство, порядком раздраженное шумом и проблемами, им созданными. Никакое золото мира не стоит дороже спокойствия этих людей. Золото им и так принесут.

В отличие от меня, Борис Игнатьевич определенно спал в эту ночь, но вряд ли в своей постели. Темно-синий костюм выглядел характерно помятым, на крае рукава белой рубашки проглядывало мелкое пятно от еды, а в мощный запах дорогого одеколона нет-нет да вплетался характерный запах перегара.

– Я рад приветствовать, – прогудел он низким басом, глядя куда-то в середину стола, застеленного белой скатертью.

Мирный голос, даже с оттенками радушия. В прошлую нашу встречу он бесновался и орал, грозя всеми возможными карами. Еще один, жестоко разочарованный тем, что чужое брать нельзя.

Вместо ответа, я обозначил улыбку и приподнял в руках чашку, пригубив. Кофе оказался горьким и сытным. Но за эти деньги, лучше бы

его было просто много.

Прошлый день обошелся без сна, а надежда вздремнуть этим утром разбилась о суровое предупреждение сестер «мы перезвоним, оставайся на связи». Так и не перезвонили, к слову...

– Вот, документы, – Борис Игнатьевич повернулся к стулу, приставленному рядом с ним и скрытому столом, взял оттуда укладку пожелтевших документов, распирающих прозрачную пластиковую папку, и положил рядом с собой на стол, а затем неловким движением двинул их в мою сторону.

Взгляд он так и не поднял.

Очень характерное поведение – как у студента, переписавшего в свой ответ все, что есть у него в голове, в надежде, что преподаватель сам выберет оттуда верные данные.

– Вы принесли мне то, что вам поручили? – Не притронулся я к предложенным бумагам.

Тот гневно повел плечами, изображая ярость от недоверия, поднял лицо, но под моим взглядом поник и спросил голосом, в котором проступали болезненные ноты от похмелья и ситуации в целом.

– Что вы хотите?

– Не более объема, вам порученного.

– Там этого нет. В архивах ничего нет. Я провел там всю ночь. – Постарался он быть убедительным.

Всего одну ночь из тридцати ему отведенных.

– Вы не нашли, – поправил я его.

– Недостаточно времени.

– Достаточно, если заниматься только поисками, – дернул я краем губ, вспомнив тот вал неприятностей, что принесла мне его структура. Вернее, та его часть, что находилась под его рукой.

– Что вы хотите? – В этот раз его тон был примирительным в надежде на иной мой ответ.

Потому что, как и в прошлый раз, наказывать его буду не я.

– Не более того, что вам было поручено. – Не отклонялся я от обозначенных рамок.

Ведь так легко записать разговор и попытаться представить суть беседы банальным шантажом. К слову, я тоже его записывал, но всегда важно, кто обратится первым – тот и формирует основную версию событий.

– Послушайте... – Взялся Борис Игнатьевич за свою кружку и осушил одним глотком, а затем поморщился, глянув на ее дно, явно недовольный

крошечной порцией.

– Внимательно, – обозначил я максимальный интерес словом и осанкой.

– Меня подвели исполнители. Они получают заслуженное наказание. Ваша просьба не может быть удовлетворена в оговоренные сроки. Но я предлагаю найти компромисс. Возможно, вам требуется нечто иное?

– Не требуется, – я отвечал спокойно, несколько отстраненно, не показывая ни намека на издевательство и подтрунивание.

Иначе сорвется на нервах, и все пойдет прахом.

– Мы с вами взрослые люди, – произнес он слитной фразой, говоренной не единожды, но еле удержался, чтобы не чертыхнуться от предпоследнего слова. – Давайте вы сформулируете свое решение нашей проблемы?

– У меня нет общих с вами проблем.

Вот своя проблема имеется – покосился я на свой телефон, ради беседы поставленный на беззвучный режим. Но сестры все равно не звонили.

– Помогите мне решить мою проблему, – дрогнул голос Милютина. – Мне нужно, чтобы вы позвонили руководству и сообщили, что порученное выполнено. Что я должен для этого сделать? – Перешел он уже на прямой текст, без многозначительных намеков.

Припекло. Как бы не судьба его решается в этот день – замечу, обратно на прииски его вряд ли отправят. Да и начальственной должности такого же уровня, вероятней всего, тоже не видать.

– Я думаю, что мы ограничимся моей просьбой. – Произнес я, но успел добавить до его нервного восклицания. – Если вы не нашли время на поиски, то пусть ими займутся мои люди. В ваших архивах.

– Исключено, – ответил Борис Игнатьевич без малейшего промедления.

– Тогда у меня нет иных вариантов. – Развел я руками.

– Это невозможно, – добавил он, нервно облизав губы.

Однако же потеря категоричности чувствовалась на слух и не могла не радовать.

– Поиски без применения записывающей аппаратуры, в пределах общего архива, без доступа в закрытые секции. Десять человек на неделю. На таких условиях, я сообщу вашему руководству, что продлеваю исполнение вашего обязательства по собственной инициативе.

– Просто дайте мне эту неделю! – Вцепился он в скатерть пятерней.

– У вас был месяц и сотни людей под началом, – парировал я.

– Это были плохие сотрудники, я же вам сказал. – Привстал он со стула, чтобы тут же рухнуть на жалобно скрипнувшую мебель.

– Гарантирую высокий профессионализм моих сотрудников. – Приподнял я бровь.

– Послушайте, я не могу провести в архив десять посторонних. Это от меня не зависит! Приказ о допуске на такое число лиц не пропустит внутренний отдел!

– Тогда мы возвращаемся к началу нашей беседы, – не показал я разочарования.

Борис Игнатьевич глубоко вдохнул и выдохнул, сцепил руки перед собой и сосредоточенно на них посмотрел.

– Максим Михайлович, давайте вместе подумаем и решим, как нам быть. Десять человек – это много, – упрямо повторил он, а затем поднял взгляд. – Десять – много. – Повторил он иной интонацией, обладающей слегка другим смыслом.

– Так может быть, шесть? – Улыбнулся я.

– Вот если бы один специалист по вентиляционным системам. У нас там, кажется, повышенная влажность.

– Один – никак не справится, – категорично отозвался я. – На такой объект нужна бригада с оборудованием.

– Оборудование излишне, достаточно визуального осмотра. – Нахмурился Милютин.

– При условии, что специалистам никто не будет мешать и вмешиваться в работу. – Пошел я на уступку. – Бригада из шести...

– Трех.

– А в особой секции тоже есть проблемы с влажностью? – Наклонил я голову.

Тот насупился и уперся взглядом. Я не отводил свой в сторону, убрав улыбку. В его воображении он наверняка сладко душил меня, вырывая хрипы из пережатой глотки. В моем воображении на его месте была пыль, которую унесет дуновением сильного ветра. Ветер приближался – в окружающей тишине и напряжении это ощущалось особенно остро.

– Ничего такого, с чем не справятся два квалифицированных техника за день, – отвел он взгляд первым.

И не говорите мне про пропуска и допуски. Внутри структуры, созданной, чтобы создавать и ломать правила, не было такого закона, который руководитель его уровня не мог обойти своей волей и именем.

– За сутки для одной секции и вторые сутки – для следующей, – попыток я разговор. – Без оборудования, без записей, только осмотр. Без

постороннего присутствия и препятствования работе.

– Мне нужны их имена, паспортные данные. – Подумав, хлопнул по столу Милютин, так же подтверждая результат переговоров.

– Извольте ознакомиться, – не дал я ему права на техническую паузу и со спокойным видом выудил из внутреннего кармана сложенные вчетверо листы.

Выбрал из десяти цветных ксерокопий две верхние и положил на стол перед Борисом Игнатьевичем.

– Калмыки? – Уже приподнявшись было из-за стола, тот вернулся обратно на место и без особого желания посмотрел на четкие и яркие отпечатки.

– Там так написано, – подтвердил я, глянув на фото с характерной восточной внешностью. – Фото на удостоверение можно вырезать из листов. Техники могут приступить к работе прямо сейчас. Я действительно опаздываю, – слегка развел я руками и примирительно улыбнулся. – Вы ведь не верите, что надо мной никого нет?

И зря не верит.

– Я понимаю, – кивнул он. – Будет правильным начать завтра с утра.

– В сутках все равно двадцать четыре часа. Не будет проблемы начать сегодня же, – поднялся я с места, с невозмутимым видом забрав со стола укладку принесенных им бумаг под левый локоть, и протянул ему правую руку.

– К шестнадцати часам. Жду. – Посмурнев, крепко пожал он ладонь.

Иначе за ночь он все просто уберет. Сейчас же на это просто не будет времени. Тем не менее, у него все еще есть шесть часов на то, чтобы подготовить пакость – скрыть самые ценные материалы, вынести часть стоек, подмешать фальшивок, поставить стену-перегородку и отделить часть архива. Оттого Борис Игнатьевич спокоен – надо просто доехать каких-то семь километров до ведомства на Нагорном тупике и дать соответствующие распоряжения, оставив меня с носом.

Он еще не представляет масштаба пробки, которая готовится возникнуть на таком незначительном участке дороги.

– Всего наилучшего, – остался я допивать остывший кофе и оплачивать счета.

Далекий звук взвизга шин и глухого удара металла о металл раздался почти сразу, как Борис Игнатьевич сел в служебную машину и выехал на главную дорогу. Короткий взгляд в окно – какая досада, «Камаз» поливальной машины врезался в невзрачный «Форд» лохматого года, неведомо как пропущенный внутрь садового кольца. Повреждений особых

нет, но из-за маневра грузовой машины, пытавшейся избежать столкновения, перекрыты все полосы – как на зло, с односторонним движением, даже не развернуться. Вон, Борис Игнатьевич встрял аккуратно после белого опеля, выезжавшего с парковки перед ним, и подперся почти под бампер машиной, спешащей позади.

Попивая напиток, я смотрел, как его ведомственный «мерседес» пытается распугать машины мигалкой и звуковыми сигналами – а те отчего-то не расступаются, да и некуда им. Надолго это – а ведь дорога едва-едва началась... После этой аварии его ждут еще две, усугубленные деятельным ремонтом дороги (то есть, брошенным среди ограждающих конусов экскаватором) – и каждая будет с тем обманчивым чувством присутствия движения, когда машина едет, но все ее рывки – из ряда в ряд, и не более того...

Я сделал знак официанту принести счет и поднялся с места.

Сегодня Борису Игнатьевичу предстоит узнать, что иногда семь километров можно ехать аж целых пять часов. Не самые приятные ощущения – посочувствовал я безо всякой искренности, вкладывая крупную купюру в книжку со счетом и засобиравшись на выход.

Вот людей, которые застрянут вместе с ним, безусловно жалко. Правда, большинство из них мои сотрудники...

Я вышел на парковку и сел в машину – светло-серый ауди – на пассажирское сидение. Впереди чуть повернул голову водитель, ожидая отмашки на начало движения.

– Давай через Каменный мост. Сам видишь, какая тут засада случилась, – пристегнувшись, с неким довольством посмотрел я на стремительно формирующийся затор.

Конечно же, Борис Игнатьевич может пойти пешком или на метро. Но есть ставка один к ста, что он не покинет салон кондиционированной машины – особенно сейчас, когда над головами начал собираться дождь, грозясь пролиться натуральным ливнем с грозой, заплутавшим по небесам как бы не с мая-месяца. Иного бы не смутил и дождь, и пешая прогулка сквозь него, но тут типаж такой – начальственный и легко предсказуемый, живущий собственным статусом и уверенностью в личном могуществе. Весьма для меня удобный типаж.

Разве придет такому в голову, что просьба, за которую оплачены огромные деньги, с самого начала не имела никакого решения? Даже если бы он взялся за него со всем пылом и старанием – все равно бы не успел за месяц... Даже за год.

Дело не в сроках. Я был изначально уверен, что Милютин поведет себя

именно так, как он в итоге поступил. Мне было важно, чтобы он не нашел ответ сходу, случайно, из-за гениального сотрудника или невероятной удачи – а это могло быть гарантированно только, если ответа не существует вообще, если в основе задачи – фикция, не существующая в реальности, но тщательно мною сфабрикованная и раскиданная частями и фрагментами по региональным отделениям ИСБ. Так, чтобы у головного подразделения не появилось и сомнения, что странное событие, детали которого требовалось уточнить, на самом деле произошло.

Я позволил себе легонько улыбнуться и откинулся на сидение, мысленно вспоминая усилия прошлых двух лет. Именно столько потребовалось, чтобы вызвать у серьезного ведомства чувство «дежавю» – чувство уверенности, что ответ существует вообще, и они имеют к нему доступ.

Тронул папку, которую подготовили для меня, достал часть листков и развернул веером.

– «Ну да, знакомые все материалы», – фыркнул, узнавая то самое, что сам некогда подкладывал в региональные архивы службы безопасности.

В княжествах порядки чуть проще, и проникнуть туда – задача выполнимая, хоть и сложная. Тем более, что необходимо было именно подкинуть, а не вынести что-то важное или снять на микро пленку. Зря, что ли, нас учили столько лет...

Отложив бумаги в сторону, нажал на клавишу в подголовнике перед собой. Откинул часть дивана рядом, открывая доступ к портативному утилизатору, и закинул бумажки туда. Вспомнив про копии не востребуемых ксерокопий, оставшихся в кармане пиджака, достал и их, закинув следом.

– Калмыки, да, – хмыкнул, разглядывая узкие разрезы глаз на фотографиях не улыбчивых мужчин.

Были такие уважаемые чиновники при Императоре Поднебесной, почетной миссией которых являлось хранить слова и мысли, изреченные живым богом на земле, дабы донести его мудрость до подданных без искажения, во всей полноте смыслов. Были эти чиновники все то время, пока существовала сама империя, сменяясь поколение за поколением, передавая знания и навыки своим детям, чтобы те тоже продолжали свой долг подле трона. Род рос и богател в сиянии императора, получая за служение милости и награды. Вскоре император посчитал, что честью помнить слова и мудрые речи можно жаловать избранных чиновников и вельмож – а те от счастья, что стали немного похожи на бога, одаривали род не менее щедро. Богатой и влиятельной получилась фамилия по

истечению столетий, уважаемой и респектабельной.

А потом произошла техническая революция, с их диктофонами, камерами, телевидением, и они стали не нужны.

Вернее, род полагал, что традиции Поднебесной сильнее техники и изменений. Но на их беду, они были слишком богаты – в собственности находились не только накопленные за века сокровища, но огромные территории, пожалованные за службу, вместе с аж пятью многолюдными городами в их пределах.

Поэтому, с одобрения мудрого Императора, его секретная служба, небезосновательно полагающая конкурентами род, который слушает разговоры чиновников и императора, раскрыла заговор с их участием. Заговор, которого на самом деле не существовало, предполагал смерть правителя Поднебесной и его семьи, вместе со сменой династии. За такое полагалась смерть. А еще за такое полагалось изъятие всех земель и имущества, лишение герба и казнь всех до единого представителей слабого, ныне никому не нужного рода, не способного себя защитить. В мире Силы очень опасно таковыми быть.

Император наверняка оправдал себя тем, что пресек войну за земли и города, спас тысячи жизней подданных ныне мертвого семейства. Император наверняка похвалил себя, что успел отнять добро и земли первым, серьезно и бескровно расширив свой домен и получив дополнительный бюджет на интриги и подкуп собственной имперской аристократии.

То, что думали чудом выжившие представители тщательно уничтожаемого рода, никого не интересовало. Собственно, они и не собирались сообщать никому свое мнение, вложив все силы и средства, чтобы как можно быстрее покинуть бывшую родину, пока до них не добрались убийцы.

На востоке их ждала Япония и смерть, на юге – тщательно охраняемая граница и смерть, на западе – наркоторговцы, нукенины Тибета и смерть. На севере же были бестолковые соседи-варвары, которые не отличали их на лицо, оттого относились ко всем с одинаковым покровительственным и обидным дружелюбием – как к младшему брату, шумному, задиристому, но такому забавному.

Спаслась в основном молодежь, что и стало главным фундаментом дальнейшего выживания. Потому что старики не помнили, не умели и не желали бы работать, полагая физический труд унижительным для своих прежних титулов и приближенности к правителю Поднебесной. А вот молодые – не чурались.

Мертвый род, единственной силой которого была память, моментально выучил язык и вжился в дальневосточные реалии. Собственно говоря, кроме памяти и двух (уже) языков, они ничего не умели – но этого было достаточно, чтобы работать вокруг границы, помогая поездам и грузам преодолевать языковой барьер двух наций. Еще они умели рывкнуть на китайского чиновника так, как может только аристократ, не предполагающий ни капли сомнения в своем на это праве. Действовало отменно и решало огромное количество проблем. Ну а того крошечного количества Силы, которое к своей беде род не культивировал от поколения к поколению, оказалось достаточно, чтобы остаться без постороннего влияния и принуждения «работать на кого-то» за гроши. Желающих, к слову, было достаточно.

Там, где грузы и поезда – там, через какое-то время, появился и я.

Нельзя сказать, что наша встреча была случайным совпадением. Просто я задал вопрос, сформулировав проблему, а мне посоветовали к ним обратиться. Мне были нужны логисты, способные направлять грузы по стране- логисты, готовые помнить не только всю номенклатуру с правилами перевозки. Важным было иное – помнить, что НА САМОМ ДЕЛЕ едет в вагоне, и куда ему следует прибыть вне зависимости от того, что указано в транспортной накладной. И не доверять эти данные никакому компьютеру. Желательно – не доверять даже бумаге.

Мне порекомендовали китайцев. Мы встретились, обговорили задачу. Мне продемонстрировали их возможности по запоминанию информации – я впечатлился. В ответ продемонстрировал им масштабы, объемы перевозок и обозначил номенклатуру. Сотни составов: танки, вертолеты, ракетные дивизионы, средства РЭБ, артиллерия, вагоны с оружием и боеприпасами – все, что покупалось и продавалось, но на те дни, недели, месяцы, пока груз шел от продавца к покупателю, по всем документам было лично моим. Моя личная армия – сроком от дня до месяца, которая постоянно обновлялась, за хранение и перевозку которой мне доплачивали, и которую я мог развернуть в любой момент, в любой точке страны, посадив за штурвалы и орудия дружественные наемные подразделения. Китайцы встали в ступор на десяток минут. Затем предложили свои услуги буквально за еду.

Просто потому, что тут их дар – глупый, слабый, бесполезный дар идеальной памяти был необходим. Потому что мое представление – Император – встреченное тщательно скрытыми смешками и затаенными в уголках губ ухмылками, обрело смысл. А значит, они продолжали линию своей династии – запоминая то, что нужно трону.

Сейчас же их служение получит новую награду, а дар – новую, бесценную грань. Двое лучших из рода попадут в одно из самых охраняемых хранилищ Российской Империи и будут листать документы, окидывая каждую страницу взглядом на какое-то мгновение – до того, как перелистнут на новую, а затем еще одну, пока все листы и все подшивки с ними не кончатся. И станут делать так двое суток, переходя от стеллажа к стеллажу, ничего не разыскивая и не делая приоритетов. Мимолетного взгляда будет достаточно, чтобы запомнить все, а потом восстановить в памяти и перенести обратно на бумагу.

В мире, где люди наделены удивительными талантами, странно бояться записывающей техники и артефактов, но не бояться людей, владеющих зрением и слухом. Нет ничего совершенней человека, и недооценивать его, даже самого слабого, станет огромной ошибкой.

Император Поднебесной наверняка даже не понял, что он потерял. А потерял он в первую очередь верность некогда преданных ему людей – людей, в сути которых помнить и никогда не забывать добро и заботу.

«Мы многое можем рассказать про родину...» – эхом прозвучало в памяти голосом старшего моих китайских друзей, с которых слетели все прежние клятвы верности в миг лишения герба.

Родители начали учить их с самой юности и немало успели передать. Не зря же император так методично их выкашивал, желая, чтобы знания рода ушли с ними в могилу. И ведь почти получилось – от семейства, в котором насчитывалось под тысячу человек, их осталось всего двенадцать.

Впрочем, тут бы с местными тайнами разобраться. ИСБ – структура запасливая и методичная. Знаний и аналитики про местных князей, графов и влиятельных людей наверняка накоплено немало.

Упаси высшие силы использовать их в шантаже – реакция на такое предсказуема и не предвещает ничего хорошего тому, кто рискнет манипулировать высокородным. Так что мелкие и крупные грехи меня не интересуют.

Куда важнее иная грань, на которую я всерьез рассчитывал. А именно – дружба.

Есть мнение, которое я всецело поддерживаю, что подружиться с князем или сильным аристократическим родом невозможно. Движимые благом для чужого рода, все ваши чаяния совсем скоро обернутся либо тем, что вы станете им слугой, либо вас используют в ответ на ваш благородный порыв. В лучшем случае – получится честная сделка, где вы отдаете и получаете что-то взамен.

Но есть один нюанс, который редко рассматривается. Ведь аристократ

– неразрывен со своим прошлым. Все деяния его предков – в его крови, и вся честь рода – состоит из эха деяний в истории.

И вот во всем, что касается прошлого – уже нет месту торгу, коварству и сделке. Это настолько свято, что если прийти к аристократу и сделать одолжение не ему, а его прошлому – эмоции и ответ будут самыми честными.

Но для этого надо знать об аристократе нечто большее, чем знает о себе и былом он сам. То, что наверняка накопило за годы и знает ИСБ, но никогда не будет использовать – потому что этим вполне хватает и шантажа, с таким прикрытием от гнева и мести, как император самолично.

– Приехали, Максим Михайлович, университет, – вывел меня из рассуждений водитель.

– Спасибо, – поблагодарил я его и выбрался из салона.

Место встречи с Артемом мы обговорили заранее – возле входа, справа.

Собственно, там он и обнаружился, скучая в одиночестве на свободном от людского моря пяточке – такую массивную фигуру все предпочитали обходить заведомо.

– Привет, как дела? – Спросил он до неприличия бодрым голосом.

Вот кто сегодня спокойно спал.

– Я готовлюсь стать другом очень многим людям. – Честно и размеренно ответил я и тут же возмутился. – Что ты так смотришь подозрительно? Что ты за голову-то схватился? Что опять не так?!

Глава 15

Как подсказывает теория, людям с комплекцией Артема крайне нежелательно прыгать на черепичную крышу, ходить по тонкому льду и кричать «Помогите!», потому что от такого рева все, кто мог бы помочь, на всякий случай разбегаются.

Теория, между тем, подкрепляется рядом достоверных слухов и фактическими данными прошедшего года: свежей заплаткой на крыше старой княжеской башни, под козырьком которой свили гнездо сокола, а так же многочисленными знаками «Осторожно, тонкий лед!» заполонившими заснеженный берег за какую-то одну ночь. К слову, несмотря на то, что Артем в те времена меня избегал, даже тогда я нашел время поддержать друга: подкармливал соколов самостоятельно, а все предупреждающие знаки в городе для пущей убедительности снабдил обращением «Артем!». Обращения совершенно по-хамски замазали на третий день...

Оказывается, есть еще одно действие, которое определенно не следует воспроизводить моему другу. А именно – в панике хвататься за голову.

Обычно крупные люди легко управляют своей мимикой, знают пределы движений (все вокруг такое хрупкое), а на высоких должностях и вовсе репетируют отдельные жесты перед зеркалом. Но, видимо, именно это движение последние три года Артем не тренировал. Раньше-то, в классе в девятом, у него получалось отлично – с толикой иронии, осуждения и лихорадочных мыслей, как все исправить. Однако сейчас он вырос, и вид со сцепленными на голове руками имел весьма деморализующий. Прямо хоть оглядывайся в поисках схемы бомбоубежища или физиономий многочисленного врага, которых можно бить. В общем, триггер на классическое «бей!» или «беги!».

Однако есть еще третий исход: благородный, похвальный и совершенно нежизнеспособный с учетом действующих лиц. «Спасай!».

– В-вы не смеете обижать Артема! – выставив палец вперед и храбро закрывая своим телом Артема примерно до уровня солнечного сплетения, выступила хрупкая девочка, в памяти моей отозвавшаяся на имя Вера. За тем столом в приемной комиссии она выглядела выше и не такой раздражающей.

Нет, до философских рассуждений и воспоминаний, мысли мои от такого ее явления были куда проще. Мещанские, одним словом, были

мысли, самой приличной из которых являлось «откуда она тут взялась?». Главное, была бы в чем-то светомаскирующем, а тут подкралась в платье такой синевы, что зубы сводит, и тыкает в меня чуть подрагивающим от храбрости пальчиком.

– Вера, ты чего? – Тоже удивился Артем, осторожно тронув ее за руку.

– Нет! Я скажу! – Выпала девушка, дернув плечом и глядя мне в глаза. – То, что вы даете ему деньги, не дает вам п-право его обижать!

«Какие-какие деньги?» – мелькнуло изумление. Перевел взгляд на Артема за ее спиной, а тот виновато развел руки. Ага, тоже мне – конспиратор недоделанный, наплел ей, что деньги чужие.

А теперь эта стоит, храбрится на остатках адреналина и куража, словно подслеповатый хомячок, выпрыгнувший перед бронепоездом. Соотношение отваги на единицу мозга примерно соответствующее.

Беда в том, что даже такое создание может принести кучу неприятностей – например, по скверной хомячковой традиции внезапно помереть от сердечного приступа. И где ее хоронить в этот солнечный день?

Так что и гаркнуть хочется, и проблему желательно обойти. В общем, надо обозначить, что бронепоезд стоит на месте, а перед ним бетонная стена.

Я вздохнул поглубже, успокаиваясь.

– Ты вообще знаешь...? – Указал я на Артема, собираясь завершить «кто он такой». Пусть с его княжеским титулом разбирается.

Но тут рекомый замотал головой и скорчил настолько жуткую физиономию, что позади испуганно вскрикнула какая-то женщина, неосторожно глянувшая в нашу сторону.

– Ты вообще знаешь, – повторил я чуть нервно, придумывая, что теперь сказать, исходя из сложившейся диспозиции, и добавил осуждающего напора в голос. – Что он плохо ест?!

Вера явно ожидала услышать что-то иное, оттого сбилась и недоуменно повернулась к Артему.

Который выглядел так, что скорее из-за него плохо ест пара-тройка африканских государств. Ну хоть живот втянул – хотя там живота этого... В общем, скорее плечи расправил и грудь вперед выставил.

– А чем вы его кормите? – Оглядела она Артема, затем добавила с истерично-сострадательной нотой. – Это какой-то допинг, да? Вы испытываете на нем новые препараты?!

– Слушай, убери ее куда-нибудь, – потерял я терпение.

– К-куда?

– В карман! – Рявкнул я.

Отчего хомячок внезапно прозрел и попятился назад, ожидаемо упершись в стену по имени Артем. Но продолжил пятиться, не глядя перебирая руками по его телу в поисках то ли дверной ручки, то ли уступа, по которому можно забраться и убежать. Логично, что в своих поисках Вера достигла его лица, ощупала, признала, повернулась и со звуком «Ой!» мигом исчезла вправо в толпе.

– Вера, погоди, – заспешил Артем за ней.

«Вот что за человек», – недовольно поцокал я, проследив за его движением в людском море, волноломом рассекающим народные массы, пока он не исчез внутри здания. – «Сначала котят бездомных домой таскал, теперь квартиры раздает. А кому потом этих котят в нормальный дом устраивать? У него же сокола – мигом сожрут!»

– Конечно же, мне, – проворчал я уже вслух.

А ведь девушка – это уже не милое пушистое создание, которое можно вручить со значительным видом, как знак княжеской милости (и только попробуй на улицу выкинуть). У девушек есть достаточно возможностей, чтобы принимать решения самостоятельно и от них страдать.

Прибьют эту Веру, если возле Артема задержится, и всего дел. Тут не сокола – тут хищники поопасней. Хотя тоже охотятся ради удовольствия, а не для еды...

Чтобы отвлечься, прошелся по площади перед университетом – удивительно плотно заполненной народом. Понятное дело, что сегодня станут известны результаты ключевых экзаменов, но даже в день подачи заявлений не было так много людей. Да еще каких людей – то тут, то там видны клинья из охраны, вежливо высвобождающие пространство перед неторопливо шествующими парами с весьма знакомыми лицами.

И тут же – звонкое, перекрывающее общий гомон толпы:

– Пи-ирожки-и! – голосом дородной лотошницы.

Рядом встrepенулись двое постовых и целеустремленно пошли на звук. Допускаю, что подкрепиться.

А вон и знакомый городской с сопровождающим – тоже в том направлении. Махнул им рукой, но те, заведя меня, предпочли развернуться и спешно пойти обратно. Значит, провели с ним разговор – одной заботой меньше.

Прошелся вдоль фонтанов к обзорной площадке, все сильнее удивляясь такому скоплению персон и гербов на ограниченной площади. Словно прием какой, в самом деле.

Дойдя до места, с любопытством посмотрел на традиционно

промышлявших там актеров в нарядах и гриме императоров, великих князей и императриц – прошлых и нынешних, которые нынче не только не хватали нагло прохожих за рукава, призывая на русском, английском и китайском с ними фотографироваться, но и вовсе скромно собрались в уголке у бортика, поглядывая с почтительным волнением на НАСТОЯЩИХ князей и их спутниц.

Разумная осторожность – никакая прибыль не стоит того, чтобы случайно оказаться перед людьми, которые могли лично знать тех, кого они тут изображают. Могут ведь и оскорбиться.

И все же, откуда их тут столько? Не утерпев, решил телефонным звонком разбудить Романа Вениаминовича. Тот после дежурства должен был отсыпаться, но иных источников оперативной информации пока не было.

– Так замок с утра вскрыть не смогли, – с пониманием встретив мои извинения по поводу испорченного сна, пояснил старик. – Ладно механизм сломали, так дверной косяк к раме каким-то образом приварило.

Оу...

– Сразу выбить не удалось, – продолжил он. – Провозились аж до прихода самого светлейшего князя Воронцова, тот дверь лично открыл и там же остался, чтобы протоколы подождать, да подписать.

– Так как это связано с нынешним оживлением? – Глянул я вновь на людское полноводье, которое от минуты к минуте только усиливалось.

Вон, на парковке уже делят место два кортежа, апеллируя к более древнему происхождению приехавших позже – аж сюда крики долетают. Само собой, это охрана ругается, а их господа улыбаются друг другу и шутят в отдалении.

– Раньше, за плату малую, можно было результаты сразу от членов комиссии узнать. – Пояснил Роман Вениаминович. – А раз есть результат, то и прибывать было не зачем, – добавил он с ощутимой сонливостью.

На том и завершили беседу, после обоюдных благодарностей по поводу нашего с ним существования на свете.

Ситуация прояснилась. То есть, кое-кто не смог детям оценку поправить, оттого нервничает и ходит кругами вокруг фонтана. А кое-кому издревле докладывали все оценки еще в ночь до объявления результатов, и те тоже нервничают ввиду общей неопределенности.

Дети непростых родителей все равно поступят – не своим умом, так благодаря привилегиям своей семьи или личному прошению на высокое имя. Только раньше все это делалось кулуарно – до публичного оглашения отметок – руками прикормленных преподавателей или поверенных,

которые изымут заявление на поступление и предъявят гербовые бумаги. Сейчас же придется побегать лично, судьбу потомка устраивая, да и низкие оценки – какая-никакая, но тень на честь рода. С другой стороны, еще может оказаться так, что сыновья и дочери пройдут по результатам экзаменов без посторонней помощи. Оттого и напряжение.

А виноват во всем этом я.

– Хорошо, – впервые почувствовал я от этого довольство.

Вернее, не только я – тут еще личное присутствие Воронцова сказывается. При нем пытаться хитрить или выслуживаться перед кем-то – значит жить не хотеть.

Посмотрел на часы – половина двенадцатого, результаты представят ровно в полдень. Время занимать место там, куда эти результаты, собственно говоря, вынесут – на огромных листах, прикрепленных к металлическим рамам, прямо на площадь. Будущая их расстановка уже была обозначена прямо на асфальте – линией стальных анкеров, о которые все регулярно спотыкались. Не внутри же здания их вывешивать – точно кого-нибудь задавят на входе.

– Что тут стоишь? – Объявился хмурый Артем, плечом аккуратно сместив рядом стоящих ребят.

– Место удачное.

– А там – неудачное? – Указал он на бортик фонтана.

– Категорически. – Емко и со значением отвечал ему, выражая позицию, что никуда уходить не собираюсь. – Где твоя... Проблема?

Никого в синем рядом не было.

Артем возмущенно запыхтел, но ответил со спокойной солидностью:

– Она хотя бы не рвет мои документы.

– Она мне мозг рвет, – поморщился я.

– Ну слушай, она переживала, – с жаром заступился Артем. – Признаюсь, я вчера ей наговорил про тебя разного. Она не хотела покупать квартиру! Говорит, дорого! Вот я и сказал ей, что ты бываешь страшно зол, когда кто-то отказывается от твоих подарков. И мне, в общем, влетит.

– Влетит, – поддакнул я, хмуро на него покосившись. – Значит, я опять чудовище, да? А ты герой в светлом.

– Да какой тебе от этого урон, – примирительно повел он руками.

Тем более, не соврал он ни полслова – и деньги там были мои (частично – но ведь он не уточнял), и я не люблю равнодушного отношения к своим подаркам.

– Ну а тебе какая польза? – Не повелся я, продолжая поглядывать без воодушевления. – На мечту ты средства дал, долга чести нет. И не отводи

мне тут глаза, Артем Евгеньевич!

– Тут отвратительно кормят! – Не выдержал он давления взглядом и произнес со всей возмущенной искренностью. – Дорого, порции маленькие, двойную не кладут! Я им говорю – дайте мне четыре борща, так они вынесли и косятся всем персоналом, как я ем! Это возмутительно!

– Артем. – Произнес я тем же тоном, которым говорят обычно мое имя.

– В общем, Вера отлично готовит, – сдался он сразу. – И тарелки у нее – большие!

Ты смотри, работает.

– Ох не заглядывался бы ты на размер тарелок, – поцокал я и произнес наставительно. – Не это главное в человеке!

Артем состроил ироничную мину.

– Главное в человеке – не злить меня! – Продолжил я. – И у нее это не получается.

– Да ну... Я тут, может, душу изливаю. – Махнул он рукой.

– Ладно, – настала моя очередь мириться. – Ты хоть подумал, что будет с ней дальше?

– А что будет? Все хорошо будет, – сказал он со знакомыми уверенностью и энтузиазмом.

Такими, после которых в его дворце появлялся новый котенок.

– Во-первых, она узнает, кто ты такой.

– Не узнает. У университета закрытые базы. Когда я подтверждаю свою фамилию, то просто попрошу закрыть эту информацию от остальных. Максим, это главный университет страны, тут ничего нельзя выяснить со стороны, полная анонимность для тех, кто ее желает. А через пять лет посмотрим.

– Хорошо, – прикрыл я глаза. – Во-вторых, кто-то признает тебя и решит через Веру навредить.

– Я их уничтожу, – буднично произнес он.

– А Веру это вернет? – Приподнял я бровь. – Сделает ее вновь здоровой, невредимой?

Артем насупился, подыскивая решение.

– Статус ей нужен, – не стал я его мучить. – Положение в обществе, которое ее бы защищало.

Друг чуть наклонил голову, оценивая услышанное, но все же без охоты кивнул, соглашаясь.

– Она хоть кто-то? – Намекнул я на род.

– Она как ты. – Задумчиво пробормотал он.

– Тогда вообще не вижу для нее проблем.

– То есть, не как ты, – спохватился Артем. – Ранг у нее есть, но самый минимум. Рода нет, родителей нет, живет у бабушки с бабушкой.

– Что-то подозрительная какая-то особа. Давай лучше тебе повара найдем, и ты снова вернешься к помощи бездомным котяткам?

– Да причем тут котята! – Возмутился он. – Слушай, ну какая тут подозрительность! Мы же ее знать не знали еще вчера утром!

– У меня тут огромный список людей, которые тоже узнают обо мне в первый раз. – Со скепсисом отнесся я к доводу. – Поверь, это будет очень случайно и неожиданно.

– Это не то! – Уперся Артем. – Что там со статусом?.. Слушай, я взрослый...

– Ничего не говори! – Остановил я его на полфразы. – Вечно какая-то ересь получается, когда ты это произносишь. В общем, надо делать из твоей Веры телезвезду.

– Чего? – Протянул он с сомнением.

– Это – статус, известность и защита в одном. Для тебя тоже огромный плюс – не девочка-студентка из комиссии, а звезда экрана. Никакого урона репутации.

– Ты не обо мне заботься. Я о себе сам...

– Тогда про Веру, – охотно вернулся я к теме обсуждения. – Предлагаю поставить ее вести прогноз погоды. Считай, после каждого выпуска новостей на экране – максимальная аудитория, примелькается мигом.

– И ей прямо вот так уступят место?

– Это мой канал. – Терпеливо пояснил я. – Нынешнего ведущего отправим в отпуск, если тебя карма девушки интересует. Все идеально, все довольны.

– А она согласится? – Замялся Артем.

– Сейчас узнаем. Изобрази, что тебе плохо.

– А? – Отразил он непонимание.

– Просто сделай. Она где-то здесь, я это чувствую, – обвел я взглядом толпу.

– Ты какого-то неправильного о ней мнения, – возмущенно пробормотал друг.

– Артем!

– Ох, что-то сердце закололо...

Этот жест он за три года тоже не тренировал.

– Артем, что с тобой?! – Явилась, не прошло и мгновения.

За локоток его заботливо поддерживает и снизу вверх в глазки

встревоженно заглядывает. Только что ее тут не было!!!

– Проверь его температуру, – распорядился я строгим голосом.

– Н-нормальная, – приложила она ладошку к широкому лбу наивно улыбающегося дуралея.

– Цифрами!

– Тридцать шесть и шесть!

– А завтра какая будет?!

– Тридцать шесть и шесть! – Выпрямилась она испуганно, но ладошку не убрала.

– Полный ответ!!!

– Завтра температура Артема тридцать шесть и шесть!

– Вместо Артема – Нарьян-Мар!

– Завтра в Нарьян-Маре тридцать шесть и шесть!

– Не дай бог им такую погоду! Закончили. – Отвел я взгляд в сторону и позволил Вере выдохнуть.

– Ч-что закончили?

– Кастинг, – веско ответил я и обратился к Артему. – В общем, раз до твоего лба дотягивается, то до Анадыря по карте тоже сможет. Голос поставлен, дикция четкая, завтра на работу.

– Какую еще работу! – Возмутилась Вера в голос.

– Вера, Максиму срочно очень нужен ведущий прогноза погоды, – взяв ее ладошку в свою лапищу, заворковал Артем.

– Но у меня работа в деканате...

– Иначе Артем будет страдать. – Жестко произнес я абсолютную правду.

– Я согласна! – Вера гордо вздернула подбородок и вновь посмотрела на меня, как на врага.

– Тогда вот тебе пятьсот рублей, купи нам мороженое.

– Максим, – возмутился товарищ.

– Себе тоже купи, – неохотно согласился я, вкладывая в прохладную ладошку купюру. – Смотри, чтобы была фабрика Максима.

– Максима? – Неверно поставила она ударение на первый слог.

– Иди уже, – прорвалось из меня раздражение, от которого она пискнула и исчезла.

– Максим, – вновь запыхтел возмущенно товарищ.

– Что? – Покосился я на него. – Я, вообще-то, тебе помогаю, а не ей.

Между прочим, после его котят ко мне Машк всякий раз неделю принюхивается и смотрит с осуждением.

– Я пообещал ей, что ты постарайся быть галантным.

– Ой, зря...

– И свидание ей пообещал, чтобы загладить твою вину. – Настоячиво добавил он. – А еще мы сегодня идем в музей! Вместе! Я тебя прошу, постарайся быть с ней вежливее.

– Одно условие, – подумав, обвел я шумящие и галдящие окрестности взглядом.

– Слушаю.

– Ты привяжешь ей колокольчик.

– Максим!

– А иначе она меня нервирует!

– Кто нервирует? – Осторожно спросили со спины Вериним голосом.

А я, между прочим, даже не дрогнул. Повернулся со всей солидностью, забрал свое мороженое в вафельном стаканчике и отвернулся обратно.

– Тут сдача... – Пробормотала она. – Только мелочью дали, размена нет... – Прозвенела она монетками.

– Оставь себе.

– А у меня карманов нет...

– К пояску привяжи.

– Так звенеть будет.

– И это очень и очень хорошо. – Прочувствованно выдал я.

– Так, подошли оба, – не выдержал Артем и жестким голосом призвал нас встать лицом друг к другу. – Вера, это Максим. Максим, это Вера.

– Очень п-приятно, – автоматически произнесла она.

Я смерил ее хмурым взглядом.

– Вера, Максим – это танки, подозрительные финансы, огромная собака, слишком умный кот, знакомства в высшем свете и планы захватить мир.

– Чего-чего? – Поднял я на него возмущенный взгляд.

Вот так – скопом, чужому человеку!

– Максим, Вера – это вкусный борщ, подозрительные перемещения, домашний хомяк, слишком молчаливый дед, целый деканат подкаблучников и планы стать гениальным инженером.

Ясно с кого она брала уроки храбрости – как знал.

– Артем, как можно! – Возмутилась она, порозовев.

– Теперь пожмите друг другу руки и не треплите нервы. Мир?

– Мир, – осторожно пожала мне руку Вера.

– А можно я все-таки повяжу ей колокольчик?

– Максим!

– Мир, – нехотя вздохнул я. – Сейчас смотрим результаты и едем к Игорю знакомиться.

– Какому Игорю? – Спросила Вера Артема.

– Долгорукому. На ДолТВ.

Девушка вновь пискнула что-то невразумительное и прижалась к руке Артема.

– Я ведь сказал: «знакомства в высшем свете», – мягко отлепил он ее от себя и поставил рядышком.

Но руку из своей не выпустил. Про владение каналом, впрочем, тоже не сказал – не во всем нужна откровенность.

А тут и оценки доставили – целой процессией, возглавляли которую члены попечительского совета во всей титулованной красе, следом за которыми вынесли стенды с результатами, закрытыми тканью до поры. Короче, в такой конфигурации, что толпа жаждущих узнать всё первыми даже не шелохнулась в их сторону. Наоборот, расступилась назад – ну а мы оказались в самой идеальной позиции, вроде как и не мешая монтажу, но первыми, кто увидит итоги первого дня экзаменов.

Само собой, ткань со стендов убрали после вступительной восхваляюще-утешительной речи, первая часть которой по традиции предназначалась императору, а вторая всем тем, кому в этом году не повезет.

– Девяносто девять, – вздохнул Артем, найдя себя и отметку по математике.

– Здорово, ты такой умный! – Восхищенно повисла на его руке Вера.

– Мда? – Усомнился он, но все же принял похвалу. А затем шустро нашел мой результат. – Самойлов, математика. Сто. Информатика. Сто. – И, главное, бровь поднял так выразительно.

– Артем забыл добавить удивительную честность, мне присущую, – обратился я к Вере.

Другу же достался укоризненный взгляд.

Народ, между тем, все же качнулся волной к нам. А мы, узнав необходимые данные, поспешили отойти в сторону. Толпа с головой не захлестнет, разумеется – городские стоят во множестве, предупреждая окриками проблемы. Но вот свиты высокородных довольно ловко стали высвобождать пространство для своих господ, и настроение об них портить не было ни малейшего желания.

Так что мы неспешно – из-за встречного движения народа и желания Артема идти рядом с девушкой (а не прорываться, как при штурме стены), отправились к парковке.

– Это скандал! – Донесся возмущенный юношеский голос позади. – Тут нет моей работы по математике! Это возмутительно!

– У вас тоже прочерк в графе?! – Ответил ему столь же юный голос. – Моей оценки по информатике тоже нет! Я буду жаловаться папеньке!

Я продолжал идти вперед с невозмутимым видом.

– Максим, – мягко произнес Артем.

– У одного сорок баллов. У второго пятьдесят шесть. – Фыркнул я. – Что сказали бы их уважаемые родители?

– Я еще забыл добавить – Максим очень любит помогать людям. – Демонстративно громко шепнул Артем Вере.

– Это ведь хорошо? – Не понимая, уточнила она.

– Если он станет предлагать тебе помощь – беги, – очень убедительно произнес он. – Беги, не оглядываясь.

– Ну уж. Как будто он чудовище какое, – возмутилась Вера.

– Вот! – Потеплевшим взглядом посмотрел я на нее.

Да нормальная девушка. Мало ли у людей странностей.

– Посторонись, быдло, – больно стукнули меня плечом.

Это я не вовремя отвлекся. Но вот ухватить за пиджак намерившегося пройти мимо человека успел, с силой развернув его к себе. Обычный мужик холеной внешности, с оттенком заграничного загара и выбеленными зубами.

– Меня зовут Максим и у меня есть танк, – посмотрел я в глаза человеку, на лице которого собиралась гневная мина, а рот собрался выдать очередное мерзкое ругательство. – Кто ты и что есть у тебя?

Только он что-то перехотел гневаться, и на выдохе получился невнятный звук.

– Извините, – выскользнул он куда-то вниз и вбок, оставив мне пуговицу с незнакомым гербом и мерзкое ощущение на ладони, которую хотелось вытереть.

Повернулся к ребятам, со скорбью отметив испуганное выражение лица у Веры и невозмутимо-привычное у Артема.

– Не чудовище я, – буркнул, срывая с нижних ветвей деревца рядом лист и оттирая руку.

Тут и телефон позвонил, компенсируя неловкую паузу. Посмотрел на экран – сестры. Ну наконец-то!

– Але, Максим? – Донесся бодрый голос Кати.

– Ага.

– Ты – не чудовище! – Заверили меня оптимистично.

– Ну слава богу, – выдохнул я и улыбнулся Артему. – Вот, только что

подтвердили, – с усмешкой, как шутку произнес я.

– Ты – балбес! – Категорично выговорила Тоня.

– Но это не точно, – прикрыв трубку и посмурнев, доложил я все услышавшей и фыркнувшей парочке. – Я перезвоню. – Завершил я вызов и гордо пошел впереди.

Рядом с этими я точно ничего обсуждать не буду.

Зато до Останкино добрались быстро – словно все пробки столицы собрались на въезде МГУ и решили не мешать остальному городу жить.

– Слушай, я вот что подумал, – шепнул незаметно от Веры Артем, когда мы выбрались из машины. – Может, не прогноз погоды? Может, реклама какая? Элитных машин, например?

– Ты бы хотел, чтобы вместе с машиной покупали твою Веру? – Шепнул я в ответ.

– Нет, – категорично ответил он и об альтернативах больше не вспоминал.

Я же стоял и смотрел на громаду строения, вершина которой утопала в облаках.

– Ну здравствуй, Игорь, – пробормотал я перед тем, как сделать шаг вперед. – Первый раз за пять лет, здравствуй.

Глава 16

Вход в здание предварял уличный пост охраны из двух сотрудников, проверивших наши паспорта и со здоровой подозрительностью отнесшихся к кульку с монетами в руках Веры.

– Личные сбережения, – обозначил я, оборвав смущенные лепетания девушки про сдачу и мороженое.

– Накопила, – понятиливо закивали охранники, но тут же посочувствовали. – Вам бы, ребята, в другой день прийти. Облака низкие, ничего сегодня не увидите.

– Может, исправится еще погода. – Не стал Артем их разубеждать в цели нашего визита, поглядывая вверх: на темные тучи, принесенные южным ветром и словно забытые над нашими головами.

– Может быть, – вернулось к ним равнодушие.

Потому что позади нас подпирала целая толпа китайских туристов, подошедшая от экскурсионного автобуса. Этим точно не до выбора удачного дня – их вела судьба в лице двух экскурсоводов-переводчиков, у которых строгий график, маршрут и пачка документов на руках. И лучше бы нам быть у лифтов раньше, чем они пройдут охрану.

– Поторапливаемся. – Прибавил я шаг.

Позади Артем взял на буксир Веру и охотно заспешил – еще и потому, что часть туристов приняла его за главный экскурсионный экспонат и с характерным китайским «ого!» защелкала объективами в его сторону.

Вера не спорила – она напоминала синий бантик, зацепленный за грузовик.

Внутри башни на наши паспорта взглянули повторно, провели через рамки металлоискателя (Вера снова бибикнула). Она же с радостью расплатилась за наше часовое посещение, избавившись почти от всех монет.

– А у тебя нет пропуска сотрудника? – Не остался Артем равнодушен к избыточным тратам.

– Есть. Но нет гарантий, что Игорь не сбежит, – шепнул я ему и направился к туристическому лифту.

Были еще служебные и для персонала, а так же отдельный – на верхние уровни, которые оккупировали директораты федеральных каналов, предпочитая тесниться на высоте. Хотя рядом, в пешей доступности, огромные пространства телецентра, да и собственных съемочных

павильонов у каждой студии в достатке.

Странная любовь к почетной, но такой губительной высоте – ведь даже сильнейшим из одаренных не выжить при падении, если случится беда и пожар. Стихийные щиты и защитные техники в основе своей привязываются к уровню горизонта, компенсируя кинетику удара за счет жесткой связи с миром. А вот по вертикали это совершенно не работает – разве что ветром себя как-то удержат, но мастерство и сила для этого требуются нерядовые.

Тем не менее, аристократы стремятся вверх, и все остальные повторяют вслед за ними.

В кабине лифта мы оказались единственными пассажирами – видимо, большинство желающих все же вняло предупреждениям охраны и не стало тратить время на созерцание непогоды с высоты.

Артем с интересом присмотрелся к кнопкам, на которых отражались не этажи, а отметки высоты башни, да еще без стабильного интервала меж ними – отчего ряд уровней незаметно выпадал для постороннего взгляда, словно их и не существует. На них можно было добраться только со служебных лифтов – посторонних и случайных туристов там не ждали.

– Нам какой?

Я нажал на кнопку с цифрой «триста тридцать четыре».

– В ресторан, для начала, – озвучил свой выбор и пояснил на недоуменные взгляды. – С пустыми руками в гости ходить неправильно.

Артем к фразе отнесся нейтрально, дернув плечом. Разве что чуть нервно покосился на монитор, который был вмонтирован в стену кабины у потолка и показывал прямую трансляцию из шахты поднимающегося лифта – не иначе, чтобы было еще страшнее. В отличие от многих, к высоте он относился весьма плохо. Самолеты не любил, жить предпочитал поближе к земле, да и у меня в гостях попросил апартаменты этажом пониже. А тут еще гул и ощущение давления в ушах от подъема на высокой скорости, ограниченное пространство и искусственный свет плафонов – и так почти минуту времени.

Но откровенно ворчать Артем стеснялся – не с Верой же рядом. А та смотрела на тросы и мелькание стыков плит с профессиональным интересом, не отпуская его руку.

Ресторан никого не ждал – поселившаяся за окном непогода распугала всех возможных клиентов. Не было желающих приобрести недешевые блюда и употребить их, глядя на темно-серую хмарь за окном. Даже хитрый механизм, поворачивающий зал вокруг оси башни раз в сорок минут, не спасал – сумрак был за каждым окном, в любом направлении, и

без малейшего просвета.

Разумеется, всегда нашлись бы романтики, верящие, что мгла вот-вот отступит – но для них были заведения уровнем ниже и изрядно дешевле. Здесь же царила апатия и мысли об упущенной выгоде – даже официант при виде клиентов только обозначил движение к нам, уже мысленно смирившись, что сейчас гости развернутся и уйдут.

Оттого, наверное, реакция на мою просьбу предоставить в аренду их кухню была недоуменной и без традиционного жесткого отказа, встречающего каждого, кто пожелает пройти в святая святых заведения, и, о ужас – возжелает там хозяйничать (без санкнижки, без инструктажа!). Вместо этого, официант вернулся в компании с администратором и дежурным шеф-поваром. Последний, обведя глазами пустой зал, все же осторожно поинтересовался, что такого могут приготовить уважаемые гости, с чем не справился бы он. Мол, может нам не стоит утруждать себя.

В дискуссию вступать я не стал и просто обозначил сумму аренды – тут уже администратор заведения сам мягонько подхватил повара за локоток, отводя в сторону, а сам широким жестом указал на вход в помещения кухни.

– Владейте и ни в чем себе не отказывайте!

– Благодарю, – скинув с себя пиджак, передал его на руки Артема.

Тут же получил чистый халат, чуть ли не бегом вынесенный официантом из кухни.

– Я помогу? – робко произнесла Вера, обозначив шаг в сторону двери во внутренние помещения.

Посмотрел на нее недоуменно и перевел осуждающий взгляд на ее кавалера.

– Ч-что не так? – Повернулась она к Артему.

– Вера, вот производство высокотехнологичных пластиков – секретная информация? – Тихонько вздохнув, Артем положил ладонь ей на спину и медленно повел в сторону ближайшего столика.

– Ну, да. Но это ведь... – Оглянулась она в мою сторону.

– А тут чистая биохимия: температурные режимы, давление, катализаторы и время.

Он, как и многие мужчины, знал, сколько мистики и магии может содержать фраза «варить до готовности».

– Да ну ерунда, – фыркнула девушка. – Как готовка может быть секретной?

– Все что угодно может быть секретным. Даже как правильно переходить дорогу. – Терпеливо пояснил Артем и обратился к персоналу,

деликатно вернувшемуся к стойке. – Можно нам кофе и что-нибудь из десерта?

– Сию секунду!

– И погода за окном ужасная, – проворчала девушка, устраиваясь за столик.

– Если я что-то понимаю, совсем скоро будет ясно и солнечно, – бодро донесся голос Артема за мгновение до того, как я плотно прикрыл дверь.

Сверху равномерно горели плафоны, освещая белоснежный кафель стен и дверцы промышленных холодильников, отражаясь от практически безупречного зеркала стеллажей, раковин и посуды из нержавеющей стали.

– Приступим, – ревизовав содержимое шкафов, удовлетворенно вздохнул я и встряхнул ладонями.

Свет медленно просел, восстановившись так же плавно – словно великан на секунду прикрыл глаза. Затем замерцал стремительно, будто крылья бабочки, чтобы через мгновение погаснуть совсем, оставив помещение в полной темноте. В центре которой синими, искрящими от влитой Силы линиями расцвел объемный алхимический конструктор с гранью в полтора метра, выглядящий шестью кубами, вложенными друг в друга и соединенными через вершины.

– Автоматика тут, конечно, ни к черту, – прокряхтел я, налетев в потемках на угол стеллажа. – Интересно, а если так?..

Комнату тут же осветили десяток звездочек, своим мерцанием отгоняя темноту и разбавляя контрастно-синий оттенок, исходящий от конструктора.

– Вот, гораздо лучше! Как-там он готовился... Ага, давление в сорок атмосфер и отделить белки от желтков...

Кубы конструктора начали медленное вращение – каждый вокруг своей собственной оси...

Через сорок минут мы вместе сидели в светлой приемной цвета орехового дерева: я, Артем, Вера и кусочек свежего торта, запакованный в пластик, на ее коленях. Торт располагался в рекомом месте в знак великого доверия и в результате очередной попытки Артема меня с Верой примирить. Она, видите ли, испугалась, когда на этаже рубануло электричество, а скатерть стала искрить. Ладно хоть Артем удержал сумасшедшую – синтез шел полным ходом, так бы вместо торта запросто мог бы быть студень. Это ж сколько зря переведенных ингредиентов и моего времени!

Сошлись на том, что Вера несет торт и ни в коем случае не открывает упаковку. Да и, честно говоря, со свободными руками было удобнее – электрическая подстанция только-только перезагрузилась, система охраны

приняла мой пропуск (где-то наверху подозрительно синхронно проревела сирена), и у нас было около трех минут, пока не запустятся лифты, и Игорь не сбежит.

Вроде как – успели, судя по тому, что симпатичная секретарша за столом приемной уже третий раз нервно перекладывала бумажки из стопки в стопку, а затем обратно. Они формировали то башню, то растекались тремя стопками, то обменивались вершинами, словно в головоломке Эдуарда Люка.

За ее спиной сиял светлый день во всем его теплом августовском великолепии – с синим небом и ярким солнцем, слегка прикрытым перистыми облаками. Хмурые тучи оставили Останкино в покое, к несказанной радости туристов и рестораторов (которые по такому поводу не сильно ворчали на сбой в сети, тем более, что прямо нас обвинить не получалось).

– Так говорите, не придет? – Переспросил я секретаря.

Нас уже успели заверить, что Игоря Александровича Долгорукого сегодня не предвидится.

– Нет! – Подтвердила она.

– Ну, мы подождем, – улыбнулся я.

– Так ведь не придет? – Робко уточнила девушка.

– А вдруг, – с обаятельной улыбкой развел я руками.

– Понимаете, у нас ремонт, – вдохновенно произнесла она, спрятав чуть подрагивающие руки под столом. – Полная замена мебели! Поэтому Игоря Александровича сегодня никак не может тут быть!

– Вот как, – погрустнел я.

– Да! – Отчего-то расцвела она улыбкой. – Вот, как раз грузчики пришли, старую мебель забирать, – приподнялась она из-за стола и стремительно вышагнула навстречу трем кряжистым ребятам в спецодежде, зашедшим в помещение. – Ребята, вам сюда!

– Так может, мы поможем? – Произнес Артем, поведя плечом.

– Нет-нет-нет! Что вы! Вы же гости! – Заверила нас секретарь и лично проводила грузчиков до двери, плотно прикрыв за ними створку. – Вот, ремонт в полном разгаре, – вздохнула она полной грудью. – Давайте я вас запишу на другой день?

– Мы подождем, – так же невозмутимо ответил я и откинулся на спинку кресла.

– Но...

– Вы ведь знаете, чей это кабинет?

– Да...

– Или кресло подо мной вы тоже решили поменять?

– Нет-нет! Ожидайте, конечно же! Просто я хотела, как лучше, – засеменила она обратно на свое место и с деловым видом взяла в руки бумаги.

– Вы их переверните лучше, – посоветовал я.

Девушка побледнела, затем порозовела, но продолжала читать текст вниз головой.

Тем временем вновь открылась дверь кабинета – первым вышел грузчик, удерживая в руках по два сложенных друг на друга стула. За ним, с изрядными сложностями и тихими матерками выглянули еще двое, вытаскивая из помещения массивный шкаф, зафиксированный по периметру скотчем – чтобы дверцы не повредить.

– Вы бы его разобрали для удобства, – с осуждением произнес я.

Грузчики замерли, словно вокруг ночь, а я участковый. Затем медленно и уверенно пошли дальше – уже беззвучно и с невозмутимым видом.

– Он же в лифт не пролезет. – С интересом оценил я габариты.

– А мы его по лестнице понесем, – просипел с надрывом идущий позади.

– Так сто этажей?

– А нам за пролет платят. – Поравнялись они с нами.

– Стоять, – негромко но выразительно произнес я. – Шкаф поставить.

– А... – Поставив шкаф, смущенно потоптались они на месте, оглядываясь на секретаря.

– За дверь, оба. – Встал я с кресла.

Грузчики молча вышли.

Я же подошел к шкафу и одним движением снял завязку из скотча с ручек. Затем мягко потянул дверцу на себя и заглянул внутрь.

– Игорь, да ты похудел! – Обрадованно посмотрел я на смущенное бледно-розовое лицо друга, поправлявшего длинную прическу и выбившийся из-под клетчатого жакета ворот рубашки.

Мимо с видом ледяного спокойствия проследовала на выход секретарь. Потому что нет ничего хуже для карьеры, чем видеть непосредственного босса в глупом виде.

– О, Максим! А я тут, знаешь ли... – Лихорадочно обвел Игорь взглядом невеликое пространство шкафа.

– Сидишь? – Подсказал я.

– Ага! – Кивнул он и робко улыбнулся.

– Так ты поудобнее присаживайся, – подавая пример, я потянул из-за спины свое кресло и пододвинул ближе.

Игорь аккуратно поставил ноги на пол и украдкой посмотрел в сторону двери.

– Сидеть! – положил я ему руку на плечо.

Рядом, проскрипев креслом, разместился Артем – на всякий случай перекрывая путь для побега.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он.

Но Игорь отчего-то испуганно отшатнулся.

– Я знал, что этот день когда-нибудь настанет, – потерянно прошептал Долгорукий, переведя взгляд на меня.

– Виноват, давно надо было к тебе заехать, – улыбнулся я. – За пять лет не нашел время тебя увидеть лично. Ты уж извини, пожалуйста.

– И-извини? – Пробилось из-под маски его отчаяния удивление.

– Плохой из меня друг, – виновато отвел я взгляд. – Одни подарки и открытки на день рождения через третьи руки, а сам так и не выбрался к тебе ни разу. Хотел – честно хотел! Только тебя всякий раз не было на месте, когда я мимо проезжал. Но и пост у тебя немаленький, все в трудах, заботах.

– Ну, да, – пришел его черед отводить взгляд.

– Вот и у меня хлопот немало, – вздохнул я. – Тем не менее, моей вины это не отменяет.

– Да ладно, что ты, – горячо и сбивчиво начал было Игорь, но я его прервал.

– Но, пожалуй, я знаю, чем можно загладить вину! – С торжеством, в котором чувствовалось то приятное лукавство, когда точно знаешь, что подарок придется по вкусу, произнес я. – Вера, торт! Вера. Вера!.. Артем! – Возмутился уже я, поворачиваясь к другу.

Пусть объяснит ей, что не следует портить момент какой-то обидой! Только Артем тоже был временно недоступен для коммуникации – он ошарашенно смотрел назад.

Я тоже повернулся, и тоже замер на несколько секунд, пытаюсь осмыслить увиденное.

Над раскрытой и пустой пластиковой коробкой из-под торта замерла с маской ужаса на лице Вера, глядя на собственные ладони, запятнанные шоколадными следами немыслимого преступления. Крошки были на ее подбородке, крошки лежали на синей ткани ее юбки, и ни один адвокат мира, даже самый гениальный, не взялся бы оправдать ее перед лицом неопровержимых улик.

– Вера, ты зачем съела торт? – Ошарашенно произнес Артем.

– Я...я... – Залопотала она, переводя взгляд то на него, то на свои

ладони. – Я не знаю, как так получилось... – Перешел ее голос на едва слышный шепот.

На ее лице было такое отчаяние, такая буря эмоций, что сложно описать словами. Словно у матери, считавшей себя образцовой и идеальной, после первой порки сына. Будто у молодого и отчаянно верящего в свой коллектив директора после первого увольнения сотрудника. Как у резидента, с треском провалившегося на какой-то ерунде...

– Вера, ты трогала крышку? – Сильно зажмурившись, спросил Артем вновь.

– Я с-случайно, я хотела просто аромат...

– Ой, блин... – Как от зубной боли прошипел он, вцепившись ладонями в виски. – Максим, это ведь тот самый торт, да?

– Тот самый торт? – Эхом прошептал Игорь взволнованным голосом.

– Тот самый, – скорбным голосом подтвердил я.

– Прямо тот самый? – Спросил он, с тоской разглядывая крошки на платье девушки.

– Даже лучше. – Присел я рядом с ним в шкаф. – Он был свежий... Ему не было и часа...

– Расскажи, каким он был? – Схватил он меня за руку и с отчаянием посмотрел в глаза.

– Само совершенство. – Падали слова в абсолютной тишине. – В нем была свежесть послегрозово́й весны и тепло южного ветра; энергия ветра, наполняющая паруса и спокойствие лепестка на тихой воде.

– Р-ребята...

– Тш-ш... – Прошипел на Веру Артем, глянув совсем недобро.

– Сотни миллионов вольт напряжения ради одного кусочка...

– Это один из самых печальных дней в моей жизни.

– Теперь представляешь, как было тяжело Нике Еремеевой, когда ты принес ей только часть торта? – Спросил я, не меняя тона.

– Да, но у нее была хотя бы часть...

– Она ее не съела. Выбросила.

– Выбросила?! Она что, сумасшедшая? – Возмутился Игорь.

– Как видишь, в этом поколении они все не очень умные. – Похлопал я его по плечу. – А если это массовое, стоит ли из-за этого переживать?

– Значит, ты на меня не сердишься? – Спросил он смущенно.

– Давно простил. – Хмыкнул я, одновременно примеряя рост Веры и габариты шкафа. – Можно я одолжу у тебя половину шкафа и одну створку?

– Бери хоть весь.
– Весь не надо. Вторая сейчас все-равно где-то в застенках...
– Максим, не надо, – встревоженно попросил Артем. – Она не знала, что делала. Вернее, знала! Но не осознавала последствия!
– Ладно, – призвал я все свое долготерпение.
Мы же, вроде как, пришли ей карьеру делать.
– Игорь, вот эту девушку надо...
– Закопать?
– Трудоустроить. – При всем желании согласиться, нашел я силы на иной ответ. – Нет, не на каторгу. Ведущим прогноза погоды. Прежнего в отпуск. Считаю это наказанием за твое поведение с Еремеевой. Теперь ты каждый день будешь видеть человека, который съел твой торт. Как только простишь ее – уволишь.
– Пожизненный контракт, – пробормотал Игорь. – Нина! Так... Сейчас секретаря вызову, – и посмотрел по сторонам, словно в поисках телефона или кнопки.
А вокруг был только шкаф, и какие-то ткани, пледы в нем. Хм...
– За дверь выйди, она, наверное, там.
– Ах да, вы проходите в мой кабинет, пожалуйста! – Поднялся он с места и суетливо принялся выражать гостеприимство.
Вера продолжала сидеть в прострации – пришлось выводить ее из этого состояния традиционными методами.
– Ай! – Тронула она волосы, за пряди которых я дернул.
– Секретарь подойдет, составит бумаги. Подпишешь, пройдешь с ней в павильоны, отснимешь пилотный выпуск. Все понятно?
– Я с тобой пойду, – хмуро произнес ей Артем. – Дождись меня.
– Хорошо. Я правда... Извините! – Уперлась она взглядом в пол.
Оглядев парочку, осуждающе покачал головой и проследовал в кабинет Игоря. Тот, правда, по прежнему где-то искал секретаря по коридорам... Будем верить, она не решила спешно покинуть страну, и Игорь ее найдет.
– Сложно винить человека в том, перед чем он не может устоять, – выработал-таки Артем свою позицию, зайдя следом и прикрыв дверь.
– Всего дел – не открывать герметичную крышку, – пожал я плечами, оглядываясь вокруг.

В довольно просторном – для размеров башни – помещении устроился друг. Прямоугольник стен занимали три круглых стола, занятых папками с проектами. На дальней стене тихо бормотал эфир телеканала в широкой рамке плазменного телевизора. Панорамные окна, вид из которых должен

тут быть просто роскошным, отчего-то полностью скрывали полупрозрачные шторы, позволяя дневному свету наполнять кабинет – но основным источником освещения были плафоны дневного света на низком потолке. И над всем этим рабочим благолепием плыл едкий и неприятный запах табака.

– Это любопытство! Тебе ли не знать.

– Это гордыня, – не согласился я. – Желание убедиться, что у нее получилось бы лучше.

– Уверен, ничего общего, – продолжал упорствовать Артем.

– В музей сегодня не идем?

– Вере нужна поддержка. Стресс, незнакомые люди. Ее могут обидеть.

– Она кусок торта съела за двадцать секунд. Да за минуту она кому хочешь руку отгрызет!

– Закрыли тему, – знакомо насупился Артем.

Оставалось только рукой махнуть – ничего он слушать не станет. Что сейчас, что тремя годами раньше, когда я его час убеждал, что делать мангал из газового баллона – плохая идея, а он не верил и ходил потом в вязаной шапочке на лысую голову.

– Так, договор уже оформляется, – зашел в кабинет Игорь и быстрым шагом направился к центральному столу, за которым мы сидели. – Прошу простить, запамятовал, я представлен вашему товарищу? – Присев на свое кресло и переждав легкую отдышку, произнес он.

– Это Артем Шуйский, ты его, наверное, помнишь.

– О, я вас не признал! – Честно постарался Игорь отыскать в нем знакомые черты. – В прошлый раз вы были...

Сложно вежливо охарактеризовать преобразование скромного худенького мальчишки в то, что сидело на соседнем стуле. Но Игорь справился.

– Со скрипкой! – Выдохнул он и улыбнулся располагающе.

– Вы тоже изменились, – вежливо кивнул Артем. – В лучшую сторону, бесспорно.

Раньше Игорь был склонен к полноте, сейчас же куда больше походил на старших представителей его династии – высоких, стройных и поджарых. Только вот длинные волосы до плеч выходили из идеального образа, запечатленного на портретах и черно-белых фотографиях его династии. К слову, ни одного фото семьи в кабинете не было.

– Соблюдаю режим. Сладкое вообще не ем. – Категорично произнес Долгорукий. – Уже пять лет как, – и виновато посмотрел на меня. – С того самого дня. Ни кусочка не лезет.

- Курить тоже бросишь.
- Нервная работа, – повел он руками, указывая на горы бумаг на столах. – Стресс...
- Спортom займись.
- Да куда там, – еще раз с возмущением оглядел он пространство, намекая на отсутствие времени.
- Проблемы с мотивацией, – понимающе закивал я.
- При чем тут это?
- Через год вместе с Артемом побежите пять километров.
- Это все избыточно! Отвлекать уважаемого Артема...
- У тебя будет фора в три километра.
- Неравные условия, опять же...
- Если он тебя догонит, то съест.

Игорь тут же демонстративно вынул пачку сигарет из кармана брюк и сдвинул по столу к нам.

- Завязал, – емко произнес он, с опаской косясь на Шуйского.

Артём же медленно повернул ко мне голову, тяжело вздохнул и вновь посмотрел перед собой. Ничего-ничего, он мне за Веру еще десяток таких забегов должен.

Ишь чего, если Ника что делает – то на мне долг, а когда его недоразумение мне тут диверсию на ровном месте устраивает, то он еще хмурится!

Тем более, что Игорь через полгода точно будет на уровне третьего мужского разряда по бегу. Желание жить – мотивирует!

– С родителями у тебя как? – Не вовремя вспомненная Ника напомнила, что хорошо бы и сейчас сделать пару шагов для улучшения положения ее семьи.

– Да никак, – спокойно и со тщательно скрываемой гордостью произнес Игорь. – Зовут на приемы, я не хожу.

На секундочку, пять лет назад его отправили в изгнание. Фактически, чуть ли не отреклись, запретив появляться на пороге дома. Уж больно злы были родственники на бестолкового потомка, у которого кроме доброго сердца и не было выдающихся качеств. А такое не особо ценится в мире силы.

За два года управления телеканалом, который из рук Долгоруких перешел в мои, отношение к непутевому сыну и внуку изменилось кардинально. Кроме деловой хватки, им проявленной, теперь у родича оказался неслабый инструмент влияния и власти, который род хотел вернуть себе – пусть и не владея лично, но транслируя через него

собственный взгляд на события.

Изгнание сняли, повинились, пригласили влиться обратно в дружную семью. Игорь послал их ко всем чертям и выполнять их «мелкие просьбы на телевидении» отказался, отчего его зауважали еще сильнее – злопамятность и сила воли как раз-таки ценится особо... Но кровь все равно дает знать – все же, не разругались окончательно и отношения поддерживают, пусть и натянутые, осторожные и ныне крайне уважительные друг к другу.

– Сходил бы? – Не настаивая, поинтересовался я.

– Да ну. Отец меня женить хочет, – пожаловался Игорь. – Там не приемы, а смотрины.

– Так женись.

– Чего? – Посмотрел он столь же подозрительно, как Машк, которому подсовывают в миску таблетку.

– А я тебе торт испеку на свадьбу. Тот самый.

– Максим, это подло, – пожаловался он, нервно барабаня пальцами по столешнице.

Как тот же Машк, только хвостом, когда таблетка перемещается в аппетитный кусочек мяса.

– Предложение действует только сегодня.

– Но за что?! – Воскликнул он со взглядом мученика.

– Кто-то же должен в этом кабинете принимать решения!

– Я принимаю!

– Так принимай, – развел я руками. – Я же не заставляю. Но либо сладко и по твоему выбору. Либо горько, через скандал с родней и ту, на которую они укажут.

– А торт большой? – Вновь затарабанил он пальцами.

– Большой, – вздохнул я, прибегая к уступке, работающей в том числе на котов.

– Ладно. – Вздохнул он.

Все это время я игнорировал ошарашенный взгляд Артема.

– Так, а теперь бери бумагу и ручку... Да не торт ты рисуй!

– А как же... – Захлопал он глазами, словно обманутый в лучших чувствах.

– Торт потом нарисуешь и пришлешь почтой. Сейчас другое записывай. Надо сделать ролик: у нас же есть оптимистичный блок в конце новостей про рекордные надои или что-то такое? Вот туда про Еремеевых что-нибудь надо отснять и вставить. Они что-то там за рубеж поставляют, двигатели или вроде того. Как обычно: отечественное, самое лучшее,

поэтому берут даже тамошние. Справишься?

– Да легко. – Поморщился он, как от ерунды.

– Спасибо. А мы пойдем.

Нас проводили до дверей, предлагая заходить в любое время. Артем подхватил с кресла Веру, уже отошедшую от стресса и что-то восторженно вещающую про гонорар и первые съемки. На меня она старалась не смотреть, да и я не нуждался в ее внимании.

Дождавшись, когда они выйдут из кабинета, повернулся к секретарю и вежливо попросил у нее конверт. Заполнил его убористым почерком, выводя в получателях адрес лаборатории, а в отправителях – абонентский ящик, арендованный наряду с еще десятком в разных уголках Москвы. Выудил небольшой клочок волос, принадлежащих Вере, и бережно поместил в конверт.

– Где исходящая почта?

– Вот тут, – указала она пластиковую конструкцию на краю стола. – Но я могла бы лично...

– Обычным порядком, вместе с остальными конвертами, – отрицательно повел я головой. – И я сегодня ничего не отправлял, вам понятно?

– Абсолютно. – Компенсируя провал в собственном поведении, секретарь излучала суровый профессионализм (то есть, отсутствие любопытства и готовность забывать все по команде).

Скоро узнаем, кто это такой у нас к медведю прицепился и не отстает.

– Случилось чего? – Артем стоял возле лифта в одиночестве. – Вера уже вниз спустилась.

– Мелочь одну чуть не позабыл, – отмахнулся я, прикрывая дверь за собой.

Но перед тем, как она закрылась, отсекая все звуки, до ушей еще успел долететь приглушенный отзвук мечтательной фразы Игоря:

– Ниночка, соедини меня с отцом...

Артем, разумеется, ее слышал тоже.

– Зачем ты его женить решил?

– Мне, может, интересно, каково это – семейная жизнь в близком приближении на примере друга. Скажи спасибо, что сегодня это Игорь.

– А если серьезно? – Не повелся Артем, подходя к лифту.

– У него в шкафу плед и постельное белье. Он спит на работе, это неправильно.

Все же, Игорь действительно мне друг.

– Максим, я серьезно!

Даже растерялся на мгновение – посмотрел, а Артем стоит, накупившись, и явно ждет другого ответа.

Подумал, что он хочет услышать, и произнес с весомой обстоятельностью:

– Примирение Игоря с семьей позволит непосредственно влиять на Долгоруких. Так же открывает варианты на воздействие через его будущую супругу. Абы кого ему не отдадут, он теперь в фаворе.

– Вот теперь – верю, – с довольным видом кивнул он. – А то вечно ты темнишь.

– Хм... – Выдал я неопределенный звук, не желая спорить.

Артем шагнул в кабину лифта, и я проследовал за ним.

– И вот что, Максим. Насчет социального статуса... – Произнес он, стоило створкам сомкнуться.

– Да?

– Про Веру ты все верно подсказал. Тут я не разбираюсь, не приходилось как-то. Но насчет Еремеевой могу подсказать.

– Слушаю.

– То, что ты для них сейчас делаешь. Эти ролики...

– Не только, – поспешил я уточнить. – Еще финансы на новые проекты. На бал и прием их пригласят, я почти договорился. Плюс попрошу кого-нибудь заключить с ними сделку на высшем уровне. Есть такие планы.

– Вот, – кивнул своим мыслям Артем. – Я примерно так и представлял. Так вот, это не сработает.

– Почему? – Удивился я.

– Потому что это твои связи, твои деньги и твои друзья. Не их, – качнул Артем головой. – Все они работают с тобой и делают одолжение тебе, а не Еремеевым. Я в этом разбираюсь.

– Но финансы и проекты...

– Тут все работает наоборот. Если у них были бы связи и знакомства, если бы их приглашали на приемы, как род, а не по твоей просьбе, с финансами тоже никаких проблем бы не возникло. Деньги же и сделки сами по себе не дают положения в обществе.

Циферблат лифта мерно отсчитывал метры до отметки первого этажа. А в душе была некая растерянность.

– Так что тогда делать? – Попросил я совета.

– Надо, чтобы с ними поделились статусом. Как это делается – сам понимаешь. – Вышел он из лифта, а затем, вместе со мной, и из здания.

Я посмотрел на спину Артема, спешащего к девушке в синем возле

микроавтобуса телеканала. Сам же повернул к своей машине, дожидавшейся чуть дальше общей проходной, неспешно вышагивая и обдумывая предложенные Артемом варианты. Не высказанные прямо, но вполне понятные без лишних слов.

Статус такого уровня можно либо отнять, либо присоединиться к чужому. Третьего не дано.

Чтобы отложить эти мысли, решил-таки позвонить сестрам. Есть такой период у информации, находящейся у них на хранении, когда уже проходит предвкушение легкого садизма, с которым истина будет цедиться по каплям в обмен на мольбы и просьбы. Но до той грани, когда долгое ожидание пережигает желание говорить вообще, перерастая в глухую обиду – мол, они старались, а я совершенно равнодушен к их помощи.

Этот период славен тем, что информацию вываливают скопом, потоком слов прорывая плотину формальностей и стандартной структуры разговора. В общем, когда их распирает, и никто не может остановить, пока лавина данных не накроет абонента с головой.

Сев в машину, я набрал номер и предусмотрительно отвел трубку подальше от уха.

– Короче, она тебя любила! – Рывкнули в трубку через мгновение вместо гудка.

– Чего? За что?

– Сами не знаем! – Язвительно ответили мне.

– Нет, за что-то понятно. Но мне ж тогда было тринадцать, а она вообще одиннадцатый класс!

– Любовь зла – полюбишь и...

– Неверная поговорка! – Осадил я их рывком.

– Любви все возрасты покорны?

– Сойдет. Так любила, теперь ненавидит. Что с того?

– А с того, что талант Целителя зависит от любви, – с придыханием ответили мне. – Как у аристократов – от Чести, а у тебя от любопытства.

– Так. – Почувствовал я неприятное ощущение в животе. – То есть, эта ее ненависть...

– Целители лечат любовью, – перебили меня. – Но каждого больного придурка любить не заставишь! Поэтому целитель обычно любит маму с папой, а их образ переносит на пациента, тем самым открывая возможность к их излечению. Но, как пишут на форумах, любовь к родителям не такая сильная, как... Ну, другая любовь. Однако есть проблема, когда любящий целитель приходит к дому возлюбленного и видит его с другой.

– Да я же знать не знал... – Растерялся я.

– А когда целитель вдобавок узнает, что ее любимый разрушил все счастье ее рода... – Сурово произносили сестры.

– Да подождите вы...

– Уничтожил все, чем целитель дорожил. Все, к чему он стремился...

– Тонь, Кать...

– Дар ломается. – Сухо ответили мне. – Целитель больше не может лечить. Ему некого любить.

– То есть, это конец для Ники? – Ответил я почему-то непослушными губами, пересохшим голосом.

– Нет, это ты – балбес! – Сердито заворчали мне. – Мог бы сам уточнить, первая страница поиска!

– У меня первая страница поиска в восьмой класс пошла, – проворчал я, чувствуя, как отпускает напряжение.

– Что бы ты без нас делал! В общем, это обратимо.

– Мне ее в себя опять влюбить что ли? – С подозрением уточнил я.

– Нет, просто показать ей, что ты обычный человек, – словно бы даже вздохнув от огорчения произнесла Тоня. – Надо убрать ненависть, всего лишь. Тогда она сможет целить любовью к родителям, а там, глядишь, снова себе кого-нибудь найдет, полюбит.

– Хорошо, – уже с облегчением выдохнул я. – Сделаем, не проблема.

– Не-не-не-не! – Зататорили они.

– Чего опять? – Посмотрел я на телефон.

– Мы тут подумали и решили, что тебе не надо делать вообще ничего! Совсем-совсем! Ненавидеть только на расстоянии легко, а тут примелькаешься рядом, само пройдет! Увидит, что у тебя две ноги, две руки и нет рогов с хвостом – и нормально!

– Ничего не делать? – С сомнением уточнил я.

– Точно! Ты же ничего ей не делал пока?

– Ну... В принципе, ничего...

– А ты нам точно все рассказал? – Вкрадчиво уточнили в трубку.

– Практически.

– И где сейчас Ника?

– В Москве, – бодро ответил я. – Не могу сказать, где точно, сами понимаете. Я за ней не слежу.

– Это правильно, – одобрили сестры. – С ней точно все в порядке?

– Уверен. Охрана шикарная, собеседники умные, понимающие, кормят три раза в день, – оборвал я себя, поняв, что заговариваюсь.

– ... Ты ее посадил? – С каким-то удивленным негодованием спросила Катя.

– Но ее скоро отпустят, там никаких доказательств! Слушайте, у меня впереди еще четыре экзамена, а она ведет себя просто ужасно! Да, я понимаю, что пришло время добрых дел, но давайте оно наступит через три дня, а?

– Ты ее посадил... – Ошарашенно пробормотала Тоня.

– Но ничего ж не потеряно, да ведь? Вон, хвоста у меня не появилось, рогов тоже...

– Ты даже ничего не делать не умеешь нормально! – Возмутились они.

– Слушайте, но это же было до вашего мудрого руководства!

– Ну... Ладно, – неохотно приняли девчонки. – В общем, теперь ничего не делать не получится. Поздно! Вези ее к нам домой.

– Это еще зачем? – Нахмурился я.

– Пусть увидит, какие есть у тебя замечательные мы, папа, Брунгильда, Машк, – вздохнули в трубку. – Только очень тебя прошу, она сама должна прилететь. Не с мешком на голове, не под наркозом и осознавая, куда едет!

– Вам же понравилась та музыкальная группа, – проворчал я.

– Максим!

– Ладно, – согласился я. – Но все маневры только через три дня!

– Ну уж три дня она переживет, – махнули на меня рукой.

– Три дня – это полная ерунда, – согласился я, с удовлетворением нажимая на отбой.

Интересно, за это время можно успеть развязать и окончить войну? И будет ли достаточно обаяния кота с собакой, чтобы она меня за это простила?

Вновь прозвенел телефон.

– Алеу?

– Даже не думай! – Рывкнули сестры.

И вновь гудки.

Я с подозрением посмотрел на трубку, а затем перевел взгляд на центральное зеркало машины, встретившись взглядом с водителем.

– Я же сейчас вслух ничего не говорил?

– Нет, господин.

– Сестры, – буркнул я недовольно, откинув телефон на кресло в сторону. – Ни танк угнать, ни войну начать нормально. Скорей бы уже замуж выдать...

Глава 17

У нашей страны удобный размер – всегда можно уснуть в одном городе, а проснуться в другом. От Владивостока до Мурманска будет одно движение ресниц, которое сменит темную ночь на яркий свет начала дня, открытого для свершений и работы. Когда-нибудь спать все равно нужно – так какая разница, будет ли кровать в спальне или нестись со скоростью три сотни километров в час над просторами огромного государства.

Иногда это работает и на малых дистанциях. Бессонная ночь напомнила о себе, забрав из мягкого салона авто, под убаюкивающий цикл из крошечного набора скорости и плавного ее снижения перед стоящими впереди машинами. Угораздило влететь в созданную самим же собой пробку, разросшуюся по окрестным улицам и параллельным дорогам...

– Проснитесь, – мягко окликнули из реальности, забирая из сна без сновидений.

– Спасибо, – посмотрел я на часы и поблагодарил водителя.

На циферблате почти шестнадцать, а за окном – бело-желтое двухэтажное здание областного управления ИСБ с высокими и узкими окнами, теснящееся почти стена к стене с похожими постройками, но, разумеется, уже без скромной красной таблички возле центральной двери. Целая стена таких строений окружает довольно внушительную площадь закрытого от города квартала. Внешне все смотрится просто старым районом, пусть и поддерживаемым в хорошем состоянии, но всякий, кто захочет пересечь его насквозь, упрется в высокий железный забор, глухую стену или ворота пропускного пункта, не снабженные никакими грозными надписями – они попросту почти всегда закрыты, оттого и желания туда свернуть не возникает. Одним словом – «Нагорный тупик».

На другой стороне улицы уже дожидались двое моих сотрудников – серьезные и суровые на вид граждане восточной внешности с таинственной фамилией «Ивановы». Не знаю, чем они руководствовались при оформлении новых документов, но менять что-либо им было не интересно. Свои настоящие имена они помнили, а как их будут звать на чужбине их не сильно интересовало.

Одеты мужчины были именно так, как было оговорено утром – в серосиние немаркие спецовки технической службы, с ящиком подходящих инструментов в руках. Ящик – это для того, чтобы было что отнять и слегка успокоить принимающую сторону. Я тут, в общем-то, для того же самого:

последний вопрос Артема напомнил, что бывает очень полезно и даже необходимо быть предсказуемым, действуя именно так, как от меня ожидают. Так что игнорировать момент входа моих людей в здание будет неправильным, хотя и логичным – не вечно же я буду рядом с ними, а договоренности либо соблюдают, либо нет.

Я вышел из машины и неспешно направился ко входу в ведомство. Никакой необходимости подходить к моим китайцам и спрашивать о готовности не было – это только оскорбит. Уверен, готовы. Уверен, не будут спать двое суток и дело сделают, а иначе во всех приготовлениях последних двух лет нет смысла.

За пару шагов до двери, та сама распахнулась навстречу, выпуская сияющего улыбкой Бориса Игнатьевича. Понятное дело, он ждал, и наверняка лично наблюдал за нашим прибытием по камерам видеонаблюдения.

– Приветствую, – был он само обаяние, словно встречал долгожданного родственника, которого не видел долгие годы.

Разительный контраст с утренним поведением. Хотя, казалось бы, ничего не изменилось и измениться не могло. Даже одежда на нем была прежней, только рукав со следами от еды наспех застиран, отчего пятно только увеличилось, пусть и значительно побледнев.

А вот прическа иная – царапнуло наблюдение – пробы и следы от расчески на волосах крупные, как будто волосы были влажными. Значит, все же пробирался пешком через дождь – стрельнуло неудовольствие.

– Нам в эти двери? – Оценил я рукопожатие, на этот раз какое-то неприятно рыхловатое для такой большой руки. Быть может, предполагалось, что бережное...

– Прошу, – кивнув, первым шагнул он обратно в здание.

Проходная выглядела широким коридором с крашеными в желтый бетонными стенами и слабо отличалась от аналогичных ему в иных министерствах и ведомствах – две рамки металлоискателей и турникеты за ними, предупреждающе горящие красными индикаторами. Но мы эти конструкции попросту обошли, сдвинув в сторону стальное ограждение-решетку сбоку от турникетов – такие ставят под давлением пожарных служб, чтобы турникеты не мешали эвакуации в случае пожара. Вот и нам вполне сгодились.

– Одежду ваших сотрудников придется сменить, – попенял Борис Игнатьевич на порядки, заполняя журнал посещений, поданный ему дежурным офицером.

Всего на посту стояли трое, один из которых наблюдал за

происходящим из-за стола в углу помещения, а двое непосредственно контролировали входящий и исходящий поток. Разумеется, вооружены – укороченные автоматы на плече у каждого. На способ нашего входа в охраняемые пространства они никак не отреагировали – допуска сопровождающего ожидаемо оказалось достаточно, чтобы провести в ведомство хоть обученного слона. Начальству, как известно, виднее.

– Одежду и обувь? – Уточнил я, поглядывая из интереса на строчки, выписываемые им в журнале.

Если по ним судить, в здание вошли нештатные сотрудники в количестве троих человек. Понятное дело, никаких имен в таких случаях не пишут.

– Одежду и обувь, – подтвердил полковник, лихо расписываясь на оставшуюся треть журнального листа. – Стерильность и внутренние правила, вы же понимаете. Наборы уже подготовлены, размеры универсальные.

– Гардероб? – Обозначил я вопрос.

– Следующее помещение, – указал он взглядом на белые двери возле стола дежурного. – Там же проведут инструментальный контроль на скрытые датчики в теле. Формальность, – отмахнулся он. – К тому же абсолютно безболезненная, без личного контакта.

Видимо, на случай, если записывающие устройства было решено проглотить или спрятать под языком.

Китайцы посмотрели на меня, ожидая отмашки на движение в помещение контроля. Борис Игнатьевич понял их взгляд иначе.

– Если кого-то из ваших сотрудников оскорбляет подобное недоверие, досмотр можно не проходить. Но сотрудника придется заменить. – И вновь от него сквозило искренним расположением, а предложение строилось так, чтобы предоставить возможность без урона чести уклониться от проверки, если записывающие устройства все-таки есть и могут быть обнаружены.

– Не вижу препятствий, – ровно ответил я.

– В таком случае, – сделал полковник еле заметное движение подбородком, и дежурный сопровождал «техников». – Подождем, – посмотрел он на часы и изобразил совершенную невозмутимость.

Впрочем, ожидание не затянулось: через десяток минут они вернулись тем же составом.

На плечах сотрудников оказались свободные светлые рубашки с несколько неудобными на вид длинными рукавами. Ремень на поясе подхватил светлые же брюки, а ноги чувствовали себя вполне комфортно в чем-то, напоминающем спортивные чешки – удобной и довольно теплой –

с мехом внутри и резинкой по окантовке, белой обувке. Единственное, в обуви такой не побегаешь – скользкая. Словом, одежда бьет своей необычностью издали, выдавая чужака, а чешки вдобавок характерно скрипят по бетонному полу.

– Ваши вещи будут храниться у нас. Вернем все в целости и сохранности. – Бодро произнес полковник, обращаясь ко мне, и заспешил вглубь здания. – За мной, будьте любезны.

Вместе мы прошли здание насквозь, оказавшись на заднем подворье: просторном, закатанном в асфальт, с редкими участками травы и лавочками подле них. Тут же открывался вид на несколько зданий внутри закрытого квартала, между которыми целеустремленно следовали люди в форменных мундирах и гражданской одежде, а в дальней от нас улочке был виден ведомственный гараж с несколькими запаркованными на улице автомашинами.

– Вдоль белой постройки и направо, – двинулся Борис Игнатьевич быстрым шагом с таким суровым выражением лица, что за весь наш путь не нашлось никого, кто желал бы с ним заговорить. Наоборот, редкие встречные загодя обнаруживали срочные дела где-то в иной, отдаленной от траектории нашего движения, точке – оттого спешили убраться с глаз хмурого начальства.

– Красиво, – не смог я удержаться от комментария белой часовне, возле которой неведомо почему задержался наш сопровождающий.

Белоснежная, высокая на фоне иных построек, устремленная ввысь и основательная в своем исполнении, она чем-то напоминала мои танки: надежностью стен, практичностью окошек-бойниц и общим замыслом: защитить не только тех, кто внутри, но и иных, к кому стремится добраться враг. Такие храмы-крепости известны во многом числе по всей стране, но все же интересно обнаружить подобное строение в вотчине охранного отделения.

– Нам сюда, – мельком глянув на меня, вновь возглавил движение полковник, поднимаясь по ступеням храма.

Свое удивление я оставил при себе, заспешив следом.

Стоило нам зайти за первую, массивную и тяжелую дверцу, Милютин резко свернул вправо, тут же всей массой наваливаясь на выступ кирпичной стены, со скрежетом отодвигая его в сторону.

– Провести вас в архив прямо я не могу, – отдышавшись, произнес он. – Придется так, – указал он движением головы в открывшийся за стеной низкий тоннель. – Поторопитесь.

К слову, тоннель оказался хоженным и непыльным, освещался

электричеством и не был из числа тайных и забытых всеми переходов. Просто служебный путь, который выходил в здание архива уже после системы контроля и регистрации – это пояснил Борис Игнатьевич по пути, не стесняясь говорить в полный голос.

По его словам, существовал вечный конфликт между ведомством и людьми из собственной безопасности – первые искали врага внутри страны, вторые же пытались найти врага среди тех, кто ищет. Но так как на фоне всей этой борьбы нужно было как-то работать (иногда – против интересов тех, кто возглавляет собственную безопасность), то еще его предшественник расчистил и достроил для себя старые ходы внутри комплекса. Благо, внутренней безопасности категорически запрещалось быть внутри охраняемых помещений – только контролировать к ним доступ.

Я не мешал его словоохотливости, недовольно принимая часть тайны, которую теперь придется хранить. Более того: отвечать за своих людей, тоже невольно ставшими ценными свидетелями. Как бы все не подстраивалось под будущую претензию в мой адрес: мол, не захотел ликвидировать исполнителей, так те проговорились, а нам от того убыток – плати. Не люблю лишние секреты.

Выход из тоннеля тоже потребовал грубой силы, но зато после замаскированной створки уже никуда не пришлось идти.

Бесконечные стеллажи высотой в два человеческих роста шли рядами из желтоватого полумрака правой части зала в его левую сторону. На торце каждого, выходящего в общий коридор, в котором мы стояли – цифровое и буквенное обозначение. Особый, сухой воздух, в котором не ощущалось привычной библиотечной пыли, но присутствовал тот самый трепетный вкус бумаги, исходящий от только что купленной и открытой книги.

И мысль – та самая, с которой начался нелегкий путь в это место, сухая и констатирующая истину: «в интернете ничего нет».

Потому что то самое «есть» – оно только на бумаге, внутри картонных упаковок с завязками, которыми заставлены стеллажи.

Секреты недолго остаются таковыми, если их можно скопировать на компактный носитель и пронести через проходную. Тайна должна иметь вес и объем, чтобы ее незаметно не унесли.

– Один момент, – Борис Игнатьевич выудил из внутреннего кармана бейджики пропусков и нацепил моим людям на карман рубашки. – Пропуски с высшим уровнем доступа. Возможные вопросы можете смело адресовать ко мне. – Вздыхнул он, критически оглядывая ровность пластиковых прямоугольников с фотографиями.

Не удержался и все же легонько поправил один из них.

– Архивы в полном вашем распоряжении, как мы и договаривались. Это особая секция, в общую я проведу исполнителей завтра. – Махнул он рукой в противоположный от нас край зала.

Интересно, насколько огромен общий зал, если особый с трудом охватывается взором? С досадой приходилось признать, что запрошенные сутки – непростительно мало. С другой стороны, скромнее надо быть.

– Благодарю, – ответил я, переводя взгляд с полки на полку, с укладки на укладку – отмечая то иной цвет папок, то настоящие контейнеры вакуумной упаковки, размещенные среди обычных бумаг.

Как много интересного там, должно быть, дожидается своего часа...

Китайцы, подчиняясь разрешающему кивку, синхронно повернулись налево и бегом умчались в самое начало архива. Для их таланта полезна систематичность запоминаемых сведений.

– Быть может, изволите полюбопытствовать лично? – Пригласил Милютин жестом, указывая на тихое и безлюдное пространство, манящее сокрытым в нем: будто пещера сокровищ, наполненная слитками исключительно в тонну весом – забрать все не представляется никакой возможности, но вот прикоснуться...

Вернее, он так полагал. У меня же все эти ценности без особой суеты грузились в безразмерные трюмы китайского производства и через два дня должны были быть на родине. Но, опять же, важно быть предсказуемым.

– Не откажусь. – Вновь отметил я подозрительную любезность.

Меня в договоре не было.

– Разумеется, если после вас обнаружатся средства слежения и записи, случайно оброненные из кармана...

– Такого не будет, даю слово, – буднично ответил я.

– Не сомневаюсь, – сложил он руки и невозмутимо посмотрел куда-то вверх.

Явно предлагая мне самому найти то, что мне может быть интересно.

Что может быть интересно человеку? В первую очередь, он сам – так что идти мне к стеллажам, озаглавленные буквой «С». Минут десять понадобилось на то, чтобы признать, что по мнению ведомства моя персона не настолько велика, чтобы хранить данные о ней в особой секции.

– Возмутительное пренебрежение к будущему императору, – проворчал я, перебирая папки с другими Самойловыми.

Вот род отца тут был, но эти документы можно будет прочитать позже, в спокойной обстановке. А пока заняться тем, что от меня ожидают во вторую очередь.

Прогулка до двух стеллажей с гербами княжеского рода Юсуповых не заняла много времени. Вот такие вот у меня официальные предки – скептически оглядел я уходящие на десятки метров вперед полки – сама непогрешимость. Потому что стеллажи были абсолютно пустыми – выметенными до последнего листика, будто ничего тут не хранилось, и заготовлены они были просто из надежды, что когда-нибудь тут появится хотя бы что-то на могущественный клан.

Честно говоря, пришел сюда с определенными ожиданиями – с желанием посмотреть на ранние фото матери, которые обязаны храниться в деле. В прессе и в сети ее изображений попросту не было – только текстовые обзоры, коллективные фотографии, где ей, как младшей жене, полагалось место в последнем ряду, за широкими спинами остальных. А тут такое – невольно вырвался вздох разочарования.

– Тяжело быть отверженным? – Донесся участливый голос Бориса Игнатьевича.

Я повернулся в сторону прохода в коридор – стоит полковник, заложив руки за спину, и смотрит без злорадства, даже с сочувствием.

Видимо, мое происхождение не составляет для него ни малейшего секрета, а мое желание тут быть определенно связывается с этим фактом. Вот и славно – пусть смотрят в эту сторону, а не на китайцев.

– Вы убрали все бумаги, – констатировал я.

– Там нет ничего, что вам поручено отыскать, – направился он ко мне неспешным шагом.

– Все мы можем ошибаться.

Борис Игнатьевич остановился рядом, оглядывая пустые полки задумчивым взглядом.

– Вы знаете, да. Я ошибся, – повернулся он ко мне. – Приношу извинения.

– Бумаги будут возвращены?

– Безусловно. Сегодня же, после того, как мы уйдем. Я компенсирую задержку увеличением срока пребывания ваших людей в этой секции.

– Славно. – Продолжал я стоять на месте.

– С другой стороны, бумаги по Юсуповым можно изучить прямо сейчас, если вы пожелаете. Они недалеко.

– Это было бы любопытно, – обозначил я осторожный кивок.

– А вы уверены, что они вам помогут? – Спросил он вкрадчиво.

– У меня есть поручение, и я намерен...

– Бросьте, Максим Михайлович, – смотрел он теперь даже с некой отцовской заботой. – Поручение тут уже не при чем. Вы, как и я, не чужды

простым эмоциям. А что может быть проще, чем желание справедливости?

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Максим Михайлович, наше знакомство началось довольно скверно. – Улыбнулся он извиняющеся. – Ужасно началось, если быть откровенно. Я был излишне резок и вел себя неподобающим образом, о чем искренне сожалею, будьте уверены. В моей долгой практике, увы, было много случаев, когда я позволял себе вспылить, и судьба частенько наказывала меня за это. В оправдание своего тяжелого характера, хочу отметить, что многие из тех, с кем знакомство не задалось, в последствии стали моими искренними друзьями. Поверьте, сегодня я желаю вам только помочь.

– Я не наблюдаю этого стремления, – демонстративно провел я рукой по ближней полке.

– Это от молодости, уж простите человека, годящегося вам в отцы. – Вздыхнул он. – Вам может показаться, что голое знание и правда, которые вы надеялись тут обрести, способны что-то изменить в этом мире. Это не так.

– А как же Честь?

– Честь трактуется в пользу рода. – Покачал он головой. – Нормы морали меняются, границы допустимого размыты до зыбкого, еле уловимого состояния. Правила, установленные аристократами для самих себя, от поколения к поколению подвергаются правкам. Многие считают нас жестокими сатрапами, но без нашего существования дворянство творило бы, что захотело. Мы – это единственный механизм, который не дает кланам разорвать государство на вотчины, а людей – закрепостить. Мы – это Честь, – говорил он даже искренне.

– Я знаю множество благородных семейств, для которых Честь – не пустой звук, – поддержал я беседу в полупустом и гулком помещении хранилища.

– Но ваши родственники – они не такие.

– Сомневаюсь, – припомнил я старика из крепости Биен, почетно назначенного на должность деда взамен не оправдавшего надежды предшественника.

– После того, как они выкинули вас из рода еще до вашего рождения? – Произнес он вкрадчиво. – Еще даже до того, как появилась мысль о появлении вас на свет?

– Простите? – Чуть напрягся я, но постарался сохранить мимику.

– Максим Михайлович, вы хоть что-то знаете о своем настоящем происхождении? Не о том прекрасном, которое вы могли бы выдумать. Принц рода, которого потеряли, а? Или вы считали, что вас похитили

враги? А может, вы на полном серьезе думали, что вас спрятали под чужим именем во время войны?

Минутная тишина, наполненная только далеким шелестом перебираемых страниц в конце зала.

Дед – настоящий, биологический, говорил что-то среднее между этими вариантами. Вернее, ответ его был нечеток, но содержал в себе повесть о великой трагедии рода, на которую им пришлось пойти, меня лишаясь. А так как до их проблем мне не было никакого дела, то в этот вопрос я не углублялся. Я родился, я жил, я живу и я всех переживу – это та история жизни, которая заменяла мне все предложенные Милютиним варианты.

– А как было на самом деле? – С интересом уточнил я.

– Максим Михайлович, вас вырастили. – вздохнул он. – Как выращивают скот – для определенной цели. У вашего появления на свет была определенная цель, после исполнения которой вы должны были сдохнуть.

Жесткий ответ заставил с удивлением приподнять бровь.

– Уж извините за откровенность, но в том приюте, куда вас определили, доживают до двадцати лет процентов шестьдесят воспитанников. Уличные банды, поножовщина, алкоголь, жизненная неустроенность. – Терпеливо перечислил он. – Плохой район, нет работы, ленивый князь, которому плевать. Сказать вам, сколько доживают до тридцати? А какое их число не спивается от монотонной работы на конвейере картонного завода?

– Его, говорят, снесли. Теперь там молокозавод.

– Какая разница, – отмахнулся он. – У вас бы все равно не было будущего. Никому из родичей вы не нужны. Так где она, эта хваленая Честь?! Но вы молодец, – тут же успокоился он. – Молодец, и это я говорю искренне. Я поздно взялся изучать ваше дело. – Вновь изобразил он вину. – Вы достигли многого! Вы заставили с собой считаться.

Я без эмоций проглотил эту порцию лести, пытаюсь оценить правдивость им сказанного.

– Теперь вы для них проблема, – с ухмылкой, как соучастник, погрозил он пальцем.

– Хм?

– Вы же настоящий наследник, с полными правами, – заворковал он. – Отец – законный, мать – законная.

– Я – признанный родом бастард, – качнул я плечом, вспоминая слова Амира в аэропорту. – Говорят, мой отец девятнадцать лет назад...

– Вы знаете, что это неправда. – Оборвал он. – И вы хотите добиться

справедливости, – утвердительно завершил он.

– Борис Игнатьевич, я...

– Вас же в очередной раз обворовали.

– Что? – Сбился я с мысли.

– Разве вы не знаете, что законному наследнику полагается солидный денежный пансион и земли в управление? – Мягко продолжил полковник. – Это же не просто титул и законного сына. Это огромные деньги и привилегии, особые компании, созданные для кормления главной семьи. А вас – как паршивую шавку вновь выбросили за порог, обозвав бастардом – ублюдком, зачатым вне семьи. Вы снова хотите поговорить о Чести?

– Мое родство не доказано. – Вспомнил я слова, что мое истинное происхождение опасно для матери и сестры, продолжая действовать в их пользу.

Только уже сомневался, сколько в той истории правды. Впрочем, не отвергая – но уже не принимая на веру так же искренне, как отчего-то сделал это в аэропорту.

– Поэтому вы здесь, – буднично сказал Борис Игнатьевич. – Найти доказательства, верно? Встать в один ряд со своими братьями и сестрами.

Вот уж нет, знаю я там одну сестру – из бутылки в кустах моется... Еще в один ряд с ней вставать.

– Допустим, – вместо этого ответил я.

– А вы хоть знаете, как выбирается новый глава клана Юсуповых? – Переключился отчего-то полковник, изменив тон с торжественного, на будничный.

– Не интересовался. Старший сын?

– Лучший ребенок в поколении, – веско произнес Борис Игнатьевич. – Достигший максимума, самый сильный, самый влиятельный и целеустремленный. А теперь спросите себя, почему я(!) стою тут с вами, убеждая принять мою помощь. Почему я(!) знаю вас, но не знаю никого из младших Юсуповых?! Вас, которого они боятся признать, чтобы не отдавать главенство в клане!

Ого – сразу сериалы сестер вспомнились. Они потом еще плащи себе сделали из занавесок и чуть позже вместе, обнявшись, навзрыд плакали с шишками на голове от мечей-швабр.

– Не захотят – не отдадут, – добавил я сомнения в голос.

– Есть кое-что, – заблестел его взгляд. – Кое-что, что поначалу укрылось от моего взгляда, но сейчас способно обеспечить нашу победу. Максим Михайлович, прошу вас, отриньте тот негатив, что был между нами и прислушайтесь ко мне сердцем. Я могу, я способен помочь вам

обрести статус законного наследника. И я знаю путь, как вы можете возглавить клан, принадлежащий вам по праву крови и по праву силы.

– Какую плату вы за это видите? – Поинтересовался я, пряча взгляд.

Потому что ничего для себя хорошего он там вряд ли мог увидеть.

– Герб, – выдал он, ни секунды не сомневаясь. – Вы, как глава клана, вправе его выдать вашему верному слуге.

– Как же ваше нынешнее место работы? Клятвы? – Впервые стало мне действительно интересно.

– Их можно выкупить, – пожал он плечами. – Главе клана Юсуповых не составит труда это сделать.

Показательно, что если бы не мое замечание, вопрос клятв так бы и остался не прозвучавшим. И наивный мальчишка понесся бы гробить и расшатывать клан Юсуповых, в процессе сломав себе шею в нескольких местах.

– Я подумаю, – со всей серьезностью ответил я.

– Они вас обворовали, Максим Михайлович. Даже жизнь вашу, с самого рождения, отняли. Не оставляйте это просто так.

– Разумеется. Что касается моего рождения... Я могу посмотреть документы? – Словно принимая тяжкое решение, произнес я.

– Я вышлю вам копии нарочным. – Подумав, согласился он.

Интересно, сколько там будет правды? И есть ли правда в устах хоть кого-то в этом мире.

Здание мы покинули прежним образом, а обратный маршрут завершился в том же главном здании, но на этот раз в иной двери, находящейся в торце строения. Вояж завершился – наверное оттого я чуть расслабился.

Мы как раз шли через светлый коридор в сторону проходной, мимо дверей с однотипными табличками «Приемная». И так получилось, что створка одного из кабинетов была распахнута – дело обычное по такой теплой погоде. Окна им вряд ли разрешено открывать, а свежести хочется – хотя бы из коридора.

– Говорю вам в сотый раз, я тут совершенно не при чем! – Донеслось оттуда усталым, но таким знакомым голосом.

Я невольно повернул голову, проходя мимо. И немедленно встретился взглядом с Никой, сидящей в наручниках напротив сутулого и невзрачного следователя в годах. На мгновение мы столкнулись взглядами.

– Это он! Я же говорила, это! – Воскликнула она тут же с изрядной мстительностью.

Следователь лениво покосился на дверь и произнес с осуждением:

– Девушка, это заместитель начальника управления Имперской Службы Безопасности по Московской области.

Мы же с Борисом Игнатьевичем прошли дальше – таким же шагом, как и двигались до того.

– Нет, не этот! Рядом с ним!

– Послушайте, я уже устал от ваших выдумок и галлюцинаций! Я буду вынужден требовать вашего обследования у психолога и нарколога!..

– Вот с такими людьми приходится работать, – попенял полковник, вздохнув. – Аристократы.

– Вы с ними пожестче, – посоветовал я равнодушно, отчего выражение его лица на мгновение обрело оттенок неудовольствия, но тут же вернулось к уже привычно-благожелательному.

– Обязательно, – кивнул он, ускоряя шаг.

Напряжение схлынуло только в машине, вцепившись напоследок в мышцы так, что на коже сидения остались следы от пальцев рук.

– Вроде, на свободе. Прорвались, – подытожил я, медленно выдыхая воздух. – По лезвию прошлись, по самой его кромке.

Полковнику ничего не стоило поднять тревогу внутри архива, выставив все так, что его взяли в заложники. Да, честно говоря, у него было десятки возможностей сорвать всю эту авантюру – только вот на дно он пошел бы вместе со мной. На это и расчет... Главное, чтобы моим сотрудникам дали уйти свободно – схема эвакуации их из города уже разработана, только бы непосредственно на территории не прихватили.

Впрочем, сейчас Борис Игнатьевич явно придумал что-то новое, и есть шанс, что тут тоже все пройдет гладко.

До ночи оставалась уйма времени, а привыкший к планам и графикам организм откровенно бунтовал перед блаженным ничегонеделанием. По плану вечер занимал совместный поход в музей. Включив телефон, немедленно об этом напомнил.

– Вряд ли получится. Далеко и поздно. – Отказался Артем. – Вера приглашает чай пить.

– Ты только чайные пакетики свои бери, мало ли.

– Да ну тебя, – возмущенно фыркнув, отключился он.

Вместе с поданным в телефонный аппарат электричеством и сотовой сетью, в прибор немедленно просочились короткие текстовые сообщения от Игоря: «А если есть кусок торта, то где-то должно быть все остальное?» «Максим, я обыскал весь этаж, где остальное?» «Максим, на кухне тоже нет» «Максим, я вызвал сорок человек с оборудованием» «Мы начали демонтаж перегородок» «Максим, твоя шутка затянулась!» «Отлично,

теперь я должен ремонтировать все это гребанное Останкино. Где он?!».

– Давай домой, – обратился я к водителю, набирая ответный текст.

«Был просто один кусочек, честно».

«Нельзя говорить кусочек торта, если нет самого торта. Это противоречит нормам русского языка!!!»

Ах да, завтра же первым экзаменом русский – погрузил я. Второй – история, и тут надо будет почитать местные учебники. Программа-то обучения у всех вроде как одинаковая, но вот то, что написано в книгах от княжества к княжеству отличается, и порой очень сильно. Все князья отчего-то – победители и представители света и добра, что и торопятся донести местные типографии, за свой счет заменяя государевы учебники... В общем, нелишним будет узнать, кто добрый по версии Москвы.

«Извини» – и грустный смайлик Игорю в качестве оправдания.

Тот переживал трагедию минут пятнадцать.

«Максим, а если будет две жены, это ведь два торта?»

Он еще наверняка забыл, что свадебным тортом вообще-то надо делиться с гостями... Впрочем, какая свадьба без драки?

«Этот вопрос я буду обсуждать с тобой и твоей первой супругой».

«Я в семье главный!» – И даже в тексте чувствовалось возмущение.

«Вот с главным в семье и обсужу» – На чем оптимистично и завершил.

Дома разложил учебники, положил тетрадь для кратких записей, ручку и подошел к окну, вглядываясь в пасмурное небо над головой, подсвеченное огнями огромного города. Длинные черточки дождя покрывали стекла, а тихий рокот грозы слышался частью лета – пусть не ясного и солнечного, но теплого и тоже по-своему замечательного.

Я широко распахнул окно, впуская в комнату ветер, озорно подкинувший шторы, полиставший страницы учебника и обнявший ощущением свежести, от которого захотелось выйти на улицу и зашагать под теплым дождем, с волнительным ощущением понимая, что промокну до последней нитки. Мимо будут спешить люди, спасаясь от ливня под кронами деревьев, перебегая из-под козырька магазина к остановкам, пока тоже не поймут, что уже насквозь промокли – и неспешных пешеходов, улыбающихся теплой непогоде, станет больше...

Отчего-то вспомнились слова Бориса Игнатьевича о коварстве, совершенном кланом. О том, как ограбили и оставили без всего. О том, как не желают признавать сейчас, лишая положенного по праву крови.

Быть может, это правда – спокойно принял я такую возможность.

Но есть кое что, что они у меня не смогут забрать. Отданное, быть может, без желания. Быть может, с надеждой, что оно быстро исчезнет из

мира вместе со мной.

В небесах взревела гроза, расплзаясь ветвистыми молниями по громоотводам княжеских высоток.

Стихия заберет всех, рано или поздно – посмотрел я на все большее число людей, отчаянно мокнущих и все еще надеющихся добраться до дома сухими. Суета не изменит общего итога – всем им понравится.

* * *

В просторной комнате из трех стен и витражного окна от пола до потолка, было все для работы в двадцать первом веке: кресло, стол и компьютер, подключенный к глобальной сети.

Свет настольной лампы освещал клавиши, тихим шелестом откликающиеся на легкие и стремительные прикосновения девичьих рук.

Сама хозяйка неотрывно смотрела на монитор, правя текст-заготовку собственной речи с совершенно равнодушным видом, будто не теплые слова радушия и гостеприимства набирались ею, а сухая канцелярская бумага о списании материалов на совершенно бесполезное и бесперспективное дело.

Возможно, потому что так оно и было – не от всякого гостя был толк, а те, кто обещались с помпой прибыть завтра, были из самого бесполезного их числа, пусть и украшенного множеством титулов и богатой родословной.

Намечались очередные благодетели темного и варварского народа, желавшие менять бусы на золото. Сейчас, правда, это называлось совместным проектом по освоению шельфовой зоны, предполагавшим честное распределение обязанностей – с них советы и управление, с нас шельфы и деньги...

Не принять гостей – нельзя, а принять – потеря времени.

«...С какой радостью я рада приветствовать благородных потомков первого императора Испании...». Век бы их не видеть.

Девушка отвела взгляд от монитора и посмотрела через окно на город.

Тут, на высоте двух сотен метров, течение огней по широким проспектам и шоссе выглядело словно мерная индикация прибора, отражающего жизненное состояние организма. Будто спокойная и ритмичная синусоида кардиограммы, которую специалист легко расшифровывает на вид.

Было в увиденном что-то успокаивающее, отчего на девичьем лице,

подсвеченном белым отсветом монитора, появилась легкая улыбка.

«Все в порядке». – Толкнулось в грудь приятное тепло, словно у матери при созерцании спокойного дыхания спящего ребенка.

Тяжелый сектор города ей достался, с трудным и шепотным характером. Очень много денег, силы и не боящихся эти деньги и силы применить. А над ними – она. Может быть, даже хрупкая и слабая – впрочем, никто не поверит...

Девушка провела ладонью по лицу, затем достала крошечное зеркало и посмотрела на себя.

– Вид у вас, ваше высочество, – вроде как ворча, но с тайным удовольствием произнесла она.

Даже без косметики, снятой по вечернему времени, вполне ничего. И золотистые волосы, непослушно сбившиеся вперед, тоже устроили владелицу.

Настроение от таких незатейливых действий прибавилось, и к тексту она вернулась чуть спокойней и веселее.

Надо будет гостей по благотворительным мероприятиям провести. Пусть небольшую копеечку оставят, на многозначительные намеки о возможном сотрудничестве купившись.

До завершения работы оставалось что-то около получаса, когда сильный отзвук грома отразился легким дребезжанием стекол в окнах.

Девушка с досадой посмотрела на горизонт, забираемый тучами, и вдавила незаметную клавишу в рельефе стола.

– Да, госпожа? – Деликатно простучав, шагнул в помещение свитский.

– Георг, разберись с погодой. – Распорядилась она. – Завтра будут испанцы, мне нужен ясный день с утра и до позднего вечера.

– Госпожа, я уже осмелился задать этот вопрос, – замялся свитский.

Все-таки, некоторые слуги и их умение предугадывать желания – незаменимы. Но что за нотки неуверенности в голосе?

Молодая хозяйка города приподняла бровь, требуя пояснений.

– К моему сожалению, служба погоды ничего не может сделать в данном случае и просит вашего личного участия. Это не обычная гроза, – выразительно посмотрел Георг.

– Кто у нас из князей в городе, на это способный? – Вдохнула девушка, массируя виски и с недовольством глядя на сотовый телефон. – Хотя стоп, где центр грозы?

– Спутники показывают, в районе Большой Спасской.

– Так... – Сопоставила она карту города. – Ага. Отбой.

– Госпожа?

– Завтра будет ясно и солнечно, – не стала принцесса ничего объяснять, жестом отправив слугу из кабинета.

Он не умеет сердиться долго.

– Интересно, что на этот раз?.. – Ворохнулось слабое любопытство, тут же обернувшись нешуточной тревогой.

Девушка резко встала с места, подбежала к окну и заглянула сильно вправо, высматривая огни и очертания высоток Москва Сити.

– Стоят, – удовлетворенно выдохнула она.

«Как хорошо, что его высотка далеко!» – Пронеслось с облегчением. И тут же взгрустнулось, памятуя, как тихо и спокойно в последние годы стало в районе трех вокзалов. – «А может, плохо?»

Глава 18

Работа сапера не дает права на ошибку. Лишнее движение – и по ушам бьет отзвук близкого взрыва, сила ударной волны взмывает в воздух обломки, комя земли и металлический хлам, оставшийся от дрона-сапера, и проносит их мимо бетонного укрытия. Остается только стянуть с головы массивный шлем, утереть пот и покачать головой. Никто не совершенен, и мастерство вместе с опытом не гарантируют превосходства над злым умыслом.

В отличие от условно безопасного разминирования, правила русского языка оставляют человека с текстом один на один, в шерстяном костюме и шелковой сорочке, не способных ни от чего защититься. Рядом не будет напарника, не у кого спросить совета и попросить помощи – за этим проследят внимательно, с садистским удовольствием пресекая все порывы человечности и попытки помочь другу. Зато вам позволят ошибаться – раз за разом, в каждом слове, в каждом знаке препинания, в каждой небрежной черточке, выведенной черным на листе цвета человеческой кожи.

А затем – стоп, ручки отложить, листы на край парты... «Самойлов, начнем с тебя» – и «ай-яй-яй, это же простейшее сложноподчиненное предложение с однородными соподчинениями!». Но детонация накопленных ошибок не будет милосердной, не обернется мгновенной вспышкой и грохотом, за которыми последует чуть испуганная тишина и ощущение, что так или иначе все позади.

Нет, нет, нет – под мягкий, сочувствующий голос, взрывная волна станет медленно ломать пальцы пунктуацией, через наречия и союзные слова переходя от них к плечевым суставам и коленным чашечкам, обращая в месиво и фарш руки и ноги грамматическими ошибками, вскрывая живот и грудную клетку устойчивыми речевыми оборотами, показывая всю бедность и жалкость внутреннего мира. И бесформенным обрубком, уже жаждущим конца пытки, можно только простонать: «Людмила Семеновна, можно я перепишу?».

Я выдохнул и открыл глаза, глядя на экзаменационное задание перед собой. «Выделите предложения, где синонимическая замена придаточной части сложноподчиненного предложения причастным оборотом невозможна».

Пожалуй, близкий взрыв мины я переживу даже в костюме. Но это – вряд ли.

Ладно, отложим и перейдем к следующему. «Выделите прилагательные, которые выступают в роли части сказуемого».

Перевел взгляд чуть выше, а затем медленно обвел им класс, заполненный сосредоточенно пишущими свои варианты ребятами и девочками. Как они могут быть так спокойны, когда тут происходит такое?!

– У вас какие-то вопросы? – Поправила массивную оправу очков куратор сегодняшнего экзамена и по совместительству – цербер этой аудитории.

«Человек ли вы?»

– Нет-нет, все под контролем. – Перехватил я ручку поудобнее и попытался отразить на лице ту же уверенность, что у соседа справа.

«Из предложений выпишите подчинительные словосочетания со связью „примыкание“».

Ну вот, уже легче!

По лбу покатилась капелька пота. Ладно, сначала сочинение: «Проблема выбора жизненного пути». Да какая тут проблема – захотел стать императором, так создал свою империю и заставил с ней считаться. Это вам не сложноподчинённые предложения – тут все проще, если видеть цель и идти, пока дают идти. А если не дают – лететь, ехать на поезде, ползти, пока не переползешь тела мешающих, и можно будет вновь встать в полный рост.

Но текст все же выполнил по всем канонам, с отсылками на классическую литературу, пользуясь главным правилом: писать то, что хотят услышать.

Справился, считаю, хорошо. Заоднохватило времени вернуться к спорным заданиям и высказать свою точку зрения на их счет.

А самое приятное – никто мне не мешал. Ни криков в окно, ни попыток подорвать здание. Благостно.

Артема с его, похоже, постоянным сопровождением в виде Веры обнаружил уже вне здания, сидящим на мраморном бортике возле фонтана. Вид он имел траурный, под стать своему черному костюму, а во взгляде чувствовалась вся боль и обида, которую только может причинить бездушная машина образования выбравшемуся из леса медведю. Он к ним с добром – а они его палкой, дефисом и тире по голове...

– Он сидит и молчит, – вместо «здравствуйте» тревожно сообщила девушка, продолжая придерживать кавалера за руку. – Уже долго, почти пять минут!

На меня Вера посмотрела только мельком, да и я в ее внимании не

нуждался.

– Хм. – Пощелкал я перед лицом Артема, не добившись никакого результата. – Понятно.

– Что понятно?!

– Недостаток энергии, – присел я с другой от Артема стороны, достал из внутреннего кармана шоколадку. – Организм большой, энергопотери при стрессовой работе мозга заоблачные.

Девушка с недоверием проследила, как я снимаю этикетку и осторожно подвожу лакомство к лицу друга. Даже с возмущением – будто я над ним издеваться вздумал.

Стоило шоколадке достичь критической дистанции до носа, немедленно открылся пищеприемник и попытался уцепиться за лакомство. Но я опытным жестом отвел руку в сторону и вложил шоколад Артему в ладонь.

Тот сработал так, как обычно – по кратчайшей траектории вернул шоколад туда, где секундой раньше зазря клацнули зубы, и активно заработал челюстями.

– Ну вот, критический момент миновал, организм выходит на режим, – подытожил я, передавая ему новую шоколадку.

Хотя в таком состоянии Артем с одинаковым успехом пережевывает шоколад, карамель в обертке и кедровые шишки.

– А можно я? – Робко попросила Вера, протянув раскрытую ладошку.

Покосился на нее с сомнением, но все же постарался быть объективным. В конце концов, данные из лаборатории пока не пришли, и все с ней может быть действительно хорошо и прекрасно.

– Убери обертку и отдай ему, – вздохнув, согласился.

Та выполнила все ровно наполовину – с трогательной романтичностью вознамерившись покормить Артема с рук. А винить будут меня!

– Вера! – Одернул я.

Та горделиво приподняла подбородок и продолжила путь к отделению травматологии, глупости и хирургии.

Ладно, если девочка хочет покормить медведя, девочка покормит медведя – уже внутренне махнул я рукой.

Артем среагировал, как положено хищнику – сразу ухватив шоколадку под две фаланги пальцев, ее державших. Но, к удивлению, зубы не сомкнул, задумчиво подержав и отпустив назад. Шоколад, естественно, не вернул (а когда такое вообще было?).

«Это что же, у него все серьезно?» – Удивился я, сбрасывая с телефона набранный номер скорой помощи.

Вера, порозовев, смущенно отвернулась, платочком с милой розовой вышивкой украдкой оттирая пальчики. Артем же сделал хватательное движение рукой, ожидая новой шоколадки.

– Хватит тебе, – постановил я, не собираясь переводить НЗ.

– Максим, ну еще немножко? – заступилась за него Вера.

– Я его норму знаю, – отмахнулся от посягательств на мой шоколад и громко щелкнул у Артема рядом с ухом.

Друг восторженно, с шумом вобрал воздух, еще содержащий в себе приятные ароматы, выдохнул и посмотрел уже осмысленно.

– Максим, у тебя гаубицы с Сортировочной еще не уехали? – Спросил он чуть нервно, облизав пересохшие губы.

– Сразу видно разумного человека! – Обрадовался я, вновь доставая телефон. – Сейчас свяжусь с боевым расчетом.

– Стойте! – Спихнулась Вера, вставая перед нами и требовательно заглядывая нам в глаза. – Я не знаю, что вы задумали, но вы этого делать не будете!

– Не угадала, – отреагировал я, прислушиваясь к длинным гудкам.

– Артем, да подождите вы!

– Максим, подожди, – чуть поморщившись, попросил друг.

Со вздохом, положил трубку и скептически глянул на девушку.

– Средний проходной балл на «Мировую политику» в прошлом году был восемьдесят баллов! У вас за два экзамена почти по сто! То есть, если даже будет шестьдесят, то ничего страшного не произойдет!

– У меня девяносто девять по математике, – поморщился Артем.

– Но и русский ведь не на тройку? – Логично заметила Вера.

– Нет, не все так плохо, конечно, – провел друг ладонями по лицу. – Но там какая-то дикость. Вот что такое «синестезийная метафора», а? А «полипредикативные сложные предложения»?

– Понимание русского языка на таком уровне приходит примерно с восьмой-девятой кошкой. – Важно отметил я и был проигнорирован.

– Н-не знаю, – чуть испуганно произнесла девушка, и вот ее он услышал.

– Вот! И я не знаю! А это же русский язык, я же на нем разговариваю! – Возмутился товарищ. – Думаю на нем! Как такое вообще можно придумать, а? Зачем? За что?!

– Ты видел их зарплаты? – Привел я довод. – Может, они хотят, чтобы другие тоже страдали.

– А может, вас валят? – Пискнула Вера и замерла под нашими задумчивыми взглядами. – С-слишком высокие баллы? А мест – мало...

- Конверт был не вскрыт, – заметил Артем.
- Но это ничего не значит, – добавил я от себя.

Впрочем, к этой версии мы оба отнеслись скептически – не из-за того, что такого быть не может. Просто объяснять собственные сложности внешним заговором было настолько недостойно, что попросту не хотелось это обсуждать. Даже если злоумышляют – на то и голова на плечах, чтобы пройти испытание достойно. А если что-то пойдет не так – вовремя взорвать результаты.

– Значит, историю и английский надо сдавать идеально, – подытожил друг само собой разумеющееся.

С английским, в общем-то, точно проблем не ожидается – на нем Артем думать тоже способен. А вот история...

– Хотел предупредить – вчера читал местные учебники. Так вот, наше княжество в Стоянии на Угре не выигрывало.

– Чего? – Выразительно поднял Артем бровь. – А тогда что мы там делали?

- Были за монголо-татар.
- Да ну, – протянул он.
- Вот-вот, – поддакнул я.
- А скальп у нас тогда чей д... в музее? – Возмутился друг.
- А рядом чей скальп? – Напомнил я.

– Эти сами грабить полезли, когда мы казну хана Ахмата взяли! – Распалился Артем. – Да мне дед сам рассказывал!

Я взглядом показал на Веру, ошарашенно переводящую взгляд то на него, то на меня.

– Мы просто очень любим историю, – улыбнулся я ей вежливо и первым встал с бортика. – В общем, я предупредил.

– Возмутительно, – уже гораздо тише ворчал Артем, тоже подымаясь с места. – Я буду писать особое мнение! У меня источники!

- И скальпы. В музее.
- Да!

– Скальпы предков нынешних владык, – напомнил я. – Очень злопамятных.

– А нечего шкурами полы застилать, – чтобы не услышала Вера, совсем тихо шепнул Артем, не поднимая взгляда от дороги.

Потому что в том взгляде была такая ненависть, что даже мне стало немного не по себе.

– Очень вряд ли вам попадется такой вопрос, – тронула его Вера за руку, осторожно поглаживая сверху вниз.

И тот, вроде, оттаял, успокоившись и вернувшись к прежнему, веселому и обаятельному для своей более чем сотни килограмм мускулов состоянию.

Не знаю, как ему, но мне в итоге достался разбор периода европейской политики начала двенадцатого века – разумеется, уже после всех тестов на точное знание дат (иногда настолько странных, что невольно вспоминались слова Веры и Винни-Пуха, что это «ж-ж» неспроста). Память, впрочем, не подвела ни на простых заданиях, ни на заключительном, требовавшем от абитуриента написать эссе. Да и полезно это – знать прошлое человечества, особенно в практическом плане. Потому что меняются времена, совершенствуются технологии и средства производства, а вот люди остаются прежними. Свита вертит королями, фавориты опустошают казну, кланы ведут себя, как бандиты, которым дали на разграбление территорию, а решением всех финансовых проблем станет грабеж соседа. За экономическим чудом будет дешевый рабский труд, а жизнь человека легко сменяют на два ящика гвоздей.

В руке жалобно скрипнула ручка, сминаясь под нажатием пальцев. Я осторожно убрал ее в сторону, взял новую и вывел на первой строке аккуратным почерком: «Облеченный мудростью, император Византии Иоанн Второй Комнин, движимый заботой о поданных и величии государства, ратуя за равенство в торговле, постановил отменить золотую буллу о привилегиях Венецианских купцов». Так началась история четырехлетней резни за деньги и сверхприбыли, в результате которой логично победили те, у кого было больше золота на высокоранговых наемников – то есть, купцы. А вот мое эссе завершится примирением, устранившим внутренние недопонимания. И никаких вырезанных под корень двух Византийских городов и уничтоженных венецианцами конкурентов из Греции. Императоры не ошибаются (хотя бы в школьной программе). Но с тех пор определенно помнят, что титулы – титулами, но с теми, у кого реальная сила, необходимо считаться. Забывчивым, как показывает история, напоминали, не стесняясь.

После экзамена вновь пересеклись у фонтанов, на сей раз будучи в бодром и боевом настроении.

– Ерунда, – отмахнулся Артем. – Англия, Шотландия, кому до них у нас какое дело? Все по учебнику.

– На выставку пойдем? – Спросила, глядя на него снизу вверх, Вера.

Был пятый час вечера, плюс время на дорогу – о чем выразил сомнение Артем. К этому времени у нас в городе приличные музеи уже закрывались. Но в столице дело обстояло иначе, куда обильнее и

разнообразнее, как по количеству мест, так и по времени их работы, о чем ему было немедленно сообщено.

– Да ладно, как будто у нас дома некуда вечером сходить, – с небольшой обидой за родной город произнес Артем, демонстративно разыскивая на сотовом места для культурного отдыха в вечернее время.

Заглянул ему за плечо – на семнадцать тридцать нашелся прием к терапевту. Но лично я считаю, что там уже все лавочки заняты. Субкультура шестидесятых – этим всегда есть, о чем поговорить.

– Зато у нас тихо и спокойно. – Выключил Артем экран и невозмутимо двинулся вперед по дороге.

Так как двигался он не к парковке, а поправлять его не было особого желания, до места добирались пешком – вдоль Университетского проспекта, потом свернув на северо-восток до Воробьевского пруда, а оттуда через широкий проспект, чуть поплутав по улочкам, до приземистого скобообразного здания, исполненного из зеркального стекла.

– Достижения нашего факультета, – в голосе Веры добавилось уверенности, стоило нам шагнуть внутрь.

Надо сказать, товар был представлен лицом с самого порога. И был он не совсем таким, как мы с Артемом его представляли.

– Это точно робототехника? – Усомнился он раньше, чем это сделал я. – Не выставка оружия, нет?

Пожалуй, выставка оружия была бы победнее. Здесь же присутствовало вообще все, что может стрелять, плеваться огнем, резать плазмой и иными способами уничтожать противника – но к этому разнообразию в обязательном порядке была приделана механизированная рука, нога или на крайний случай колеса на радиоуправлении.

– Роботехника-робототехника, – закивала она радостно, как тот заяц.

– И мы все это будем делать? – Волнительно ворохнулось в груди. – И оно будет стрелять?

– Если поступите к нам, – завлекательным голосом прошептала она, главным образом обращаясь к Артему. – У меня еще для вас есть... Конспекты... – шепнула она ему на ушко, и парень поплыл.

– Конспекты – это хорошо, – автоматически ответил он.

Я выдернул товарища за руку, спасая, и повел внутрь экспозиции. У него, между прочим, обет поступления, а тут смущают всякие. Позади возмущенно проворчала Вера, тут же догнав нас и завладев рукой Артема.

– Ты смотри, пушка, как у Федора на роботе прошлой версии, – остановился я возле невзрачного экспоната лучевого оружия, пусть и стоящего на отдельном постаменте, огороженном ленточкой по периметру

площади размером в половину стандартной комнаты.

С виду – просто вытянутый конус полтора метра длиной в защитном окрасе с прикрытым колпаком выходом излучателя. Из полезной информации на табличке перед ним – только выходная мощность, скорострельность, дальность и точностные характеристики. И, разумеется, к нему была приделана механическая рука.

– Семь километров, шестьдесят киловатт, – хмыкнул Артем. – То-то она у вас постоянно перегревалась.

– Не постоянно, а первые дни, – поправил я. – Но да, на мобильной платформе вещь не самая практичная.

– Эта, как вы называете, пушка, – нарисовался тут вдруг сбоку господин в белом халате, с благородной сединой и золотой оправой очков, закрепленных столь же драгоценной цепочкой за ворот, – новейший боевой оптико-волоконный лазер, не имеющий аналогов в мире! И очень вряд ли, что он был установлен на каком-то роботе вашего уважаемого Федора. – Завершил он уже с ощутимым ворчанием и явно уязвленным самолюбием.

Так-то кроме нас особо людей не было, а разговаривали мы обычным тоном – мог и издали услышать.

Посмотрел на табличку – «Валентин Андреевич, ведущий инженер-технолог, заместитель проректора». В общем, спорить вредно и не имеет практической ценности.

– А их сколько всего было создано? – Задумчиво поинтересовался Артем.

– Не более пяти штук!

– Не более? – Удивился тот.

– Четыре, – как-то скомкано ответил он.

– Это, бесспорно, другой лазер, – поспешил я увести товарища в другой зал.

Тут еще Вера подозрительно смотрит.

– Ну откуда у нас боевой лазер? – Располагающе улыбнулся я.

Та стала смотреть еще подозрительней.

– А вот это что? – Переключил я внимание на новый экспонат, как и предыдущий, скрывающийся за слишком масштабным ограждением.

Да еще не одним – кроме ленты, натянутой меж стальных столбиков, было еще одно препятствие для излишне любопытных зрителей.

Внутри призмы из стекла, шедшей от пола до потолка, был серебристый то ли скафандр, то ли пилотный костюм, закрывающий хозяина с головы до пят – от удобных с виду ботинок на очень толстой металлизированной подошве до глухого зеркального шлема, в котором

отражалась полусфера зала с нами в центре.

И вот тут в составе изделия виделись вполне логичные для выставки сервоприводы и средства мышечного усиления, добавлявшие хищной и стильной конструкции антуража и воинственности. Красиво, к слову. И мой размер.

– Наша перспективная разработка, – хмыкнул позади Валентин Андреевич. – Костюм полной защиты. Идеальная конструкция – можно хоть в лаву, хоть на дно Марианской впадины. Био-оружие, боевая химия – хоть полной грудью дыши. Даже высокоранговые проявления Силы вплоть до уровня «ветеран»! – слышалась в голосе как законная гордость, так и отчего-то легкая тоска.

– Если бы не один недостаток, – эхом с грустью отозвалась Вера.

– Энергопотребление, – вздохнул он ей в тон.

Я восторженно и внимательно посмотрел на шилдик с описанием.

– Мегаватт? – Озвучил и мои наблюдения Артем, удивленно цокнув. – Это ж какой кабель должен быть?

– Но мы верим, что разработка перспективных систем аккумулирования энергии позволит преодолеть этот недостаток, – бодро, словно для рекламного ролика, отозвался Валентин Андреевич.

Ну, это понятно – это ж сколько денег они наверняка взяли на разработку данного чуда, а на выхлопе получили совершенно непрактичную конструкцию, которую только на выставке и показывать...

Хотя, мегаватт...

– Он продается? – Обойдя костюм, которому хотелось дать название «доспех», поинтересовался я.

– Нет, разумеется, – поправил проректор оправу на носу.

– Но их хотя бы не более двух? – Уточнил я с надеждой.

– Нет. Один. Очень дорого в изготовлении, – ответили с уже явным оттенком меланхолии. – Так бы можно было сделать версии попроще, но финансирование...

– А хотите, я оплачу? – Что-то мысль получить доспех в собственное владение становилась все завлекательнее и завлекательнее.

– Разработка – собственность императорской фамилии.

– А если..

– Нет.

– Ладно, – легко принял я отказ.

За что получил очень подозрительный взгляд – на этот раз от Артема.

На фоне доспеха, остальные экспонаты немного терялись, но обход двух этажей выставочного зала все равно оказался весьма интересным и

познавательным – о чем мы и сообщили в книге отзывов и предложений. Кое-что было знакомым – то мне, то Артему, семья которого профессионально занималась системами вооружения. Что-то действительно поражало полетом мысли и размахом желания уничтожения (с непременно приделанной механической рукой). В общем, два часа пролетели одним мигом.

– Всегда рады вас видеть. В том числе, на нашем факультете, – добавил напоследок Валентин Андреевич, для которого уже не было загадкой, что мы нацелились на два факультета, один из которых был ему родным.

Мы же заверили, что весьма рады знакомству и были бы рады оказаться студентами его университета – не уточняя, впрочем, направление обучения.

– Юноша! Максим, верно? – Попросил он меня задержаться уже у самого порога.

– Да, Валентин Андреевич? – Проявил я вежливость, наблюдая, как ребята выходят за порог, и нас отделяет входная дверь.

– Перегрев на пушке... М-м Федора, – замялся он, словно стесняясь продолжить. – Как вы сумели его преодолеть?

– Скорее всего, у нас иная пушка, – напомнил я.

– Да, но проблема может оказаться общей, – вымученно улыбнулся Валентин Андреевич.

– Артефакт на базе лазурита.

Проректор тут же изрядно погрузился – явно не его бюджеты.

– Хотите, дам на время?

Все равно та версия не используется – мы сквозные дырки в домах неделю людям латали...

– Это было бы очень... Очень благородно с вашей стороны, – обозначил он легкий поклон.

– Пустяки. Если хотите, то я могу и вовсе поменять его на тот ваш не особо удачный доспех...

– Нет.

– Ведь прорыв в производстве лазеров позволит открыть новые линии финансирования, и, скажем, десять дополнительных камней, а значит десять лазеров...

Сестер запрягу – пусть делают.

– Нет.

– На чертежи?

– Нет.

– Принципиальные схемы? А записи разработки? Да дайте мне его просто на день! – Возмутился я. – Нет?.. Ладно, через неделю пришлю камень.

– Поступайте к нам и сделайте лучше. – Поманил он напоследок.

– Это само собой, – будучи задумчивым, вышел я из здания и догнал ребят.

– Что он хотел? – Лениво поинтересовался Артем.

– Мелочи. Вера, а это здание – собственность университета?

– Нет, – недоуменно качнула она плечами. – Выставка всего месяца идет, все в аренде.

– И за экспозицию отвечает владелец помещения. Славно, славно... – Задумался я.

– Здание принадлежит семье императора.

– Скверно, скверно, – сменил я мнение и нахмурился. – Вера, а вот конструкторская документация, она наверное у вас под замком, да?

– Конечно.

– Но ты, как сотрудник деканата, там работаешь?

– Да, а что?

– Знаете, а вы такая красивая пара! – Сделал я комплимент.

После чего был вежливо отведен Артемом в сторону.

– Даже не думай!

– О чем? – Деловито уточнил я.

– Ты сам все понял! И вообще, мы с Верой сейчас на свидание.

– Отлично, я с вами.

– Максим, свидание – это когда двое! И в ресторане столик только на двоих!

– То есть, тебе девушка, тебе ресторан, а если лучшему другу нужны небольшая папочка чертежей – то сразу пошел прочь? – Возмутился я. – Не знал, что ты такой эгоист!

– Максим, не выноси мне мозг!

– Договоримся, что я просто попрошу у Веры немного содействия, – обозначил я пальцами совершенно крошечное расстояние. – Ну не на улице же об этом говорить! А наедине и завтра – ты же против будешь?

– Буду, – категорично кивнул Артем. – Седина в волосах ей не пойдет.

– Так что договорились? – Улыбнулся я. – В качестве благодарности я вам ресторан оплачу.

– Он и так для меня бесплатный, – буркнул друг, уже явно уступая.

– И ты собирался от меня это скрыть? – Задохнулся я деланным возмущением. – То есть, я его сегодня своим шоколадом откачивал, а он!..

– Все-все-все, я согласен. – Поднял ладони Артем. – А я сегодня опять завис, да?

– После русского языка, – подтвердил я кивком.

– Следовало ожидать, – задумчиво пробормотал товарищ. – А ты точно только шоколадом кормил? – Вдруг тронуло его беспокойство, а язык явно принялся отыскивать кедровые чешуйки между зубов.

– Вера подтвердит, – посмотрел я на него укоризненно.

– Вот! Несомненная польза от человека! – Поднял он палец ввысь и, чуть сутулясь, поспешил к девушке объяснять, почему свидание начнется с легкой застольной просьбы.

До заведения мы добирались на машине (к которой, предварительно, пришлось вернуться на такси – все же, почти четыре километра).

Ресторан находился на первом, довольно высоком этаже двухэтажного строения песочного цвета на Цветном бульваре, претендуя масштабной вывеской как бы не на все здание целиком. Хотя, конечно, по облику строения и его соседей, приезжому было бы крайне сложно определить, что это место, в общем-то, внутри Садового кольца и практически центр города, а не сонные окраины – уж слишком неброско выглядели постройки, которые подновляли ровно настолько, чтобы видимый налет старины не обратился свалившимся на пешеходов карнизом. Потому что если чинить всерьез – можно увлечься и запросто оказаться в бездушном новострое с пластиковыми окнами.

В общем, это уже потом, когда карта местности совместится с совершенно нелогичной малоэтажной застройкой, последует многозначительное «ого!», содержащее в себе понимание, как дорого может тут стоять квадратный метр площади, и насколько на это наплевать местным хозяевам, раз они не дают воткнуть рядом с собой высотку в разрешенные двенадцать этажей – просто потому, что она заслонит им небо и бросит тень на их окна.

В общем, заведение обещалось быть неплохим – явно не рядовым, по крайней мере. А еще тут была бесплатная еда, и это хотели от меня скрыть. Возмутительно!

– У нас заказан столик, – обратился Артем к распорядителю зала на входе.

А тот обаятельно улыбнулся, будто встречая любимое начальство, и жестом обратил наше внимание на довольно интересный факт, который не сразу попался на глаза.

– Сегодня наше заведение работает исключительно для вас! Просим выбрать любой столик, расположение которого придется вам по душе. – И

слова «вам и вас» звучали так, словно были написаны с заглавной буквы.

Зал же был абсолютно пуст – хотя играла живая музыка, укрывшаяся от взглядов посетителей за шторкой, горели всеми огнями хрустальные люстры, отражаясь теплыми искорками от разложенных на столах столовых приборов и меди настенных канделябров.

Довольно просторное помещение, всего на двадцать столиков – расстояние меж ними такое, что паре легко танцевать, а до соседей не долетит тихая беседа. Уютно, светло, без напускной роскоши. Под ногами наборный паркет серых тонов, резная мебель выполнена из темного дерева – в тон им стены, набранные из панелей темной вишни и украшенные нейтральными акварелями. Столы покрыты зелеными скатертями, на которых довольно симпатично смотрится белый фарфор посуды. В белых тонах исполнен и высокий потолок – тут, правда, мастер не смог удержаться от легкой позолоты, замахнувшись то ли на то, чтобы повторить потолки Эрмитажа, то ли на скромную роскошь большого Гатчинского Дворца. А за окнами, приподнятыми над дорогой, был виден парк – пока еще зеленый. Симпатично.

Что-то невнятно-восторженное пробормотала Вера, перемежая восторги тоскливыми взглядами на свое платье, которое то ли не соответствовало моменту, то ли было вполне приемлемым, так как никого все равно не было, а значит никто не обратит внимание, но это ужасно, что никого нет, потому что она тут, на свидании, одна на весь зал. В общем, это точно не переодетый мужчина, подсланный к Артему склонять к недоброму с последующим разоблачением, семейным скандалом и пятном на репутации.

– Ты опять думаешь про Веру что-то плохое, – шепнул неодобрительно Артем, обескураживая неестественной догадливостью.

Неужели я стал настолько предсказуем?

– Наоборот, вычеркнул одно из подозрений в ее адрес. – Поспешил я шепотом реабилитироваться.

– Там еще много, в твоем списке?

– Если начать зачитывать, до утра не завершу, – и первым прошел к центральному столу, расположенному напротив сдвоенных окон, а значит идеально освещенному.

– Меню, будьте любезны, – тут же по правую руку лег весомый томик с бархатной обложкой и цветными иллюстрациями на матовой и плотной бумаге.

– Вы присаживайтесь, – обратился я к Вере и Артему.

– Максим только на первую перемену блюд, – отчего-то уговаривал

Артем замершую у выхода Веру, взяв ее правую руку в свою.

– Мне неловко, неудобно, – прошептала она. – Может, лучше в кафе?

– Слушайте, ну какое кафе? – Возмутился уже я, обращаясь к официанту. – Значит, нам первую страницу целиком... Так... Еще вторую и третью. И компот. У вас есть компот? – Усомнился в уровне заведения.

– Есть из морошки, малины, плодов розовых цветов, земляники и брусники. Какой изволите?..

Вопрос повис в отзвуке закрывшейся двери и последующей тишине.

Вера и Артем ушли.

В душе поселилось маятное ощущение допущенной ошибки. Но с другой стороны, что за ерунда, в самом деле! Как будто заказывал только для себя, а не остальным, которым наверняка было бы интересно распробовать все по малому кусочку. Я ведь сказал им, что уйду после первого блюда, и никогда не давал повода сомневаться в своих словах.

Какая-то полоса разлада появляется всякий раз, когда этот представитель женского пола начинает действовать по-своему. Я положил лицо на ладони, чувствуя, что рассуждения бесполезны, свидание сорвано, а виноватым в этом оставят меня.

– Что-нибудь еще? – напомнил о себе официант.

– Достаточно, – отложил я меню в сторону, постаравшись насладиться одиночеством и видом осеннего парка перед собой.

Не бежать же за ними, уговаривая. От последствий ошибки тоже можно получать удовольствие.

– Желаете аперитив?

– Принесите лучше мороженое. Просто мороженое, – отослал я его жестом.

Расторопный персонал уложился в пару минут, поставив запрашиваемое рядом в аккуратной полукруглой чаше, сопроводив серебряной ложечкой.

– Это вам не кусочки с круглой наклейки, – пробормотал я отчего-то.

Попробовал – и понял, что кусочки с наклейки были вкуснее. Вернее, я не помню доподлинно, каковыми именно они были, но детство запоминает ощущение счастья, а не вкусовые оттенки.

Позади раздались звонкие шаги – словно что-то тяжелое несут, или специально акцентируют внимание... Шаги, впрочем, замерли ровно за спиной. Первое, быть может, принесли – и требуется посторониться, чтобы поставить аппетитную, пропеченную молочную свинку?... Тогда почему бы не обойти стол...

Я обернулся из любопытства. Стоит. Ника стоит. В черном вечернем

платье с глухим воротом, с высокой прической, на высоких каблуках, которые аккуратно цокают так звучно, с наборными браслетами на левой руке, упертой в бок, и перстнями на правой, в которой зажата вилка.

Не свинка. Какая досада.

– О, тебя уже выпустили, – я повернулся обратно к столу и принялся меланхолично доедать мороженое. Совершенно безвкусное, к слову.

Отличное завершение отвратительного вечера.

Справа проскрипел стульчик, подтащенный сильной рукой по паркету и установленный рядом. Ника уселась рядом, поставив локоток на стол и приложив пальчики руки к щеке.

– Собирайся, – глубоко вздохнув, выдохнула она слово. – Убивать тебя буду.

– Да ты рецидивист, – покосился я на нее. – Только вышла – и снова в тюрьму.

– А я, благодаря тебе, комиссию мозгоправов не прошла. У меня теперь и справка есть. – Улыбнулась она так красиво, что по спине невольно пробежались мурашки. – Я теперь аттестованный псих. Мне теперь даже в больнице работать будет нельзя. Из-за тебя!!!

– А ну цыц! Вилку погнешь! – Голосом одернул я движение руки, пошедшей на замах. – Ты что тут делаешь вообще?

– Так это мой ресторан, – вновь улыбнулась Ника.

– Хм. – Сопоставил я этот факт с обещанным бесплатным обслуживанием и сделал однозначный вывод. – Ты перед Шуйским так вину решила искупить? Seriously?

– Да. И судя по тому, что его здесь нет, ты опять мне все испортил. – Произнесла она с короткими паузами между слов, будто сдерживая рык. – Так что собирайся, хана тебе, мелочь.

– Я тебя всего на три года младше. И вообще, может быть, не совершеннолетний, – подцепил я ложечкой кусочек мороженого. – Тебе вообще не стыдно?

– Нет! О-о не-ет!

– Так, хватит улыбаться в мою сторону. Вон, прохожих пугай.

– Вставай и прими свою смерть!

– Не могу. Я ем.

– Так немного же... – Заглянула она нетерпеливо в мою чашку.

– У меня еще первое не принесли.

– Ладно, – подозрительно покладисто утихомирилась она. – Последний ужин – это святое.

– Я долго буду есть, – честно предупредил ее, памятуя о заказанном.

– Я подожду, – мягко вздохнула Ника. – Я столько ждала... И эти две ночи в холодном бетонном мешке, на рваном матрасе, пахнущем сеном и болью...

– Ты мне аппетит портишь, – укоризненно глянул в ее сторону.

– Официант! – Крикнула она. – Мне то же самое, что и ему.

– Но, госпожа...

– Ты слышал, Филипп!

– Сию секунду, госпожа.

– Ты столько не съешь, мать. – Неодобрительно отозвался я.

– Съем.

– С куриного бульончика бы тебе начать. – Проявил я участие, отмечая худобу на лице и в руках.

– Не беси меня!

– Да я на что угодно спорю, что не съешь, – примирительно развел я руками. – Не переводи зря продукт.

– На что угодно?! – Рыкнула Ника. – А выйти на задний двор и достойно принять свою смерть – входит в твоё слово?!

– Конечно. – Недоуменно качнул я плечом.

– Тогда я принимаю этот спор, – протянула она сероватую ладошку, сильным рукопожатием вцепившись в мою ладонь. – Честью и Силой клянусь!

– Но, госпожа! – Встревоженным голосом ворвался в разговор официант.

– Филипп, разбей! – Рывкнула Ника. – Или ты с ним за одно?!

– Слушаюсь, госпожа, – потерянной тенью самого себя, на полусогнутых, подошел он к столу и слабым движением руки обозначил начало спора.

– Подождем, – вновь улыбнулась Ника, оглядывая меня довольным взглядом. – На самом деле, все складывается очень удачно. Не пришлось тебя искать по городу, и все скоро очень удачно закончится.

– Как скажешь, – отложил я пустую чашку в сторону и сцепил ладони на животе. – Тебе, кстати, психиатрическую комиссию когда еще раз можно пройти?

Девушка заскрипела зубами.

– Ну, чтобы снять с учета там. Справку твою эту. – Затем присмотрелся к бешеному взгляду и задумчиво добавил. – Хотя могут и не снять.

– Шути, шути. Недолго осталось.

На самом деле, осталось действительно недолго – ровно до того момента, как в зал начали торжественно вносить щуку на блюде, котелок

жаркого и тарелку борща, буженину и утиную грудку, бесконечную вереницу салатов, расстегай, кулебяки и моего долгожданного поросенка с яблоком во рту – в двойных экземплярах. Филиппа среди официантов не было.

По мере того, как угощения занимали стол, менялось выражение лица Ники – от недоуменного, до ошарашенного, а затем до тихого ужаса осознания.

– Т-ты специально все подстроил, – прошептала она.

– Да неужели? – Посмотрел я на нее с осуждением.

– Но т-ты же тоже все не съешь.

– Так я же и не обещал все съесть, – заметил я логично. – А вас, госпожа официантов, никто не заставлял. Извольте к столу. – Затем обернулся к персоналу. – Ребята, салфеточки такие широкие, чтобы под ворот подвязывать, будьте добры. Госпожа ваша жрать изволит, как не в себя.

– А ну прекрати! – Взорвалась криком Ника.

– Ты тут покричи мне еще, – буркнул я. – Солидное заведение, утонченное. Ведете себя, как не леди.

– Максим, подожди, – оперлась девушка рукой о стол, будто боясь упасть от потрясения. – Это все была глупая идея. Я просто немного не в себе.

– Всего лишь хотела меня убить, мелочи, – отмахнулся я. – Вы, голубушка, с салатов начать изволите? Или с чего потяжелее? Рекомендую, кстати, щуку, – принял я. – Аромат от нее идет, хочу я вам доложить, расчудеснейший.

– Максим, я не смогу это все съесть, – сжав губы до белого цвета, произнесла Ника после ощутимой паузы.

– Получается, я выиграл? – Расстелил я салфетку на колени и приступил к дегустации столь завлекательного рыбного блюда.

Интересно, станет юлить? Хотя, Честь – она либо есть, либо ее нет. И никакой внутренней игры словами, сроками, когда есть ощущение определенности данного обещания, она не приемлет. Невозможно обмануть самого себя.

– Ты то зло, которое нельзя победить, – устало произнесла Ника. – Забирай ресторан.

– Зачем мне ресторан? – Прожевав аппетитный кусочек, уточнил я.

– Тебе же он нравится, я же вижу. И ты выиграл.

– Я выиграл, – подтвердил ей. – Но это не будет тем самым «чем угодно», которое я хочу.

– Тогда что? – Тускло сказали мне.

Я отложил столовые приборы, убрал салфетку с коленей и повернулся к Нике.

– Я хочу, чтобы ты меня простила. – Сказал я со всей серьезностью, чтобы не было и намека на усмешку.

Девушка подняла удивленный взгляд, посмотрела мне в глаза, явно отыскивая тот самый подвох, но была вынуждена признать, что я не шучу.

– Нет. – Отведя взгляд, мотнула она головой.

– Что – нет? – Ворохнулось во мне недовольство.

– Я не смогу тебя простить. Обещание надо выполнить. Я не могу обещать то, что не по силам. Я не прощу тебя, как невозможно достать Луну с неба. Проси что-нибудь еще. Но проси сейчас, потому что если я останусь жива, я постараюсь тебя убить. – И была в том ответе простая и спокойная решимость.

– Бывает, – вернулся я к ужину.

– Так чего ты хочешь?

– Я еще не решил.

– Когда решишь?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Но ведь сегодня?

– Хватит мешать мне есть! – Хлопнул я ладонью по столу. – Вон, борщ бери.

– Это твоё желание?

– Нет, но это поумерит твой голодный взгляд.

– Он не голодный, он злой.

– Смотри своим злым взглядом на свою щуку! А моя от твоего киснет.

В общем, таки попробовал от всего по чуть-чуть. Хорошо кормят, но дорого – под конец визита оказалось, что я не Шуйский Артем, потому привилегий и льгот мне не положено.

– Если нет денег, можешь уступить мне желание. – Похлопала Ника ресничками. – Или остаться мыть посуду на месяц-другой. Иначе я вызову полицию.

– Совсем одичала, – печально покачал я головой и расплатился хрустящими пятисотками, искренне надеясь, что наша с ней встреча на этом закончена.

Впрочем, на улице этот призрак в черном тоже решил сопровождать меня и ныть.

– Ты придумал? – Семенила она на своих каблуках в ответ на мой широкий шаг.

– Нет.

– А сейчас?

– Нет.

– Девушка, красавица, что ты за ним бегаешь? – Со смехом окрикнула нас веселая компания, шедшая по бульвару навстречу.

– Она предлагает мне что угодно, – буркнул я им. – А мне не надо.

– Да, и почему? – Заинтересовались они.

А потом вопрос сменился волной обжигающего воздуха, алым отсветом огня и криком боли компании, разбегающейся в разные стороны.

Резко прозвучал свисток городского, спешащего на происшествие. Но ему достался только емкий ответ «оскорбление аристократки» и небольшой шар огня, продемонстрированный в ее ладони. Что, в общем-то, завершило все расследование – это вам не преступление с разрушением императорской собственности и не огульные речи в его адрес. Слишком велика пропасть между сословиями, чтобы считать наказание за слова огнем – избыточным. Не убила, и ладно. А убила бы... Штраф и высочайшее постановление не появляться в Москве пару лет. Странные порядки, иногда дикие – ладно хоть аристократов настолько мало, что шанс нарваться на чужую обиду столь же мал, как провалиться в открытый колодезный люк. Результат столь же печален.

– А говоришь, Силу потеряла. – Попенял ей.

– Это не та Сила. – С заминкой, но все же ответила она. – Быть Целителем не смогу. Но тебя, уж поверь, прожарю медленно и с удовольствием.

– Вряд ли, – честно оценил я ее возможности. – Может, года так три назад...

– Я – «ветеран»! – Пригрозила она. – Почти «учитель»!

Солидный ранг, на уровне опытного армейского бойца, достигаемый им годам к тридцати. Но Артем с этим рангом был в четырнадцать, к примеру. Правда, он по-хорошему уникален, как бы не один из сильнейших в своем поколении. Тут же результат просто очень хороший – для ее двадцати одного года.

– Как-нибудь познакомлю тебя с одной барышней. У нее отвага хомячка и совершенно близорукая интуиция. Так вот, даже она не была столь категорична.

– Кто она такая? Что еще за барышня?

– Есть тут одна... К Артему привязалась.

– Хочешь, я ее убью? – Заступив мне дорогу, с готовностью и преданным взглядом посмотрела на меня Ника. – Тебе ведь важна его

дружба? А она наверняка мешает, да? Время его отнимает? Плохая девочка!

– Как же тут основательно кровля протекает, – оглядел я ее сочувственным взглядом, обошел сбоку и направился к остановке.

Такси вызывать опасно – буйная. А свою машину – жалко. Может, хоть общественный транспорт пожалеет.

Присел на лавочку, Ника села рядом, с осанкой королевны ожидая автобус вместе со мной. Помолчали, пощелкали по экрану телефонов, прогулялись до расписания и убедились, что автобусы нужного направления ходят раз в двадцать минут, и скорее всего прошлый уехал совсем недавно.

– Послушай. – Произнесла Ника. – Давай, ты захочешь, чтобы я уехала далеко-далеко? А я не стану тебя потом искать.

– Нет, – сухо ответил я.

– Тогда почему просто не загадаешь, чтобы я тебя не убила?

– Потому что ты и так не сможешь этого сделать.

– Значит, я не смогу отомстить, – грустно шмыгнула она носом, на этот раз отчего-то поверив. – А завтра ты пропадешь, и данное, но не исполненное слово станет высасывать из меня Силы. И так талант потеряла... Теперь Силы лишусь... А еще я сумасшедшая по документам... Кому я такая нужна?!

– Ну, слушай, не плачь, – толкнулась забота в сердце. – Ника, ты чего? Все у тебя будет хорошо.

– Не бу-удет! – полилась соленая вода по щекам.

– Как не будет, если будет! Ну, улыбнись! Молодец! Покажи зубки. Вот видишь – целые, все на месте! Не старая еще! Найдешь себе кого-нибудь!

Никогда еще не был так близко от человека, готового пойти на клятвопреступление. Но Ника, вроде, удержалась.

– Хана тебе, Максим. – Тыльной стороной ладони убрала она слезы, вновь возвращаясь к облику холодной и чуть деспотичной леди. – Дотянусь я до тебя. Хоть как, но дотянусь.

– После того, как я придумаю желание. – отметил я очевидное.

Потому что иначе выйдет то самое клятвопреступление. То есть, стыд и позор с потерей чести и силы – даже если я сопротивляться не буду, завершить атаку она просто не сможет. Рассыплется техника прямо на руках. Оттого, в общем-то, подтрунивать над ней можно без опаски – стержень (он же стоп-кран) в ней все же есть, а легкая злость полезна для бодрости молодого организма.

– Я с тобой до твоего дома дойду, – уже спокойным тоном пригрозила Ника. – Спать не дам! Определяйся с выигрышем.

– На что вы вообще рассчитываете, когда принимаете такие пари? – Произнес я в воздух риторический вопрос, отмечая нужный автобус в конце улицы.

– На вселенскую справедливость!

Я поднялся с места и подошел к дороге, чтобы автобус ненароком не проехал мимо – кроме нас ведь никого. Район такой, что люди на своих машинах, либо на метро – оно тут близко.

– Могу признать, что она работает. Послезавтра утром придешь. Будет тебе задание.

– Договорились, – успокоенно выдохнула девушка.

Двери сомкнулись за спиной, оставляя на остановке одинокую и хрупкую фигурку девушки, которая даже не понимала, как же ей повезло проиграть.

Глава 19

Движение приближает к цели. Очень быстрое движение, вдобавок, ускоряет остальной мир и цель, запрятанную где-то в будущем. Но все это не работает, если движение представляет собой нервное вышагивание из стороны в сторону с периодическими взглядами на крыльцо главного здания университета.

– Ты не мог бы ходить во-он по тому бортику, – лениво попросил я Артема, мельтешащего перед взглядом.

Сегодня он был один – Вера занята на телестудии. Причем, пришел гораздо позже меня – а нервничает, будто с рассветом явился.

– Зачем? – С заминкой замер товарищ на половине шага.

– Хотя бы изобразишь солнечное затмение, – прищурился я на бортик и стоящее над ним солнце. – Положение головы будет примерно на нужном уровне.

Почти половина двенадцатого, позднее лето – если взять точкой наблюдения шезлонг, на котором я сидел, и сопоставить с суммой высот бортика и роста Артема, получался аккурат проход круглого объекта перед солнечным диском. Такой глобальной тени, разумеется, не получится, но хотя бы не так скучно.

Во всяком случае, все имеющиеся у нас темы мы уже обсудили. Например, причину, по которой я заранее не занял место на площади, как двумя днями ранее – мол, сейчас туда просто не подойти, а если пробираться силой, не ровен час, можно кого-то задавить. Тот самый случай, когда единожды оказанную услугу хотят превратить в обязанность: у некоторых это получается неосознанно – просто так устроены и привыкли мыслить.

Проще проигнорировать, указав на самую главную причину, почему я тут, в тени яблонь, на принесенном с собой плетеном кресле, а не там, на пяталке перед металлическими штырями, до которых двумя днями ранее никому не было интереса.

Все дело в том, что пространство перед главным входом напоминало стратегическую высоту времен очередной феодальной смуты – то ее займут одни, то продавят, оттесняя в сторону, вторые, то накатят дружной и галдящей волной третьи, раздвигая конкурентов клином взволнованной родни. Чувство неопределенности требовало ответов, причем – чем быстрее, тем лучше, и если не получается немедленно – то хотя бы узнать в

первых рядах.

Естественно, никаких высокородных в толпе – эти внезапно вспомнили, что для решения проблем существуют слуги, и вообще их появление – милость для окружающего мира, а не часть банальной повседневности. Хотя группа репортеров, скучавшая на краю площади, явно об этом сожалела, настроившись на былое изобилие. Разве что изредка щелкали затворы фотоаппаратов, поймав в объектив симпатичную девушку, коих тут было немало. Но это не для работы, для души...

Вывод: никакого смысла ожидать, теснясь в обильно потеющей толпе, оттаптывающей ноги друг другу, не было. Один только урон здоровью и внешнему виду.

– Что ж они результаты-то не выносят... – Остановился все же Артем на месте, заложив ладони за спину и легонько раскачиваясь с пятки на носок.

– Да присаживайся уже, – указал я на точно такой же шезлонг рядом с собой.

Всего их было два. Кроме того, присутствовал пластиковый столик с пакетированными напитками, несколько сумок на траве рядом со всяким разным – габаритами от бытовой холщовой сумки до серьезного на вид баула, поставленного по левую руку от меня. Сам я предпочел так же левый край, поближе к площади, чтобы силуэт товарища по соседству не загораживал вид. И да, я подготовился.

Разумеется, можно было бы разместиться куда скромнее – например, заранее забронировать одну из скамеек. А потом почти сразу же ее освободить, под укоряющие взгляды старшего поколения. Потому что как иначе?

В общем, скамеек мало, желающих много, а вот шезлонги – уже частная собственность, что признали даже городские, спрятав скромную взятку в широких ладонях. Хотя взгляды из толпы все равно были самые алчные – но пока что их обладатели ходили кругами, как тот откормленный кот возле воробьев: вроде бы и необходимости особой нет, но хоть из принципа...

– Я лучше постою, – скептически оглядел Артем конструкцию шезлонга.

– На, читай, – протянул я ему бумажку, до того лежавшую в кармане белоснежной безрукавки.

Теплая погода заставила расстаться с душными пиджаками и меня, и Артема. В остальном же дресскод соответствовал торжеству и мрачности момента – такой же черно-белый, как и вчера.

– Это чего? – принял он сложенный пополам листочек, разворачивая и тут же вчитываясь.

– Сертификат качества на лежак. Триста килограмм допустимой нагрузки, гарантия производителя! – Озвучил я то, что было написано перед его взглядом.

– Ну, может быть, – признал он неохотно, завершив читать, и с легким скепсисом оглядел конструкцию.

– Что значит «может быть»? – Возмутился я. – Видел синюю печать ОТК? А производителя?

– Да я как-то брал один похожий в аренду... – Буркнул Артем, все же осторожно приседая на конструкцию. – Потом частями возвращал...

Та жалобно скрипнула, но все же не бросила тень на фамилию мастера-приемщика. И даже после того, как нагрузка равномерно распределилась по площади, выдержала с достоинством. Разве что было еле слышно, как ножки шезлонга медленно утопают в мягкой земле...

– Так, это была плохая идея, – почувствовал движение грунтов под собой Артем.

– Спокойствие! – Осадил я его. – Сваи глубоко не уйдут. То есть, ножки.

– Оно еще погружается... Хотя нет, вроде все. – Поерзал немного друг, с легкой опаской прислушиваясь к ощущениям.

– Теперь под тобой объект капитального строительства. Не подавай виду – у нас разрешения нет, а штрафы дикие.

– Да ну тебя, – чуть нервно фыркнул Артем, осторожно дотягиваясь до литровой упаковки сока с зацепленной сбоку пластиковой трубочкой и так же медленно возвращаясь обратно. – Хотя, спасибо. – Все же признал он удобство, делая первый глоток. – Комфортно. Только все равно странно, что приходится ждать.

– Восемнадцать минут до половины двенадцатого. – Сверился я с экраном небольшого сотового телефона – на этот раз обычной серой «звонилки».

Основной телефон был выключен и дожидался в машине. Потому что не стоит давать подсказки соответствующим службам, храня личный и рабочий телефоны в одной точке.

– Но в прошлый раз вынесли даже раньше! – Возмутился Артем.

– Тихо, – шикнул я на него, реагируя на тихую вибрацию входящего звонка кнопочной трубки.

Ну наконец-то!

– Але? Слушаем!.. Ах, каков подлец!.. Какая квартира?.. Немедленно!

Ожидайте!

Отключился, умиротворенно положил телефон на столик и забрал оттуда свою упаковку сока.

– Это кто? – Не удержался от любопытства товарищ.

– Да так, – отмахнулся я.

И тут же был вынужден отложить сок и отвечать на новый вызов.

– Але! Да, полиция. Так-так-так. Квартира? Разберемся, гражданочка! – На этот раз чуть более грубым, уверенным голосом произнес я и нажал на отбой.

– Максим?

– Да что такое-то! – Возмущенно отреагировал на новый звонок, последовавший практически сразу. – Пожарная служба слушает! Так! А мы тут причем?.. Десятый этаж? Лестницу вам подать? Никак невозможно!.. Я прекрасно слышу, кто вы! Но все экипажи заняты! Именно! Снимают любимого кота графа Шереметьева с дерева!.. Вот и жалуйтесь графу!..

– Ну и хамство, – поделился я с другом, возмущенно откидывая трубку на шезлонг рядом с собой.

– Максим!

– Что? А, да это Ника, – отмахнулся я. – Я ей дверь заварил.

– Нет, не то, чтобы я хотел ее защитить, но... – Скорее, с любопытством, чем с осуждением протянул друг.

– Это самооборона! – Категорично постановил я. – Двадцать минут назад она заказала такси до университета. Считаю это прямым и недвусмысленным доказательством акта агрессии.

Потому что проигранный спор вообще не влияет на ее желание испортить мне жизнь. Наоборот, значительно усугубляет. А тратить выигрыш на банальное «не мешай мне поступить» – пф...

– Я так понимаю, она уже поняла, что такси не приедет. – Хмыкнул Артем. – И насчет двери – тоже. Только чего она тебе звонит?

– А я все ее звонки на свой номер завел.

– А я смотрю, она у тебя не очень умная.

– Да нет, умная. Наивная просто, доверчивая. – Даже с некоторой теплотой отозвался я.

И телефонная трубка ожила в очередной раз.

– Так... – С любопытством хмыкнул я. – Ну не в службу газа же звонит... Алло?..

– Привет, пап, – раздался тихий и подавленный девичий голос в трубке. – Я не хотела тебя беспокоить... Я действительно думала, что справлюсь... Просто сейчас это зашло слишком далеко...

– Что случилось, солнышко? – Постарался изобразить я мягкий баритон ее отца и заботу в голосе.

Но вместо ответа отчего-то получил настороженное молчание. Где я мог провалиться?! Прозвище?!... – вспыхнула догадка.

– Ласточка, почему молчишь? Радость моя? Котенок? Ягодка? Зайчик? Малыш? Принцесса?... Бусинка? – Осторожно предположил я.

– Максим, скотина, это ты?

– Тигренок?

Звонок оборвался под звук удара пластика о бетонную стену.

– Сами звонят, сами трубку бросают, – буркнул я, убрав телефон.

А затем, не удержав порыва любопытства, вернул обратно, тут же набирая по памяти одиннадцатизначный номер.

– Алеу? Еремеев Сергей Олегович? Это вас с отдела статистики и социальной защиты беспокоят, у вас будет минутка?.. Большое спасибо! Мы проводим опрос, как вы называли свою старшую дочь в детстве. Так-так, записываю. «Не твое собачье дело»? А вы знаете, что с таким прозвищем ребенок может вырасти злым и агрессивным? Але? Але?... Ну и семейка, – осуждающе покачал я головой.

Тут же отсоединил аккумулятор телефона, достал сим-карту и сломал ее пальцами, а затем сложил все в холщовую сумку слева от себя.

– Можно один вопрос? – Подал голос Артем, до того внимательно прислушивающийся и что-то обдумывающий.

– Ага.

– Как у тебя вообще могла быть девушка?

– Не знаю, – честно пожал я плечами. – Кормишь вкусно, потом сама из дома не уходит.

– М-да... Я, кстати, с Ники требовал, чтобы она к тебе не лезла. Она согласилась, но с условием, что ты не начнешь первый.

– Это в довесок к ужину в ресторане требование? – Все же дорвался я до сока.

– Значит, вчера вы там и встретились. – Сделал вывод Артем.

– Угу. Чего, кстати, ушли? – Лениво поинтересовался я, сделав глоток.

– Вера не захотела остаться. Считай, сбежала. А я – за ней. Чуть подальше нашли кафешку, кофе попили. Так что нормально все.

Отпущение вины на княжеский манер. То есть, не в претензии.

– Я тоже вкусно поел, – подытожил я воспоминания о дне ушедшем и вновь уточнил время на экране телефона. – Ладно, двенадцать почти. Еще минут сорок, наверное, до результатов. Ты ведь дождешься?

– Дождусь. Почему сорок?

– Да там черновой вариант протокола потерялся. – отложив сок, присел я на шезлонге. – Считай, пришлось каждую работу брать заново и выписывать отметку. А их там... Много, в общем. И ведь обнаружили только утром, представляешь?

– А чего это он потерялся? – Посмотрел на меня Артем с подозрением.

– Ой, да было бы о чем переживать! Там у тебя все равно пятьдесят два балла, а у меня пятьдесят четыре.

– Чего?! – Пронесся рев над площадью, спугивая птиц с веток, молодежь – с бортика фонтана, а вороватую бабусю заставляя отпрыгнуть от клумбы с цветами.

– Тихо ты, – шикнул я на товарища. – Пропал тот протокол. А в работах у нас семьдесят шесть и восемьдесят два. Их и перепишут набело.

– У кого семьдесят шесть? – Взволнованно приподнялся Артем, опершись на правую руку.

– Вот ты это и выяснишь, если дождешься.

– Максим, это нечестно! – Возмутился он.

– Но мне действительно нужно уйти. А чтобы тебе было нескучно ждать, вот тебе спутник. – Нагнулся я к самому крупному баулу, вжикнул замком и принялся осторожно извлекать содержимое.

– Манекен?! – Приподнявшись и заглянув мне за плечо, удивился друг.

– Побольше уважения! Это заслуженный манекен, у него, между прочим, два пулевых отверстия в затылке. – Проворчал я, аккуратно размещая его на своем месте.

Одет он был точь-в-точь, как и я – туфли, брюки со стрелочкой и безрукавка. Внешностью, тоже следует отметить, походил очень близко – особенно, если смотреть издали и без спецтехники. Во всяком случае, цвет кожи и даже спокойная мимика лица смотрелись весьма убедительно, а не как у его коллег из магазинов одежды. Только вот глаза выдавали – но мы их сейчас черными очками прикроем, из того же баула выуживая. И на всякий случай – кепочкой волосы примнем, чтобы совсем все хорошо...

– Максим? – Холод и строгость в голосе Артема переводили слово в требование-приказ объясниться.

Простым текстом это прозвучало бы, как «Два пулевых отверстия? Какого демона? Кто?! И ты молчал?!». Но эта их высокородная экономия на словах и буквах...

– Этот город редко кого принимает сразу. – Посетовал я на внешние обстоятельства.

Двух предшествующих манекенов вообще разорвало на куски, вместе с машиной и грузовым вагоном... Ему незачем об этом знать, да и мстить

теперь тоже некому. Уже некому.

– А как же... – пожевав нижнюю губу и что-то напряженно обдумав, произнес Артем. – Как же твои дороги, которые ты строил? И эти... Хозяева города? Где был их порядок?

– Оказанная услуга ничего не стоит, – критически оглядев получившуюся из манекена и шезлонга композицию, признал ее вполне удовлетворительной и принялся деловито сворачивать освобожденный баул. – Честно говоря, наплевать им на эти дороги. Вот как первая машина проедет по асфальтовому покрытию, так тебя и забудут, если соберешься строить или ремонтировать.

– Максим, я же видел их отношение, слышал слова их слуг, – слышалось раздражение в его тоне – как и всякий раз, когда происходит что-то непонятное и выбивающееся из его понимания.

– А? Так я же не просто так дороги делал, – завершил я возню с сумками и выпрямился, держа в руках объемистый сверток. – Я под каждой закопал несколько десятков кладов, а координаты – записал. От миллиона до десяти миллионов рублей, банкнотами в герметичных контейнерах. Плюс контейнеры-обманки, в огромном количестве.

– И зачем это? Какая связь... – Нахмурился друг.

Но в его глазах я уже видел легкое мерцание понимания – пока еще робкое, не готовое поверить.

– Затем, – присел я на дорожку. – Что случись недопонимание между нами, и первые координаты попадут в сеть. Потом вторые. А потом я даже не стану ничего выкладывать. Незачем. Все дороги и без этого превратятся в лунный ландшафт, разбитый поисковиками. И мои дороги. И чужие дороги. Все встанет намертво, вся Москва.

– Они ж тебя в порошок сотрут? – Округлил глаза Артем.

– Попытаются, – равнодушно пожал я плечом. – Но от гнева деда это их не спасет. А кто пустит неудачника на престол?

– Первый же ремонт, прокладка труб, строительство перехода и...

– И моя строительная компания получит новый подряд, – оглядел я толпу и взглянул на часы. – Мера непоправимого ущерба, который ты готов нанести, определяет степень уважения.

– Ты перегибаешь палку, – поморщился Артем, массируя виски и явно пытаясь разобраться, что ему делать с этой информацией.

– Да ну? – Скептически посмотрел я на юношу, в одиночку способного уничтожить городской квартал. – И по какой, позволь спросить, причине враги улыбаются твоему отцу?

– За нами целое княжество, Максим. Это не то же самое, что один раз

громко хлопнуть дверью и уйти в небытие. – Все же, склонился он жесткому неодобрению моих действий – и в голосе, и во взгляде.

– О, не беспокойся, – сменил я тон на беззаботный и широко улыбнулся. – У меня богатые планы на жизнь, а дверей в ней ожидается немеряно..

– Не паясничай! Я поражаюсь твоему легкомыслию! – Возмутился Артем.

– Это говорит человек, рядом с которым манекен с двумя дырками в голове. – Посетовал я в ответ. – Тебя не смущает его присутствие рядом? – Полюбопытствовал я.

Осознание этого факта пришло к Артему, наверное, только сейчас. Вон как опасливо глянул на соседний лежак.

– На тебя готовится новое покушение?

– Ага. – Вновь глянул я на часы. – Планируется зверское убийство. В общем, сейчас по любому Ника заявится, я считаю. Никакая дверь не удержит. И лучше на моем месте будет он. Жалко, конечно... – с сожалением глянул я на полноростовую куклу.

– Нику?

– Да не, что с ней будет? – Отмахнулся я, собираясь уходить. – Сорвет злость, успокоится. Адреналин, польза для здоровья.

– Когда-нибудь ты доиграешься, – все же оставил Артем за собой последнее слово, высказавшись с явным неодобрением.

Но с лежака не встал и насчет молчаливого соседа не возразил. Ну и отлично.

Пусть время в архивах исходит только сегодня вечером, но встречу Борис Игнатьевич назначил на час дня, заманивая упоминанием обещанных бумаг по моей кровной родне. Уверен, большую часть материалов по ним он в архив так и не вернул, не смотря на все обещания. Кое-что, разумеется, положил на полки, но основной пакет информации определенно станет предметом торга, манипуляций и давления.

На этот раз встреча была в небольшом кафетерии в трех кварталах от рабочего места полковника – подальше от центра, элитарности и случайных встреч. Даже парковка тут была не отдельной, а являлась частью дороги к деловому центру средней руки, работники которой и составляли основную публику, не особо торопящуюся возвращаться на рабочие места с обеда. Плотные расставленные столики, мерцание телевизоров по углам и ненавязчивая музыка, которая совсем не совпадала с изображением на экранах. Запахи кофе и сигарет, мерное гудение вытяжки и звон стальных ложечек о тарелки. В общем, как и во многих других местах города, самым

интересным в заведении оставались люди – в той их отчаянной и энергичной ипостаси, которая сочетает прозрачные пластиковые стаканчики с кипятком и разговоры о выборе «Порше».

– У ваших сотрудников поддельные документы, – встретило меня многообещающее приветствие.

Никаких обещанных бумаг у Бориса Игнатьевича с собой не было. Более того – ни сумки, ни папки с собой, в которой они могли храниться. Да и начало разговора ломало ожидаемый сценарий беседы.

– Я знаю.

Полковник вопросительно поднял брови, ожидая продолжения такой откровенности. Но я был тих и не стремился завладеть инициативой.

– Это нарушает наши договоренности. Я вынужден задержать их на несколько суток, до выяснения личности. – Вновь совершил он подачу, ожидая реакции.

– Не желаете уточнить личности у меня?

– Не желаю! – Жестко постановил он. – Вас могли ввести в заблуждение! Вы отдаете себе отчет, что это могут быть агенты иностранного, враждебного государства?!

– Так это что же получается, – изобразил я растерянность. – Если все всплывет, вас повесят за государственную измену?

Борис Игнатьевич нервно поерзал.

– Мы должны удостовериться, что с ними все чисто, – произнес он в итоге. – Это займет не более двух недель.

– Это ваш долг, – согласился я.

– Ваши люди побудут у нас в гостях, – подытожил Борис Игнатьевич, расслабляясь.

– Вряд ли, – усомнился я.

– Максим Михайлович, вы же только что согласились с такой необходимостью, – посмотрел он с укором, словно на недоросля, возражающего умным советам старших.

– Проверяйте заочно.

– Чтобы они сбежали?

– Но, Борис Игнатьевич, – смотрел я на него честным и открытым взглядом. – Они уже не в стенах вашего ведомства.

– Что значит... – Запнулся он на половине фразы и посмотрел совсем недобро.

– Вы же не станете давать команду на розыск? – Продолжил я таким же безмятежным тоном. – Столько неудобных вопросов получится, право слово. Причину придется выдумывать.

– Это бред и фарс, – фыркнул полковник. – Я их не выводил. Кроме меня, ни у кого таких полномочий нет и быть не может.

– Сами вышли, – похлопал я ресницами, а затем ответил столь же жестким взглядом. – Вы знаете, иногда я удивляюсь тотальному пренебрежению низовым персоналом, который моет ваши полы, подметает ваши улицы и убирает за вами грязь. Никто не отличает узбеков от киргизов и таджиков. Китайцы, казахи, калмыки, буряты – вы же живете с ними бок о бок, но даже не пытаетесь разобраться в акцентах и традициях. Взять хотя бы ваших дворников, прошедших все степени проверки вашей же службы безопасности. Как их зовут? Как звучит их голос? Какого цвета глаза, которые они угодливо прячут, улыбаясь и встречая вас поклонами? Не злитесь, Борис Игнатьевич, этого не знает даже охрана на проходной. Мои люди вышли по своим пропускам вчера вечером. Я прощаю вам недостаток времени в архивах и сегодня же сообщу наверх, что не имею к вам никаких претензий. Я нашел то, что искал.

В силуэте Бориса Игнатьевича, замершего недвижимой глыбой над столом, за это время не произошло ни единого изменения – будто даже не дышал, воспринимая даже не информацию, суть которой улавливалась даже краем уха. Он словно пытался запечатлеть мой образ целиком, отпечатывая его в своей душе диким порывом ненависти.

– Я желал, как лучше, – проговорил он, словно с трудом ворочая языком. – Со мной можно было договориться.

– Я открыт для предложений. – Чуть отклонился я назад, увеличивая расстояние и стравливая напряжение конфликта.

– Пожалуй, нет, – тяжелоувно уронил Борис Игнатьевич. – Дальше мы будем сотрудничать на моих условиях.

– На предмет чего? – Полюбопытствовал я.

– Общество узнает о вашем происхождении. У меня есть рычаги и возможности. Ваше желание меня не интересует.

– Признаться, я равнодушен к кровной родне, – пожал я плечами. – Свара за власть, знаете ли, не привлекает абсолютно.

– Тогда у вас для этого есть легкое решение, – тоже отклонился на спинку стула Борис Игнатьевич, сложив с сытым видом ладони на животе. – Отрекитесь от родства официально, это несложно. Буквально несколько фраз при более-менее представительном стечении народа, и никакого более отношения к княжескому роду Юсуповых вы иметь не будете.

– Вот как? – Разбавил я паузу после явно недосказанной фразы ничего не значащим вопросом, приглашая завершить свою речь. В содержании

которой, впрочем, не было ни малейшего сомнения.

– А потом вас сожрут, – улыбнулся полковник настолько демоническим оскалом, что сразу был виден первый едок. – Ваша родня наплодила столько врагов, что оттоптаться по их родной крови захотят все. Это будет очень долгий, очень мучительный процесс, в котором захотят поучаствовать столь многие, что на некоторое время ваше тело, еще способное испытывать муки, будет весьма ценным товаром, перекупаемым из пыточной в пыточную за очень серьезные деньги. Но беспокоится нечего, ваша отверженная родня не позволит расправе длиться слишком долго и милосердно перережет вам глотку. Вам понятны перспективы, молодой человек?

– Получилось очень выразительно, – согласно качнул я головой.

– Разумеется, я смогу защитить вас... Но не стану, – вновь улыбнулся он, но хоть не столь жутко на этот раз. – Мне вы, безродным, не интересны.

– Намеряете, что клан позволит кому-то манипулировать наследником первой линии? – Приподнял я бровь.

– Что вы, – развел Борис Игнатьевич руками. – Какая манипуляция? Исключительно – трепетная дружба. Вы же примчитесь ко мне сами, когда осознаете, что быть наследником без поддержки – это страшнее всех пыточных мира. – Изобразил он доброго дядюшку.

– Так-так-так, – присел я поудобнее, с любопытством ожидая обзора новых перспектив недолгой и мучительной жизни.

– Напрасно хвастаетесь, Максим Михайлович. Вас не будут пытаться, это верно. Вас станут подставлять, – иронично произнес полковник. – С таким мастерством, что вы сами станете влипать в одну гадость за другой. Бросите тень на честь рода. Влезете в долги. Станете мальчиком на побегушках, не имеющем даже малейшего представления о том, что происходит. А вы ведь не привыкли быть на вторых ролях, верно? В итоге вас втащат в такую погань, что умирать вы все равно станете очень долго и мучительно. Что страшнее всего – умирать не за себя, а за кого-то еще, – покачал он головой. – Никто вам не поможет. Родня с радостью спишет неудачника из детдома со счетов. Из плюсов – за вас обязательно отомстят. Но от этого, я думаю, легче не становится?

– А вы не боитесь того, что за мной?

– Бросьте, никто за вами не стоит, – хмыкнул полковник. – Признаться, я был изрядно раздосадован этим известием, но озарение пришло слишком поздно. Мысль не удавить такую падлу, а внимательно изучить – стоила мне вымокшего костюма под ливнем. Но, определенно, я рад, что так получилось. Пешие прогулки подтвердили свою полезность, – потянулся он

спиной, расправляя плечи. – Знай я раньше... Тем не менее, я определенно собираюсь снять с вас компенсацию и остаться в прибыли. Без меня, в Москве, вам не выжить. Запомните это, Максим Михайлович.

– Остальные наследники, как я вижу, существуют без вашего деятельного участия. – Отметил я.

– За остальными – влиятельные партии клана и родня матерей. – Покачал головой Борис Игнатьевич. – Ваша же матушка, даже будучи официальной супругой, не обладала ни властью, ни влиянием. Что взять от рабыни, купленной за деньги?

Оговорка хлестнула по нервам, но виду я не подал.

– Родня же матери столь ничтожна, что это вам даже в минус, Максим Михайлович.

– Я полагал честь рода достаточным гарантом безопасности каждого в семье. Клан должен заботиться о своих, нет?

– Так вы, Максим Михайлович, угроза для клана. – Посетовал полковник. – Для большинства так и будет. Сами подумайте – ни образования, ни ранга Силы. Детдомовский, да еще близкие связи с Шуйскими, которых род ненавидит. Приемная семья из Самойловых, супруга отца – вообще им кровный враг, благо что уже мертва. И самое страшное – вы успешны! Вы способны всерьез конкурировать с остальными, и в этом главная ваша трагедия! Вы – угроза, поймите. А угрозы – устраняют, и в этом нет урона чести. Поэтому – никуда вы от меня не денетесь, Максим Михайлович. Я даже уговаривать не стану. Как припрет вас в первый раз – изобьют на дуэли, опозорят в невежестве, вытрут о ваш костюм ноги и плюнут на воротник те, кого вы даже пальцем тронуть не посмеете. Например, ваша же родня... Сами, сами прибежите, мой дорогой!

– Борис Игнатьевич, – положил я сцепленные ладони на стол. – Есть в ваших рассуждениях один просчет.

– Да, Максим Михайлович? – Был он вновь сама любезность, чувствуя себя хозяином положения.

– То, что за мной. Там ведь действительно ничего, казалось бы, – улыбнулся я спокойно. – Так отчего же существует все то, что есть рядом со мной? Может, вам все же присмотреться?

– Максим Михайлович, это блеф, – фыркнул он. – Вас никто не поддерживает.

– Абсолютно верно, – согласился я, неотрывно глядя ему в глаза. – За моей спиной – только моя тень. Но вам, Борис Игнатьевич, хватит и ее.

– Глупости, – вроде как отмахнулся Борис Игнатьевич, но

мелькнувшая неуверенность во взгляде говорила иначе.

– Займитесь лучше подбором дворников. – Посоветовал я ему, поднимаясь с места.

Впрочем, дружбы тут изначально не предполагалось. Единственное – осталось легкое сожаление по поводу тех бумаг, с которыми так и не удалось ознакомиться. Да и тайны... Надо будет в Биен съездить, деда травяной настойкой поотпаивать и поканючить байки из молодости – глядишь, и мелькнет что меж рассказов о разрушенных городах, в пламени которых деду чудился ее цвет волос, а в треске сгорающих полей – ее голос...

Как то я спросил смотрителя крепости – если бы у нее с ним все же был сын, а у сына – внук... Мог бы я им быть? Он, помню, задумался, виновато кусая губы – приехал-то я к нему на его день рождения, мною же назначенный, и был единственным гостем на празднике, да еще с подарком. Старику явно не хотелось портить мне настроение отказом. Понимая это, я спросил, каким должен был бы быть его внук? И получил веселый ответ, выданный с явным облегчением – «самым сильным в мире». Ведь облегчение было от того, что любой ребенок считает себя самым-самым, а значит не вернется первый, непростой и неловкий вопрос, на который так не хотелось отвечать...

Тогда я призвал грозу и устроил деду праздничный салют над крепостью – на нескончаемое количество залпов невероятно красивыми, уникальными в своем величии молниями – и продолжал до тех пор, пока из дворца Юсуповых все же смогли дозвониться и в панике уточнить, правда ли у нас тут началась война... «Это грохот шампанского!» – С хохотом отозвался старик, прижимая меня к плечу. «У меня день рождения! Мы празднуем с внуком!»...

А уже утром было «есть много нехороших людей, которым не надо бы жить, внук. Рассказать, почему?». И после тех рассказов, под хруст спелых яблок, сойдясь на том, что даже звери бывают добрее друг с другом, были тихие беседы о том, как выжить в этом беспокойном мире человеку, которого не хотят этому учить дома... Много было – и тайны тоже, только не в ответ на прямые расспросы, а просто, как часть жизни, которая случается.

Воспоминания завершились возле автомашины, а звук закрывшейся двери отсек как шум улицы, так и лишние эмоции. Подумаешь – всплывет в университете нежеланное и обременительное родство. Проблемы любят, когда на них оттягивают жизненные силы, стараясь воплотиться если не в реальности, то достать через богатую фантазию, готовую предложить

десятки негативных вариантов развития событий. Так что проще принять к сведению и озадачить аналитиков – те с профессиональной отстраненностью расковыряют доступные их пониманию ветки вероятностей, а на все неплановое у нас есть танк и взрывчатка.

Включенный личный телефон отозвался сообщениями о пропущенных вызовах, два последних из которых принадлежали Артему, а остальные могли подождать.

– Алеу? – С осторожностью поинтересовался я у товарища.

Все же, я был не совсем уверен, оставляя его наедине с манекеном и Никой. Нет, Артем, конечно же, «мастер» и щиты Силы снимает только во сне...

– Приходила твоя барышня. – Выдохнул он вместо «здрасьте», да еще с толикой злорадства.

– Что сразу моя? – Возмутился я. – Это общегородское горе!

– Короче, твой манекен не пострадал. Она его в свое логово потащила. Сказала, пришлет тебе фото.

– Лишь бы иголкой не тыкала. Я щекотки боюсь.

– Ах да, – словно спохватился он. – Перед тем, как его забрать, она отчего-то решила его пальпировать.

– Пальпировать или избить ногами?

– Не перебивай! Короче, внутри манекена обнаружились пакетики с белым порошком...

– Вот, блин, – в сердцах высказался я.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Да это стиральный порошок и мука, – с досадой отмахнулся я. – Ну прихватили бы ее с этим в метро. Максимум пара суток в отделении, пока экспертиза идет! Зато завтра мне на экзамене никто бы не мешал!

– Максим, ну знаешь, – возмутился Артем.

– Посочувствовал бы мне лучше. Теперь мне ей занятие новое придумывать...

– Я ловлю себя на сочувствии к Нике. С учетом того, что дня четыре назад я хотел ее убить, это, знаешь ли, о многом говорит.

– Артем. А теперь – только честно. Ты ей подсказал?

– Нет. – Четко и чеканно выдал он.

«– Значит, сама догадалась, – разлилось тепло в груди. – Это хорошо.»

– Тут, кстати, бедлам, – продолжил Артем, легко перейдя на другую тему. – Результаты вытащили на белый свет, у наследника Шереметьевых трояк по русскому. У Романовых сорок баллов, представляешь? Юсуповы, Голицыны, Гагарины – с трояка на четверку и обратно.

– Да они совсем оборзели! Даже работы не правили, сразу в протокол. – Возмутился я искренне.

– Максим, – зашептал Артем в трубку. – Я серьезно, не до шуток! Ты никакого протокола не трогал, понял? Тут уже два раза вертолет над головой пролетал, и мне не по себе от герба на его корпусе. Того самого герба, ты понял?

– Я вообще ничего не трогал со времен восьмого класса, – подтвердил я показания. – На том и стою.

– Будем верить, обойдется. – Выдохнул друг. – И спасибо за восемьдесят два балла. Отбой!

– Отбой, так отбой, – хмыкнул я, завершая сеанс связи.

По истории, раз он ничего не сказал, у нас все тоже нормально – восемьдесят пять и девяносто три, причем в этот раз в мою пользу.

– Куда сейчас, господин?

– Почтовое отделение сто двадцать девять – сто десять. Проспект Мира, пятьдесят один.

Посмотрим, что там лаборатория по Вере отыскала.

Глава 20

Бетонную коробку, закрытую зеркальным стеклом, сложно полюбить. Творчество архитектора, главным преимуществом которого были знакомства в архнадзоре города и возможность продать разрешение, не стоило тех денег, которые были заплачены за проект. Модель строения, ее распечатки, развороты и вид перспективы в окружении существующих строений – все это вызывало чувство скрытого неудовольствия, зашептываемого словами консультантов: «офисная постройка», «сложности с согласованием, вы же понимаете», «ваше первое здание, будут еще, лучше!».

Потом как-то сами по себе появились подрядчики – то ли архитекторы их привели, то ли риелтор, сосватавший участок земли. Они представились модным словом «девелоперы», обещали качество, сроки и многозначительно поигрывали массивными браслетами золотых часов на руках. На парковке их ожидали седаны премиум-класса, улыбки сияли прожекторами металлокерамики, а в речах то и дело сквозило сочувствие к людям, взявшимся строить в таком сложном и коррумпированном городе. Ведь кроме разрешения на строительство, зданию требовались коммуникации: водоотведение, водоснабжение, электричество и газ, за техусловиями на которые тоже нужно было идти на поклон к очень серьезным людям, пусть и со смешными должностями. И заместитель директора районного газораспределения мог позволить себе дворец, а его начальник успешно сосватал дочь за аристократа – пусть и слабенького, но... Такие люди, опасаясь за свое благосостояние, не вели дела с посторонними. Но оперируя ограниченным лимитом ресурсов (государевых, но мнимых своими), не торопились уступать их даром. В общем, получить технические условия законным путем можно было и не надеяться. Во всяком случае, так говорили, делая отсылки к уже реализованным проектам, называя имена, но уклоняясь от высказывания точных сумм. Будет дорого – не стоило сомневаться. В этом городе все дорого.

Договор был заключен, аванс выдан, и примерно через неделю к участку земли подъехал полуубитый экскаватор, принявшийся вяло вычерпывать землю под фундамент. Объявились работники – обморочного типа мужики в непонятной одежде, притащившие с собой перелатанную бытовку. На свободном пятачке земли сгрузили первую партию металла –

тоньше, чем по проекту, со следами длительного хранения и без каких-либо сертификатов. Прибывший сварщик потребовал точку подключения и электроды, прижимая к боку крохотную коробочку личного инвертора. Я потребовал у него удостоверение. Он негодованием уверил, что нет причин ему не доверять. Я пальцами приварил два швеллера друг к другу. Больше я его не видел.

Логичная просьба к подрядчикам прокомментировать происходящее, завершилась уверениями, что вот-вот их бригада завершит другой объект, и целиком перейдет на наш. Для интереса выяснил, о каком объекте идет речь, съездил, узнал, что работающая там бригада не в курсе, но тех жуликов знает, и в целом готова работать без посредников. Сопоставил цены с договорными, сделал выводы.

Говорят, есть добрая традиция замуровывать в фундаменте нового здания что-нибудь живое. Традиция тянется в древность, и не совсем понятна с точки зрения мотивов и причин. Но есть огромная доля вероятности, что так поступали с прежними нерадивыми подрядчиками. А кто я такой, чтобы идти против мудрости предков?

В общем, настоящий подрядчик, как оказалось, кряжист, основателен и усат. Он не носит золотых часов, потому что те точно поцарапаются во время работы, его сотовый телефон – из тех, что не жалко уронить с двенадцатого этажа, а машина достаточно вместительна, чтобы быстро подтащить на стройку необходимый инструмент и материалы. У него нет влиятельных знакомых, имена которых можно произносить с придыханием, но есть телефоны десятка бригадиров, узкоспециализированных на чем-то одном, и он умеет организовать их так, чтобы за неделю поднималось по два этажа.

Металл лучше брать на комбинате, съездив туда самолично. Бетон и сваи – на бетонном заводе с наилучшей репутацией, заранее познакомившись с технологом и начальником лаборатории. А технические условия – вообще не проблема, когда целый месяц твоей жизни – это стройка, с рассвета до заката, и перед твоим взглядом зарождается нечто новое, пусть пока нескладное, но твое. А если обидеть мое, лишив воды и тепла – так и без дворца можно остаться, для начала.

Я полюбил это строение. Мне было стыдно перед ним, когда поломался бетононасос, и этаж оставался залитым только наполовину до самого утра. Рядом успокаивали кураторы, что ничего страшного не произошло, и несущая плита получится нормальной, но на все последующие дни всегда дежурили две машины, а так же были достигнуты договоренности, что нас поддержат с бетоном, если наш поставщик

поломается тоже. Качество работ курировалось независимой лабораторией, а приглашенная бригада сварщиков раньше занималась корпусами подводных лодок.

Мое офисное здание все равно вышло таким, как должно быть по проекту – серо-стальным и типовым. Зато в нем определенно была душа, скрытая за фасадом, и общая память, которая грела сердце при взгляде на него.

В общем, я не хотел, чтобы Ника его снесла, поэтому назначил встречу с ней в гостиничном номере.

Честно сказать, гостиница была первая попавшаяся, фасад которой выходил на главную магистраль, отчего можно было прочесть название, а затем уточнить адрес по табличке на углу здания. Отправил сообщение, выкинул очередной телефон и попросил водителя сделать дополнительный круг по району. Выскользнул из машины на первом же светофоре и вернулся до примеченного заведения пешком, сжимая в левой руке вскрытый конверт с лабораторными изысканиями по Вере.

Выводы исследования я уже знал – ознакомился сразу при получении. Доводы и методологию просмотрел уже в машине. Оставалось решить, что со всем этим делать, и для этого остро ощущалась потребность в тишине, одиночестве и спокойной обстановке. Так что гостиница пришлась весьма кстати.

Спектр возможных решений осложнялся тем, что напрямую затрагивал Артема. Привязанности всегда тяжело ломать: за исчезновением дорогого человека будут поиски, а несчастный случай изучат со всей пристальностью, доступной княжескому сыну. Ничего не найдут, разумеется, и был бы кто другой в сфере интересов, не существовало бы и проблемы. Но поступить так с Артемом я не мог.

С другой стороны, какое-то иное решение проблемы, кроме исчезновения Веры с горизонта, меня не устраивало. Таким образом, следовало подать ситуацию в единственно верном ключе, предполагавшем единственно верное решение. Его, Артема, решение, которое обязано совпадать с моим.

Беда в том, что этого сделать не получалось, как бы я ни моделировал ситуацию в голове. Фразы, обстановка, время, внешние факторы, стресс и радость, еда и напитки, отсылки к общему прошлому, жесты и эмоции в моем разуме комбинировались в десятки бесед, которые могли бы состояться и привести к успеху. Но не приводили. Слишком косвенными были доказательства, слишком сильна уже стала привязанность, чтобы от нее отказаться, вместе со мной достроив картонный домик из совпадений,

смутных ощущений и интуиции до устойчивой и непротиворечивой конструкции. Проще отмахнуться и укорить в излишней мнительности. Ведь сколько людей живет на свете, и многие кое-как, но тем же многим – родня.

Я пришел в себя от телефонного звонка, автоматически охлопав карманы, и только через мгновение осознав, что звонит телефон с тумбы рядом с кроватью. Сам я так и просидел на самом краю огромного ложа, а вокруг с удивлением обнаружился самый натуральный королевский люкс – во всяком случае, это непомерное нечто размером под сотню квадратных метров, с роскошными коврами, узорчатым потолком и стенами, облагороженными декоративными колоннами и камином, так и напрашивались на данное именование.

Собственно, окружающая обстановка как ничто другое подтверждала, в каком раздрае чувств я находился. В спокойном состоянии номер был бы заказан небольшим и скромным. Дело не в деньгах, а в удобстве и привычном комфорте – дома у меня тоже была маленькая комната. И в другом доме, и в крепости Биен – такая же...

Поднял трубку настойчиво звонившего телефона, прислушался к сонной тишине и поинтересовался:

– Алло?

– Развлекся не желаете? – С придыханием поинтересовался томный женский голос.

Посмотрел на часы над камином – почти двенадцать. Задумался, прислушиваясь к телу – сна ни в одном глазу. Зная себя, до утра не усну точно. Уходить куда-то – так ведь Ника утром придет...

– А давайте, – согласился я, решив, что так коротать ночь будет интереснее. – Только пусть шахматную доску захватит.

– Это будет дороже, – чуть обескураженно ответили мне.

– Не имеет значения. Но пусть настраивается на игры до утра, – положил я трубку.

В итоге через пять минут в дверь номера постучалась симпатичная русоволосая девушка в легкомысленном платьице, представившаяся Анжеликой. С шахматной доской, в которой не было ни одной фигуры.

– Ты о чем думала? – Возмутился я, раскрыв футляр.

Та уже с ногами на постель взгромоздилась, ладно хоть обувь сняла.

– Разве вы не хотите похлопать меня этим по попке? – Заиграла она ресницами, изображая газель на водопое.

– Так, а ну марш с постели! – Рывкнул я. – Ты в шахматы играть умеешь вообще?

– А это как? Я очень быстро учусь, – нервно замялась девушка рядом.

– Понятно, – сделал я вывод, поднял трубку и был тут же соединен с ее начальницей. – А можно всех посмотреть?

Для клиента из номера-люкс был тут же собран общий смотр тружениц гостиничного досуга. Провел экспресс-опрос. Ни одного разряда, даже любительского! И это заведение претендует на лидирующие позиции в сфере отдыха!

– Короче, будем проводить турнир, – скептически постановил я.

Потому что самому играть – вообще никакого удовольствия. А там, глядишь, обнаружится самородок в финале.

– Какой еще турнир? – Возмутилась та, что их привела.

Но уточнение, что время каждой будет оплачено до утра, заставило мгновенно сменить непонимание на неподдельный энтузиазм и добавило обещание тут же отыскать полтора десятка шахматных наборов (по итоговому количеству участниц), а так же принести дополнительные столы со стульями.

– Играть будем по итальянской системе – все со всеми, и четверо лучших – в финале, – постановил я, оглядывая длинноногий и пестрый коллектив.

– Италия – это клево, – согласились мне в ответ.

Но как-то без энтузиазма, без огонька.

– Победитель получит сто тысяч, – добавил я.

Тут же всякая рассеянность улетучилась, а взгляды обрели остроту, ум и сосредоточенность.

– А...

– Никаких наград за второе место. – Жестко добавил, уловив неуверенность в несостоявшемся вопросе.

– А кто не умеет? – Жалобно спросила Анжела.

– Тот смотрит и учится, – пожал я плечами. – Не одновременно же начнете.

В общем, через краткое время заруба началась. Не без конфуза, правда – фигуры неверно расставили, но уже знали, как ходить и пытались планировать на шаг вперед.

Шутка ли – стоимость неплохой машины на кону.

В середине ночи в номер пытались вломиться трое мужиков, яростно негодовавших на тотальную занятость женского коллектива гостиницы. Чувство справедливости и изрядная доза алкоголя требовали от них найти виновника, воззвать к совести и уговорить поделиться. На крайний случай, мужики были готовы откупаться тяжелыми и трудовыми северными

деньгами, кои и прибыли прокутить в эту ночь со всем размахом.

В общем, шли они за одним, а как я посторонился и дал взглянуть внутрь комнаты – так, кажется, немножко даже протрезвели. А узнав размер призового, попросились поучаствовать.

Я был не против, а вот дамы зашипели на них, как выводок кобр на теленка. Пришлось выводить их в штат консультантов, позволив подсказывать. Тут еще шампанское отчего-то принесли, хотя я и не заказывал. В общем – дамы, кавалеры, шампанское и шахматы. Баталия развернулась еще жарче.

В уголке же комнаты тихо грустила Анжелика, выбывшая к этому времени из турнира. Глядя на азарт, напряжение и вспоминая размер главного приза, девушка с горечью пыталась понять, когда в ее жизни все пошло настолько не так, что она оказалась на обочине этого праздника жизни.

Дальше все пошло по накатанной – строгие судейские одергивания на попытки использовать сотовый телефон; трепетное внимание дам мужским советам; мужские же разочарования, когда ставка на размер груди оборачивалась поражением перед острым умом при среднем, но симпатичном облике. Подсказки я, все же, ограничил до одной на пять ходов, иначе получался фарс. А так – ходят, переживают за то, что умудряются сотворить с партией за какие-то несколько ходов... Ближе к финалу тройка друзей разделилась на две группы – двое против одного, бывалого. Как-то сам собой прошел поздний ужин, а вместо не востребовавшего шампанского теперь в бокалах журчала минералка. Огромная сумма наличными должна была найти своего нового владельца.

За окнами уже давно рассвело, когда партия все же завершилась победой симпатичной брюнетки, которая представилась в начале вечера Сильваной, но поздравляли ее, с визгами обнимая, уже Ленкой. Расстроенной была только проигравшая сторона – блондинка Моника и ее группа поддержки из двух северных консультантов, которые с завистью смотрели на зацеловываемого женским коллективом конкурента. Решив все же не портить вечер даже малой части присутствующих, своей волей назначил им утешительный приз в десять тысяч – и теперь уже все целовали всех, порываясь начать с меня. Но у меня была подушка и взгляд опытного, закаленного в боях с Федором воина, и соваться ко мне поостереглись.

– Максим Михайлович? – Деликатно поскребся в дверь человек из obsługi, привлекая внимание. – Можно вас на секундочку?

Пришлось выходить, для порядка и спокойствия конкурсантов

предварительно выкинув две пачки пятисотенных на постель, а на тумбу отсчитав еще двадцать купюр.

– Да? – Вышагнул я в коридор, прикрывая крики и вопли счастья тяжелой створкой.

– К вам пришли, Максим Михайлович, – с полупоклоном ответил слуга, указывая на стоявшую рядом Нику.

А та с подозрением смотрела на дверь за моей спиной.

– Привет, – оглядел я ладную фигуру девушки в спортивном костюме, с забранными в хвост волосами. – С пробежки?

– Это на всякий случай, – все же перевела она на меня взгляд. – Готовность ко всему! Итак, сейчас утро. Я тут!

А и действительно – как-то быстро наступил новый день, почти незаметно.

– Одну минуту, – попросил я, заглянул внутрь номера и громко призвал всех закругляться.

За спиной почувствовалось сопение – сначала любопытное, потом до крайности возмущенное. Но стоило повернуться – Ника обнаружилась на прежнем месте, индифферентно смотрящей в сторону. И только легкий порыв ветра доказывал, что отпрыгнула она в последнее мгновение.

– У нас тут турнир был, – пояснил я, посторонившись и встав рядом с Никой, чтобы дать пройти девушкам, на ходу поправляющим платья после недавнего веселья и обнимания.

Дамы проходили мимо, одаривая усталыми, но признательными взглядами меня, и ревнивыми и высокомерными – Нику. Было много воздушных поцелуев, махания ладошками, а после второго десятка отчего-то почувствовалась давящая волна гнева от соседки сбоку.

– А вот и наша победительница, – улыбкой я встретил Сильвану, пожав аккуратную ладошку и терпеливо выслушав десяток «Спасибо, спасибо, спасибо!» от повисшей на шее девушки.

– И что в ней... Такого особенного? – Арктическим тоном спросила Ника.

– О! Эта ее французская комбинация, это просто нечто, – ответил я, вспоминая финальную партию и покосился на соседку.

Та озадаченно одними губами повторила эту фразу, словно запоминая. Но уловив мое внимание, тут же вернулась к холодному и отстраненному виду.

– Ну, Максим Михайлович, я эту ночь на всю жизнь запомню, – вышел крайне довольный сибиряк-победитель и с чувством пожал мне руку. – Такого удовольствия еще никогда не получал!

Рядом явственно пошатнулась Ника.

А когда за первым вышагнули еще двое и тоже стали благодарить, пусть полусонные, но счастливые – то очи девушки обрели почти идеальную круглую форму.

– Надо будет повторить! – Подытожили они.

Последней вышла Анжелика, пошатываясь и придерживая стену одной рукой – она единственная не пренебрегала шампанским весь вечер. И единственная смотрела на меня с искренней обидой.

– Такой униженной я себя еще никогда не чувствовала. Лучше бы ты меня той дсокой отш... Отшлепал. – Пробормотала и неуверенной походкой двинулась по коридору.

– Ну ты и сволочь, Максим, – уверенная в своей правоте, с чувством выдала Ника.

– А что я? Сама же ничего не умеет. Научится, вся жизнь впереди. – Пожал я плечами.

– Первостатейная сволочь. – Констатировала Ника. – Учти, если твое желание будет таким же извращенным, то я лучше себя прибью. И тебя заодно постараюсь.

– Что плохого в шахматах? – Изумился я.

– Каких еще шахматах? – Посмотрела Ника, нахмутив брови.

– Обычных шахматах, – распахнул я дверь, зашел внутрь и жестом указал на пространство комнаты, не видимое из коридора.

– Я в твой вертеп не зайду! Даже не заманивай. – Отчего-то отшагнула она подальше, глядя с опаской.

– Из коридора тогда посмотри, – пожал я плечами. – Вон, туда встань.

Девушка задумалась, словно подозревая коварный замысел, но пару шагов все же в том направлении сделала и вытянула шею, выглядывая обстановку внутри номера.

Затем замерла, пытаясь осознать увиденное. Все эти столы, заставленные шахматными досками и расставленными на них фигурами. Все эти бутылки минералки и бокалы подле... Заправленную постель... И залилась краской до самых кончиков ушей.

– А вы что подумали, смею спросить? – Строго спросил я у прячущей взгляд Ники.

– Я, просто... Ведь это же ты...

– Дочь уважаемых родителей! – Провозгласил я на весь коридор.

– Тихо ты! Пожалуйста! – Шикнула Ника, нервно озираясь.

– Аристократка в... Каком поколении, кстати?

– Все, я была неправа. Но это ты опять подстроил, чтобы я была

неправа! – Гордо подняла она подбородок.

– Угу, угу, – покосился я на часы.

У меня, между прочим, экзамены еще сегодня – иностранный язык и физика. Первый относился к факультету «Мировой политики», как вчера история, оттого не сильно волновал. А вот второй был особенно важен, и помехи мне на нем были не нужны. Кстати, о помехах...

– Значит, вернемся к моему желанию. По твоей просьбе, самое страшное – шахматы – мы исключаем.

Ника вновь залилась краской, но продолжила изображать холодный и отстранённый взгляд.

– Значит, будет что попроще, – подытожил я. – Пойдем, – и первым отправился на выход из гостиницы.

Водитель со всем необходимым должен был уже ожидать на парковке. Задержавшись на пару минут, чтобы сдать ключи и выписаться из номера, мы вышли в тень внутреннего двора здания-колодца, огороженного от остального мира высоким забором и шлагбаумом, подошли к рабочей «ауди» и остановились возле задней двери.

– Желание будет таким, – потеряв переносицу и отгоняя неожиданно взявшуюся сонливость, начал я. – На заднем кресле лежит чемодан. Носишь его за мной целый день. В аудитории заходить не надо, достаточно ждать в коридоре. Открывать его нельзя. Перекладывать содержимое нельзя. Пользоваться чужой помощью нельзя.

– Там героин, да? – Перебила Ника нервно.

– Нет, – терпеливо ответил я, открывая дверь и указывая на желтый кожаный чемодан, лежащий на боку, ручкой вперед.

– Взрывчатка? Краденные деньги? Человеческие органы? Боевая химия? Нейротоксин?!... – Лихорадочно оценила девушка увиденное, не торопясь взять его в руки.

– Ника! – Осадил я ее. – Там абсолютно законное содержимое. Даю слово, ничего криминального. Полностью безопасно.

– Тогда в чем подвох?!

– Ну, оно тяжелое, – пожал я плечами.

– Не может быть, чтобы не было подвоха. – Опытным тоном произнесла она.

– Обещаю, что задание выполнимо, – поднял я очи ввысь и выдохнул. – Но если этим вечером ты будешь не рядом со мной – желание считается невыполненным. Нет, я не буду от тебя сбегать! Но и сообщать, где я – не обязан.

Ника нахмурилась, но все же взялась за ручку, осторожно потянув на

себя.

– Тяжелый, – констатировала она соответствие заявленного собственным ощущениям.

– Чтобы ты там Силы не лишилась и совсем с ума не рехнулась, ставлю дополнительное условие. Если ты и тут провалишь все...

– Эй!

– Допустим, – покладисто поднял я руки. – Будем считать, что этого желания просто не было. Я имею право перегадать. А ты ничего не лишаешься. Идет?

– Подозрительно это все, – пробормотала она, с натугой вынимая увесистый и габаритный чемодан и ставя его на землю. – Уф. Килограмм двадцать?

– Тридцать, – поправил я. – Не надорвешься?

– Справлюсь, – упрямо качнула она головой. – Надо это все завершать.

Я же двинулся в сторону выхода с парковки, пешком. Рядом и чуть позади запыхтела Ника, которая приняла как должное, что никакой машины не будет.

– Тут до метро недалеко, – прикинул я направление и двинулся вдоль проспекта к станции на кольцевой ветке. – До экзамена полтора часа, еще застрянем в пробке...

Рядом молчаливо сопела девушка, не тратя дыхание на ответы. Хотя я и не особо торопился идти.

– Вот кстати, когда желание отдашь, что будешь делать? – Лениво поинтересовался я, дожидаясь зеленого света светофора, чтобы перейти дорогу.

Заодно и Нике передышка. Ну и мне – полезная информация.

– Да ничего, – убрала она капельки пота тыльной стороной ладони со лба.

– Что, совсем? – Не поверил ей.

– Я тут подумала, ты что-то вроде глобального бедствия. Ну, как голод, нищета, эпидемии и Максим.

– Вот как? – Почувствовал я легкую грусть.

– Угу. Можно ненавидеть, но самой исправить не получится. Зато можно верить, что кто-нибудь, когда-нибудь всех их уничтожит! – Бодро завершила Ника, подняла свою ношу и первой шагнула на зеленый свет пешеходного перехода.

Дальше она тоже гордо шла вперед – все равно тут не ошибешься с направлением, вход в метро сразу за переходом.

Подумать только, почти две минуты эскалатор уносит людей под

землю. А там – сводчатые потолки с резьбой, как во дворцах, огромные колонны в античном стиле и тихий отзвук живой скрипки где-то вдали. И волнительное ожидание на платформе, которое растет с каждой секундой, пока нарастает дрожь и гул в темноте тоннеля. Поразительное место.

– Уф, сейчас рука отвалится, – бодро выдохнула Ника, размещая чемодан на рельефный металл прибывшего вагона и потягиваясь руками вверх.

На перроне ей отчего-то показалось, что непременно что-то должно произойти – с ней или со мной, или с ее заданием. Оттого свой груз она из рук не выпускала, удерживая на весу. Похвальная интуиция, между прочим.

– А вот, кстати, можно твой номер телефона? Ну, настоящий, – с невинным выражением лица посмотрела она чуть вбок и вниз.

– Это тебе зачем?

– Просто кое-какие фото хочу отправить. – Шаркнула она ножкой.

– Нельзя.

– А е-мейл? – Вскинулась она было возмущенно, но смогла совладать с эмоциями.

– Нет.

– Ладно, в следующий раз сама распечатаю, – стоически произнесла Ника и принялась изучать схему метрополитена.

– А почему по кольцевой? Так же долго? – Заскучав, поинтересовалась она.

– Я успеваю.

– Лучше было назад вернуться, а там на другую ветку перейти.

– Все просчитано, все учтено, – глянул я на нее искоса.

Так и не разобрался, стоит ли верить ей, что ничего она не замышляет. Но решил все же не рисковать.

Подъезжая к парку культуры, встал на выход. Ника закономерно не торопилась – нет смысла держать тяжелый груз в руке. Поэтому на самой станции я вышел спокойно, развернулся и наблюдал, как девушка тцится поднять чемодан. Пытается, но не может. Искренне, с надрывом – но тот отказывается подниматься ни на сантиметр вверх. И, словно уловив мой взгляд, Ника подняла свой и посмотрела на меня – с пугающим спокойствием, словно давно ожидала. И обидой – не ненавистью.

– Там неодимовые магниты, тридцать кило. Пол железный. – Пояснил я до того, как двери снова сомкнулись. – В правом кармане чемодана есть вода, в левом – шоколадка. После экзаменов я тебя заберу.

Вагон двинулся дальше по бесконечности кольцевого пути, а я так и не дождался ни слова от нее.

На фоне этого – а может, еще и за усталости от бессонной ночи, новая подлянка от устроителей вступительных экзаменов ощутилась как-то слабо, без должного возмущения и где-то даже с пониманием. Хотя Артем явно собирался бесноваться и требовать справедливости.

– Они проиграли, понимаешь? – Устало сказал я ему.

От нас только-только отошел представитель университета, который сообщил о неприятной и крайне досадной оплошности, допущенной где-то в недрах приемной комиссии. Дело в том, что «иностранный язык» – он, разумеется, разный. Мы вот подавали на английский и сдавать должны были его. А нам поставили французский, по ошибке.

– Это наглое издевательство, – шипел Артем. – Они совершенно потеряли чувство меры!

– Всего лишь красивый проигрыш, – не согласился я. – Нам ведь что сказали? Экзамены обязательно примут, но позже. И зачислят по ним на дополнительные места, созданные в качестве компенсации.

– А нельзя было просто увеличить количество вступительных мест?

– Кто ж им тогда гарантирует, что поступят те, кто должен по их мнению поступить? – Пожал я плечами. – Вот как нужные детки окажутся на факультете, поступив красиво и своим умом, нас зачислят сверху.

– Я так это просто не оставлю, – сжал он кулаки.

– Так пошли сдавать французский? – Пожал я плечами.

Взгляд Артема приобрел невероятную задумчивость, а затем словно осветился изнутри довольством и предвкушением.

– А и действительно... На пять я его, конечно, не знаю... – Нам ведь всего выше шестидесяти баллов надо? – Хрустнул он костяшками пальцев, разминая ладони, словно перед дракой.

Не могли же пройти бесследно его занятия с наставником – и наши факультативы французского.

– Оші, топ аті. Тебе шестьдесят – даже с запасом хватит.

За четыре предыдущих экзаменов у него набралось триста семьдесят два балла, что давало среднее в фантастическую цифру девяносто три. Если исходить из необходимых восьмидесяти проходных, даже крепкий трояк являлся гарантией успеха. Но кто ж сможет набрать даже такую оценку на совершенно, казалось бы, незнакомом языке? На то и был расчет.

В общем, на экзамене нас отчего-то тоже не ждали. Даже бланки – и те пришлось незаметно изымать из общей стопки, отвлекая внимание яростными воплями Артема, демонстрирующего трепетную любовь к знаниям на трех с половиной языках. В итоге бланков не хватило двум графьям, но у тех папы, мамы, группа поддержки, и уж для них бланки как-

то нашлись.

Физика так вообще прошла без малейших вопросов – последний экзамен, и университет, словно охотник, пославший до того последний выстрел дроби в убегающую дичь, дал нам сдать спокойно.

Уже на выходе из здания, после того, как отдал работу, обратил внимание на странное оживление со стороны парковки.

Подошел ближе, и увидел Нику, медленно бредущую в окружении городских, удивительно мягко уговаривающих ее остановиться. В руке девушки по-прежнему был злополучный чемодан. А на чемодане снизу – серьезный кусок металлического листа, весьма напоминающего напольное покрытие вагона, промятое и выдранное с корнем. Лист при каждом шаге скрежетал об асфальт, но Ника продолжала мерно двигаться к университету. Пока не заметила мой взгляд. Постояла так с десятков секунд, с совершенно нечитаемой эмоцией, покачала головой и, отпустив ручку чемодана, дала усадить себя в полицейское авто.

На душе отчего-то стало горячо и тоскливо. Так и простоял, пока машина не исчезла из виду.

Встряхнулся, повел шеей и растер ладонями лицо – оставалось еще одно дело. Результаты исследования лежали в кармане, и Артем обязан был меня понять...

Повернулся, разыскивая его взглядом. Обнаружил – со смехом кружащим веселую и счастливую Веру в руках. Он поставил ее на землю, заметил мое внимание, виновато развел руками и отправился с девушкой в противоположном направлении. Я сделал было шаг в его сторону, собираясь догнать. Но потом замер на месте.

Еще один день счастья. Пусть будет.

Глава 21

Большой, по-настоящему влиятельный человек может позволить себе многое: виллы и яхты, много солнца зимой и лыжные спуски жарким июлем; спутниц, только что сошедших с подиума конкурса красоты и диких хищников в подмосковном саду. Но рядом с его виллой будут другие, возле любимой яхты – еще десяток таких же, курорты заняты столь же уважаемыми людьми, а круговорот спутниц с каждым годом все чаще напоминает о собственной старости. Хищники и редкие полотна остаются за высокими стенами, недостижимые никому, кроме редких и столь же влиятельных людей, которым откровенно плевать на тот же самый хлам, что выставлен в их особняках.

Нет страсти в богатстве, нет удовольствия от роскоши и ощущения шелковистой кожи под ладонями. Власть манит, пытаюсь увлечь в интриги и политику, но трезвый ум не дает утащить душу в паутину к ткачам из Кремлевских башен – высушат, выпьют до последней капли, и за счастье будет выбраться из всего этого, пусть даже ценою крыльев.

Остается только скука и жадность – то есть, ожидание развлечений от мира, обязанного вращаться вокруг личности, не взирая на постулаты классической астрономии. Миру же откровенно надоело делать это сразу вокруг сотен человек, потому приемы в их честь и новые регалии редки, а телевидение работает только от информационного повода. Можно, разумеется, обновить яхту, и в новостях появится десятисекундная заметка о новом самом крупном и дорогом прогулочном корабле... А потом кто-то иной купит еще больше и еще дороже, его сравнят с вами, и волна раздражения смоем все удовольствие.

Но что-то же надо делать, как-то бороться с этой коварной апатией.

Тогда влиятельный человек позволяет себе сына или дочь. Не из тех, которые в будущем возглавят семейное дело и унаследуют уважение. Совсем иных.

Он позволяет себе проблемного ребенка – избалованного и не признающего законы, яркого и бездумного транжиру, рассекающего без прав по автострадам на предельной скорости. Пусть он сожжет ресторан, пусть разобьется, обращая в хлам роскошный спорткар, пусть подерется с полицией. Не важно, что он сделает – важно то, что ничего ему за это не будет, и весь город станет об этом говорить.

Общество терпимо относится к слабостям великого человека. Ему

даже посочувствуют украдкой: какой знаменитый отец! И какой непутевый сын! И великий человек примет извинения с маской скорби, пряча за наклоном головы и кустистыми ресницами невероятное довольство во взгляде.

Яхты, виллы, гепарды в ошейниках и антиквариат – все нелепый пустяк по сравнению со сломанным носом сына заместителя мэра, которому зарядил его отпрыск в алкогольном угаре. Ах, тот защищал свою девушку! Что же тогда будет золотому мальчику? Что скажут власти, что скажет полиция?!

Ничего ему не будет. Никто не посмеет тронуть кровь уважаемого человека. Мальчик запутался. Мальчик выплатит штраф. Мальчик не извинится, но это сделает адвокат – по доверенности.

Иногда проблемного ребенка будут вырывать из бездумного кутежа и натаскивать семейным приемам Силы, устраивать КМБ длительностью в несколько месяцев, выбивая на это время всю дурь – потому что нельзя, чтобы благородную кровь отпинал неудачник в клубе. А еще следует накрепко запомнить фотографии, имена и фамилии тех, кого задевать не стоит ни в коем случае – уже для собственного сохранения...

Через какое-то время слегка ошарашенного парня или девушку оставят в роскошных апартаментах, с ключами от «Мазератти» на тумбе и иридиевой пластиковой карточкой семейного банка в приоткрытом конверте рядом. «Отец приносит извинения» – будет написано на белоснежной бумаге, оставленной в качестве сопроводительного письма.

Всего одно мгновение, чтобы оглянуться на прошедшее, сделать выводы и начать жить иначе. Одно мгновение... И старые друзья уже откликаются на вызовы, с радостью собираясь на очередной карнавал халявной выпивки и безнаказанных развлечений.

«– Ваш младшенький, я слышал, разбил витрину Охотного ряда?
– С тоской вынужден признать достоверность этих слухов. – Скорбный вздох. – Вот бы он был хоть немножко похож на старшего!
– Достойный юноша, бесспорно.
– Как и ваш Александр, смею отметить.
– Одна на него надежда, – тягостный вздох. – Вы, должно быть, уже знаете, что моя Наташенька опять подралась? Вот откуда, откуда в ней это?!

– Боевитостью в отца, я полагаю, – и лукавая полуулыбка в ответ».

Положительно, это соревнование куда дешевле и интереснее, чем мериться водоизмещением кораблей и возрастом плесневелой вазы; куда азартнее скачек и казино – в деле родная кровь, и этим все сказано.

Великие люди с радостью отправляли бы сорванцов за рубеж, чтобы проделки их доносились эхом из-за границы, в рубрике международной прессы. Но традиции родовой мести быстро отучают от чужбин, потому как от разрубленных на части наследников будет только урон чести и тоска.

В конце концов, некоторые золотые дети, вырастая, смогут выйти из тени их отцов. Всегда есть вероятность надоесть великому предку – и получить шанс на нормальное существование.

Но до этого – они получают то, что должны по замыслу: все самое дорогое, самое роскошное, самое наилучшее. Олицетворение богатства и вседозволенности, ярко сгорающее в алкогольных парах, покуда проблемному ребенку не найдется лучшее применение... А разве есть судьба лучше, чем умереть во благо рода?.. Сакральные жертвы нужны во все времена, за темные дела кланов тоже положено платить кровью. А до того – пьяней, танцуй, люби и верь, что это – навсегда.

Из дверей ночного клуба на противоположной стороне улицы вывалилась хохочущая компания, неуверенно держащаяся на ногах, оттого взрывающаяся новыми залпами смеха, стоило кому-то пошатнуться и завалиться на пошатывающегося соседа.

Панорамные окна круглосуточного кафетерия, в котором я сидел, а так же свет солнца, только поднявшегося из-за горизонта, позволяли комфортно рассмотреть группу молодых людей.

Три парня в модных одеждах, расстегнутых за время ночных гуляний на пару пуговиц, четверо девушек в легкомысленных и пестрых платьях, в которых было явно зябковато по утреннему холодку. А может, им просто нравилось лхнуть к своим кавалерам, повисая на их плечах по двое. Третьему же парню, при этом, не досталось ни одной. Наверное, потому что третий был неприлично трезв для остальной компании – или же потому, что был таким букой, что двигал всех за спины, увещевая, к дорогим машинам, бесцеремонно брошенным прямо на проезжей части, и не давал группе с хохотом упасть на такой манящий, прохладный бетон дорожки. В общем, третий ощутимо выбивался видом и поведением из общей группы, а его настойчивые действия, порою грубоватые к визжащим и пьяненьким дамам, никому определенно не нравились. Но его терпели как неизбежное зло, вяло брыкаясь и пытаясь игнорировать – ибо степень опьянения явно была такова, что было проще соглашаться, чем спорить.

Я знал этого третьего парня раньше – в те дни, когда полагал его другом, а он мог сказать то же самое обо мне. Сложно сравнить человека в тринадцать лет с тем, кем он стал через половину десятилетия. Слишком большой промежуток, чтобы сопоставить два образа – тот, что в памяти, и

тот, что был перед глазами. Но кое-что определенно можно сказать. Паша Зубов постарел.

Не повзрослел, как было с Артемом и иными моими знакомыми за этот период. Взросление – это переход юных припухлостей щек в чисто выбритые, наивного взгляда – в упрямый и уверенный.

Ту же была острая щетина и тусклые, усталые глаза. Этому Пашке было двадцать три – двадцать пять на вид, и в компании сверстников он смотрелся натуральным стариком. Может быть, это новая приставка к его фамилии задавила столь тяжким грузом? Черниговский-Зубов...

Тем временем, компания все же одолела нелегкую дистанцию до машин, с успехом не завалившись в удобную для этого клумбу. Паша, оставив шаткую конструкцию из друзей стоять на дорожке, метнулся к первой машине – серебристому роллс-ройсу, распахнул заднюю дверь и принялся настойчиво усаживать парней, отпихивая прижимающихся к ним дам. Те протестовали, негодовали и требовали за них заступится – и Паше говорили что-то резкое и непотребное, приглушенное расстоянием и стеклом окон кафе, но тот вжимал голову в плечи и упрямо пытался всех обустроить. Дамам он указывал на белый мерседес позади, в кабине которого нервно горел огонек сигареты над водительским креслом. Он уверял, что там места всем определённно хватит – но девушки отчего-то хотели в первую машину, игнорируя то, что там их всех будет семь на пять доступных мест.

И все это – посреди дороги, с пьяными хохочущими девками, бегающими вокруг машины. К счастью, ранним утром движения особого не было... Но, думаю, вряд ли бы что-то изменилось, если бы вокруг был разгар дня.

В конце концов, Пашка прошляпил, как один из его друзей перебрался с заднего ряда за руль и резко дернул машину с места, вильнув из своей полосы на встречную и обратно, с хохотом увозя тех, кому повезло с ними остаться. Тихо выругавшись, Паша отправился следом на подскочившем к нему белом мерседесе, оставив двух забытых дам громко рассуждать о природе прямоходящих козлов.

– Цирк, – неодобрительно покачал я головой.

– Тут так каждый день почти, – ответила полусонная официантка, опираясь спиной о стойку бара. – Сейчас сюда пойдут, догоняться...

Кроме меня, никого в заведении не было, и в пустом помещении слова разносились далеко.

– Надо с этим заканчивать, – кивнул я своим мыслям.

– Ничего не получится, – поняли меня по-своему. – Аристократы.

– Рассчитайте, пожалуйста, – не стал я спорить, окидывая взглядом ранний завтрак на столике. Вернее, пустые тарелки из-под него – кормят тут хоть и разогретым, но довольно вкусно.

Этой ночью, вдобавок, удалось поспать – охрана университета, озверевшая от пропажи протоколов в прошлый раз, выставила серьезную охрану внутри кабинета. Так что никакие маневры заинтересованных лиц были невозможны, а значит и моего участия не требовалось.

Пока отсчитывал мелкие купюры, вошли те две дамы, с порога потребовав кофе. Оглядели зал, заметили меня и уставились оценивающим взглядом хищниц, оставшихся без главного блюда, но готовых перекусить чем-то по дороге в логово.

– Смотри, какой симпатичный мальчик, – шепнула одна второй.

Особым видом шепота – который слышен с любого расстояния.

– Мальчик, кажется, уходит, – убедительно взгрустнула вторая.

– Может, он угостит нас чашечкой кофе?

– Простите, леди, я тороплюсь к девушке, – очаровательно улыбнулся я. – Она уже очень давно хочет меня убить.

– Как жаль, как жаль, – скучно отозвалась первая тоном питона при виде упорхнувшей птицы.

Мой же путь продолжился в направлении санаторно-лечебного учреждения в местечке Ельники на сотню километров западнее Москвы, где изволила проходить (и даже завершать) учебную практику некая Еремеева Ника Сергеевна.

Казалось бы, суббота на дворе, однако люди болеют без перерывов на выходные и праздники, оттого добровольный и бесплатный труд практикантов был необходим и востребован с самого раннего утра и до позднего вечера. В конце концов, в иные дни Ника для этого была занята, отсиживаясь и бездельничая в кутузке, а слово «отработка» не знает социальных и статусных различий – особенно когда больничный комплекс принадлежит княжескому роду Панкратовых, и попасть туда, как оказалось, не так и просто – как на место пациента, так и на место будущего врача. В общем, место элитное. Шахматы и компот там точно есть.

Одно скверно, что дорога отнимает почти час времени – зато экология, лес и речка.

По пути перебирал бумаги, являющиеся основанием пропуска на территорию медицинского учреждения. Абы кого внутрь не пустили бы, а вот директора подрядной фирмы – пожалуйста. Вон, и график работ надо согласовать, чтобы без ущерба процессу. Что мы там хоть обслуживаем... Оказалось, просто поддерживаем комплектность всего громады

хирургического оборудования – от сменных картриджей и расходников до лицензий и блоков управления, а вся работа в том, чтобы специалист снял старое и поставил новое. Сплошной импорт в наименованиях – эти производители не любят дешевых ремонтов, только «сними – плати – поставь». С другой стороны, удобно. Надо бы еще разобраться, как оно все выглядит. Впрочем, описания тоже отыскиались, вместе с фотографиями и сопроводительной документацией. А там и завершение пути подоспело.

Симпатичное, к слову, учреждение – с девятиэтажным корпусом основного здания, обращенного одной стороной в сторону леса, а другой – к реке. Рядом с ним, образуя замкнутый многоугольник, стояла пятиэтажка хирургического отделения, административное здание в три этажа, двухэтажный приемный блок, бассейн и собственный кинотеатр с клубом. Хозяйственные постройки, навроде прачечной, электрической подстанции и станции над артезианским источником, были выделены отдельно и находились поближе к лесу. Все это гармонично сплеталось дорожками и тропинками, замощёнными брусчаткой, а так же надземными крытыми переходами на уровне второго этажа. Основные цвета построек – светло-желтый и светло-серый, много белого. И разумеется – высоченный кованный забор вокруг всей этой красоты, с отдельным постом охраны, где все мои документы изучили пристально и даже дважды кому-то звонили, согласовывая и уточняя. Потому что шел восьмой час утра, высокое начальство только просыпалось в своих постелях, пытаюсь вспомнить, кто я такой, зачем я приехал, какие документы и что теперь со мной делать. В итоге решили, что отправлять обратно, за сотню километров назад, невежливо и попросили подождать у кабинета.

Временный пропуск оказался на лацкане рубашки, в руки была вручена схема перемещений до административного здания, в виде почти прямой зеленой линии от входа до необходимого строения, но меня все равно сопроводили прямо до кабинета с золоченой табличкой «Заместитель главного врача по АХЧ» на его первом этаже. Где и велели ожидать, честно предупредив, что не менее часа.

Ожидать я решил деятельно, спокойной походкой переместившись сначала на второй этаж, а потом через надземный переход в хирургическое отделение. Раздобыл в первом же открытом служебном помещении белый халат с вешалки, накинул поверх городской одежды, перевесив пропуск вперед, подхватив все рабочие документы в левую руку и с деловитым видом отправился в ординаторскую.

– Еремеева сегодня в какой палате работает? – Спросил там брюнетку в синем халатике, клюющую носом после ночной смены.

– В триста пятнадцатой, как и всегда. – Слабо удивились вопросу.

За что получили плитку шоколада, сокрытую до поры меж бумаг в моих руках.

– Спасибо, – приятно удивились вкусной мелочи и тут же добавили. – У нее обход в восемь начинается.

Я благодарно кивнул и направился на третий этаж. Собственно, как и рассчитывалось – десять минут до восьми, все ко времени. В триста пятнадцатой, правда, моему визиту не обрадовались – дородный старик, закрывшийся от мира развернутой газетой, потребовал оставить его наедине с кроссвордом и расправленной постелью. Но тут подтвердилась старая мудрость, что принципы и возмущение – это, конечно, важно, но десять тысяч – это десять тысяч, и ради них можно побродить по больнице с половину часа, желательно оставаясь на верхних ее этажах. Тем более, если дело касается девушки.

Я же занял его место на койке и с головой накрылся простыней. Ибо есть опасность, что Ника просто сбежит обратно в коридор, меня заведя, а так хоть в комнату зайдет. Ждать отчего-то пришлось долго – дама, по традиции, запаздывала.

Примерно через двадцать минут скрипнула дверь, в комнату просочились шорохи и шумы коридора, которые отчего-то не торопились уходить. Более того, в комнату прошли как минимум три пары ног, замерев возле двери.

– Итак, коллеги. Ника Сергеевна, прошу. – Раздался уверенный женский голос в возрасте.

– Уважаемая комиссия. Ежеев Андрей Валентинович, шестьдесят три года, – заторопился взволнованный и весьма знакомый девичий голос. – Диагноз... Андрей Валентинович, вы не спите? – Деликатно уточнили у меня.

Затем тихонечко подошли и тронули уголок простыни, открывая лицо.

– Привет. – Чуть смущенно поздоровался я с Никой.

Резко взвыло предчувствие, но реакция девушки, на рефлексх всадившей мне в грудь огненный шар, оказалась быстрее.

Окатив холодком, рассыпалась артефактная пуговица на рубашке.

– О боже мой! – Оборвал наступившую секундную тишину возглас у двери, и из комнаты кубарем выкатились иные присутствующие, тут же заголосив, убегая по коридору.

Кажется, они требовали скорую и полицию.

– М-ма... М-ма... – Смотрела на меня огромными глазами Ника, а затем перевела взгляд на круглый черный отпечаток обуглившейся ткани на

моей груди.

– Чего я пришел то, – тоже посмотрев на безвозвратно загубленный халат (казённая собственность, между прочим!) и собственную рубашку (лично гладил), вздохнул я.

– А? – Снова посмотрела она на меня шокированным взглядом.

– С желанием вчера не получилось. Так что выдаю новое: сегодня в шестнадцать летим ко мне домой, из Домодедово, чартером. Встреча у четвертого входа, правое крыло. Ведешь себя прилично, папу, сестер и домашних животных мне не обижаешь, прилетаем в воскресенье. Как принято?

– Т-ты живой, – изумилась Ника и как будто бы даже обрадовалась. – Ты живой!

– Ну конечно живой, – проворчал я, поднимаясь. – Ладно, еще смской продублирую. Удачи!

После чего прислушался к приближающейся суматохе из коридора, сделал выводы и выскользнул в открытое окно, спрыгнув на мягкий газон. Ну эту суету...

С чем и проследовал далее, недовольно поглядывая на испорченную одежду. Ладно хоть пропуск не поврежден, но вид совершенно непрезентабельный. Надо будет еще один халатик позаимствовать.

Между тем, события в палате триста пятнадцать не собирались завершаться.

– Еремеева! – Гаркнул сверху хорошо поставленный мужской голос. – Что тут происходит?!

– Станислав Георгиевич, это недоразумение! – С жаром возразили ему.

– Какое, к чертям, недоразумение?! Где пацент?!

– Он вылез в окно! – Растерянно пробормотали ему.

– Вы выкинули тело в окно?!!

– Нет, он сам вылез!

– Вы рехнулись, Еремеева?! От вас сбежал труп с магическим поражением грудной клетки?!

Из окна тут же высунулась седая голова мужчины в годах и внимательно осмотрела окрестности. Я из вежливости помахал ему рукой, прикрывая свой непрезентабельный вид прижатыми к груди бумагами.

– Где тело, Еремеева?!!!

– С-станислав Г-георгиевич, он внизу, он просто убежал!.. – Попыталась пробраться к окну Ника.

– Значит так, Ника Сергеевна. Я не верил в эту вашу справку, я дал вам шанс!

– Станислав Георгиевич, он живой, он будет сегодня в шестнадцать у четвертого входа в аэропорт Домодедово!

– Вон из моей больницы!!! – Рывкнули так, что стекла задрожали. – И кто-нибудь, в конце концов, вызовите полицию! – Донесся уставший голос, удаляясь из комнаты. – И родственников Ежеева...

Прислушался к себе – вроде, сообщение передал, настоящего Ежеева скоро найдут (не признали бы нежитью сгоряча...). Что тут еще делать? Пожал плечами плечами и направился на выход.

Разве что на половине пути слегка стало немного не по себе.

– Максим, скотина, убью-ю-ю!!! – Донесся вопль, наполненный жадой смерти.

– Милое место, – поделился я с охраной впечатлениями. – Задержался бы подольше, но дела.

Охранник посмотрел как-то странно, продолжая присматриваться к внутренней территории и кусая губы от волнения. Но за ворота выпустил без дополнительных вопросов – пожалуй, с его стороны настаивать остаться тут и дождаться начальства, было бы неправильно. Во всяком случае, не в той ситуации, когда кричат столь жутким голосом и, кажется, кого-то из пациентов убила свихнувшаяся практикантка.

Позаимствовал футболку у водителя – та была с короткими рукавами, и хоть на пару размеров больше, но сидела вполне приемлемо. Собрался уже было уезжать, как от проходной замахал руками охранник, показывая то на меня, то на невысокого одутловатого мужчину с залысиной, скрытой седой, зачесанной набок прической, подъехавшего к проходной пару минут раньше на черном «Фазтоне».

Из интереса задержался, позволив охраннику добежать до меня и выдать ценные сведения.

– Там как раз замглаврача по хозчасти приехали, – показал он на того мужчину, сгучавшего в тенечке у входа. – Вы ведь с ним говорить хотели?

– Как-нибудь в другой раз, думаю, – вежливо улыбнулся я.

– А вы не могли бы, – замялся он, тронув свой ворот рукой. – Так сказать, самолично ему сказать? Не извольте серчать, просто Феликс Романович очень обидчивы...

И, как я понял, обидчивым он будет скорее на охранника, а тот вроде человек неплохой.

– Хорошо, – кивнул я ему ободряюще и первым двинулся вперед – пожимать руки и сообщать о неотложных делах.

– Мы могли бы переговорить в моей машине, на одну минуточку? – Принял он мои слова вроде как даже благожелательно, но в своей просьбе

был весьма настойчив.

Я же не видел причин не уступить ему эту минуту. В конце концов, следующий пункт плана на сегодняшний день начинался в районе двенадцатого часа дня. Даже если учесть, что понадобится около часа, чтобы перешить пуговицы на новую рубашку, времени было более, чем достаточно.

– У нас, специалистов, – начал Феликс Романович в кондиционированной тишине салона машины. – Не любят молодых да ранних. Это же ваш первый бизнес, как я уточнял?

Если считать те из них, которые оформлены персонально на меня, то...

– Верно.

– Значит, вы наверняка не знаете некоторых особенностей работы с крупными заказчиками. Это простиительно и придет с опытом, – раздалась нотка сочувствия в его тоне.

– Думаю, вместе мы подберем верный алгоритм...

– Думаю, нет, – грубо перебил он меня. – Учиться вы будете где-то в другом месте. Быть может, уже с другой фирмой.

– Извольте объясниться, – мягко попросил я.

– У нас уже есть хороший и надежный подрядчик. Вы нам не нужны. Все, что вы сделаете, мы не примем. Оно некачественное.

– Мы же еще ничего не поставили? – Слабо удивился я, сетуя про себя на то, как все же бесполезно можно потратить минуту собственного времени.

– Я вас уверяю, молодой человек. – Жестко ответил он. – Все, что вы поставите, весь материал, который вы используете, будет некачественным и с дефектами. И весь этот контракт, который вы себе выгрызли, обернется вашим банкротством. А то и тюрьмой.

– Но вы, разумеется, можете предложить решение этой проблемы? – Ради интереса уточил у него.

Речь, как мне виделось, шла о крупной взятке, после которой товар снова станет качественным и надежным.

– Какое может быть решение, юноша? – Хмыкнул он. – Я же вам сразу сказал, у нас есть другой подрядчик. Нас устраивают его сроки и качество. А ваша работа определенно сорвет весь процесс лечения, обернется поломками дорогостоящей техники, дурной славой нашего медицинского учреждения и вызовет личный гнев его сиятельства. К сожалению, ваша неосмотрительность будет вам дорого стоить.

– Но не может же не быть какого-либо выхода из ситуации?

– Знаете, на данный момент я настроен исключительно на то, чтобы

вас показательно наказать, – поделился он деликатным шепотом. – А вот после того, как вы прочувствуете на себе, что я не шучу, мы обсудим с вами, какую долю в фирме вам следует на меня переписать. Жизнь, она, знаете ли, дороже денег. В конце концов, совсем без копеечки я вас не оставлю – надо же, какие дивные закупочные цены вы смогли выбить! Это достойно поощрения! – Собрался Феликс завершить на светлой ноте и уже взглядом указывал на дверь.

– Одну секундочку, – поднял я ладонь и взял в другую сотовый телефон, набирая номер. – Алло, Димка? У нас по больнице в Ельниках какая вообще сумма контракта? Два миллиона всего? И я из-за этих двух миллионов тут сижу и выслушиваю маразматика с комплексом темного властелина...

– Вы что, не поняли, что я вам..?! – Начал было Феликс Романович, но сдулся, стоило двум звездочкам крутнуться вокруг моей ладони и зависнуть прямо перед его лицом.

– Короче, слей этого чудака службе безопасности Панкратова. Я по такой мелочи не работаю. – Завершил я вызов и вышел из машины. – Всего наилучшего.

– Я этого просто так не оставлю! – Донесся до меня воинственный, но слегка неуверенный голос.

Что характерно, не оставит – но вопрос с Никой все равно стоит дороже этого контракта и возможной неустойки.

Приближался полдень, финальные результаты последней волны экзаменов должны были оказаться на площади перед главным зданием, и уже можно было вполне серьезно считать среднюю отметку, сопоставлять с результатами прошлого года и с тщательно скрываемым волнением определять для себя – удалось поступить или нет. Официально же списки поступивших вывешат уже в понедельник, но до того многим хотелось уйти на выходные хоть с каким-то чувством определенности. Одним словом, людей было опять очень много. Но никакой подготовки к этому событию с моей стороны не было.

Не до оценок как-то было, мысли совсем не про то. Предстояло сделать мелкую подлость, которую сложно будет оправдать перед собой – и плату за которую возьмут тут же, по самой высокой ставке. Но я не видел иного решения.

Артем и Вера заняли уже привычное место возле фонтана, и выглядели вполне счастливо, гармонично, не смотря на габариты юноши и некую миниатюрность девушки. Стоят, держатся за руки, смотрят на вход в здание. Одеты несколько даже торжественно: в светло-зеленое вечернее

платье и рубашку с длинными рукавами. Явно есть планы отметить результаты в заведениях, где короткие рукава и легкомысленная одежда неприемлемы. А тут я, собираюсь сказать им то, что должен. Сказать им одновременно, не отводя Артема в сторону. Сказать правду, после которой эти честные и приличные люди не смогут быть вместе, а если попытаются, то к их чести и приличию появятся вопросы.

– Привет, – заметил меня издали Артем, махнув рукой. – У нас все в порядке? – Задал он вопрос, подразумевавший контроль за оценками с моей стороны и очередную бессонную ночь.

– Наверное. – Пожал я плечами. – Есть важная информация.

– Так? – Поднял Артем бровь, глядя с любопытством.

– Пришли результаты анализа ДНК по Вере...

– Стоп, какие еще, к демонам, анализы? – Раздраженно посмотрел на меня Артем.

А девушка отчего-то до белых пальцев обхватила его руку.

– Лабораторные, – чуть пересушенным голосом продолжил я.

– Максим, я чего-то не понял. Я тебя просил делать какие-то анализы? – Начал он заводиться. – Вера, подожди, не убегай. Вера, да что ты, как маленькая! А ну стой! Не укусит он тебя, что ты его боишься, а? – полуобнял он Веру, скорее защищая своей позой, чем пытаясь удержать от побега.

– Не просил. – Продолжил я покладисто. – Что не отменяет полное совпадение родства Веры с родом Наумовых, старых хозяев Архангельска.

– Ну и что? – Хмуро произнес Артем.

– Город у них отняли мои родичи. Ее дед хотел убить меня, вырезать органы и пересадить себе. Теперь его внучка настолько удачно посидела в комиссии, что теперь уже твоя девушка, – погасшим голосом ответил я.

– Максим, ну что за бред! Это абсолютное совпадение!

– За полчаса, пока мы ехали в машине, я организовал угон и перевозку твоего джипа в Москву. У ИСБ было шестнадцать часов.

– Максим, давай успокоимся. Вера, не брыкайся, никому я тебя не отдам. Максиму тоже не отдам. Вот, умница. Максим, какое ИСБ? Ты на солнце перегрелся, да? – Смотрел он где-то даже отчаянно, надеясь то ли на плохую шутку, то ли действительно на то, что мне напекло голову.

– Понимаешь, Артем. Вот тот молчаливый дед, которого ты видел у Веры в гостях. Оказывается, это тот самый старик, которого, как доподлинно известно, повесило ИСБ на дереве перед собственным особняком. Задай себе вопрос, почему так получается, что он жив и здоров, живет в той же квартире, что и твоя девушка.

– Вера, ну бред ведь? Вера? – Произнес Артем, повернув голову вниз. И никого в своих объятьях не обнаружил. Исчезла, словно ветер.

– Ну, как-то так, – с тоской протянул я, подытоживая.

– Максим, а ну-ка отойдем, – мрачно заявил Артем и, положив руку мне на спину, направился по газону в глубину аллеи.

Я плелся рядом, примерно зная, что он скажет, и что буду вынужден ответить я. Что с меня спросят – и что потеряю...

– Максим, – тяжело вздохнул Артем и медленно выдохнул. – Ты с ума сошел такое при ней говорить? Ты хоть понимаешь, на минуточку, что все твои измышления просто могут оказаться ложными?

– Да...

– А мне кажется, ни черта не понимаешь! Мы все, все люди – все кому-то родственники! Ну не бывает такого, чтобы не нашлась какая-либо родня! Да у меня в этом университете с десятков кровников будет! Мне что, всю их родню резать?! Мы, молодые, мы можем договориться и помириться, в этом наша сила!

– Не тот случай. – Отрицательно мотнул я головой.

– Слушай, у нашего рода нет и не было с Наумовыми никакой вражды. Это, можно сказать, жемчужина для меня была! Которую я сам нашел, сам отыскал! Ты хоть понимаешь, что ты мне праздник принес, новость радостную?! Какого демона ты вспоминаешь свою прежнюю родню и все портишь? Кто эта родня тебе?!

– Да никто, – отвечал я спокойно и размеренно. – Только вот кровник он мне, этот Наумов. Если ты счастье свое заберешь, то жизни мне на вашей земле не станет.

– Что за чушь!

– К жене, скажешь, не прислушаешься? – Чуть наклонил я голову.

– Я способен принимать решения взвешенно и трезво, без эмоций, – категорично ответил Артем.

– А если она скажет, что я к ней приставал?

– А ты к ней приставал?!

– Успокойся. Я для примера, спокойный ты наш, – вздохнул я. – Скажет, что угрожал. Не сейчас, так как дети у вас пойдут, подстроит так, чтобы меня в виновники зачислить. Это ведь легко, ты знаешь.

– И всегда есть за что!

– Тем более... Они ведь, аристократы, не сегодняшним днем живут, а десятилетиями. Вот и выходит, что счастье – твое, а беда – моя.

– И ради твоей беды, мне от своего счастья отказываться? – С горечью произнес Артем.

– Ежели было твое счастье, то я сам отошел бы в сторону. – Честно посмотрел я ему в глаза. – Только это ведь кем-то придумано, запланировано. И уши ИСБ торчат из-за каждого угла. Пустишь в свой дом такую хозяйку?

– Максим, погоди. – Потер он ладонями виски. – Да с чего ты решил, что это чей-то план?

– Ты – княжич. Вокруг тебя всегда будет чей-то план.

– Да брось ты, на самом деле! – В сердцах махнул он рукой. – Сам себе голову заморочил, теперь еще мне! Это – случайность! Вся наша с ней встреча!

– Артем, она – одаренная. – Привел я довод. – Сам понимаешь, какая это редкость. Где хоровод женихов вокруг нее?

– А ты на меня глянь, – соорудил он жуткую физиономию и приосанился.

– Согласен, неубедительно. – Отступил я. – Они еще могли не приехать с летних каникул.

Артем задохнулся от возмущения.

– Так, Максим. Стоп. – поднял он ладонь. – Давай рассуждать логично. Ты исходишь из того, что случайности – не случайны. Так?

– Именно.

– Даже про деда ее подозрительного сейчас вспоминать не будем. Я многих знал, которые вроде умерли, но на самом деле живы по разным заслугам. Свету ту же вспомнить – согласен?

– Допустим.

– Но пойми правильно, Максим, весь мой сюда приезд – это и есть одна глобальная и неучтенная никем случайность! – Выдал он голосом триумфатора. – Никто не мог даже подумать, что будет у нас в княжестве такое! Никто помыслить не мог, что мне придется срочно сбегать из дома! Есть, знаешь ли, обстоятельства! И тем более, откуда кто мог знать, что я поеду поступать в МГУ! Ну, могло быть такое запланировано?

А я молчал, опустив взгляд на траву.

– Максим, чего молчишь?

Где-то рядом шумела толпа, ожидая такое важное знание, которое не было для многих секретом еще прошлым вечером...

– Максим?..

– Могло, – слово вышло вязким и тяжелым.

– Что значит «могло»?.. – В самом деле растерялся Артем. – Погоди... Ты хочешь сказать, что...

Я поднял голову, но так и не смог посмотреть ему в глаза.

– Это все для твоего блага. – Фраза вышла сухой и казенной. Все ее говорят, когда приходит время. И никто ей не верит. В грудь толкнуло волной гнева – пока еще только ее первой и слабой... – Ты устроил переворот в моем княжестве? – Вкрадчиво спросил Артем Шуйский. – Ты – посмел... – Так было нужно. Холод и давление в грудь, еще больше холода и давления – и желтые листья опадают с деревьев листопадом на плечи... – Как ты мог. Я считал тебя своим другом. Как же много холода и листьев, что почти скрывают крупный силуэт друга в паре шагов. Листья отчего-то кружат и не падают на землю. Где-то далеко-далеко раздаются тревожные голоса и вскрики. – Я – смог. ИСБ – сможет тоже. – Все же смог посмотреть я Артему в глаза. – Только я останусь в твоём прошлом, а она пойдет с тобой в будущее. Аллея вокруг словно сошла с ума, переживая в одно мгновение целую осень. Все тонуло в шелесте листьев, весь мир превратился в оттенки красного и желтого, бесконечно сменяющиеся перед взором. А мы продолжали смотреть друг на друга, зная почти наверняка, что стоим так близко в последний раз. – Не хочу тебя видеть. – Отвернулся Артем и шагнул в желто-красный хоровод шороха и шелеста, почти сразу пропав из вида. Листья опадали еще долго. А когда опали, открыли вид на низкое, иссиня-черное грозное небо над голыми, облетевшими кронами деревьев.

* * *

Ника Сергеевна Еремеева, аристократка в энном поколении, одаренная в ранге ветеран, хозяйка ресторана и акционер родовых предприятий, сидела за столиком недорогого кафетерия и пыталась, не залезая в сумочку и кошелек, вспомнить, хватит ли у нее денег на полноценный обед.

Пожалуй, это был первый случай в ее жизни, когда бедность всерьез вцепилась ей в глотку. Даже в темные годы непонимания и всеобщей изоляции не было такого, чтобы она считала рубли и копейки. Да она вообще не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь думала о деньгах меньше, чем в сотню рублей номиналом! В конце концов, была пластиковая карточка с тщательно откладываемыми средствами на черный день.

Только вот черный день пришел, и в первую очередь заблокировали

все карты, счет ресторана и наложили арест на ее акции. Оказывается, напольное покрытие вагона метро стоит каких-то адских денег, за простой состава и кольцевой линии взяли еще в два раза больше, а выломанные в процессе движения турникеты, судя по предъявленному счету, явно были выполнены из серебра руками монахов-отшельников на вершине горы Фудзи. Какого демона все так дорого?!! Но культурная девушка может позволить себе только тихое и кроткое «жаль».

Хотя, какая там культурная. Три привода в полицию за неделю. Это ровно на три больше, чем за всю ее сознательную жизнь. Тюремное заключение в ИСБ!!! Две ночевки в камере!! Заключение комиссии психоневрологического диспансера об остро прогрессирующем психическом расстройстве. И, напоследок, пинок под зад из учреждения, где она проходила практику – а значит гарантированный вылет из университета.

– Твою же мать, – с чувством произнесла Ника то, что никогда не говорила за всю жизнь.

Но уже, похоже, можно.

Ежеева нашли живым и здоровым уже после того, как главный врач от руки написал пламенную характеристику и оставил свой «привет» в трудовой книжке. «Уволена в связи с убийством пациента». Кажется, ее даже посуду мыть теперь никуда не возьмут... Ну хоть без очередной ночевки в полиции обошлось.

Она, конечно, пыталась все объяснить, доказывала с жаром и требовала посмотреть уличные камеры.

Но. Никто. Ей. Не. Поверил. Какого черта?! Она ведь честно сказала, что эту сволочь не убить просто так – поэтому он и сбежал. Но консилиум медучреждения сошелся на мысли, что Еремеева просто решила зло подшутить над коллегами и лупанула файерболом-обманкой в пустую кровать, предварительно напихав под простыню одеяло, чтобы изобразить силуэт человека. И именно поэтому постель без повреждений. А простыню с дырой, разумеется, спер Максим.

– С-ско-о-о-ти-и-и-на-а, – на манер мантры тихо пропела Ника.

– Девушка, вы будете что-то заказывать? – Уточнила заскучавшая официантка.

– Воды, – приосанилась Ника.

Вода тут стоила четыре рубля пятьдесят копеек за бутылку. Но у нее было ценное свойство!

– Бутылку не вскрывать! – Жестко произнесла она. – Я проверю!

Не хватало, чтобы внутри закачали снотворное. От этого гада всего

можно было ожидать. Даже сядя на кресло, Ника проверила его палочкой – не ровен час, под тканью замаскирована упаковка Лидокаина, достаточного объема, чтобы парализовать тело ниже пояса. От образа, как она сидит и плачет, не в силах пошевелиться, а напротив сочувственно скалится эта сволочь, Ника резко убрала руки со скатерти, которая тоже могла быть отравлена или заражена, и пообещала себе первым же делом купить себе перчатки и никогда их не снимать. Вот как только деньги будут – так сразу!

Интересно, а у нее точно есть четыре рубля пятьдесят копеек? – Пришла тревожная мысль. – Кажется, она все же взяла мелочь с тысячной на заправке два дня назад. Или проигнорировала?!

Оттого, появление нового персонажа оказалось замеченным не сразу.

– Я смотрю, такая красивая девушка и одна, – бархатным голосом пропел статный блондин в шелковой сорочке поверх бугристых мышц, обаятельно улыбаясь и протягивая ей букет алых роз. – Прошу вас, примите в знак искреннего восхищ...

– Вас Максим послал да? – Оборвала его Ника, посмотрев подозрительно и отодвинувшись вместе со стулом подальше. – Что там на цветах? ЛСД?!

– Красавица, я же от чистого сердца, – растерялся парень.

– Ах, красавица, да?! – Ника подхватила салфетки со стола, обернула ими руку, перехватила букет и резко ткнула бутонами прямо в лицо подставного гада. – А ну дыши!

– Что вы творите! – Возмутился он, отфыркиваясь от лепестков.

Но как-то неубедительно, без искренности и правдивого негодования.

– Травануть меня решил, падлюка?! – Взметнулась с места Еремеева и перетянула подосланного казачка букетом через его наглую морду.

– С-сумасшедшая! – Поспешил тот ретироваться, метнувшись к выходу так быстро, что чуть не перевернул свое кресло и стол.

Цветы, как источник угрозы, были тут же размещены в урну возле третьего от нее стола – подальше, на тот случай, если алхимический реагент-катализатор уже заложен внутри ее бака и сработает, если Максим просчитал, что она выкинет цветы рядом с собой.

Поймав себя на мысли, что легонько сходит с ума, Ника замерла, но все же упрямо согласилась с доводами интуиции. Все верно сделала! Но на всякий случай, она, конечно, проверит – с чем и юркнула за двери кафе, осторожно огляделась, не обнаружив неудачливого блондинчика на улице, однако не сдавшись, направилась к черному выходу из здания. Там, правда, была свалка, неприятный запах и кошки, но что-то вело ее дальше, на

параллельную улицу.

– Ну, что я говорила! – Довольно пробормотала Ника, наблюдая как тот паренек что-то отчаянно выговаривает в приоткрытое окошко задней дверцы белого лимузина.

Будто даже оправдывается – и этой искренности девушка верила.

– Ты смотри, какая скотина! Уже лимузин себе купил!

Дорогая машина между тем медленно двинулась, оставляя несостоявшегося кавалера стоять с опущенной головой. Тонированное стекло задней двери неспешно поднялось, однако уловить восточный силуэт с бородкой Ника успела. Как и его белый костюм и тросточку в руках.

– Это не Максим, – с некоторым скрипом и разочарованием выдала Еремеева. – А тогда кто?

Взгляд зацепился за номера лимузина, желая запомнить и как-то постараться прояснить владельца. Но вместо номеров там был красный герб Юсуповых.

– Чего? – Удивилась Ника искренне.

Где она, где Юсуповы! А она, получается, перетянула их человека букетом! Или в этом и был хитрый план Максима?!! Еще и с высшей аристократией ее перессорить?!

– Спокойно, подруга. Ты немного сходишь с ума, но это нормально, – закрыв глаза, выдохнула девушка. – Это не Юсупов, это какой-то слуга. Но ситуацию ты поняла правильно, это была подстава. Все хорошо, моя дорогая. Мы идем и допиваем нашу воду за четыре рубля пятьдесят копеек.

Только вот просто так насладиться чистой водой ей опять не дали.

Начнем с того, что ее место было занято мужчиной в годах, широкоплечим, осанистым и суровым на вид в своем строгом костюме. И в другой ситуации, конечно, Ника согнала бы даже такого с ее места – в конце концов, там на плечике кресла ее сумочка и ее четыре пятьдесят! Но что-то в облике показалось ей знакомым. А как присмотрелась – узнала его наверняка.

– Как вижу, мне не стоит представляться по полной форме? – Уловил он узнавание в Никином взгляде и предложил ей жестом присесть напротив. – Прошу, Ника Сергеевна.

– Чем обязана? – Осторожно присела девушка на край стула.

Этот человек был определенно связан с Максимом, а значит представлял угрозу. Но его должность... От такой даже сбежать будет сложновато – хотя подготовиться к побегу, конечно, стоит.

– Меня зовут Борис Игнатьевич, как вы, должно быть, помните. Я

представляю нашу доблестную службу по защите государства от всякой... Падали, – вздохнул он и поставил ладони со скрещенными пальцами перед собой. – Иногда, изредка, но такое случается, эта сволочь оказывается сильнее меня. И я вынужден ей подчиняться.

Борис Игнатьевич неспешным жестом выудил из внутреннего кармана сотовый телефон, парой движений что-то там выбрал и развернул к ней экран с видео. Изображение показывало вполне узнаваемый коридор и дверь в кабинет – пусть и завели ее туда зачем-то на каких-то полчаса, переведя для этого из другого корпуса, но все отпечаталось в памяти надежно. На изображении прошли два человека и остановились чуть дальше от двери. Один из этих людей сидел напротив нее. Второго она, к сожалению, очень хорошо знала.

– «Будьте пожестче», – ударил по ушам чуть искаженный голос Максима, а мир слегка качнулся перед глазами.

Все же, несмотря на ненависть, какое-то светлое представление о нем у Ники все еще оставалось. Сложно взять и выкинуть из памяти образ окровавленного мальчишки, тянущего полуживую команду к победе, готового отдать за друзей свою жизнь... Тогда в нем была душа. Тогда было, за что его спасать. Было, за что любить.

– Особенности государственного устройства не позволяют мне ничего противопоставить этому молодому человеку. – Тяжко вздохнул Борис Игнатьевич. – Вы, как я понимаю, тоже уверились в том, что издеваться над вами он станет долго и абсолютно безнаказанно?

– Да... – Пересохшими губами шепнула Ника.

Ведь он был прав. Все так и будет.

– Сначала он лишил вас дара, – посочувствовал мужчина. – Потом свободы и денег. Теперь – образования. Что дальше? Он лишит вас сестры и семьи?

– Да...

– Как мне передали, вы даже успели понять, что это исчадие ада убить-то невозможно?

– Верно. Сегодня утром. В упор. Так не бывает. – Мотнула она головой, признавая существование бессмертного зла.

– Ника Сергеевна, я хочу вам помочь, – посмотрел Борис Игнатьевич открытым взглядом. – Моя честь и мой долг обязывают это сделать.

– Это бесполезно...

– Кое-что, – перегнулся мужчина через стол. – Кое-что сделать можно.

А когда он вновь выпрямился, посередине стола обнаружился невзрачный серебристый цилиндр – формой и размером как у писчей

ручки, закрытой колпачком.

- Что это? – Отметила его появление Ника.
- Артефакт. Он способен с ним справиться, слово чести.
- Он его убьет? – Не двинулась Еремеева с места.
- Определенно. Он убьет кого угодно, через какие угодно щиты.
- Почему вы даете его мне?..
- Потому что вы аристократ, задета ваша честь, и вы будете в своем праве.

Убедительно. Но кое-что было неправильно в его словах. Кое-что лживое все равно присутствовало – и Ника чувствовала это.

Да и к тому же, покуситься на жизнь Максима сейчас – означало точно потерять Силу... А если отложить до выполнения обещания? Да кого она обманывает! Никакого завершения не будет! Эта пытка вечна, ее страдания и потери – они никогда не закончатся! Значит, надо защитить свою семью. Пусть ценою собственной жизни. Но когда? В самолете – там можно. Ни один одаренный не выживет после падения с такой высоты, какой бы силы он ни был. Взять артефакт?

- Ника Сергеевна? – Заерзал в нетерпении Борис Игнатьевич.

О-о-о не-е-т.

- Ника? Вы улыбаетесь?

– Я его уничтожу, – осталась улыбка на устах прекрасной, но измученной девушки.

- Так это прекрасно!

- Уничтожу. Сама. Без вашей помощи.

- Прекратите, Ника Сергеевна! Без артефакта...

- Своими руками... – Прикрыла глаза Ника, вызывая к Силе Крови рода.

К Силе, которая так и не отозвалась за все эти годы, ощущаясь сонной кошкой где-то рядом. Ее зовут – но та ведет ухом, осознавая, что нет в зовущем ее голосе власти...

Но сейчас... Сейчас у этой Силы был выбор – подчиниться или быть притянутой за шкуру волей отчаявшегося, но очень гордого человека.

И шелест вечного песка древнего царства, которого уже нет на карте, наполнил музыкой уши. Великого царства, из горящего дворца которого далекий предок спас свою принцессу. Царства, на месте которого сейчас только песок – от горизонта до горизонта. И в этом песке – все его враги, которые пришли неборимой силой, чтобы убить и ограбить, но так и не смогли сломать и подчинить. Все мертвы. Все – песок, что будет вечно страдать от жары и жажды.

- Ника, немедленно прекратите! – Воззвал к реальности тревожный

голос.

Девушка очнулась, с неохотой отпуская приятное чувство. Огляделась. Все вокруг было в песке. Вернее, все вокруг с тем или иным успехом было в него обращено – скатерть на столе исчезла полностью, слой песка составлял часть столешницы. Кресла, паркет ... Смотрелся погрызанным молью костюм соседа напротив...

– Оплатите счет, будьте так добры. – Хмуро посмотрела девушка на устроенный разгром.

Мсть – дело благородное, но для него надо бы не загромоздить на принудительные работы в качестве отработки ущерба. Потому что денег все еще не было.

– Только если вы возьмете артефакт.

– Хорошо, – согласилась Ника, обернула серебристую железку, которую так и не смог потрепать песок, в салфетку и положила ее в сумочку, к воде за четыре пятьдесят.

Чтобы выкинуть в урну за третьим по счету поворотом.

Она сама.

Глава 22

Четвертый вход в аэропорт звучал роликами чемоданов, катившихся вслед за непрерывным потоком людей. В этом шелесте пластика по асфальту тонул говор десятков голосов, отзвуки объявления внутренних рейсов и поиски запоздавшего пассажира, доносящиеся изнутри терминала. Даже вечный механизм желтых такси, забирающих и доставляющих пассажиров к первой линии терминала, шуршал шинами тише.

Отдельные звуки: звук резко закрытой двери, возмущенный клаксон автомобиля, звон металла выпавших ключей – слышались отдельными нотами этого необоримого людского течения, желающего проскочить сквозь игольное ушко аэропорта в небо. Тринадцать с половиной миллионов пассажиров в год – а значит, сегодня их будет почти сорок тысяч на весь аэропорт, и около десяти тысяч на один четвертый вход.

Можно было посчитать пассажиропоток за секунду и сравнить с видимым сейчас, но имелись и иные, более важные, вещи для подсчета. А именно – в ящике с мороженым, который был в моих руках, оставалось всего шесть пломбиров. Остальные четырнадцать уже были приняты внутрь, за время созерцания и ожидания. И нет, Ника не опаздывала – это я пришел раньше.

Зато теперь холод в груди становился понятным и привычным – это просто мороженое, много мороженого.

Я не боялся заболеть. Пробовал как-то в детстве – не понравилось: тоскливо и одиноко, горько от лекарств и больно от уколов. Правда, это было еще до обретения семьи, но память осталась.

Мой брат, Федор, болел иначе – в окружении взволнованных родных, искренне любящих и желающих ему помочь. Уколов не было, а сироп от кашля был сладким, со вкусом клубники. Только потом он тоже расхотел болеть, потому что неловко перед всеми нами, за нашу тревогу и беспокойство. Конечно, глупость полная – что ответственно заявлял ему и я, размешивая в его горячем молоке мед особо целебных диких пчел (не спрашивайте источник), и папа, забирающий очередную техническую энциклопедию у него из-под подушки, и сестры, с радостным азартом приходившие испытывать на нем только что разработанные медикаменты (горькое – значит полезное).

«А еще в мире происходит так много интересного, а я лежу в постели»

– торопливо добавлял Федор, убегая от сестер в окно.

За окном, обычно, уже ждал его я, и мы ехали в кино...

В общем, пара десятков пломбиров меня не сломят. Да и как представлю Тоню, расхаживающую по моей комнате и дословно читающую мне мои же нотации, которыми я ее совестил прошлой весной (какое легкомыслие ходить без шапки!), так вообще болеть не хочется. Тем более, что старшие братья не болеют – по статусу не положено.

Ника появилась между шестнадцатым и семнадцатым мороженым, ровно в пятнадцать пятьдесят пять. Хотя я бы согласился подождать еще три пломбира.

Она вышагнула из кабинки такси, сделала пару шагов вперед и внимательно огляделась по сторонам, только под самый конец заострив внимание на входе под номером четыре.

На этот раз Ника была одета в белый брючный костюм поверх белой футболки, ножки украшали бежевые туфли на невысоком каблуке, а в полусогнутой руке удерживалась небольшая прямоугольная сумочка белого же цвета – той самой удобной конфигурации, которая легко позволяет потерять все документы, телефон, ключи и деньги одновременно.

Призывно махнул семнадцатым мороженым – и девушка тут же меня заметила, целеустремленно двинувшись навстречу, забирая вправо от поворотного механизма входа в терминал – туда, где я стоял.

– Привет, – остановилась Ника в двух метрах.

Я коротко кивнул – потому что разговаривать во время еды невежливо. Но, видимо, придется. Остатки семнадцатого мороженого прошли внутрь организма за три укуса.

– Хорошо выглядишь, – осмотрел я ее внимательно с головы до ног.

– Спасибо.

– Задумала что-то? – Сделал я вывод.

– Почему? – Слегка дрогнула она, подняв удивленный взгляд.

– Слишком хорошо выглядишь для трех часов полета. Не обращай внимания. – Отмахнулся я.

Хотел было из вежливости предложить ей мороженое, но волевым усилием удержался. Был уже опыт, который не хотелось повторять.

В итоге, коробку с мороженым поставил на асфальт, а сам достал бумаги из нагрудного кармана рубашки.

– Вот билет, посадочный талон, – отдал я ей распечатки, сложенные пополам. – Багажа, я вижу, нет. Значит, все формальности пройдены. Рейс через сорок минут, тридцать первый выход. Удачи.

После чего забрал из коробки три оставшихся мороженных, скинул в

ближайшую урну картон упаковки, и направился от терминала.

– А-а, как же ты? – Протянули мне в спину.

– А я на другом самолете, – остановившись, махнул я в сторону дальнего входа.

– Как на другом самолете? – Пробормотала Ника даже с неким возмущением.

– На частном. – Терпеливо пояснил ей. – Как прилетишь, там встречу.

– А может, я с тобой? – Робко попросилась она.

– Не получится, – категорично качнул я головой. – Мне с документами надо поработать, а ты станешь мешать.

– Я буду тихо-тихо сидеть! – Убедительно попросилась Ника, даже подойдя для этого почти вплотную и робко посмотрев снизу вверх.

– Слушай, у тебя в самолете очень удобное место, – мягко обозначил я отказ. – Бизнес-класс, возле окошка! Места впереди – немеряно! В общем, есть, где с комфортом протянуть ноги.

Ника отвела взгляд, уставившись в район моего правого плеча.

– Не обижайся. – Даже как-то неловко стало. – Хочешь, назад вместе полетим? Я даже за штурвал тебя пушу.

– Как это? – Вспыхнули было радостью ее глаза, но тут же выражение сменилось недоверием.

– У меня летная лицензия есть, – пожал я плечами. – Могу пилотов на земле оставить и сам повести борт. А тебя на соседнее кресло, м?

– Так это здорово! – Уже искренне обрадовалась она.

– Но только если будешь хорошо вести себя у меня дома! – Наставительно качнув пальцем, поставил я условие.

– Обещаю! – Истоиво выпалила девушка.

– Ну, тогда ладно, – чуть смутился я. – И вот еще, Ника...

– Да?

– Понимаю, что вся эта ситуация странная... – Отвел я взгляд.

– Это ведь твое желание, – недоуменно повела она плечом.

– Да, мое желание... Сестры попросили тебя привезти. Они считают, что могут тебя убедить в том, что я не такое чудовище, как тебе кажется.

– Хорошо, – очень спокойно качнула Ника головой.

– Не хорошо, нет. – Повел я подбородком, вновь глядя на людское течение, спешащее мимо.

И ведь большинству, что азартно обгоняет друг друга, все равно не улететь без остальных.

– Максим?

– Я хотел сказать, что придерживаюсь твоей точки зрения. – Снял я

бумажную этикетку с восемнадцатого пломбира и снял языком пробу с верхнего слоя. – Просто не обижай мне сестер, ладно?

Только ожидаемого ответа отчего-то не было.

– Случилось что-то? – Спросили меня после ощутимой паузы.

В этом вопросе не было заботы, но не было и злорадства. Нет оснований для ответа, но нет и причин для жесткой отповеди...

– Эти раны я как-нибудь залижу, – прикрыв глаза, вновь ощутил я холод пломбира и впустил его в себя, смешивая с выстуженным инеем души. И становилось легче – вновь.

Надо будет заказать еще пару коробок...

«– Объявляется посадка на рейс С179 Москва – Шуйск. Пассажиров просим проследовать...»

– Иди, – нашел я в себе силы на улыбку и отвернулся от девушки.

Как общеизвестно, чартерные рейсы не имеют приоритета над регулярным сообщением. Частный самолет вынужден ждать «окна» в расписаниях иных самолетов, а в случае непогоды – его номер и вовсе в конце очереди. Но если на чартере княжеский герб – весь аэропорт замирает, пока стальная птица частного Суперджета не окажется в небе.

Борт с неограниченным объемом топлива достался мне, как часть княжеской благодарности за спасение жизни Артема. Правда, в последние годы им чаще пользовался университет нашего города, полагая его подарком лично себе, а я не торопился их разубеждать. В любом случае, официально он состоял в личной собственности владельцев Шуйского княжества, был приписан лично к аэропарку правящей семьи, что было невероятно удобно. В небе, правда, приходилось слегка плутать, огибая проблемные территории. Небо, конечно, принадлежало сразу всем аристократам, и никто не имеет права запретить его пересекать – но если с поверхности враждебно настроенного княжества внезапно прилетит что-то из категории «земля-воздух», то вряд ли вас успокоят слова над могилой, что расследование будет особо тщательное и виновных обязательно найдут. И ведь найдут, вместе с орудием убийства и даже признательными показаниями стрелявшего – на что только не пойдут люди, чтобы три поколения их детей жили безбедно...

В общем, путь выходил замысловатый, только в салоне самолета это совершенно не ощущалось. Подумаешь, плюс десяток-другой минут... Даже полезная добавка по времени, если учесть, насколько приятная и интересная литература поступила на чтение. Нелегальные работники секретного государственного архива за последние два дня успели основательно выспаться и с энтузиазмом принялись за конспектирование

прочитанного. И пока двое китайцев излагали все запомненное на бумаге, их коллеги внимательно с этим всем знакомились, делали выводы, обрамляли справочными материалами, фотографиями и пояснениями, формируя первую партию сведений, готовых для немедленного использования. Не смотря на энтузиазм и светлый ум исполнителей, процесс обещал затянуться на многие месяцы. Но кое-что выдали уже сейчас – ориентируясь на текущие потребности и заявки.

Так вышло, что в начале этой недели на повестке дня стоял князь Панкратов с его больницей в Ельниках... Сейчас, разумеется, ситуация изменилась в корне, но заявку убрать я запамятовал – оттого в самолете дожидались шесть пухлых подшивок с материалами именно по данной персоне. Впрочем, какая разница, с кого начинать?

Тем и занялся, коротая три часа летного времени. Интересное получилось чтение, сулящее ряд вполне серьезных перспектив. Иногда даже приходилось сетовать, что никакого интернета на борту нет – кое-что хотелось уточнить и перепроверить немедленно. Уж больно заманчивым и невероятным получался расклад, особенно в свете того, что на этих материалах вполне спокойно сидит ИСБ и не думает давать им ход. Выгодно молчать? Вполне может быть.

Так, за мыслями и рассуждениями, сам не заметил, как перешел с мороженой диеты на вполне горячее бортовое питание, принесенное симпатичной стюардессой. Да и хандра с меланхолией окончательно уступили. Неинтересно грустить, когда тут такое – правильное, светлое и крайне выгодное на горизонте. Как бы только к самому князю подойти удачно? Через знакомых действовать точно не следует – случай уж больно щекотливый, не поймет...

Нику встречал у самого трапа, въехав на взлетную полосу на собственной «Хонде» (ее уже успешно перегнали из Москвы обратно). Номера машины входили во все «зеленые» реестры города, чем, впрочем, я никогда не злоупотреблял. Просто в Шуйске уже была непроглядная темень – три часа полета, да еще три часовых пояса на восток суммарно давали почти полночь. А ждать автобуса на холоде распахнутого всем ветрам пространства – не самое приятное времяпровождение для молодой леди в летнем наряде. В конце концов, она в гостях, а долг хозяина еще никто не отменял.

Заодно прихватили с собой двух бодрых старушек и дедушку с багажом, отдавая уважения почтенному возрасту. Дед, правда, отчего-то подумал, что встречают лично его и пытался старушек вытурить, но под угрозой физической расправы клюкой смирился и прижался к левой

створке двери на заднем ряду.

– Я, между прочим, заслуженный деятель культуры! – Ворчал он так, чтобы агрессивные соседки точно не слышали.

Ну а те поглядывали на него с таким видом, что только повод дай – мигом на бетон взлетки выкинут.

В общем, Ника впервые за день улыбалась – пусть только краешком губ, но тем не менее.

Под конец короткой поездки до терминала, трое все же нашли общий язык и зашептались украдкой от нас.

– Вам пятидесяти рублей хватит, молодой человек? – Скорее категорично постановила, чем спросила центральная.

– Девушке на переднем сидении передайте, – ответил я спокойным тоном, вырывая ко входу в терминал.

Ника собралась было пренебрежительно фыркнуть и отказаться. Однако на мгновение ее лик осенила задумчивость, и пять десятков она приняла с улыбкой, не забыв поблагодарить. Причем, стоило пассажирам покинуть салон, деньги положила себе в сумочку.

– Что-то не так, мистер частный самолет? – Нейтрально поинтересовалась девушка.

Пришлось выдохнуть возмущенную фразу и рулить себе прочь со взлетного поля.

К ограде дома прибыли уже в первом часу – как бы не были пусты дороги, но множество светофоров изрядно замедляли путь. Ника, правда, делала удивленное выражение лица, когда мы стояли на красный, отсчитывающий девяносто секунд на абсолютно пустом перекрестке, но правила есть правила. И те правила, что ПДД, и гораздо более важные – написанные Светой от руки... Я отмалчивался и делал вид, что все в порядке.

Ярко горели лампы на уличных столбах, светили желтым светом фонари внутри аллеи сада. Но самое важное – сияли окна в самом доме, а значит, нас ждут. Приятное тепло толкнулось в грудь, вытесняя оставшиеся капли холода.

Видимо, расслышав двигатель автомобиля рядом с домом, качнулась занавеска на первом этаже и тут же заметались тени по гостиной, поднимая радостную панику. Но первой, до степенного выхода семьи на встречу, дверь приоткрыла и с радостным гавком вылетела вперед во всем своем гигантском великолепии Брунгильда, черно-палевой стрелой устремившись в нашу сторону.

И пока я вполне логично заволновался за калитку, которая была между

нами, Ника заинтересовалась более общими вопросами.

– А оно нас не сожрет? – Опасливо отступила девушка на шаг назад, а в воздухе почудился всполох-предчувствие чужой Силы.

– Никогда не знаешь наверняка, рады тебе или хотят порвать твои документы, – ответил я, чуть отведя я ногу назад, опираясь ей на землю для устойчивости. – К счастью, это не тот случай.

Потому что Брунгильда двухметровый забор высокомерно проигнорировала, банально перепрыгнув его одним прыжком. К счастью, сам прыжок изрядно снизил ее скорость, а хорошее воспитание успело проснуться до, казалось бы, неминуемого столкновения со мной. В общем, Бруня остановилась сама, припав на передние лапы, а затем бухнулась на спину, подняв лапы и призывая немедленно погладить и почесать ей все, что не гладилось и чесалось за последнюю неделю. А внимания требовало решительно все! Пришлось отвечать надеждам, на добрые пять минут выпав из реальности.

К концу пятой минуты, когда Бруня стала уже симулировать обиду по невыносимо долгой (всего неделя) разлуке, рядом обнаружился кот Машк, глядящий с выразительной укоризной. Кот был с мявком поднят под передние лапы, оглажен и помещен на чуть ссутуленную шею, где с урчанием пригрелся, царапая когтями рубашку от удовольствия.

Ну а Бруня в этот момент с интересом знакомилась с Никой – бледной то ли из-за отсвета окружающих фонарей, то ли из-за размеров собаки.

– Бруня, это Ника. Сегодня она хорошая. – познакомил я их.

Собака фыркнула и тут же потеряла к ней интерес, ткнувшись своим немалым телом мне в бедро – так, что руку теперь удавалось только положить ей на бок, невольно поглаживая шерстку.

Таким порядком – я с Бруней и Машком, и тихонечко идущая позади Ника – мы сами открыли калитку и добрались до входной двери. А там и гостиная, с радостными, пусть и с сонливостью в глазах – отцом и сестрами.

– Какая красивая! – Охнули на два голоса сестры, восхищенно разглядывая вошедшую и тут же смутившуюся девушку.

Тоня с Катей сегодня выглядели нетипично для себя – словно подчеркивая неоспоримый факт того, что они близнецы, платья на них тоже были одинаковые: в черно-белый квадрат, расставленный в шахматном порядке и заправленный поясками – белым у Тони и черным у Кати. Одинаковые прически с прибранными назад волосами, опять же говорили о едином замысле на внешний вид, да и тапочки – одинаково белые-пушистые, наводили на подозрения. Потому что я знаю, сколько войн

оттремело в этом доме из-за чужих тапочек и их вероломного захвата. Так что от стандартной отговорки «у меня такие же!» защита была придумана еще несколько лет назад – попросту банальной монополией на цвет. Синие, черные и желтые тапочки – это тапочки Тони и Максима. Зеленые, белые и красные тапочки – это тапочки Кати и Максима. Потому что против меня воевать у них никаких шансов. В общем, на лицо факт нарушения пакта о цветовой дифференциации. Хотя девчонки вели себя мило и прилично, так что ну их. Может, мода примирила их на этот вечер – ведь как надеть красное и зеленое к таким нарядам.

Зато папа выглядел типично для себя – в рабочем фартуке поверх старой полосатой рубашки «которую не жалко». Причем, коллекция подобных рубашек регулярно пополнялась, добавляя импозантности далеко не старому мужчине. Только знакомиться он ни с кем не торопился, пропадая в мастерской с утра и до ночи. В деньгах семья давно не нуждается – это просто любимое дело, так что ничего плохого в том нет.

– Ника Сергеевна, – уже познакомился с девушкой папа, осторожно отпускаяжатую девичью ладошку. – Прошу, располагайтесь и ни в чем себе не отказывайте! Друзья Максима – наши друзья! Только одна деталь, разрешите? – Очень учтиво попросил он, демонстративно указав на нагрудный карман.

Ника осторожно кивнула.

– Времена беспокойные, и дом на особом положении. – Вынул папа из кармашка небольшой круглый значок серебристого цвета – словно небольшая пуговица, просто с заколкой. – Просьба надеть этот.... М-м, пропуск, – подобрал он верное слово. – Чтобы ни в коем случае дом вам не повредил, – вручил он Нике значок. – Слово даю, это исключительно для вашей безопасности.

– А у нас снова беспокойные времена? – Шепнул я сестрам, сгружая Тоне в подставленные руки кота (кот тут же свободолюбиво сбежал на кухню).

Сестры неопределенно качнули плечами и с тоской посмотрели на улицу. Значит, гулять за ограду их снова не пускали.

– Ну, вы отдыхайте с дороги! – Удостоверившись, что Ника нацепила значок на верх футболки, выдохнул папа. – А я, пожалуй, спать. До завтра!

– Доброй ночи, – отозвались мы на разный лад, но с общим смыслом.

– Пожалуйте к столу, – предложили нам сестры, показывая овальный стол рядом с диваном гостиной, на белой скатерти которой присутствовали легкие салаты, минеральная вода в бутылках, заварник чая, сахарница, пустые бокалы и чашки в пяти экземплярах.

Словом, обозначение позднего гостеприимства – все то легкое, что можно попробовать в процессе застольной беседы ближе к часу ночи.

Ника неуверенно обернулась на меня, и я одобрительно кивнул, призывая располагаться поудобнее.

Все же, по Московскому времени было двадцать два часа (значит, спать гостье пока не хочется), а раз сестры провели определенную подготовку, то разговор они тоже спланировали в этих декорациях.

– Катя, покажите потом Нике ее комнату. – Попросил я, накидывая легкую ветровку на плечи.

– А ты куда? – Всполошилась девушка, слева от которой весьма близко села Тоня, а справа Катя.

Впереди же стоял массивный стол, и сбежать без некрасивой сцены не удалось бы точно. И, видимо, данный дискомфорт подсознательно тоже ощущался ею частью чужого плана.

– Есть важное дело, – переодел я туфли на кроссовки.

– В час ночи? – Занервничала Ника, слева и справа от которой с загадочными полуулыбками и кротостью паинок молчали мои сестры, не пытаясь поинтересоваться, куда это направился их брат на ночь глядя.

– Разумеется.

– И какое же это важное дело? – Настаивала она.

Я, между тем, достал из шкафа отструганную толстую, но недлинную палку и звучно махнул ей рукой. Признал ощущения в руке добротными, нацепил вязаную шапку на голову и направился к выходу.

– Самое важное. Потому что нет дела важнее, чем погулять с собакой.

Что тут же подтвердила Брунгильда, мигом оказавшаяся рядом и преданно заглянув снизу вверх. А казалось секунду назад – спала на своем коврике, для обеспечения порядка и охраны выставив вверх левое ухо.

– В общем, мы во дворе поиграем. А вы общайтесь, – юркнул я в дверь, проигнорировав слегка затравленное «Максим, погоди!» из холла.

* * *

Надо сказать, когда Ника Сергеевна Еремеева в первый раз пыталась представить дом такого монстра, как Самойлов Максим, воображение услужливо выдало ей образ ветхого замка на утесе с еле тлеющими огоньками жилых комнат на верхних ярусах башен. Разумеется, вокруг замка всегда была ночь, а над острыми шпилями – полная луна. И отчаянный, выстуживающий кровь волчий вой летел над черными лесом,

что окружал неприступную крепость, где родилось и копило силы великое зло.

Но, как человек современный и с высшим образованием, Ника знала, что настоящее зло обычно обитает в высоких башнях из стекла и бетона, предпочитает электрическое освещение и центр города. Тем более, как выяснилось, у него есть собственный самолет.

Словом, что-то высоченное, в духе княжеских высоток с запуганными слугами и ожидала увидеть девушка. Что-то такое, что можно было снести собственной Силой Крови, вместе со всем злом внутри.

Потому что самолет Ника снести не могла – как призналась себе честно после того, как адреналин и злость отступили. Слишком многим посторонним придется пострадать, уничтожь она его – и на такое она пойти просто не решилась. Может быть, стоял бы Максим с лезвием возле горла ее семьи, она была бы вынуждена... За что обвиняла бы себя всю оставшуюся (и недолгую) жизнь. Но не сейчас, с пустого места, с холодной головой.

Так что оставалась надежда, что Зло обитает на верхних этажах своей башни... И что рядом с его комнатой не обитает ни в чем неповинная сестренка. В общем, Ника Сергеевна в очередной раз запуталась и ждала от судьбы шанса.

Шанс, между тем, представился самый роскошный – обратно она полетит вместе со Злом на самолете, где кроме них никого не будет. Осталось просто провести один вечер, улыбаясь или же изображая запуганную дурочку – смотря какой окажется семья Максима.

Семья проживала в милом двухэтажном домике на краю города, в низкоэтажной и тихой его части. И даже ночью, в свете ламп, место казалось волшебным – будто из новогодней открытки: не хватало только снега и запряженных оленями саней с Дедом Морозом, пролетающих над крышей и печной трубой на фоне звезд.

«Значит, Зло силой захватило этот дом», – упрямо приняла Ника решение.

И тут же случилось прямое этому подтверждение, вдобавок восстановившее перед глазами самый первый образ – с замком и черным лесом. Потому что от входа в домик прямо на них неслось настоящее порождение ада – обликом волчьим, черное шерстью, ростом и пропорциями в добротного пони, но зубищами такими, что отсвет фонарей от них слепил глаза.

Ника тут же приготовила дорого продать свою жизнь – медленно скормливать свои руки и ноги этой зверюге она не позволит! Но тут

Максим сказал что-то стыдное, отчего кровь прилила к лицу, и воевать расхотелось.

А, тем временем, в ногах у Зла уже валялась, жаждая ласки и прикосновения, просто очень, очень крупная собака. Овчарка, судя по окрасу. Ничего страшного, одним словом – правда, ровно до того момента, как та стала персонально приглядываться к Нике: то ли как к вероятному противнику, то ли как к перспективному запасу еды, то ли – о дикость и несуразность – просто знакомясь с тем, кто пришел с хозяином...

Зато кот, который подошел к ним позже, точно был из стана бесовских сил. Этот слишком умный и пронзительный взгляд, которым он смотрел на нее все то время, пока они шли к дому... Смотрел, и то выпускал коготь, проводя им по рубашке Максима, то убирал вновь...

Тепло и свет внутри дома, правда, поумерили фантазию и опасения. Да и от вида чистой, добротной, но далеко не утопающей в роскоши – можно сказать простецкой – гостиной отчего-то хотелось верить, что люди тут именно живут, создавая этот уют долгими годами... И что истинных владельцев не согнали за полчаса до ее приезда в подвал.

Но, вроде как, они и были тут истинными хозяевами – две симпатичные девчонки-близняшки лет тринадцати, которые так мило и искренне выдавали ей смущающие комплименты. И отец семейства – мощный мужчина, с первого взгляда видно, но весьма галантный. Всего минута общения – и, поверив ему, Ника нацепила на футболку метку-пропуск... Спыхватилась, вспомнив, что вокруг одни враги, уже позже – после того, как метка начала излучать какие-то крайне тонкие и еле уловимые флюиды Силы. Иной бы не заметил, но ей, бывшему Целителю, такое было знакомо.

От простой мысли, что ей только что передали и вот так просто нацепили защитно-охранный артефакт, стало слегка не по себе. Просто, самая простая вещица такого рода стоила таких бешеных денег, что можно было нанять на много лет наемников, которые ходили бы кругами вокруг участка и отстреливали на лету комаров. А тут – непонятно... Или они боятся чего-то более страшного, чем может защитить отряд наемников?

«Максим сломал жизнь кому-то очень влиятельному и они боятся мести!» – Пришла рабочая гипотеза.

Которая что-то не особо оправдывалась. Потому что в доме никто и ничего не боялся – не было этой ауры страха, напряженного предчувствия беды, настоящей или мнимой, с которой она была знакома, переживая лично не так давно. Люди вообще были странно добры и дружелюбны. Странно – в соотношении с тем, каким Злом являлся Максим. Но еще

страннее, что Максим вел себя по-прежнему, но чувствовался в этой доброй семье весьма гармонично, по-настоящему являясь ее частью – тоже, отчего-то, доброй...

Впрочем, она, как будущий врач, повидала немало разной мерзости, которая вела себя среди родных идеально – настоящими ангелами, стоило зайти в палату высокопоставленному родичу. А как вновь оставались наедине с персоналом, то из глубин нутра выползала такая погань, даром что внешность оставалась прежней... Тут, конечно, удачно с ее титулом выходило – любого мерзавца могла заткнуть, и пискнуть не смели.

Только тут – не заткнешь и не окоротишь. Тут зло бессмертное. Вон, переодевается на ночь глядя, творить страшные вещи на улицах города. Даже палку заготовил, подлец! Только оказалось, что идет он играть с собакой...

И самое страшное. Самое страшное в том, что она, Ермеева Ника, жестоко ошиблась. Непростительно позволила заморочить себе голову, отвлечь внимание выходом Максима, жуткими предположениями и попытками на них ответить. Потому что пока она ослабила внимание, настоящее Зло уже успело ее окружить и отрезать путь на свободу.

– Вы пейте чай, – заворковала девочка слева, подливая ароматный напиток.

Кажется, ее звали Тоня, а справа сидела Катя. Или наоборот?

Ника перевела взгляд слева направо и почувствовала, как по спине прошелся легкий озноб. Просто и справа и слева, такое ощущение, что сидела одна и та же девочка – вернее, она и ее зеркальное отражение. Фасон платья, симметричный относительно того места, где Ника располагалась, прическа, подводка ресниц. Будто один и тот же собеседник, от которого не отвернуться, не скрыть взгляд – потому что они смотрят снизу вверх, внимательно и холодно, отлеживая каждое ее движение. А еще – перстни. Как она не увидела сразу! Девчонки, тринадцать лет! И целая россыпь колец и перстней на руках – с огромными ограненными изумрудами, опалами, рубинами! На каждом пальце!!! И еле уловимое дыхание Силы от каждого, сплетающееся в такую непереводимую жуть, что девушка постаралась вжаться в обивку дивана, лишь бы быть хотя бы на сантиметр подальше.

– Спасибо, я не хочу, – пересохшим голосом ответила Ника.

И тут же поняла, что очень хочет закричать о помощи, призывая – о ужас! – Максима. Оснований для криков не было, но интуиция просто выла о возможной беде – а интуиции девушка уже привыкла верить.

– А может, воды? – Предложила тем же голосом и тоном девочка

справа.

Будто один и тот же человек спрашивал, сумасшествие какое-то...

За окном азартно пролаяла собака, с ощутимой дрожью земли приземлившись после затяжного прыжка.

Ника тут же уцепилась за нейтральную тему.

– Какая необычная у вас собака. Какая порода? – Постаралась не дрожать она голосом.

– Не знаю, она одна такая, – легко отозвалась девочка слева. – Уникум.

– Очередь на щенков на три года вперед, – с гордостью продолжили справа, но тут же взгрустнули. – Правда, ни одного щенка еще не было.

– Почему? – Осторожно уточнила Ника.

– Нет достойного и храброго кавалера.

– Но это же собаки...

– А тупых и самоуверенных Брунгильда рвет сама. – жестко завершили тему.

– А вот Максим, он чем увлекается? – Нервно вцепилась Ника в нить беседы.

Отчего-то у нее было чувство, что нельзя допускать начала разговора со стороны сестер. Нечто недоброе виделось в их глазах – нечто такое, отчего мог спасти только Максим, если вернется. Но до этого еще требовалось дожить.

– Танки, поезда, мороженое, – выдали список слева.

– Совсем как ребенок, – фыркнула девушка.

Но что-то не нашла понимания в их взглядах. Наоборот – там было недоумение и легкое сомнение в ее рассудке. И Ника допустила главную ошибку – она замешкалась, упустив инициативу.

– Нам сказали, у вас с Максимом вышло некоторое недопонимание? – Скучным тоном уточнили справа.

– Его уже нет! – Голосом оптимиста отрапортовала Ника.

– Ну как же, вы ведь испытываете к нему чистую и незамутненную ненависть?

– Это, возможно, преувеличено, – подавила Ника очередную волну страха. – Но у меня есть к этому все основания. Я в праве ненавидеть.

В конце концов, у нее есть гордость!

– Перечислите эти основания, будьте добры, – вежливо и словно даже подбадривая попросили ее справа.

– Он лишил меня таланта. Он почти ввел в разорение наш род. Из-за него меня держали в тюрьме. Выкинули с практики. Из университета. Заблокировали счета. – Уже скрипела зубами Ника, вспомнив события этой

черной недели. – А я спасла этому гаду жизнь. За что?!

– Ника, вы не будете против, если мы разделим вашу жизнь до и после вашей встречи в Москве? – Деликатно поинтересовались слева. – Очень вас просим. Это нужно всем нам, чтобы понять степень вины Максима. Мы же родственники, мы же должны на него как-то повлиять, – просительно завершили юным голосом.

Словно и вправду – желая вернуть разум и честь брату.

– Давайте попробуем, – коротко кивнула Ника.

– Итак, вы спасли ему жизнь. А он сделал так, что с вашей семьей перестали вести дела, верно?

– Нас полностью игнорировали. Словно экономическая блокада, словно мы прокаженные! Вы не понимаете, каково это!

– Ника, – со скрытой яростью и предупреждением произнесли справа. – Мы пережили уничтожение нашего города и родного дома. Давайте не будем обсуждать, что мы можем понять, а что нет?

– Приношу извинения, – прикрыла Ника глаза, немного растерянно пытаясь представить – когда и кто мог тронуть это семейство.

– Вы забыли добавить, что вас стали считать вассальными кому-то определенному?

– Мы – свободный род! – Гордо подняла Еремеева подбородок. – Это невероятное оскорбление.

– И этому человеку вы спасли жизнь, – закачали головой сестренки.

– К сожалению, это так. – Выдохнула девушка.

– Вы жалеете сейчас об этом поступке? – Внимательно смотрели на нее две пары глаз.

– Н-нет, – все же призналась Ника. – Просто, мне обидно, понимаете? Я же не желала ему ничего плохого! Почему?!

– Не пробовали его спросить, почему?

– Кого? Тринадцатилетнего мальчишку?

– Вам же не мешает это обвинить его во всех бедах. – логично попеняли ей.

– Мы думали... – Облизала Ника губы. – Отец думал, что за ним кто-то есть. Он не хотел ни с кем это обсуждать. Отец сказал, что время вновь продемонстрирует нашу независимость и состоятельность, как свободного рода. И все вернется, как было.

– Но вы приходили к нам сами, по своей инициативе.

– Да... – Ответила Ника, не заметив странной осведомленности сестер.

– Увидели с другой, потеряли талант. Мы сочувствуем вашему несчастью. Но, давайте скажем честно, в этой любви и в ее падении не

было вины Максима?

– Но почему он так себя повел... – Тихо прошептала девушка, понуриив голову. – За что наказал наш род...

– Ника, а вы хорошо помните события на турнире? – Спросила Тоня. Кажется, справа все-таки была она.

– Да... Это было давно, но – да. Такое не забывается.

– Вы выступали в первый день?

– Верно. Нас поставили на четвертый, но потом я смогла договориться с Долгоруким Игорем... – Начала было Ника, однако вынуждена была признать иной вариант, в который поверила пять лет назад, но отказалась помнить после всех бед, ею пережитых. – Говорят, Максим попросил переставить нас на первый день.

– Как мне по секрету сказал один источник, – зашептала Катя. – Но это никому не надо говорить! Потому что приличные девочки не должны об этом знать!

– А? – Непонимающе повернулась к ней Ника.

– Всех, кто не выступал в первый день, быстренько прогоняли через судейскую коллегия, – смотрели на нее слишком взрослые глаза. – Никакого зала, никаких высокородных свидетелей. Как вы думаете, если кому-нибудь из чужих великих князей понравилась бы девочка-целитель из свободного рода, что было бы с ней дальше?

Ника поежилась от этого колючего взгляда. Ответ у нее был, и ответ ей не нравился.

– Я благодарна Максиму, – холодно ответила Еремеева. – Но прошу не строить домыслов относительно того, что могло произойти, но не произошло.

– Хорошо, – покладисто ответили ей. – Тогда давайте перейдем к трагедии на финише? Вы разумеется, знаете, на чьем вертолете прибыли преступники, которые взорвали плотину?

– На нашем, – ворохнулся холодный ком в животе у Ники. – Но расследование показало, что мы тут не при чем. наших людей из спасательной команды подло отравили и захватили вертолет.

– Моя милая девочка, – тихо вздохнула Катя, выговаривая как старшеклассница – первоклашке. – Столько разозленных князей... Убитые наследники... В таких делах всегда и все при чем. Особенно такой слабый род, как ваш.

– Нас оправдали! – Жестко стояла на своем Ника.

– Видите ли, Ника, – мягко сказали ей с другого края. – Так получилось, что кроме денег, команда-победительница получала весьма

солидный приз...

– Я помню, – кивнула она. – Какое это отношение...

– И весь этот выигрыш, – оборвали ее, мерно продолжая свой рассказ. – Команда отдала Максиму. Князя обещали построить для победителя гидростанцию и горно-обогажительный комбинат... Максим поменял их у князя Долгорукого на иные заводы и иные предприятия, если вам интересно... Но, помимо этого, было еще месторождение алюминия, ради которого и строились эти ГОК и ГЭС. Их со своей стороны предоставил цесаревич династии Рюриковичей, великий князь нашей Империи. Только Максиму уже не нужна была эта руда, раз он не сможет сам добывать алюминий. Однако и обмен тут тоже не уместен – потому что в нем был не заинтересован сам принц.... Тогда Максим отдал это месторождение владельцу обратно, с просьбой защитить маленький, но очень храбрый род...

Ника дернулась и не веря посмотрела на девочку.

– ...который не побоялся встать против довольно мерзкого рода князей Голицыных и угрожать им ножом. Который спас его жизнь. Принц принял его подарок.

– М-ма-максим от-дал..? – Вцепилась в чашку с чаем пальцами Ника и одним глотком ополовинила чашу.

– Ваш покровитель, столь высокий, что позволяет вашему роду существовать – не Максим, а цесаревич Сергей Дмитриевич, которого он попросил. Беда в том, что князя весьма мстительные личности, и от блокады вас уже не мог спасти никто. Они же не нарушали просьбу принца, когда просто не хотели с вами работать.... Но вы ведь, как доподлинно мне известно, не голодаете?

– Н-не голодаем...

– Вы живы и здоровы? Вы не гниете в канаве после визита убийц взбешенных князей, которым очень был нужен любой виновник? Вас не полосуют на ломти в пыточных Голицыных? Вы ведь счастливы, если прислушаться к себе?

– Наверное... – Пошла кругом голова у Ники.

– А что до свободы рода, – иронично посмотрели на нее. – Вам было достаточно сказать об этом Голицыным.

– Но нас бы убили...

– Зато все бы в империи точно знали, что эти трупы – свободный род! – С пафосом и с грустным весельем сказали ей...

– Н-но почему Максим сделал все остальное? Все, что было в Москве?! – Стараясь не потерять нить, пошла в атаку Ника.

– Понимаете, Максим никогда не обидел бы вас сам, равно как не дал никому в обиду, – очень серьезно сообщила ей Катя. – Он как-то признался, что не понимает, как за него можно отдать жизнь. Он считает таких людей если не святыми, то очень важными для себя. Например, Света, которая пожертвовала собой, его защищая, почитается им чуть ли не матерью....

– Матерью? – С недоверием посмотрела Ника. – Но мама – она же одна!

– У него два отца, четыре деда и как минимум три бабушки, – отмахнулись, как от пустяка. – Подумаешь – две мамы.

– А я? Я чем провинилась? Я ведь тоже спасла ему жизнь!

– Верно, – подтвердили ей, разглядывая как непонятный, но очень интересный образец букашки. – Но вы с такой тщательностью, с такой методичностью начали доказывать Максиму, как вы сожалеете о том, что его спасли, что он тоже стал терять эти трепетные чувства в ваш адрес. Или вы не заметили, как с каждым вашим словом, жизнь вокруг становится все хуже и хуже?

– Но он ведь мог сказать!

– А вы спрашивали, когда хотели взорвать подвал?

– Не взорвать! Просто эвакуация, утечка газа! Там датчики!

– Тем не менее, разве вы хотели говорить? Для первой беседы, Максиму пришлось сажать вас с собой за одну решетку.

Ника облокотилась на стол и уронила лицо на ладони. Что-то пошло не так. Все пошло не так. Весь ее мир, вся выстроенная картина событий – все скрипело по швам, стремясь рассыпаться. Все уже рассыпалось.

– Сколько жизней ты должна ему, Ника? – Спросил ее тихий и уставший голос. – А спасла ты ему только одну.

– Что же же мне теперь...? – Столь же тихо спросила девушка.

– Нам нет до этого никакого дела, – последовал без промедления холодный и отрезвляющий ответ.

– Н-но... – Удивилась Еремеева, подняв голову и посмотрев сначала направо, потом налево.

– И снова привет! – Ворвался в этот промежуток времени хлопок двери и довольный голос Максима.

От двери устало протопала Брунгильда, завалившись на свой коврик с видом «Устала! Сколько можно! Завтра повторим».

– Привет! – Замахали ему рукой сестры.

И Ника тоже что-то вяло пробормотала, суетливо выпрямляясь и поправляя сбившийся локон волос.

– А можно воды?

– Да, конечно, – вскинулась Ника, подавая закрытую литровую бутылку минералка.

– Спасибо, – с улыбкой принял воду Максим, щелкнул крышкой и присосался прямо из горла, пока в емкости не осталась половина. – Уф, хорошо...!

А затем юноша как-то странно качнулся, словно его повело. Он с нечитаемым выражением лица посмотрел на бутылку. А затем – с невероятной горечью и обидой – на Нику, после чего с неприятным звуком потерявшего всю волю и силы тела рухнул в обморок.

– Максим! – дернулась к нему Ника, выпрыгивая из-за стола и желая упасть рядом.

Но подле Максима уже гневно щерила пасть Брунгильда, глядя на Нику в невероятной ярости, и только руки сестер на ее ошейнике, каким-то образом опередивших Нику, отделяли миг нападения.

– Что с ним? – Беспомощно посмотрела на девчонок Ника, замерев в паре метров от тела.

– Ты его отравила, – холодно ответили ей.

– Но это же не я! – В полном раздрае чувств крикнула она.

– Верно. Это сделали мы. Но утром скажем, что это была ты.

– За что?!

– Максим слишком добрый, – холодно смотрели на нее глаза двух настоящих чудовищ. – Прощлая девушка его продала. Ты хочешь убить. За что ему это?

– Я н-не хочу! Я больше не хочу его убивать!

– Не бойся, Максим не станет тебя наказывать. Он просто забудет про тебя. Держись от него подальше.

– В-вы не посмеете! – Скорее, растерянно произнесла девушка.

– Уже посмели, – ответила Катя. – Ты ему не нужна. Ты глупая и приносишь ему боль. У тебя есть наличные?

– Е-есть. Я п-продала машину. Заберите все! – В отчаянии стала тормошить Ника кошелек, желая его открыть.

– Раз есть деньги, значит найдешь гостиницу и купишь с утра билет. А сейчас выметайся на улицу, пока я не спустила собаку.

Брунгильда грозно зарычала, исходя безумием от того, что ее любимому хозяину причинили боль.

– Дайте мне с ним объясниться, – тихо прошептала Ника.

– Твое время вышло, – повеяло недобрым, и, увы, необоримым от перстней на руках сестер. – Уходи сама.

И Ника подчинилась, деревянной походкой двигаясь к калитке.

Лязгнул засов за ее спиной.

– Мы вызвали тебе такси, – не было ни грамма сочувствия в этом голосе...

Хлопнула дверь, отрезая тепло семейного очага от холода второго часа ночи. Горели равнодушные звезды над головой. А в душе девушки был полный раздрай...

– Красавица, ты вызывала? – Сама не заметила она время, прошедшее, пока подкатило такси.

Надо было садиться и уезжать. Чтобы навсегда исчезнуть из жизни человека, которого она вчера ненавидела, клялась убить, и от которого желала сбежать. Но сейчас... Сейчас она не могла этого сделать.

Сжались в кулаки пальцы, а подбородок вновь гордо поднялся ввысь.

Ника села в машину, но только для того, чтобы попросить сделать полуоборот вокруг дома, выйдя к нему от соседней улицы.

– Будут уточнять, скажите, что довели меня до гостиницы в центре, – сунула она заработанные недавно пятьдесят рублей в руки шоферу.

– Легко, – пообещал он и довольный уехал в темноту конца улицы.

Она обязана поговорить с Максимом. Обязана сказать, что не травила его – хотя бы это! А для всего остального – она верила – найдутся слова!

Но для этого... Для нельзя ждать утра! Утром сестры скажут ему свою неправду, и он им поверит! Сейчас же – не очнется!!!

Значит, она должна выкрасть его из этого дома. Невозможно, казалось бы – не через двухметровый забор, не с такой огромной собакой, не хрупкой девушке, в конце концов!

Однако на груди все еще был артефактный пропуск в дом. А в крови – эхо опыта прапрадеда Фадея, некогда первым выкрадшего из высокого терема свою возлюбленную. Эхо опыта и знаний, смекалки и удачливости ночного промысла, многократно усиленного потомками.

Она справится.

Глава 23

У старых домов есть свои секреты – будь то золотая монета, уложенная некогда под первый кирпич фундамента, или гнилые стропила, стыдливо прячущиеся под ворохом тряпья на чердаке. От жутких до нелепых, от безобидных до зловещих – тайны копятся из года в год, заезжая вместе с постояльцами, множась от их страстей и страхов, и частенько переживая своих владельцев. Пройдут годы, и спрятанный некогда клад вызовет только слабое удивление по поводу выцветших купюр безвозвратно ушедшей эпохи, а каллиграфический почерк на пожелтевших страницах дневника не удостоится и малейшего внимания перед тем, как отправиться в мешок к остальному хламу, предназначенному на выброс. Не всякая тайна интересна потомкам.

Основательное строение в два этажа, окруженное яблоневым садом, тоже хранило свои секреты. Были они, к слову, тоже весьма разными. Например, за потертой половицей первого этажа на кухне, прикрытой массивным шкафом, скрывалась мышиная норка, в которой уже пять лет никто не обитал. Тем не менее, норка действующая, проходимая, в теплом, идеальном для проживания хвостатой братии месте. И кот, проживающий в этом доме, прекрасно о ней знает, но как опытный снайпер, старательно игнорирует лежку возможного противника – наоборот, он делает все возможное, чтобы непримиримый противник воспользовался именно ею. А там – раз, и декоративная панель в коридоре, что на другой стороне стены, внезапно окажется легко поддетой когтистой лапой...

А вот в подвале дома лежит длинная кость, присыпанная землей – и иногда отсвет луны, заглядывающий отражением сквозь вентиляционную отдушину, выбеливает ее до жутковатого контраста... И только горестное поскуливание Брунгильды, некогда еще щенком спрятавшей вкусную косточку в тайник, а теперь неспособную пробраться через отдушину к лакомству, сопровождает сокровенное.

Разумеется, имелись тайны и гораздо более масштабные – золото по сундукам, динамит в ящиках без маркировки, морской якорь, оббитый бархатом гроб, осиновый кол, туристический справочник Бухареста, недостроенный космический корабль, скелет мамонта, огромная пещера с табличкой «Метро станция Дом», резервный холодильник с мороженым и большая карта мира, выкрашенная в один цвет.

Но самым грандиозным секретом все равно являлся подземный ход,

соединяющий подвал дома через длинный и сухой тоннель с общеобразовательной школой. Ход, впрочем, как и остальные тайности дома, появился не так и давно – всего четыре года назад он был достроен официально и внесен на карты города под видом газовой магистрали высокого давления, которую ни один вменяемый строитель и лопатой не тронет.

Однако и у данной секретной постройки был один нюанс – а именно, ход, шедший под землей, выходил на поверхность еще и в одном месте в саду, над которым располагался домик на дереве, некогда прозванный штабом. И этот нюанс появился уже после того, как главные строители покинули объект.

С тех пор штаб куда сильнее походил на свое самоназвание – он основательно расширился по площади, обрел независимый свайный фундамент, экранированные стены и отдельный кабель интернета. Да и дерево, на котором был некогда основан домик, тоже подверглось немалой селекционной работе – неведомо каким образом была расширена крона, усилены и без того мощные ветви, поддерживающие строение, а плотность окружающего кустарника и иных деревьев, высаженных дополнительно, полностью скрывала сам факт существования постройки от постороннего взгляда.

Из старого интерьера, пожалуй, в штабе осталось только маленькое окошко над потолком – но сегодня, как и во многие другие ночи, оно было плотно прикрыто, не позволяя электрическому освещению выбраться на улицу. Те, кто бдели в штабе в этот темный час, совершенно не желали выдать себя случайным огоньком, пробившимся сквозь желтые листья.

– Не придет, – констатировала Тоня, напряженно щелкая указателем мышки по переключателю между камерами видеонаблюдения.

Три монитора перед ней отражали внешние подступы к территории сада, забирая солидное пространство вне частных владений, в том числе дорогу и пешеходные тропки. Изображение было окрашено в зеленоватые оттенки подсветки ночного наблюдения, но тем не менее оставалось достаточно четким и контрастным на всем обозримом пространстве.

Собственно, в переключениях между видами не было особого смысла – если кто-то бы пришел, система сама выдала бы картинку на главный, центральный экран. Интеллектуальная машина самостоятельно собирала информацию, реагируя на сигнализацию датчиков движения, объемных сенсоров, тепловых анализаторов и даже сейсмографа, сопровождающих визуальный ряд непрерывным потоком данных.

Никогда не знаешь, когда случайно остановившаяся вдалеке машина

или прошедший пешеход окажутся вовсе не случайными – поэтому умный компьютер тщательно запоминал лица, марки и номера машин, сравнивая и акцентируя внимание на подозрительной активности в ежедневных и еженедельных отчетах, шедших электронной почтой отцу семейства и тем, кто знал пароль на бумажке под клавиатурой.

Словом, у отдельно взятой девушки не было и шанса незамеченной прорваться на территорию.

– Придет-придет, – сосредоточенно прокликивала Катя свой набор видов с камер.

Ну, не придет, так хотя бы проявит нужную активность – для спора этого будет достаточно.

Перед Катей была аналогичная видеосистема, а само рабочее место находилось за спиной у сестры, возле противоположной стены.

В иных случаях, два комплекта по три монитора выступали идеальным тренажером для уроков пилотирования и отработки десантных операций – в общем, на них играли в самолеты и стрелялки братья, оттого и располагалась техника так, чтобы не подглядывали. Сейчас это ни капельки не мешало – разве что было сложно выражать позой решимость в собственном мнении, когда на тебя никто не смотрит.

Тоня была уверена, что очередная беда, об которую споткнулся их брат, уже давно спит в гостинице – тревожным ли сном, пьяным, али спокойным, ее не волновало. Способности людей игнорировать и забывать собственные ошибки ей были знакомы, оттого, выгоняя гостью из дома, она ничуть не переживала. Максим, по ее мнению, был слишком добр для жестких решений. Вернее, тот механизм, что высчитывал в его голове процент хорошего и плохого в человеке, определяя продолжать с ним отношения или вычеркнуть из своей жизни, порою давал слишком большой кредит тем, кто этого не заслуживал. Прошлая пассия забрала с собой кусочек сердца. Нынешняя нацелилась на душу – и гнать ее следовало до того, как когти вцепятся слишком глубоко, чтобы выдрать кусок посерьезнее. Еще никогда на ее памяти брат не слышался по телефону так тоскливо – искренне убежденным, что нет в нем ничего человеческого. Всего за несколько дней – и такой результат. В общем, скатертью, да подальше.

Ее сестра, Катя, верила в Максима чуть больше – вернее, в его способность не ошибаться в людях. Нику же никто всерьез не рассматривал – ее никто из сестер не знал, а та скудная информация, что была добыта, вырисовывала образ слишком правильный и благонравный для девушки, чуть не подорвавшей Физфак МГУ. Но раз брату было важно ее мнение, то

следовало дать ей шанс проявить себя. Вот они – ворота, высокий забор и целая ночь впереди, чтобы сделать любой шаг, зная, что произойдет утром. Куда интереснее, чем именно будет двигаться этот шаг: страхом за себя и возможной мести, страхом за семью и потерю покровительства цесаревича, страхом потерять фигуру для манипуляции и влияния. Интересное разнообразие – будет о чем писать годовой реферат за девятый класс. Был еще маленький, крошечный шанс... Но в искреннее раскаяние Катя не верила – социальный статус гостыи не предполагал таких чувств к тем, кто был несравнимо ниже по официальному рангу. А открывать глаза каждой – полная ерунда получится.

Вон, от Белевской пару дней назад представители приезжали. Мол, не желают ли они своему сыну и брату почетной службы... Кем – не уточняли, но явно подле сиятельной барышни, готовящейся принять фамилию Юсупова. Нет, внутри семьи, конечно, посмеялись после вежливого отказа, но осталось ощущение, что люди для аристократов – что-то вроде игрушек, от самых любимых из которых сложно отказаться. И так хочется владеть их жизнью и судьбой...

Так что гнать подальше, в самом деле. Там, где есть одна фатальная ошибка, в которой никто из Еремеевых не стал разбираться, обязательно последует и вторая. Но шанс непременно надо дать – просто ради Максима. Авось и взбалмошная дева сама совершит что-нибудь такое, что никакой лжи поутру не потребуется.

Сама же ситуация не вызывала у Кати азарта. Скорее, тоскливую грусть.

«Почему, когда вам всем страшно, все должен решать мой брат? И почему, когда он вас всех спасает, вы начинаете бояться уже его?!» – Сжалась ладонь на компьютерной мышке.

Но крик души так и остался внутри. Разве что спиной почувствовалось моральное согласие. Да и поздно уже для сильных эмоций – устали обе, и надо бы давно лечь спать. Все равно пока что получалось так, что никто не придет.

«Пустышка», – отчего-то пронеслась печальная мысль в голове ее сестры.

Будто внутри души она все же надеялась на иное. Наверное, это просто желание видеть в людях чуть больше, чем они на самом деле собой представляют.

– Тоня! – Вздрыгнул воздух от удивленного восклицания.

– Что?! – Подпрыгнула та на месте от неожиданности, и резко повернулась к сестре.

А затем поднялась с места и нависла над Катиным креслом, напряженно разглядывая подходы к дому на трех экранах. И даже с некоторым разочарованием не нашла ни малейшего движения на периферии.

– И где? – Отразилось в вопросе ее досада.

– Да на центральное смотри! – Лихорадочно ответила сестра, резким движением мышки обозначив контур нужной камеры.

А затем и указав пальцем в экран.

– Вот!

– Так нет же ничего! – Уже раздражённо отметила Тоня. – Ну дом наш, и что?

– Окно Максима! Оно открыто! – Уже с легким испугом произнесла Катя. – А я точно закрывала!

Не май месяц! Август! Ночью холодно!

– Не мог же он очнуться? – с опаской посмотрела на сестру младшая.

Брата, разумеется, никто не травил – но сонное зелье было составлено по всем правилам, смешано исходя из массы Максима и гарантировало как легкую потерю минуты-другой памяти, так и не совсем приятные постэффекты. Все для того, чтобы их версию поутру посчитали истинной – и, разумеется, порция не предполагала пробуждение посреди ночи!

Но не успели сестры сообразить, какими последствиями им это все грозит, как ситуация на экране обрела весьма... странный оборот. Настолько странный, что в помещении домика на дереве на несколько минут поселилась недоуменно-ошарашенная атмосфера, начисто отбившая у обитательниц способность внятно комментировать.

– Э-э-э.

Для начала, окно открылось полностью. Затем на левую часть рамы оперся плечом Максим – как был, в футболке и трусах. Затем оказалось, что это не он оперся, а его привалил туда некто в черном. После чего усадил на подоконник, перевесив левую ногу в окно на улицу. На ноге заботливо свисал теплый тапок.

– А-а-а... – Не глядя потянулась Катя к амулету общей тревоги.

Но ведь никакой тревоги не было! А системы безопасности итак в настороженном режиме!!! Что, если честно, смущало и добавляло робости в действиях.

Тем временем, на видеотрансляции аккуратно подхватили правую ногу, тоже обутую в тапок, согнули в колене, собрались перенести и...

– Максим! – Воскликнули обе сестры, подскочив.

И, кажется, что-то испуганно вскрикнуло на улице так, что долетело

даже до домика на дереве.

Потому что Максим с присущей беспамятному телу грациозностью грохнулся вниз со второго этажа, оставив в руках неизвестного злоумышленника тапок. Впрочем, злоумышленник почти тут же сдернул маску с головы, оказавшись Никой, с ужасом глядящей на предмет обуви и – перегнувшись через подоконник – вниз.

– Она это специально? – Сглотнула Катя, уже сжимая тревожный амулет в руках.

Всего одно нажатие – и...

Но тут Ника рыбкой нырнула со второго этажа следом за Максимом.

– Вот блин! – Метнулась к выходу Тоня. – Звони в скорую! Нет, я позвоню! – Запаниковала она.

– Спокойствие! – Удержала ее за плечо сестра, к тому времени успокоившаяся и отпустившая тревожный амулет. – Никакой скорой!

– С ума сошла?! Он же головой вниз!..

– Это ж Максим! – Встряхнула паникующую Тоню Катя. – У него на трусах пуговица от падения! Целый он! Спокойствие! Главное – не поддаваться панике!

– А если эта сумасшедшая его добьет?!

– Не добьет, у него там три пуговицы. – Успокоила ее старшая. – От падения, от нападения и третья.

– А что за третья? – Подуспокоилась Тоня.

– Тоже очень нужная, – емко завершила Катя. – А вот если мы вызовем скорую или папу разбудим, то Максим точно все узнает. А это – ремень, не меньше!!

Угроза была достаточно реальной и неожиданной, чтобы младшей побледнеть.

– Камера, камера, – защелкала Катя левой клавишей мыши, пытаясь отыскать видовую камеру на землю.

Нашла мигом. Обнаружила на серо-зеленой картинке Максима, тащащую его по земле за оставшийся на ноге тапок Брунгильду и Нику, выставившую ладони вперед, явно призывающую собаку отпустить пациента и идти своей дорогой.

– Э-это, вообще, что? – Недоуменно пробормотала Тоня.

«– Я врач!» – Донеслось с улицы искреннее и паникующее Никиным голосом.

– Она ж его к забору тащит, – изумленно отметила Катя направление движения собаки.

– В логово, – сглотнула Тоня.

Давняя мечта Брунгильды утащить хозяина в собственную нору, где вечно любить и не пускать на учебу, обретала реальность.

Незапланированную реальность! А если прибавить Нику в камуфляже – то и фирменный бардак, присущий всему, что касалось Максима!!! Но без его деятельного участия, что было еще жутче.

– Так, пойдем решать на месте. – Открыла Катя дверь, впуская холодный ночной ветер внутрь помещения и быстро слетая по лестнице вниз. – Если они схлестнутся, вторая пуговица долго не протянет!

– А третья?

– Постесняется! – Неразборчиво бросила сестра и рванула в сторону дома.

Тоня постаралась не отставать – благо, обувь они предусмотрительно переодели на кеды еще до похода по секретному ходу.

Бег через прохладу ночи, подсвеченную уличными фонарями и серпом луны, завершился столь же стремительно – возле угла, за поворотом которого скрывалась территория перед комнатой Максима. Выставленная рука Кати и тихое шикание, заставили Тоню остановиться и осторожно подойти и заглянуть через плечо сестры на то, что столь внимательно – и даже с некоторым удивлением на лице – ею наблюдалось.

– Все хорошо, с ним все хорошо, – сидя на траве подле Максима, тихо раскачивалась Ника, надежно обняв ошарашенную Брунгильду, до сих пор сжимающую белый меховой тапок в зубах.

Робкие попытки гигантской собаки вырваться тут же пресекались более крепкими объятиями и очередной порцией успокаивающих увещаний, а на вытянутой мордочке проступало то самое осторожное и опасливое выражение, которое как правило сопровождало успешные попытки детворы (бесстрашной и мнящей себя бессмертными) ее потискать. Обычно, пока рядом беспечные родители ощущали – каково это, когда сердечный приступ, Брунгильда старалась минимизировать обоюдный ущерб, найдя момент и ловко увильнув от внимания. Но тут это явно не работало.

Кусать же детей и тех, кто был с ними одного интеллектуального уровня, ей не позволяла честь.

– Будем спасать? – Шепнула Тоня, коснувшись плеча сестры.

– Кого? Максима или Брунгильду?

Брат, в общем-то, в защите не особо нуждался, сопев на подложенной под спину черной накидке, некогда бывшей частью маскировочного одеяния Ники. Да и ноги его тоже прикрывала какая-то тряпка неопределенно-черного цвета.

– Нас. – Робко уточнила Тоня, напомнив о возможных последствиях.

Тем временем Брунгильду оставили в покое (ценою изъятого тапка). Ника отпустила тут же отшатнувшуюся собаку и обратила внимание на пациента. Голова Максима была бережно уложена на коленки, а из его волос девушка принялась старательно убирать мелкие ветки и сухую траву, налипшую в момент соприкосновения с землей. Темных тряпок на ней уже не было, поэтому белоснежная ткань брюк девушки, бывшая под камуфляжем, равнодушно пачкалась землей и травой.

В процесс было сунулась Брунгильда – взволнованно подышать в лицо хозяину, но была тут же отодвинута небрежным жестом за морду в сторону. Что характерно – не возмутилась, а легла рядом, согревая правый бок Максима.

– Нам подменили собаку, – ошарашенно прокомментировала Катя.

Но потрясения на этом не закончились. Потому что Максим все равно проснулся.

– Привет, – донесся тихий голос, будничный и совершенно спокойный.

Будто не было вокруг улицы и ночной прохлады, не было падения и звезд над головами.

– Привет, – с легким смущением произнесла Ника, поправив левой рукой прическу.

Вернее, то, что от нее оставалось после маски и камуфляжа.

– Ты опять мне снишься. – Констатировал Максим.

– Ага, – даже обрадованно согласилась Ника.

– Только голова болит... – Поморщился парень, двинув легонько шеей и попытавшись приподнявшись на локтях. – Я, наверное, заболел?

– Совсем немного! Ты не вставай! – Бережно придержала его за плечи Ника.

– Но во сне ведь можно немного поболеть? – Успокоился отчего-то Максим и прекратил попытки подняться, откинувшись головой на колени девушки.

– Конечно!

– А ты будешь поить меня горячим молоком с медом? – Впервые на памяти сестер, слышались капризные нотки в голосе брата.

– Обещаю.

– Хороший сон. – Прикрыл глаза брат, а дыхание его вновь сменилось сонным, размеренным.

– Максим! – Тихо и чуть взволнованно шепнула Ника.

– Ау? – Откликнулся он еле слышно.

– Я тебя не травила!

– Знаю... Не твой почерк...
– Спасибо...
– Тем более завтра самолет, – пробурчал Максим, поворачиваясь на бок и обнимая рукой Брунгильду. – Не забудь...
– Завтра ничего не будет! – Пискнула Ника, но будить юношу не решилась.

Только поправила ткань, чтобы та прикрыла его обнаженную спину и растерянно оглянулась по сторонам. Потому что спать на земле – все равно неправильно.

– Что будем делать? – Слегка растерянно шепнула Катя сестре.
– Что-что... – Проворчала та.

А затем вышагнула из-за спины старшей и направилась в сторону Ники.

– Уже поздно, – остановилась она, стоило гостье ее заметить. – Давайте ложиться спать.

Голос Тони выражал тепло и расположение, раскрытые ладони были повернуты в сторону Ники.

– Я... – Подобрала Ника ноги под себя и воровато оглянулась в сторону забора.

– Поможете перенести Максима обратно в комнату? – Попросила Тоня. – Мы второй раз не унесем.

– А? Да, конечно, – спрятала взгляд Ника, оглянувшись на парня.

Тут же ворохнулась Брунгильда, понятливо подставляя шею так, чтобы опереть на себя руку Максима и его приподнять.

Молча вышла из-за угла дома Катя, тоже впрягаясь в старинную женскую забаву по перетаскиванию бесчувственного мужского тела обратно домой. С характерными вздохами и петляющими маневрами, это кое-как удалось – и даже о косяк двери головой не сильно стукнули. Только вот уложить его решили на первом этаже, на диване – потому что заносить на второй этаж уже не было никаких сил. В прошлый раз кое-как при помощи Машка справились – тот орал возле двери отца семейства, пока тот не проснулся и не помог уложить в постель задремавшего сына... Но сейчас вид всех четверых был слишком компрометирующий, да и папа не поймет второго захода...

Так что кота попросили помолчать, подкупив ночной порцией отварного мяса. Брунгильде, в свою очередь, тоже досталась доля лакомства.

– Ну, я пойду. – Потянулась к выходу Ника.
– Оставайся..

– Я лучше в гостиницу, – не согласилась она.

– Не надо в гостиницу. – Перехватила ее Тоня. – Тебе уже постелено в гостевой комнате. Да и одежду надо постирать.

Ника невольно посмотрела на зелено-коричневые разводы на некогда белоснежных брюках.

– Оставайся, оставайся! – Оказалась возле другой ее руки Катя. – У нас есть платья и костюмы твоего размера. Утром выберешь себе любой.

И тоже – добрым голосом, с нотками искреннего извинения.

– Мне тут неуютно, извините. – Коснулась Ника спиной двери и постаралась нащупать ручку двери.

Но тут из полумрака, созданного выключенным светом гостиной и полоской света из кухни, вышагнул огромный силуэт Брунгильды, молча ткнулся влажным носом в руку Ники, ухватил за поясok и без того пострадавшего костюма, и бережно, медленно потянул за собой внутрь дома.

– Бруня, пусти, – шикнула на нее Ника, но несколько шагов вынуждена была сделать, пока прижавшая уши собака не отпустила поясok и не легла прямо ей в ноги, тоскливо посмотрев то на нее, то – повернув морду – в сторону дивана, на котором дремал хозяин.

Тихое поскуливание тронуло сердце, а уходить стало не то, что неудобно – но отчего-то даже стыдно.

– Вы нас простите, Ника, – шепнули ей сестры, что так и стояли позади. – У вас просто никогда не было брата.

– У меня младшая сестра. – Эхом ответила она.

– Значит, вы нас поймете.

– Вряд ли. – Сжала ладони Ника, вспоминая пережитое.

– Когда-нибудь, вашей сестре могут сделать очень больно...

– Я этого не допущу!

– Мы тоже. – Послышалась нотка угрозы в ответе. – Ваша комната слева от лестницы. Спокойной ночи.

На этот раз ее никто не убеждал и не отговаривал – Катя с Тоней молча направились на второй этаж, предоставив Нике решать самой.

Остаться не хотелось. Но и уйти – означало оставить сестрам шанс рассказать Максиму свою правду, в которой она все еще останется главным злодеем.

Пока думала, с лестницы тихонько спустилась Тоня с объемным свертком одежды, запакованной в пленку – только оголовья вешалок видны.

– Одежда, – негромко произнесла она, не поднимая взгляд.

После чего направилась в сторону гостевой комнаты и сложила на

столик возле входа внутрь.

– Душевая внутри, – добавила Тоня. – Старую одежду можно сложить в белый бак рядом. Он волшебный, утром все будет чистым, но мятым. – Извиняющимся тоном завершила она.

И так же тихо вернулась на второй этаж.

– Сегодня я все еще хорошая, да? – вспомнив слова Максима, слегка растерянно спросила Ника у Брунгильды.

Та недоуменно повела мордой, приподнялась и в пару шагов улеглась на свое любимое место, тут же изобразив, что спит.

Ника же осталась одна в полумраке гостиной, прислушиваясь к тишине чужого дома – места, где все спокойно спали, и только она одна неведомо почему стояла возле дверей.

– Надо спать, – тихо шепнула она себе и направилась было к указанной ей комнате.

Затем замерла, обернувшись в сторону полосы света, все еще горевшего с кухни, и тихонечко прокралась внутрь. Небольшие манипуляции с хозяйским холодильником (под укоряющим взглядом кота) и микроволновкой, и вместе с ней в гостиную в сторону дивана прокрался вкусный аромат горячего молока с медом...

* * *

Голова на утро болела адски, еще раз напоминая о вреде переработок и ночных бдений посреди рабочей недели. Странно, что усталость догнала только в конце семидневки – да еще так плотно, что даже не помнил, как уснул на диване в гостиной. Ладно хоть домашние не стали будить, позволив подремать до девятого часа дня.

Разбудили меня, в общем-то, звуки чайных ложек по кружкам и приятный аромат завтрака, который никак не хотелось пропускать после сомнительной и малопорционной еды в столице и в самолете. Вот где-где Артем прав, так это в питании. Настроение от воспоминаний о друге (возможно, бывшем), слегка испортилось, но перспектива близкой и вкусной еды выправила душевное равновесие.

Метнувшись в свою комнату, приняв душ и переодевшись, в кухню я входил уже весьма бодрым и настроенным на очередной великий день.

– Всем привет! – Поприветствовал я сестер и Нику, с неестественной осанкой колдовавших вилками и ножами над своими крошечными порциями мяса с гарниром.

Будто на каком-то светском рауте, честное слово, где за каждым движением внимательно следят, готовые обсмеять промашку в пару градусов угла атаки вилки.

Заодно отметил на плечах Ники одно из платьев весенне-цветочной тематики, купленных некогда Тоней – из того их числа, которые «красивое!», «прям вау!», но ее размера нет, но владеть хочется, поэтому раз не ей, то никому. Такой одежды у сестер по персональному шкафу. Интересно, делиться одеждой – это у них хороший признак?

– Доброе утро, – вежливо ответили все трое, отложив для этого столовые приборы.

Что-то они в глаза друг другу не смотрят, подозрительно это все.

– У вас все в порядке? – Для порядка поинтересовался я, и тут же получил три пары уверений, что в полном.

– А у меня что-то голова болит, – признался я, потеряв затылок. – Будто со второго этажа вниз головой...

Ника закашлялась крошечным кусочком, до того подхваченным на краешек вилки.

– Будьте здоровы, – вежливо пожелал я ей, положил свою порцию мяса на хлеб, налил чая и отправился в гостиную – жевать под бдительным наблюдением Брунгильды и Машка.

Иным бы показалось, что во взгляде кота с собакой есть нотки попрошайничества и осуждения завтрака в одиночку. Но я тверд в своем убеждении, что они просто контролируют, хорошо ли я ем. Докладываю – хорошо. Вот и зрители с синхронным зевком отвернулись, потеряв интерес, стоило завершить трапезу.

– Максим, у калитки полиция! – Донесся тревожный голос Тони с кухни.

У них там окно рядом и видно лучше.

Я приподнялся с дивана и выглянул за дверь. Действительно – стоят двое, да еще собака в поводу. Странный визит, тем более, что наш дом на хорошем счету, а охранная княжеская калита надежно отбивает желание беспокоить попусту.

– Что-то случилось? – Пропустил я знакомого внешне участкового внутрь территории, предложив прогуляться до дома.

Второй вместе с собакой пусть подождет.

– Тысяча извинений, – снял тот фуражку и протер волосы под ней, после чего вернул головной убор обратно. – Но у соседей чехлы от дивана пропали.

Я недоуменно посмотрел на него. Да, жить без соседей невозможно,

так что дом окружали такие же владения – с солидными и спокойными жильцами. И, разумеется, изредка с ними случалось что-нибудь солидное и спокойное, но чтобы воровство...

– Черно-коричневые такие. Большие, – чуть замялся он. – Они их на веревку во двор вывесили, а утром раз – и нету.

– Мы-то тут причем? – Высказал я накопившееся недоумение, приоткрыв дверь в дом и замерев на пороге у входа.

– Просто, может видели чего, – стушевался представитель закона. – У нас район приличный, а тут такое.

– Бардак какой, – согласился я с ним.

– А еще собака поисковая на ваш участок поводок тянет, – совсем увел он взгляд в сторону.

– Ну, слушайте! – возмутился я в голос.

А затем посторонился, потому как на улицу изволила выйти Брунгильда во всем своем великолепии, лениво отодвинув участкового со своего пути корпусом.

– Может, просто через ваш участок воры прошли, – посторонился тот, опасливо поглядывая на прошедшую мимо собаку.

– Вряд ли, – усомнился я. – У нас система охраны, никто не пройдет. Да и собака, вон...

Словно уловив упоминание о себе, Брунгильда бухнула мощным гавком.

– Это да, – протер вновь пот участковый.

– Яков Степанович! – Донесся крик от калитки. – Барс новый след нашел! В стороне отсюда! Тянет – еле держу!

Мимо с невозмутимым видом вернулась в дом Брунгильда.

– Оу, тысяча извинений, – заторопился на выход служивый. – Извините за беспокойство. Хорошего дня!

– Да ничего, спокойной службы, – проводил я его на выход и закрыл калитку.

– Бардак какой-то, – с возмущением пояснил я девушкам, с любопытством собравшимся у входа. – Воры у соседей этой ночью были!

– Какой кошмар, – слитно согласились они и мигом ушуршали, будто не было.

И даже не спросили, что взяли. Подозрительно это все. Но да ладно – найдут, вон и след собака взяла... Странно, что след под девяносто градусов от нашего участка, но я как-то сторожевой выправкой не интересовался. Может, и нормально это.

– Ника, у нас самолет через час, – постучался я в гостевую комнату

часом позже.

Дверь почти тотчас распахнулась, демонстрируя слегка встревоженную девушку.

– Я тут подумала... А может, на поезде поедem? – Последовало странное предложение.

– Почти сутки в пути? – Усомнился я в эффективности данного решения.

– А мне в понедельник все равно уже никуда не надо! – Ответила она браво и легкомысленно, махнув рукой.

– Что, и даже за штурвалом посидеть не интересно? – Приподнял я бровь.

– Нет! Точно нет, – категорично мотнула она головой. – Тем более, я летать боюсь. Вот.

– Свои страхи надо побеждать! – Поднял я ввысь палец. – Да не могу я отменить борт просто так, – извиняющееся повел я плечами. – Это не так просто, там столько людей задействовано, честное слово.

– Но, может...

– Никак не получится. Может, на поезде в следующий раз?

– Л-ладно, – отчего-то пригорюнилась она.

И оставалась какой-то странно подавленной все то время, пока ее собирали в дорогу (от банок с компотом она стоически отказалась, но литровую емкость с медом отчего-то взяла). Даже в пути, в машине, на вопросы отвечала односложно и без особой охоты.

– Ничего не бойся, все будет хорошо, – мягко подбодрил ее я, выбираясь из машины возле аэропорта.

– Да, конечно, – кивнула она, пряча глаза за круглыми темными очками.

– Иногда кажется, что все очень плохо и страшно, – пошел я в сторону терминала. – Но проходит день, и все становится вновь замечательно.

– А можно, чтобы этот день прошел вчера? – Неожиданно откликнулась Ника.

– Иногда плохой может быть целая неделя, – не нашелся я с ответом, ответил скомкано и прибавил в шаг, чтобы не встретиться с ней взглядом.

Шел, стараясь не замечать слишком пустой терминал. Шел, игнорируя скопления людей в черных костюмах, старательно огибающих нас своим вниманием. Шел, стараясь не перейти на бег в этой тревожной, наполненной скрытым напряжением атмосфере.

– Что-то происходит? – Обхватила мою левую ладонь своей правой Ника, когда до выхода к автобусу на летном поле оставались последние

двери.

Эта скрытая тревожность оказалась доступна и ей.

– Всегда что-то происходит, – слегка сжал я ее руку, не отпуская. – Важно, готов ли к ты к этому или нет.

Я оттолкнул дверь от себя и уверенной походкой двинулся к автобусу. А когда до него оставалось с десятков метров, замедлил шаг.

Оглянулся – из терминала выходили люди в черных костюмах, замыкая пути отступления. В висках заломило от напряженного внимания холодных взглядов, словно наложенных поверх прицелов чего-то дальноточного. Оглянулся – никого, но ощущение никуда не делось...

И напоследок, стоило остаться трем метрам до цели, как из автобуса, нам навстречу, неторопливо вышел поджарый мужчина средних лет, в гимнастерке прошедшего столетия – светло-зеленой, с высоким воротом, прошитым алым кантом, и украшенный тускловатыми медными пуговицами. Полностью седой, с высокой гривой зачесанных набок волос, он держал руки заложенными за спину, выпрямленную в идеальной осанке. Хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска, отражали высокое солнце. И ощущение чудовищной мощи рядом – чужой, неприятной, продавливающей волю ненамеренно, но одним своим присутствием.

Я смотрел на него краем зрения, чуть повернув взгляд и стараясь не встречаться прямым взглядом. Потому что, во-первых, чревато. Во-вторых, смотреть на него прямо бесполезно – образ то плывет, размываясь нечеткой картинкой, то обретает строгие линии, словно реальность сходит с ума, пытаюсь воплотить это существо, собрать в единый образ всю ту силу, которой от него веет на физическом уровне, царапая обострившиеся чувства.

– Максим, это кто? – Тихо пискнула Ника, вцепившись до боли мне в руку и дрожа, как осиновый лист.

– Это Шуйский Александр Олегович, великий князь, – буднично ответил, успокаивающе пожимая ее ладошку. – Отец князя нынешнего и дед Артема.

Тот, о ком мы говорили, ощерился тонкой улыбкой и прикрыл на мгновение дикие, звериные глаза, от одного взгляда которых холодило чуть ниже солнечного сплетения.

– Итак, раз мы знакомы, – слышался негромкий, но очень низкий голос. – Вы, разумеется, окажете мне любезность и скажете, где мой внук?

– Я готов лично проводить, – постарался я улыбнуться, не обнажая зубы. – Самолет готов.

– Чудесно, – повернулся тут же он спиной и вернулся в автобус.

Мы молча последовали за ним.

Столь же немногословно доехали к ожидающему нас самолету, поднялись по трапу и расположились в салоне, пока командир корабля и изрядно нервничающая стюардесса проговаривали необходимые и ритуальные фразы перед полетом.

Великий князь предпочел первое кресло у выхода. Мы же расположились за семь рядов от его спины, ближе к крыльям – будто расстояние в самолете может что-то изменить.

– Максим, что происходит? – Маскируя вопрос за гулом двигателей взлетающего самолёта, нервно спросила Ника.

То, что происходило, откровенно пугало девушку. И далеко не безосновательно.

– Ты, возможно, знаешь ту небольшую тайну, которую скрывает семейство Шуйских? – Спросил я ее спокойным голосом, не стараясь как-то спрятаться за окружающим шумом или приблизить к ее ушку лицо.

– Не совсем понимаю...

– Род, некоторым образом, оборотни. – Уточнил я. – Медведи.

Впереди недовольно дернул плечом великий князь – глупо пытаться утаить голос от такого, как он. Шепчи или говори в полный голос – совершенно без разницы для лесного владыки.

– Понимаешь, – продолжил я, – со временем, зверь в их голове все равно побеждает людское начало. Тогда зверь с остатками человеческой личности уходит в лес, где обычно и погибает. Так правильнее для всех. Но до той поры, пока не придет смерть, у княжества все равно будет один владелец – самый мощный и самый сильный медведь в стае, глава рода. Одна территория, один владелец, понимаешь?

– Д-да, – чуть ошарашенно ответила Ника.

– Наша проблема в том, что в нынешнем поколении Шуйских родился Артем. Очень сильный, страшно сильный медведь. Потенциально гораздо сильнее, чем нынешний хозяин территории.

Князь Александр Олегович недовольно поворочался в своем кресле.

– Но у территории, красавица, как я и говорил, может быть только один хозяин, – наставительно произнес я. – Не может быть двух сильных медведей на одной земле. Кто-то должен уступить и отдать главенство. Поэтому Александр Олегович Шуйский так жаждет как можно быстрее встретить внука. Чтобы убить его до того, как тот войдет в полную силу.

Спереди хрустнула пластиковая накладка подлокотника.

– Н-но как же так....

– И ты бы знала, – произнес я одними губами, наклонившись к ее

лицу. – Каких трудов стоило выгнать его из чащобы и загнать в мой самолет.

– У-у тебя глаза... Светятся, – сглотнула Ника, опасливо отодвигаясь в сторону.

Я прикрыл глаза, не желая пугать девушку.

– В целом, ничего страшного, – буднично продолжил я. – Доставай ту ерунду, которую тебе выдал Борис Игнатьевич.

– Какую еще ерунду? – Изобразила она недоумение.

– Артефакт. – Терпеливо пояснил я. – Чтобы меня убить. Але, женщина, у нас двухсотлетний медведь на борту, а тут в кармашке только пластиковая вилка!

– Тихо ты! – Шикнула Ника, опасливо поглядывая на первый ряд.

Но князь пока не понимал грозящей ему опасности.

– Давай артефакт. Я верну, честно. – Протянул я ладонь.

– Я не взяла, – отвела она взгляд.

– Что значит, не взяла? – Возмутился я. – Ты его забыла, что ли?

– Я его вообще не взяла! То есть, взяла, но выкинула в урну.

Я ошарашенно посмотрел на девушку.

– Что-что ты сделала? – Уточнил я.

– Выкинула. В мусорную корзину. – Отвернулась она к окошку.

– Артефакт за три миллиарда?

– Сколько?! – Пискнула она, повернувшись.

– А-чу-меть, – уронил я лицо в ладони. – То есть, ты всю неделю страдала зря?!

– Чего?!!

– Молодежь, вы не могли бы потише, – рыкнул ироничный голос.

Должно быть, забавно слушать планы по собственному убийству... Особенно, когда оружие, как оказалось, выкинули.

– Три миллиарда, женщина! – Прошипел я возмущенно. – В урну!

– Я не хотела тебя им убивать, – поджала она губы.

– И где ты его выкинула?

– Возле ка... Где надо, там и выкинула.

– Ты когда-нибудь меня убьешь, – покачал я головой.

– Ну уж извини, что не убила раньше, – язвительно прошипела она.

– В общем, как знал. – Махнул я рукой. – Нельзя вам, женщинам, верить. Даже в деле собственного убийства! А я так старался! Даже Борис Игнатьевич поверил!

Ника обиженно насупилась.

– Ладно, будем по первоначальному варианту, – вздохнул я.

Девушка настороженно покосилась.

На лице же моем проступала улыбка – будем верить, достаточно безумная и безбашенная, как и весь план длиною в три года.

Хотелось, конечно, как проще, но...

– Максим? – Осторожно уточнила Ника. – Максим, у тебя опять глаза светятся...

– Ощущение твердой поверхности под ногами дарит чувство ложной безопасности, – произнес я ей доверительно, поднимаясь с места.

А небо за иллюминаторами начало покрываться черным покровом туч – вестником близкой грозы.

– Никто не знает, как далеко и больно придется падать. Даже двухсотлетние князя.

Глава 24

В конце пути всегда есть место самым главным словам и искренним эмоциям. Еще немного, и все равно не останется свидетелей, слухов, пересудов и чужого мнения. Время скомкается до размера технического термина, которым назовут крушение самолета, и никто не станет разворачивать полотно событий, чтобы разобраться в чужих страхах и страстях.

– Максим, я не хочу умирать, – просительно посмотрела Ника снизу вверх.

Разве можно винить за это честное и простое желание.

– Не беспокойся, – ободрил я ее улыбкой. – Все будет хорошо.

– Мы не разобьемся? – Был полон надежды этот взгляд.

– Обязательно разобьемся, – встал я в проходе, краем глаза наблюдая, как медленно поднимается со своего места старый князь Шуйский. – Но у тебя еще есть шанс послужить императору.

– Но я не хочу!

– Тогда вот тебе пуговица, – оторвал я вторую по счету сверху от рубашки и протянул ей. – Проглоти.

Ника посмотрела на пластиковый кругляш в моей руке с опасливым благоговением, но все же приняла ее в руки, и, прикрыв глаза, переместила внутрь себя.

– Считается, что она приносит удачу, – пояснил я ей.

Взгляд девушки изменился на недоуменно-растерянный.

– А она не волшебная?

– А я разве сказал, что она волшебная? – недоуменно взглянул на нее.

Иногда она такая наивная...

– Ты охренел?!

Вот, уже и бояться раздумала.

– Отнюдь! – И сделал шагок в сторону замершего за семь рядов от нас князя.

Тот задумчиво склонил голову, сложив руки за спиной, словно к чему-то прислушиваясь.

– Стой на месте, покойник! – Зашипела Ника позади.

– Прости, но меня ждет очень злой медведь.

– Ой, – опомнившись, пискнула она и вжалась в кресло.

– С твоей стороны будет очень любезно обеспечить целостность

самолета, пока мы разговариваем. – Уделил я ей еще одно мгновение.

– Н-но, я не смогу...

– Тогда просто никуда не уходи. – Хлопнул я ладонью по подголовнику рядом с собой и спокойно двинулся к неизбежному.

Неизбежное не торопилось навстречу. Неизбежное вообще чувствовало себя абсолютно спокойно, как полагается почти бессмертному существу в его второй ипостаси. Даже артефакт, стоимостью которого умудрились поднять капитализацию подмосковной свалки до уровня золотиносного прииска, не смог бы причинить ему фатальный ущерб. Но дело не в том, чтобы убить.

– Я узнаю эту Силу, – с толикой брезгливого удивления поведал старый князь, вслушиваясь в раскаты близкой грозы.

– Тогда подчинись, – доброжелательно подсказал я решение, сокращая расстояние между нами.

Шуйский фыркнул, неторопливо убрав руки из-за спины и повел плечами. Сила Крови легко отозвалась на его призыв, стегнув по свидетелям своего появления ощущением древнего ужаса, всплывшего в ложной памяти, и кислым привкусом железа во рту, словно от крови. Под громкий шелест осенней листвы, которой неоткуда тут было взяться, реальность вокруг князя исказилось, расчертившись десятком ложных теней, пытающихся соткаться в силуэт огромного зверя. Настолько огромного, что он никак не мог проявиться целиком в узком, замкнутом пространстве самолета..

– Не влезает, да? – Посочувствовал я в то мгновение, пока недоумение на лице Шуйского сменялось злостью.

А в следующую секунду обшивку самолета разорвала первая молния, перетянув ослепительно-ярким хлыстом через его тело. И еще одна, снова, ослепляющим и оглушающим разрядом, догоняя и стегая убегающий и дрожащий от страха самолет. Молнии били рваными рывками, раздирая обшивку и позволяя азартно завывать потоку ветра, ворвавшемуся в салон на ее спине. Из отсеков над пассажирскими сидениями выпали маски, принявшись раскачиваться, словно обреченные сектанты посреди безумного ритуала, сотканного из грохота и света.

Бликие вспышки впечатывались в радужку глаз черными полосами, которыми будто бы была перевита фигура князя в истерзанной, пережжённой одежде. Но сам Шуйский все еще стоял на ногах, вперившись в меня безумно-ненавидящим взглядом. На краях его пальцев пытались сформироваться ядовито-зеленые капли, но очередной удар атмосферного электричества ломал технику, пережигая потоки чужой

Силы.

– Подчинись! – Перекричал я близкий раскат.

– Никогда, – прочитал я по губам в ответ.

– Я держу! – Отчего-то донесся через рокот схватки паникующий Никин голос.

Я недоуменно оглянулся, чтобы через пару-тройку секунд, пока мельтешение вспышек в глазах исчезло, с удивлением цокнуть. Нет, деструктивные способности этой барышни были известны и ранее, но увиденное на какое-то мгновение выбило из себя.

Через три ряда кресел позади, прежней обстановки салона просто не существовало – был виден только настил пола и ребра жесткости на стенах и потолке, составлявшие хребет самолета. Да и те словно погрызенные, закрытые подвижной взвесью песка и пыли, наполнявшей хвостовую часть целиком, в самом плотном месте которой скорее угадывался, чем был виден силуэт девушки.

А все, что пока уцелело далеко позади нее и рядом со мной прямо на глазах обращалось в прах – словно не настоящее, сделанное из песка и ныне рассыпающееся под порывом ветра. В пыль и песок обращались кресла, электроника подголовников, пластик стен и потолка, вытягиваясь подвижными лентами в сторону Ники, закручиваясь коконом вокруг нее – и уже оттуда растекались приливными волнами в сторону прорех и пустот, выжженных молнией, собирая обреченный борт в единое целое и позволяя нестись ему сквозь небо дальше.

Все вокруг служило песку пищей, и не было ничего способного ему воспротивиться.

И тут же через изумление прорвалась иная яркая эмоция. Что она творит! Там же...!

– Мед! – Взволнованно прокричал я, выразив вслух главное свое опасение.

– Цел! – Отозвались из эпицентра песочной бури.

– Тогда нормально, – успокоился я и вернулся к собственному противостоянию.

Патовому противостоянию – что с досадой пришлось отметить. Потому что князь все еще стоял под кнутах молний, и в глазах его по-прежнему было больше ярости, чем боли и обреченности.

Опаленный, в обрывках пережжённого сюртука и брюк, он просто ждал той секунды, когда сможет свернуть мне голову, даже не сомневаясь, что такой миг наступит. И эта упрямая уверенность тратила мое время...

Я шагнул ближе, чувствуя дрожь наэлектризованного воздуха и

стараясь не дышать запахом пережжённой плоти. А когда до князя оставалось не более шага, вытянул руку в его сторону и сжал его шею – горячую, жесткую, сведенную судорогой непрерывных разрядов.

– Подчинись, – посоветовал я в неожиданной тишине.

Потому что в единый миг перестали бить молнии, а завывания проникающего в салон ветра были побеждены упрямым песком, закрывшим прорехи.

– Никогда, – почувствовалось движение мышц горла под моей ладонью.

И тело князя вновь сотряслось от разряда – на этот раз не с неба, а исходящего через меня. Но от того – еще более разрушительного и болезненного.

– Подчинись своему внуку, – терпеливо повторил ему, отпуская в ожидании ответа силу.

И в безумной ярости, через боль и сотрясающую его злобу отчего-то прорвалось удивление.

– Внуку? – Повторил Шуйский с растерянностью.

– Артему, – подтвердил я кивком.

– Не тебе? – Облизнул князь почерневшие губы.

– Зачем ты мне нужен? – С легким удивлением отозвался я.

– Я?! – Дернулся он было гневно, но тут же сотрясся в судороге от пронзившего его разряда.

– Ты мне не нужен, – повторил я холодно. – Ты нужен своему внуку живым. Поэтому подчинись ему. Дай слово.

– Чтобы он меня убил? – Захрипел он, скаля зубы.

– Артем мудрее тебя. Он не станет этого делать.

– Ложь! Ложь! – Хлынуло безумие к его глазам.

Чтобы тут же пропасть под ударом боли и моей силы.

– Х-хватит, – дрогнул он телом, впервые пошатнувшись.

– Артем тебя любит, чудовище лесное. – С досадой произнес я. – Стал бы я тебя иначе уговаривать. Выпнул бы из самолета, и маши себе лапами, – убрал я руку от него, позволяя ослабевшему телу противника сползти на пол.

Шуйский оперся рукой о ближайшее кресло, но на колени так и не упал, удерживая себя о застонавший от таких нагрузок подголовник.

– Подчинись своему внуку. – С напором произнес я, глядя ему в глаза. – Подчинись или умри. – Потерял я терпение.

И гроза за бортом отозвалась раскатами десятков мелькнувших за бортом молний.

– Я согласен. – Опали плечи князя, а сам он отвел взгляд.
– Поклянись честью, – буднично обратился я к основе их силы.
– Я клянусь честью в верности своему внуку, Артему Шуйскому, и обязуюсь подчиняться, – в этом голосе была усталость и толика недоумения, непонимания.

Будто у последнего выжившего пирата, перерезавшего поделщиков перед сундуком мертвеца. А в сундуке том – ничего... За что он боролся? За выживание – за то, что и без того ему было обеспечено. За процветание рода – что тоже куда лучше обеспечит внук, чем он сам. А раз так, то зачем он хотел сделать то, что сделал. Зачем была эта борьба?

Но в нашем случае, хорошо, что это понимание пришло до того, как пришлось хоронить друзей и близких.

– Вот и ладно, – с усталостью подытожил я.
– Зачем тебе это? – Произнес Шуйский слабо, глядя на настил пола и левым боком навалившись на кресло.
– Он мой друг. – Мельком глянул я на часы.

Все в порядке, падать будем в правильный квадрат. Пилоты и персонал уже давно катапультировались, борт тянет вперед автопилот, но долго он этого делать не сможет. Из окошка видно, как коптят оба двигателя – близкое присутствие разрядов не осталось для них без последствий, несмотря на всю надежность.

– Мы же все равно упадем... – Словно прочитал мои мысли князь.
– Мягко упадем, вы выживете, – успокоил я его.
– Ты готов умереть ради... Дружбы? – Пробилося в его голосе удивление, а лицо поднялось вверх.
– Ради нее умрут все остальные, – заверил я его, поворачиваясь рассмотреть, как там Ника и мой мед.

Еще одна веха плана завершалась.

Наверное, это логичное понимание, а может и усталость, меня и подвели. Удар, последовавший снизу, от согбенной фигуры князя, прятавшего свою левую руку под животом, пришелся в бок, и вызвал поначалу удивление.

Потом рассыпались все нижние пуговицы на рубашке. Все, со скрытыми артефактами на защиту. Не выдержав силы атаки – в прах. Потом треснули амулеты в подошве ботинок... Вшитые под ткань брюк – окатили холодным крошевом кожу... Все до единого.

– Подвиг стоит смерти, – прорвалось безумие со дна глаз смотревшего на меня в упор князя, а рука его дернулась вперед, вонзаясь ледяным холодом в грудь меня, словно клинком.

Я посмотрел вниз – пятью клинками пальцев, каждый из которых был окутан ядовито-зеленым, гибельным светом.

Какое неприятное ощущение в животе. Вроде, холод обезболивает, но эта резь, что ползет вслед за холодом... Интересно.

– Нет!! – Оборвал паузу дикий крик Ники.

И песок от прорех и бортов единым порывом метнулся к старому князя, ударом отбрасывая его в сторону, впечатав в близкую стену летной кабины.

Я продолжал смотреть на рубашку поверх живота, по которой лениво расплывалось красно-зеленое пятно. Коснулся правой ладонью и поднес к лицу. Зря, наверное, я это сделал – потому что от капель зеленоватой крови теперь растекались по всей руке ядовито-зеленые капилляры, делая контрастными мелкие сосуды и вены.

– Нет!!!

И ленты серо-желтой взвеси вонзились в глаза и нос пытающегося подняться Шуйского.

Дикий крик раненного зверя перекричал рев двигателей и завывание воздуха, вновь прорвавшегося в салон, пока очередной поток песка не перекрыл ему возможность дышать.

– Ника, не надо! – Дернулся я и завалился от резкой боли на край ближайшего кресла. – Отпусти, не трогай! Он должен жить, пожалуйста.

С удивлением отмечая, как вместе с просьбой и дыханием вырываются капельки крови, а каждое новое слово слышится тише.

– По-почему? – Раздался недоуменный вопрос.

Я посмотрел на князя, от боли и невозможности дышать бьющегося в судорогах и раздирающего ногтями настил пола.

– Артем меня не простит, – просительно произнес я. – Пожалуйста.

И взбесившийся песок перестал терзать старого и глупого Шуйского.

– Максим, – прозвучал безжизненно ее голос. – Ты умираешь. А я больше не могу держать самолет.

Тон был спокойным и констатирующим.

– Тогда иди сюда, – махнул я рукой, и все-таки завалился спиной на пол из-за сильной, агонизирующей дрожи корпуса самолета.

Ну хоть не до конца упал – вышло, что вроде сию... Хотя, если б не часть кресла, то улегся бы всем телом. Нет сил – этот холод внизу будто съел их все, оставив совсем немного, чтобы говорить и удивляться собственной небрежности.

– Я тут, – присела Ника тихо рядом, приобнимая за плечо.

Посмотрел на нее, глядя на переживающее за меня милое лицо. И все

это – на фоне огромных прорех, за которыми видно расходящееся в стороны грозовые тучи... Вон, даже синева проглядывает – совсем скоро, и будет солнечно.

– У тебя же есть план? – Строго спросила она, до боли сжав мне плечо.

– Подтащи сюда этого старого дурака, – попросил я ее слабеющим голосом.

К счастью, Ника не стала спорить, и за правую ногу подтянула князя Шуйского к нам поближе.

Самолет уже откровенно мотало, раскачивая из стороны в сторону, а авиационный металл стонал протяжной нотой, предупреждая о скорой гибели.

– А теперь попробуй почувствовать ту пуговицу внутри себя.

– Ты охренел?! – Больно стукнула она меня по плечу.

– После чего напитаи силой, – обессиленно продолжил я.

– Так оно же не волшебное, – недоуменно произнесла Ника.

– Кто тебе сказал? – Подмигнул я ей через силу.

– Ты! – Задышала она гневно.

– Я такого не говорил... – Закашлялся я, сгибаясь.

Холод охватил гибельным онемением уже обе ноги и поднимался к правой руке. Досадно.

– Просто делай.

– Уже делаю, – запыхтела она возмущенно, но тут же примолкла.

Хотя в этом реве ветра, сотрясающем и разрушающем самолет...

– Держи меня за руку.

– Держу.

– И старика за ногу. Пожалуйста...

– Ладно...

Миг, когда у нее получилось, остался за плотно закрытыми глазами. Тело дернуло куда-то вверх, и в ту же секунду обрезало все звуки, до того гремевшие в ушах.

С трудом открыл глаза, но кроме обивки кресла, в которую было уперто лицо, ничего так и не увидел. Но наверняка знал, что часть самолета, Ника, князь и я сейчас внутри сетчатой конструкции, вырвавшей участок салона с нами внутри и медленно опускающей всех нас на землю. Получилось.

– Что под нами? – Не узнал я свой голос в безжизненном хрипе.

– Лес. Нет, парк! – Произнесла Ника через десяток секунд. – Пруд! Поляны! Мы падаем! Только бы не на верхушки деревьев!

– Хорошо. – Вновь закрыл я глаза.

Хотел повести правым плечом, но ощутил, что уже его не чувствую. Холод поднялся уже к шее, царапая холодком гортань.

– Максим, ты как? Максим?! – Осторожно потрясли меня, поворачивая к себе.

– У вас все будет хорошо, – заверил я ее, открыв очи и строго посмотрел в ее. – Я все запланировал. У Артема. У тебя. У Федора и семьи.

– А у тебя?!

– Ошибки планирования, – с неохотой подытожил я итог своей жизни и закрыл глаза.

Неведомо сколько времени прошло, и было ли время в этом месте, но надо отметить, что ощущение расплава, планомерно вливающегося в вены, бодрит. Такое бывает, когда лихо опрокидываешь кружку с водой, а та оказывается с крутым кипятком – и в то краткое мгновение между осознанием своей ошибки и воплем, он прокатывается вниз, ошарашивая организм яркой волной, пробуждая все резервы и усиливая желание жить.

Только сейчас горел не пищевод, а все тело: от болезненного покалывания в кончиках пальцев до раскаленного столба, в который превратилась спина, выгибаясь вверх и поднимая лежащее на ней тело. А вот кричать не получалось – вместо этого выходил тихий стон пересохшего горла.

Кое-как продрав глаза, я поднял веки. В первый миг показалось, что в зените надо мной – палящее солнце, прожигающее меня насквозь. Но после неудачной попытки пошевелиться, выступили странные детали, которые никак не могли принадлежать обычному светилу в небесах. На самой периферии зрения – там, где яркий свет слегка приглушался и давал синему небу шанс отвоевать немного пространства от окружающей белизны, плыла в сиянии, закручиваясь по часовой стрелке, золотистая пыльца. Словно тополиный пух, разлетающийся в небе по весне, она то поднималась ввысь, то медленно кружила по спирали к моему телу. И в местах, где касалась кожи, чувствовалось легкое, но уже приятное жжение. Обжигающий жар отступал, сменившись приятным горячеватым теплом...

Сложнее всего в этом ярком свете было заметить силуэт лица. Он был прямо в центре сияния, но не прятал от него в своей тени, а словно бы даже усиливал – смотреть было обжигающе больно. Но когда я все же всмотрелся в него и узнал, то – приятно.

– Ты опять мне снишься.

– Все, – устало отвалилась Ника в сторону.

А направленный на меня жар в тот же миг разлетелся пылью, которую подхватил порыв ветра, унося в сторону.

– Что значит «все»? – Возмутился я. – В прошлый раз молоком с медом поили!

– Молока нет, – односложно и устало ответили мне откуда-то справа, словно от травы. – Мед есть. Хочешь?

– Потом, – прислушался я к себе и вынес вердикт.

Без молока не так интересно.

Попробовал пошевелиться и понял, что в этот раз получается – не так легко, как обычно по утру, но это ведь сон, и тут все такое неспешное и протяжное.

Только что в моем сне делает огромная туша медведя, безжизненно распластанная в десятке шагов слева и основательно пахивающая паленой шкурой?

Недоуменно повернулся в другую сторону, чтобы увидеть Нику, устало лежащую на боку, положив локоть под голову, в испачканном, прорванном в паре мест платье. Чуть в стороне от нее лежала сумка с гостинцами из дома, в которой просматривалась и банка меда, и все остальное – прямоугольное, плоское, разное, что было положено нам в путь-дорогу. А еще дальше на поляне валялся кусок самолета с аж двумя целыми креслами.

– Ты что, опять спасла мне жизнь? – Сопоставив увиденное и признав реальным, спросил я ошеломленно.

– Ага, – буркнула Ника, не открывая глаз.

– У тебя же талант не работает.

– Сейчас встану и стукну, – лениво пробормотала она тем тоном, что гарантировал – не встанет и не стукнет.

Во дела... И что теперь с ней делать, как награждать? Как должно выглядеть «что угодно» с двойным коэффициентом?

– Значит, починился, – довольно откинулся я на спину.

Рядом почувствовалось дуновение воздуха, и свет солнца (которое, кстати, оказалось вообще с другой стороны, чем мне привиделось в самом начале) закрыло тенью.

Приоткрыл глаза, увидел Нику, гневно стоящую надо мной, уперев руки в бока.

– Если ты сейчас скажешь, что и это запланировал, я тебя!..

– Планировал умирать? – Недоуменно поднял я бровь.

– Ну, ладно, – смутившись, отступила она было на пару шагов. – Хотя стоп! Ты мне тут не увиливай! А ну прямым текстом, ты планировал это или нет?!

– Не в таком виде, но эта ветка присутствовала, – почувствовал я себя

неуютно, но все же неохотно выдал правду.

– Ах ве-етка, – ангельским тоном пропела она. – А это ты планировал?! – Взъярилась Ника и попыталась пинать лежащего.

Лежащий включил щиты.

– Ай! – Подскочила она на здоровой ноге, оберегая вторую, отбитую. – А ну убери защиту, трус!

– Не порть отличную работу хорошего человека!

– Какую еще работу?!

– Твою, – примирительно улыбнулся я, попытавшись шевельнуться и болезненно скривившись.

Фантомные боли все еще ходили по телу.

Ника фыркнула, но повторять попытку не стала. Вместо этого злой и пружинящей походкой отправилась в сторону медвежьей туши – видимо, скидывать всю накопившуюся ярость на него.

– А ну не трожь! Это редкий вид!.. Ника!.. Да у него от шерсти танковый выстрел отлетает!

В итоге новой травмы ноги не состоялась, а Ника с ворчанием вернулась обратно, и изображая обиду уселась спиной ко мне не доходя несколько шагов.

– Извини, – почувствовал я себя неловко.

– Не составляй больше планов со мной, ладно? – Глухо произнесла она.

– Вы все должны быть счастливы, хотите вы этого или нет. – Не согласился я.

– Я хочу сама решать, как мне быть счастливой.

– Но у тебя же не получалось, – возразил я.

– Лучший хирург на курсе. Ресторан в хорошем месте. У папы дела наладились.

– Но ведь таланта не было?... – Спросил я в тишину, и не дождавшись ответа, констатировал. – А теперь – есть. Сейчас в университете восстановят. В больнице на руках станут носить, лишь бы там была. Государственные органы пылинки стряхивать будут, только бы целитель твоей силы в Москве и дальше жил. Папе руку станут важные люди пожимать.

– С чего бы это? – Покосилась она.

– А вон, видишь, туша на траве лежит. – Махнул я рукой, не поднимаясь.

– Ну и?

– Это князь. Природный. Один из сильнейших. А ты его почти убила.

– Не я, – тут же чуть нервно отказалась Ника. – Это твоя победа!

– Какая разница? Последний, решающий удар ведь твой. – Буднично произнес я. – И вовсе не надо бояться. Понимаешь, это ведь как в спорте. Пробежал дистанцию за определенное время – вот тебе высший разряд, доступ на состязания мирового уровня, внимание и уважение других спортсменов и простых людей. Твой нынешний разряд – завалить двухсотлетнего князя. Княжеский разряд.

– Да ну, – произнесла девушка с опаской, будто достижение скорее пугало ее, чем радовало.

– Враги Шуйских будут уважать тебя за это. Друзья Шуйских будут уважать за то, что оставила князя в живых, – тут же постарался я успокоить нервно вздрогнувшую Нику. – Сам князь тоже не посмеет тронуть ту, что была в праве убить, но проявила милосердие.

– Слишком красиво, – шепнула Ника тихо и подавленно. – Никогда так не бывает.

– Со мной – бывает. Поэтому верь мне, и все у тебя будет хорошо.

– Все же, дай мне право ошибаться, – с силой сжала она колени руками. – И право самой принимать правильные решения! Пожалуйста.

– Пусть так, – прикрыл я глаза, соглашаясь.

Сложно отказать той, что спасла жизнь. Скорее, невозможно.

Я слегка вздрогнул, когда ожил сотовый телефон в кармане. Надо же – уцелел, и сейчас своими переливами напоминал о близости цивилизации.

– Але? – Поднял я трубку, а затем на последовавший вопрос оглядел полянку с полудохлым медведем и обломками самолета. – Нет-нет, все в порядке, я могу разговаривать.

– Максим! Это катастрофа! – Прошипел яростным шепотом в трубку Игорь Долгорукий. – Мне сватают Марию Ховрину!

Это, вроде как, дочка казначея империи – сопоставил я фамилии. Про него-то я более-менее знаю, а вот с семьей его не знаком совершенно.

– погоди секунду, – попросил я и прикрыл ладонью микрофон. – Ника, нужна консультация. Мария Ховрина, знаешь такую?

Девушка хотела было проигнорировать просьбу, дернув плечом, но от прозвучавшего имени отчего-то оживилась и повернулась ко мне, глядя скорее недовольно.

– К Долгорукому Игорю сватают. Интересует характер.

В глазах Ники появилось понимание важности момента и, отчего-то, облегчение. Она поднялась на ноги и на секунду задумалась, прижав ладонь к правой щеке.

Но вместо ответа, изобразила нехитрую пантомиму: вот идет

беззаботная девочка, размахивая корзинкой в руках; вот выходит ей навстречу жуткий серый волк, подняв лапы и жутко рыча; вот девочка с улыбкой продолжает идти дальше, любуясь так забавно клацающей волчьей челюстью в левой руке.

Мол, смотри какая жуткая особа, эта Мария Ховрина! И это при том, что у самой гигантский медведь за спиной валяется.

– Короче, пойдет, – подытожил я все увиденное.

– Максим, что пойдет?! – Взволнованно прошипел в трубку Игорь.

– Короче, даю вводную: свадебный торт будет весить ровно столько, сколько твоя Мария Ховрина без одежды. Спрашивать – нельзя! Срок для получения сведений – три дня.

– Максим, ты с ума сошел?! – Взвился голос до небес.

– Игорь, это сорок пять – пятьдесят килограмм торта! А если немного подкормить, то все пятьдесят семь!

– М-мда? – Послышалась задумчивость в его голосе.

После чего в трубке послышалось характерное шуршание, которое бывает, когда забывают завершить вызов и кладут телефон в карман.

А затем чуть приглушенно прозвучал обаятельный, чарующий и располагающий к себе голос, который, что с великим изумлением пришлось признать, принадлежал Игорю:

– Мария, сокровище, не изволите ли вина и этих чудных эклеров?..

Я нажал на отбой и с довольным видом посмотрел на Нику. Та отчего-то прямо кипела справедливым возмущением.

– Что? – Возмутился я в свою очередь. – Я просто помогаю устроить личную жизнь своему другу! Сам он еще месяц будет кругами ходить.

– И что такого в этом торте особенного? – Кисло произнесла девушка, встав в полоборота.

– Счастье, – пожал я плечом.

– То есть, как это – счастье? – Не поверила Ника.

– Химически концентрированное, рафинированное и очищенное счастье несбывшегося. Родительская любовь, которой человек был лишен. Уважение коллег, которого нет, но которое так желанно. Счастье победы для тех, кто никогда не встанет на пьедестал почета. У каждого будет свое счастье. Крайне сложно отказаться от несбыточной мечты, знаешь ли... Очень сильный мотиватор.

– Тогда сам чего не ешь каждый день? – Покосилась девушка.

– А на счастливых не работает, – вновь качнул я плечом. – Торт, как торт.

– Если Ховрина узнает, что на ней женились из-за пятидесяти

килограммов торта...

– Считаешь, это ее заденет?

– Конечно!

– Так я сам скажу. Объясню механизм.

– Она взбесится, – мстительно хмыкнула Ника.

– Успокоится рано или поздно, – отмахнулся я. – Вот тогда пусть и попробует конкурировать с тортом за человеческое счастье. Это ведь даже не сопернице проиграть. Знаешь, как будет обидно?

Судя по задумчивому выражению лица, Ника пыталась представить, каково это – быть счастьем меньшим, чем корж и крем с глазурью.

Хотя... Он вроде хотел вторую жену взять, не спросив первую... А тут чистокровная Ховрина... И судя по всему, та в батеньку удалась...

– Надо будет ему на свадьбу шкаф повышенной комфортности подарить. – Пробормотал я задумчиво, на всякий случай предусматривая резервный вариант.

– Давай уже выбираться отсюда, – окатив подозрительным взглядом, решила Ника перевести тему.

– Так уже летит вертолет, – посмотрел я на солнце, а потом на часы. – Как мы упали, так они сразу поднялись.

– Запланировано, да? – Вновь отчего-то обиделась девушка, и повернулась спиной, устроившись лежа на траве.

– Ника.

– М?

– А у нас медведь не сдох? – Посмотрел я с тревогой на бездвижную тушу.

Потому что кому медведь, а кому (Артему, например) – любимый дедушка. Хотя, раз успел обернуться во вторую форму, то не должен бы помереть.

– А хоть бы и сдох, – проворчала она, положив руку под голову чуть удобнее.

– Ника.

– Ну чего?

– Вылечи его, а? – Протянул я просительно.

Девушка тут же повернулась, чтобы посмотреть строго и пытливо.

– Ты с ума сошел?

– Просто, его к Артему надо доставить, – смутился я. – Не ждать же, пока он сам отрегенируется? Потом еще в лесу его ищи...

– Максим, – приподнялась она на руке. – Он тебя чуть не убил. Я еле эту дрянь магическую из твоего тела выгнала! – Возмутилась она в голос.

– Да, но в этом была моя вина, – почесал я затылок.

Если бы не ослабил внимание... Да и князь, конечно, и есть князь – голыми руками через все защиты...

– Ты в детстве сколько раз на голову падал? – Пристально смотрела Ника.

– Я не падал, – честно припомнил в ответ.

– Я не спрашиваю, падал или нет. Меня интересует – сколько раз. Максим! – Не выдержала она показного спокойствия. – Я этого упыря лечить не буду!

– Это медведь, – поправил я.

– Вот именно, медведь! Я хирург, а не ветеринар!

– Ника, ну пожалуйста, – изобразил я то выражение лица, за которое мне обычно прощали забытую сменку и взорванную пристань.

– Ни за что! – поднялась она с земли и воинственно уперла руки в боки. – А если он на нас еще раз нападет?!

– Он не будет, – посмотрел я на медвежью тушу, старательно притворяющуюсядохлой.

Мол, вдруг уйдем в самом деле, оставив его тут. Наверняка он до сих пор ослеплен и с серьезными повреждениями, раз не нападает, но в одиночку в лесу выжить сможет – нюх ему вполне заменит зрение, пока то заживает, а конкурентов ему и близко никого нет..

– Да что ты говоришь! – Едко отозвалась Ника на мое заверение.

– Он нам пообещает, – внимательно смотрел я в сторону медведя. – А я буду тебе должен.

– Пытать начнешь – точно помрет.

– Зачем пытать? – Продолжил я прежним тоном. – Вот кстати, ты знаешь, что самое вкусное и съедобное у медведей – это пятки?

– Это ты к чему говоришь? – С подозрением уточнила девушка.

– Так ему все равно регенерировать несколько дней. А я проголодался.

– Максим, что ты говоришь вообще! Это же человек!

– То человек, то медведь, – проворчал я, поднялся и направился в сторону медвежьей туши. – Во первых, это килограмм шестьсот медвежатины.

За пять шагов до нее, медвежатиная стала медленно отползать в направлении леса.

– Вот, живой же! – Обрадовался я. – Ты смотри, а ушки уже целые, раз нас слышит.

Князь в медвежьем облике замер.

– Александр Олегович, – обратился я к нему. – Варианта два. Либо вы

даете слово, что будете вести себя хорошо. Тогда мы лечим вас, даем новую одежду и доставляем до внука. Либо мы пробуем ваши пятки на вкус, при вас. Вы же не полагаете, что меня можно убить просто так, без последствий? – Оскалил я зубы.

Медведь нервно дернул ушами.

– Потом я оставлю вам жизнь, но проламываться через лес на чужой территории, уходить от всех загонных охот на такую сладкую и ослабленную добычу и с позором добираться до внука вам придется самостоятельно. Решать, безусловно, вам.

– Я даю слово, – неохотно выдала медвежья пасть тоном, мало походящим на человеческий голос, но вполне разборчивым и понятным.

– Ника? – Повернулся я к чуть ошарашенной девушке.

– Ты же не стал бы есть пятки живого человека? – Шепнула она, проходя мимо.

– Да у меня даже костра нет, – развел я руками.

Та вроде успокоилась и продолжила движение. Затем запнулась, чтобы тут же резко обернуться, окатив подозрительным взглядом. Но в очередной раз требовать прямого ответа не захотела – возможно, для личного спокойствия.

Я же наблюдал со стороны, как зарождается вокруг Ники, присевшей рядом с медвежьей мордой, яркое сияние – вторым солнцем, ослепительным, но согревающим целебным светом только вниз. Коричневая туша содрогнулась и протяжно застонала, когда первые золотистые пылинки коснулись его шерсти – на этот раз они были крупнее и грубее, опускаясь скорее лепестками взрослого дерева, чем еле заметной пылью.

Интересно, а лечить поверженного врага через злость к нему – это какой ранг?

– Терпи, – строго произнесла Ника, удержав дернущуюся было морду на траве. – Даже дети терпят, а тебе двести лет!

И усовествленный князь подчинился, хотя время от времени волны боли проходили через его тело спазмами мышц, выходя из глотки низким рычанием. Неплохо его потрепало.

Свет вливался в него что-то около десятка минут, пока Ника не отошла в сторону, погасив свой талант.

– Подлатала, – коротко подытожила она. – Дальше пусть к своим целителям идет.

– Ходить сможет?

– Даже бегать, – пожала она плечами. – Но к врачу обратиться

желательно. Он и до этого дня был весь внутри переломанный.

Подтверждая положительный прогноз, князь попытался подняться на четыре лапы и успешно это сделал.

– Что поделать, две мировые войны за спиной, – задумчиво посмотрел я на него.

А затем перевел взгляд в небо, с южной стороны которого наконец-таки слышался вертолетный гул.

– Это точно наши вертолеты? – С разумной предосторожностью шепнула Ника.

– Другие не поднимутся сегодня в воздух. Сильная гроза.

И знакомые бортовые номера на винтокрылых машинах, прибывших вскоре, были тому подтверждением.

Внутри нашлись новые комплекты вещей: для меня, для Ники (та ушла переодеваться в лес, даже не поблагодарив). Ботинки, брюки и свитер с оленями – для князя, и тот тоже ушел переодеваться в лес. Через минуту выскочила Ника, на ходу поправляя летний брючный костюм из сероватосиней ткани и опасливо поглядывая в темноту под деревьями.

Добираться до Москвы оставалось всего-то около получаса – правда, только до самой ее окраины, так как летать над самим городом позволено далеко не всем. Далее, уточнив через наблюдателей, присутствует ли Артем по своему нынешнему адресу, на машине промчаться через пустые воскресные дороги прямо к нему, никуда не сворачивая, как бы ни хотелось отобедать после утренних приключений. И уже там, в подъезде, возле двери в квартиру на первом, высоком этаже дома, нажать на дверной звонок.

Все для того, чтобы дверь на мгновение открылась и в просвет выглянуло хмурое лицо Артема, которое тотчас обрело вид искреннего изумления, стоило ему уловить, КТО стоит рядом со мной и Никой.

– Артем! Они издевались надо мной! – Рванул в его сторону князь, тараторя слезливо и жалобно. – Они грозились отрезать мне пятки и съесть!

Дверь пропустила старого князя, чтобы немедленно захлопнуться перед нами. Я же запомнил только волну ярости, шарахнувшую от Артема, и гневно суженные до тонких полос губы на его лице.

– Пойдем, – стряхнув секундное оцепенение, отвернулся я от двери и направился на выход.

– погоди, Максим, – догнала меня Ника, тронула за плечо и заглянула в глаза. – Может, стоит вернуться и все объяснить Артему?

– Нет.

– Но... Но ты же спас его! – Изумилась она, останавливаясь.

И мне тоже пришлось остановиться.

– Он ведь у тебя в неоплатном долгу! – Всплеснула Ника руками.

– Ты считаешь меня настолько ничтожным, чтобы делать добрые дела в долг? – Посмотрел я на нее пристально, чуть наклонив голову.

А когда недоумение в ее взгляде обернулось оторопью, просто продолжил свой путь.

– Максим, но так же нельзя! Он ведь тебя сейчас ненавидит! Просто потому, что не знает, что было на самом деле! – Догнала меня фраза за пару шагов до машины.

– Настоящий Император совершает милость не в расчете на ответную благодарность.

– И где твои флаги, Император? – С доброй иронией спросила Ника, обведя рукой вокруг.

Мол, одумайся, вернись, возьми плату не ненавистью, а пониманием и долгом жизни.

– Когда-нибудь мой флаг будет виден из каждого окна в мире, – сел я в салон машины и приготовился закрыть дверцу.

– А ну подвинься! – Совершенно возмутительно влезла Ника прямо со стороны моей двери, заставив сместиться к противоположной. – Так!

– Что еще? – Проворчал я, пристегиваясь.

– Зачем ты хочешь стать императором? – Посмотрела она требовательно.

Хороший вопрос. Не «почему», на которое есть так много ответов – забавных и с показной серьезностью, каждый из которых будет правдивым... А вот «зачем» – это совсем иное.

– Потому что так будет лучше для всех.

– Это не ответ. Максим, я просто хочу разобраться. – Примириительно сложила она руки на груди. – Мне это важно. Может, даже с детства, – отвела она взгляд. – Тем более, ты мне должен.

Я прикрыл глаза.

– Ладно. Но это надо будет сначала увидеть, чтобы понять.

– Воскресенье – выходной, – покладисто отозвалась Ника. – Море времени!

– Поехали, – назвал я шоферу адрес железнодорожной станции.

А уже на месте купил два билета на электричку – не так далеко, в самом деле, но брать туда водителя не было никакой необходимости. Каждый знает ровно столько, сколько ему положено, и эта часть жизни не касалась моего столичного персонала.

Тем более, что на месте прибытия дожидался дежурный автомобиль – на платной парковке, с ключом у охранника возле въезда. В этот раз досталась ауди прошлого поколения черного цвета – обычный для местных дорог авто, пусть и дороговатый для общего уровня жизни этого уголка империи, но вполне примелькавшийся.

– Куда дальше? – Впервые проявила нетерпение Ника.

– Еще немного, – заверил я ее, выруливая на дорогу, ведущую за город.

Проехать небольшой городок вышло за десять минут. Еще пять понадобилось, чтобы вырулить к проселку возле остатков безымянной деревеньки, от которой остались только обугленные фундаменты, да раскиданные в сторону почерневшие бревна. И уже там, после мертвой деревни, нужно было выйти из салона и немного пройтись.

– Тут недалеко, – махнул я рукой в сторону открытого поля под дорогой, в центре которого копались в земле люди, стоял трактор и был развернут для работы кран.

Ника заинтересованно посмотрела в их сторону, даже втянула осенний воздух, полный ароматов земли и близко работающего дизеля, но смолчала.

– Вот, – остановился я недалеко от рабочей группы.

Впрочем, не подходя к ним слишком близко, чтобы не вызывать лишних вопросов. Только кивнул бригадиру, до того внимательно приглядывающему, чтобы все остальные работали. Остальных я не знал – но появление начальства они все равно уловили каким-то низовым чутьем и засуетились активнее, вытягивая из земли черно-зеленый перекореженный остов танка.

Хотя узнать танк в этом раздавленном корпусе можно было с трудом.

– Так что это? – Жаждала Ника пояснения.

– Допустим, у нас есть два аристократа, – начал я издалека. – Они повздорили. Что будет дальше?

– Попытка примирения сторон, – с готовностью отозвалась девушка.

– Предположим, не получилось. Да, честно говоря, никогда не получается, – пожал я плечами. – Статистика именно такая. Далее у нас дуэль или война, верно?

– Ага.

– Но вот незадача, – поджал я губы. – На дуэли ведь и помереть можно. Силу никто сдерживать не станет.

– Война – тоже место беспокойное, – поежилась Ника, продолжая наблюдать, как корпус поврежденного танка вытягивают из почвы.

– А ведь жить – хочется, – поддакнул я. – Поэтому есть решение.

Ника вопросительно подняла бровь.

– Малая война. Это, знаешь, что-то вроде признания поражения, но без поражения. Вот есть конфликт между уважаемыми господами. Они объявляют друг другу войну. Тот, кто осознает близость беды, двигает к границам своего противника пять-десять танков. После чего другая сторона сминает эти танки, с экипажами внутри, до состояния мятой консервной банки, – буднично поведал я, указывая подбородком на то, что удалось поднять из земли на поверхность.

– Так ведь война вспыхнет только с новой силой...

– Отнюдь. – Повернулся я к Нике. – В современной практике, этого достаточно, чтобы снять взаимные претензии. С одной стороны, нападавший ссылается на бездарность танкового подразделения и не несет урона чести, потому что его тут нет. А нет его тут потому, что обида не настолько велика, чтобы присутствовать лично...

– Какая-то ерунда, – отозвалась Ника, недоумевающая.

– Вторая сторона довольна, потому что ущерб первой стороне нанесен значительный, плюс развлечение и реальная победа, которую можно занести в книгу рода.

– Но так же нельзя...

– Недовольны только экипажи танков, жизни которых никого не интересуют, а так же жители близлежащих деревень, дома которых эти танкисты вынуждены штурмовать для имитации атаки. Аристократы же не теряют ни грана чести. Спор решен к взаимному удовлетворению сторон. Можно пожать друг другу руки, а завтра разругаться вновь.

– И часто так? – Дрогнул голос Ники.

– Чаще, чем ты можешь себе представить, – сложил я руки за спиной и качнулся с пятки на носок. – Я считаю, что это неправильно.

– Конечно! – С жаром согласилась она. – Надо как-то сообщить в газеты, на телевидение! Это ведь фарс, в котором умирают люди!

– Хочешь рассказать аристократам, что они развлекаются неправильно?

– Да!

– А кто ты, чтобы указывать им, как жить? – Произнес я без желания подначить, устало.

– Но общественность...

– Ника, аристократы уже привыкли, что за них должен умирать кто-то еще. А ты хочешь подвергнуть их жизнь опасности. Тебя не поймут.

– Ты именно это место хотел мне показать, или будет какое-то еще? – Поджала она недовольно губы.

– Именно это, – ответил я, примирительно улыбаясь. – Сейчас эту и

еще несколько других машин вынут из земли и отправят на ремонтные заводы. Там их доведут до внешне целого состояния и продадут тем, кому нужен дешевый танк для самоубийственной атаки.

– Получается, ты потворствуешь...!

– Я хороню мертвых, – поднял я немного голос, чтобы оборвать поток ее возмущения. – Хороню через три, пять, десять лет после смерти. Ищу, разыскиваю информацию о малых войнах и достаю металлические гробы.

– Чтобы сделать новые гробы для живых?

– Мои танки на радиоуправлении. Это дешевле, это сохраняет жизни. Это позволяет мне таскать по железным дорогам кучу другой техники без лишних вопросов, и это мое дело, – подытожил я. – Но мне не нравится, что сейчас происходит, как и тебе.

Я отвернулся от кипящей вокруг остова танка деятельности и направился к машине.

– Так зачем ты хочешь стать императором? – После долгой паузы, когда мы сократили расстояние до авто в половину, спросила Ника.

Она все еще отходила от увиденного, и вряд ли желала прямо сейчас услышать ответ. Но раз мы прибыли, и раз у нас была такая цель...

– Слово «Честь», которым аристократы так гордятся, искажено и размыто. Нужен тот, кто заставит их соблюдать правила и не выдумывать новые ради сохранности собственных шкур.

– Для этого у нас есть свой император.

– Значит, этот – не справляется, – покачал я головой.

– И ты задумал его сместить? – Иронично посмотрела девушка.

– Вовсе нет.

– Тогда? – Посмотрела она удивленно. – Ведь не может быть двух императоров.

– Немного эгоистично с твоей стороны требовать справедливости и единых правил только для нашего государства. Есть иные страны, с похожими проблемами. Им тоже требуется регулирование и третейский суд.

– И как же ты собрался влиять на весь мир? – Послышалось в ее голосе усталое равнодушие, как бывает в разговорах про небылицы.

– Я же рассказывал, помнишь? Про княжеский разряд?

– А? – Недоуменно посмотрела Ника, а затем вспомнила. – Но причем тут...

– Да ведь тут то же самое. – Оставалось только пожать плечами. – Надо сделать нечто, достойное коронного разряда.

– И что же это?

– Например, быть способным уничтожить мир, – доверительно шепнул я.

– А, ну если так, – понятиво покачала Ника головой, ободряюще улыбнувшись. – Это, конечно, солидно.

– Приятно, что ты меня понимаешь, – даже немного расчувствовался я.

– Понимаю, – мягко ответила она. – И знаешь, что именно я понимаю?

– Ау?

– То, что ты гребанный псих!!! И знаешь, когда я восстановлюсь в университете, я переведусь на психолога! Потому что по тебе докторскую диссертацию писать можно!!! Подумать только, уничтожить мир!

– Можно всего половину!

– Конченный псих!!! – Быстро зашагала она от меня к машине.

«Ну вот», – даже расстроился я легонько. – «А я хотел ей первый рубильник показать».

Всего пультов у Борецких было три, и два еще предстояло отыскать для синхронизации системы и определения главного для координации удара... Удара, который они так и не смогли совершить, поверив в обещания и гарантии тех, кому верить оказалось нельзя.

В одиночку, если честно, искать будет накладно и не так интересно, но что делать...

Хотя вот, вроде Ника возвращается...!

– На, тебе сестры передали. Я забыла отдать. – Ткнула она толстым нераспакованным конвертом мне в грудь, и я только успел его перехватить, чтобы тот не упал на землю. – Подумать только, император! А я считала его приличным человеком! – продолжила она ворчать, направляясь по полю к краю деревни, явно нацелившись преодолеть путь до трассы пешком.

– Чего это не император, – буркнул я, посмотрев на конверт и с тоской – на спину девушки.

Ладно, все равно догоню потом – ну нет тут автобусов, не ходят по воскресеньям. Может, к тому времени успокоится.

Сам же неторопливо завершил путь у старенькой уцелевшей лавочки, в десятке метров от автомобиля. Тут был приятный тенек, от ветра защищала покосившаяся ограда, а спешить и садиться в машину, зная, что впереди полчаса пути, не было особого желания. Тем более, конверт интересный – плотный, формата А3.

Еще раз бросил взгляд в сторону Ники – идет, ничего не боится, будто в центре оживленного города. Хотя, с ее Силой, тут действительно ей нечего бояться – ни жадный, ни похотливый, ни высокомерный взгляд ей не опасен. А что делать всем остальным людям?..

Невольно посмотрел на красавицу-машину. Оставить ее тут всего на одну ночь – и от шикарного автомобиля не останется ничего. По окрестным деревьям растащат фары, колеса, электрику, ругаясь и матерясь за каждый снимаемый болтик. Потом попытаются за бесценок продать все это хоть кому-то. В итоге, бедность останется такой же бедной. Но – уже не будет машины, шедевра конструкторской мысли. Она уже никого не отвезет.

Все ценное, все хрупкое и прекрасное способно быть раздавлено в одно мгновение, оставшись без присмотра и защиты.

С этими мыслями я все-таки развернул конверт, внутри которого оказался лист бумаги с написанным от руки сопроводительным текстом, исполненным затейливым, красивым почерком...

«Уважаемый Максим Михайлович, с прискорбием и осознанием собственной неадекватности... все результаты оказались подлинными... сданы в срок и в полном объеме... приношу искренние извинения...» Документ не сразу был понят – привычка обнимать машинописные страницы взглядом, читая сразу несколько строк, на рукописном не сработала. Но на второй раз все встало на свои места.

Александр Ефремович Ферзен, ректор имперского университета княжеского города Шуйск, приносил извинения за поспешные выводы в мой адрес. Как им было доподлинно выяснено в ходе личного расследования, все зачеты и все экзамены действительно сдавались мною лично, а не были проставлены в обмен на деньги и иные преференции. А значит, университетский курс мною был закончен честно, и нет никаких препятствий к выдаче диплома.

Кстати, диплом был тут же – синий, обычный, даже с парой троек... Сложно одновременно учиться в школе и в университете.

Я задумчиво провел пальцем по плотному картону с гербовым имперским оттиском. Выходит, высшее образование у меня уже есть... Можно захватывать мир.

Мысли скакнули к недавней беседе с Никой, и я поежился.

– Может, действительно? Ну какой еще император, в самом деле. Пошлость какая.

Я прошел к машине и внимательно посмотрел, как достают из сплющенного корпуса остатки бойца, умершего не за родину, не за семью и не за высшие идеалы. Умершего за то, чтобы звенел смех в мраморных залах с золочеными потолками, чтобы не кончалось шампанское в бокалах, и вышагивали в вальсе, блистая фамильными драгоценностями и запонками, девушки и юноши из рода, чья семья даже не удосужилась вытащить его останки из сгоревшей машины.

– Пожалуй, да, – согласился я с прежними мыслями. – Император этот мир не спасет.

Этому миру нужен тиран.

Эпилог

Кабинет был серым, скучным и безликим. Одинокий стол, на поверхность которого проливался свет хмурого московского дня из единственного окна. Стул за столом, придвинутый плотно. Еще один стул напротив, занятый высоким восточным человеком с острой бородкой – тоже в сером костюме, как на зло.

Поднятые вверх жалюзи не скрывали вид на широкий проспект в трех сотнях метров ниже. Высота, недоступная простым смертным. Но и слишком далеко, чтобы видимое пространство ощущалось настоящим, подлинным, а не нарисованным полотном с искусной детализацией серых зданий, серых улиц и черных крон деревьев, с которых ветер уже снес желтые листья, а немногословные дворники смели их в черные мешки.

Единственными яркими красками в кабинете были фотографии, разложенные на углу стола. Цветные, формата «а четыре»: на каждой молодая девушка, одна или в сопровождении юноши, посреди яркого – тогда еще летнего дня.

– Доброе утро, Амир, – еле слышно скрипнула дверь, и за спиной восточного человека раздался голос, привычный повелевать и властвовать.

Гость кабинета ворохнулся, попытался встать и поприветствовать со всем уважением, но сухая старческая ладонь придержала его за плечо.

– Сиди, – оставили его на месте.

И слова радости от встречи как-то сами собой завязли на языке, оставшись не высказанными. Было в останавливающем жесте недовольство, ощущаемое гостем крайне болезненно.

Хотя обижаться на этого человека было бессмысленно. Он явился с того света, чтобы вершить суд и выигрывать войны, чтобы говорить ничтожествам прямо, кто они есть – и ничтожества обтекали, не способные возразить.

Его старались избегать – наверное, он был единственным среди всех князей, передвижения которого отслеживали столь внимательно и чутко не для того, чтобы застать и поговорить, а чтобы ни в коем случае не встретить лично.

Личность старого князя Юсупова стала легендарной еще при прежней жизни – до того, как на родовом кладбище был установлен монумент над его могилой... В которой, как оказалось, все эти годы никого не было.

Сейчас же князя воспринимали с той же растерянностью, что и

явившегося из небытия Кощея Бессмертного, игла с жизнью которого была с гарантией сломана. И мир недоумевал – искать ли обломки старой иглы, чтобы склеить и снова сломать... Или же где-то есть новая... Или просто накрыться плотным одеялом с головой, в надежде проснуться тем утром, когда он сам собой исчезнет – столь же внезапно, как появился.

Старик прошел справа от кресла, остановился возле стола, с равнодушным видом тронул фотографии, развернув веером, и тут же сложил обратно.

– Ты убрал ее от Максима?

– Она прогнала специалиста, – Амир вынужденно отвел глаза вниз.

Как же неприятно отчитываться за чужие ошибки.

– Тогда купи, – прорвалось раздражение в голосе старика.

– Она не взяла деньги.

– Мало предложил?

– Даже слишком много. – Поджал он губы.

«Для той, что копается в урне с мусором» – не стал он добавлять. Хотя это какой-то позор.

– Реши через отца. – Выдал князь недовольно. – Сосватай кому-нибудь из младшей семьи.

– У нас так не останется свободной родни, – позволил себе осторожно заметить Амир.

В конце концов, каждый свободный родственник – это возможность политического маневра и использовать их вот так...

– Тебя не должно это беспокоить. – Последовала жесткая отповедь.

На мгновение Амиру стало по-человечески обидно. Столько крови и сил пролито за род, а в деле с каким-то бастардом к нему относятся, как к собаке – верной, но которой можно хлестнуть по морде, если сунется не в свое дело.

– Уважаемый, что в нем есть такого, что вы тратите свое бесценное время? – Не позволил он себе сорваться в раздражение. Наоборот – сделал фразу мягкой и примирительной, полной почтительного внимания.

Но старик умел отличать оттенки и настроения.

– Извини, – прозвучала сухая фраза после ощутимой паузы.

Воодушевившись единственным словом, крайне редким в устах легендарного человека, восточный гость уже настроился на историю и пояснения ... Но потом была лишь тишина, от которой Амир ощутил растерянность – будто не расслышал, будто было произнесено, но он отсутствовал... Уже не было никакой обиды – князь, не способный врать, извинился искренне, так что сейчас Амира переполняло только

недоумение.

Ладно, пусть он не понимает, но раз роду это важно...

– Уважаемый, быть может, я постараюсь найти ту, что подойдет Максиму? – Зашел он с другой стороны.

За что получил только тяжелый взгляд из-под кустистых бровей.

Старый князь Юсупов многое мог бы ему сказать, но кое-что должно остаться только его ношей. Родня может не понять. Слишком привыкли решать кровью и силой, пресекая на корню любую угрозу.

Хотя, если честно, пять лет назад он тоже был подвержен этому недостатку, предпочитая проминать мир под себя, а не действовать спокойно и взвешенно. Но в его положение вполне можно было войти.

Тогда, возле дома Самойловых, под грозовым, родным любому Юсупову небом, он был вне себя. Его родная кровь в доме врага! И тот смеет его скрывать за этим вшивым забором, поигрывая своими жалкими перстнями. Смеет дерзко смотреть ему в глаза, стоя рядом с тем, кто плоть от плоти Юсупов!

Князь воззвал к небу, призывая смести в сторону хлам, преграждающий ему путь до внука.

Но небо не послушалось его.

Древний, непреложный закон гласил, что у стихии мог быть только один хозяин в один миг времени. Не взойдет два рассвета в одну секунду, не зародится волна внутри волны и не рассечет провалом бездну.

И это то, что делает Старшие семьи – Старшими, способными сломать даже тень надежды на сопротивление у тех ничтожеств, что смеют заигрывать с их стихией.

Там, где ярится гроза Юсуповых, нет места иному проявлению неба. Там, где бесчинствует тайфун Долгоруких, иным не породить и легкой ряби на волнах. Воля и старшинство крови определяют сродство стихией, решают – кому править воздухом, водой, землей и огнем в этом месте, в этот час.

Но тогда, возле дома недобитого Самойлова, небо не послушалось его, старейшего и сильнейшего в поколении. Гроза подчинилась мальчишке.

Он был поражен настолько, что отступил. Отступил, чтобы вспомнить – каково это, планировать и действовать осторожно и бережно, чтобы не испугнуть и не отогнать это чудо, имя которому – эволюция...

Новая кровь оказалась ближе к небесам. А значит в том противостоянии за власть над стихией, где Юсуповы уже были первыми в Российской Империи – они же могут стать первыми и в остальном мире.

Еще одно поколение, и склонят головы древнейшие кланы Тибета,

поставленные перед выбором – подчиниться или умереть. Еще немного – встанут на колени раскосые жители Анд с их полубезумными духами Ночного неба и десятки других, заносчивых и наглых, полагающих себя бессмертными. Власть клана накроет новые тысячи квадратных километров, возвеличивая семью и открывая дорогу в новые столетия процветания.

Осталось всего немного – напомнить неразумному юноше, кто он есть на самом деле.

Клану есть, что предложить, чем заинтересовать, увлечь и заманить к себе. Тем более, мальчишке, полному интересов и страстей. Шагни вперед, протяни ладонь – и бесчисленные богатства наполнят ее без усилий и труда...

Старый князь не считал это великой проблемой. Надо было просто хорошо поработать. Может, год. А когда не получилось – то и второй... И третий, когда в ответ на любые действия: искушения, возможности и шансы, для которых всего и надо, что взять принадлежащую ему по праву крови фамилию – следовало совершенно нелогичное равнодушие... Будто ему все это не нужно.

Старый князь даже подумал, что это просто изменилась эпоха, и для проверки предложил то же самое иным внукам. Сожрали все, до последней крошки, чуть не вцепившись зубами в кормящую их руку. Странно.

Впрочем, где нельзя добром, там можно действовать и жестче. Если быть Юсуповым и получить богатства клана ему не хочется, то пусть станет Юсуповым, чтобы не потерять уже имеющееся.

Движимой его волей, клан влез в совершенно чужую епархию – железнодорожные перевозки – и постарался мягко воспрепятствовать деятельности упрямого родича. А когда не получилось мягко – достаточно сурово ограничил его нарождающийся бизнес.

Результат вышел таким, что взяла легкая оторопь. К клану начали массово обращаться управляющие второго-третьего уровня из десятков других родов и кланов с просьбой все это прекратить. Второй-третий уровень – это не первые лица, безусловно. И даже не их замы. Это те профессионалы, которые заняты массовыми, рутинными, а значит крайне важными операциями, формирующими основные финансовые потоки рода. В каком-то смысле, к просьбам таких управленцев прислушивались гораздо более чутко, чем к иным консультантам княжеских семей.

Потому что паника, поднятая консультантом, это дело рутинное и обычное. А вот паника от управленца, где все налажено – это повод трубить общий сбор и готовиться к войне.

Оказалось, что в результате небрежных действий клана Юсуповых, влезших не в свой бизнес и не в свое дело, теперь по железной дороге не ехал никто. Вообще никто. Бешеная гроза валила деревья и вырывала рельсы путей, играясь и тем, и тем, словно сухими ветками. Гроза опрокидывала составы, пытавшиеся через нее прорваться, и портила грузы. И не собиралась прекращаться в обозримой перспективе – как это было уже один раз, два года назад... Тогда многие страшно обозленные люди весьма хотели найти виновника и поквитаться, но были тут же укорочены теми самыми управляющими второго-третьего уровня. Потому что грузы должны перемещаться по стране.

А разборки – это потери времени, ресурсов и денег, которые не поймет и не поддержит ни один князь. И если ради этого по железной дороге будет перемещаться практически без пошлин одна слишком оборзевшая железнодорожная компания, то это экономически выгоднее, чем простой всех остальных. Тем более, что наглец довольно быстро оплатил управленцам сторицей, предоставив часть составов для льготной перевозки уже их грузов... Не то, чтобы обиженные не хотели отомстить позже – но внезапно оказалось, что слишком многих влиятельных людей устраивает симбиоз с компанией, неожиданно получившей столь роскошные преференции, и трогать ее теперь нельзя.

Какое-то невозможное совпадение и удача – мог бы удивиться и, может, даже порадоваться старый князь, если бы не стойкая головная боль от последствий, которые ударили по нему в результате неосторожного вмешательства в дела внука. Грузы Юсуповых, знаете ли, тоже нуждались в перевозке – а теперь их не взялся доставлять никто. Ерунда, есть свои логисты и составы – но тут страховые компании стали шараться, как от чумных, словно все вагоны обречены...

А еще там, сверху над всеми этими недовольными вторыми управляющими, люди, знавшие, кто за всем этим стоит, тоже стали задавать вопросы – пока что мягко...

Пришлось отступить. Второй раз по счету.

Самое обескураживающее, что даже когда внук узнал, кто виноват в его неприятностях, он вновь остался равнодушен. Словно гроза, что мерно идет над любыми земными препятствиями, не замечая. Словно великого клана Юсуповых для него не существует.

Тогда мудрый князь решил действовать через сердце. Любовь – слишком сильная эмоция, чтобы от нее отмахнуться. Это ведь не чужое богатство, от которого можно отказаться. И не собственные капиталы, лишение которых можно стерпеть. Это то, что станет частью тебя, а значит

не может быть отторгнуто.

Никаких подставных девушек и профессиональных охотниц. Князь чувствовал, что решение не может быть столь легким и банальным. Только искреннее, только найденное внуком самостоятельно – и им же признанное своей.

И в день, когда внук наконец-таки прочувствует любовь, осознает, что не сможет без нее жить, а любое безумие ради единственной покажется ему уместным...

Тогда внезапно окажется, что решать, быть им вместе или не быть, может только один человек во всем мире. И разговаривать он станет только с родичем одной с ним фамилии.

А если внук заупрямится, будет так же, как произошло с Белевской. Так же, как произойдет с Еремеевой.

– Никто ему не подойдет.

Никто без его разрешения.

Старик перевернул фотографии изображениями вниз. И в кабинете вновь не осталось иных цветов, кроме серого.

* * *

Щелкнул замок, за ним второй. Подалась навстречу тяжелая створка двери, непривычно тяжелая, к которой еще предстояло привыкнуть.

Артем замер на самом пороге, вглядываясь в полумрак помещения и осторожно втянул воздух. Он знал, что его встретит тишина и пустота комнат, видел нетронутые секреты и маяки, привычка оставлять которые осталась с ним с детских лет, когда еще казалась забавной игрой с наставниками...

Юноша выдохнул, прикрыв глаза, и затворил дверь за собой. Снял уличную обувь, поставив ровно и аккуратно, будто кто-то может проверить. Повесил, аккуратно расправив, пиджак на вешалку, и убрал его в шкаф.

Затем замер посреди широкой прихожей слишком большой и неуютной квартиры. Новой, арендованной только вчера – на этот раз, без приключений с нечистыми на руку посредниками..

Воспоминания словно разбередили болезненную рану, заставив поморщиться. Но взволновал не пережитый обман, и не память о собственной беспечности – этот урон чести был основательно перекрыт размером виры и карой всех причастных. Однако память о втором участнике того действия, образ которого Артем пытался методично выдавить

из памяти, не собиралась оставлять просто так.

В прошлый раз, три года назад, тоже не получилось. Родители сказали – «прекращай», Артем подчинился, загрузив себя делами выше головы, но... Как можно разорвать отношения с человеком, который был способен подружиться с человеком даже без участия второй стороны? Дикость, если озвучить на слух – но ведь у него получалось, и никуда от этого не уйти. Вот и Артем тогда, три года назад, не ушел.

Чего стоит указатель на дороге «Артем! Осторожно! Опасный участок дороги!» – от которого он чуть не влетел в реденький подлесок возле дороги. Ну да, ну да, кто угодно мог написать его имя на щите. Но только один человек был способен сделать это по всему городу, за одну ночь.

Дальше – больше. Забота, напоминания, ряд производственных вопросов, ключевые фигуры по которым непонятным образом были всякий раз предупреждены о его визите и расположены ему помочь... Он, конечно, княжич, и некое благоприятственное отношение было ожидаемо... Но когда отец стал искренне изумляться его успехам, всерьез расхваливая за идеальную логистику перевозок, огромную экономию на закупках и опережение сроков... Артем умел сопоставлять причины и следствия, и никогда не был падок на лесть. Он не видел в своих действиях оснований для подобных успехов и отнесся к ним со всей подозрительностью человека, меряющего случайности математической вероятностью, видящего за добродушием – корысть, а за цепочкой совпадений – заговор. Как и был воспитан.

И заговор на самом деле нашёлся. В его, Артема, пользу.

С момента вступления в невзрачную должность шестого помощника заместителя его отца, отчего-то успели сменить посты около десятка начальников на тех должностях, с которыми Артем обязан был поддерживать отношения и вести контакты. Поумерили аппетиты конкуренты, неожиданно отыскались лимиты на перевалочных складах, попутные составы стали сами интересоваться потребностями подотчетного юноше подразделения.

Честно говоря, всего этого Артем не замечал вплоть до момента возникновения подозрений. Он просто считал, что так оно и обстоит в этой отрасли – довольно сложной и щекотливой. Все же, слишком разные княжества соседствуют друг с другом, а грузы нужно везти всем... И только когда стал разбираться вплотную, понял, какой ад из себя представляют перевозки, если отойти от его рабочего места всего на шаг в сторону.

Начнем с того, что если груз не дошел до места – это нормально. Нет,

это совершенно ненормально и недопустимо! Но после того, как кончатся все эмоции, то вам повторят чуть циничным и усталым голосом профессионала: это нормально. У вас же есть страховка? Ах нет, она стоит бешеных денег? Но груз-то ведь был еще дороже?...

А ведь грузы Артема доходили всегда. И никакой страховки он не брал принципиально – да что, в самом деле, может случиться на железной дороге, да еще с княжеским грузом? Это же не самолет и уж тем более не автотранспорт. Повреждения при перегрузке – так их компенсирует отличная упаковка, амортизирующая возможные удары и падения. Экономия! Когда он высказал эти соображения опытному коллеге – тот смотрел на него, как на канатоходца, переходящего по тонкому стальному тросу пространство между двух небоскребов. В грозу. В общем, если там и было уважение его успехами (а ведь успехи были!), то разве что под толстым слоем профессионального интереса психиатра к пациенту, или же удивленного восхищения мужчиной, упавшего с девятого этажа, потому что так быстрее дойти за водкой – но который таки дошел, догнал, а потом пошел еще раз...

Артем начал копать и вполне логично добился результата. Оказалось, что все его составы были застрахованы. Вот так – просто, логично и буднично. Так можно, когда страхует не владелец, а третье лицо – например компания, аббревиатура которой отчего-то могла быть сложена в короткое слово «Император», но никогда не сокращалась в официальных бумагах. Ее владельца можно было даже не уточнять.

Никакого финансового чуда и экстремального везения не оказалось и дальше – перевалочные склады тоже оплачивал Максим. Дешевые объемы в попутных вагонах, продажные чиновники, «зеленые» коридоры для скоропортящихся грузов – все оплачивалось им. И он ничего не сказал. Максим просто дружил, как и раньше – той самой невозможной силой дружбы, от которой Артему становилось невыносимо стыдно, до прогрызенной подушки, в которой пропадал вопль ненависти к самому себе.

Потому что Артем так дружить не мог. Он держал слово, данное отцу – слово игнорировать единственного настоящего друга.

Уговаривать вернуть все обратно не было смысла. Как снять опалу, которой нет? Ведь дело не в немилости, не в злости князя на выходки Максима. В конце концов, не той фигурой тот был три года назад, чтобы князь испытывал к нему хоть какие-то сильные эмоции. Его удалили от Артема не за взорванную стену в школе и иные проявления удивительного искусства взрыва, когда все вокруг оставались целыми и живыми, а против

Максима не было ни единой улики, кроме слишком невозмутимого вида.

Просто Максима было слишком много во всех его, Артема, делах. И складывалась опасная ситуация, что через три года к власти в княжестве они тоже придут вместе, что было просто недопустимо. Потому что нужно было честно для себя признать – главенствовать в этом управлении будет тоже Максим. Именно поэтому его убрали в сторону.

Артем не остался один. Место старого друга заняли иные – тоже способные делить общие успехи. Но панически боящиеся делить неудачи.

Сказать честно, в день, когда ему было позволено решить небольшую проблему с аэропортом и Максимом, он радовался встрече с ним искренне и всей душой постарался сделать так, чтобы Максим переговорил со своей родней до того, как обнаглевшего Юсупова вышибут из аэропорта силой. Просто потому, что Максиму это могло быть важно. Важно его другу.

То, что было позже, этот вскрывшийся заговор и документы с железнодорожными накладными – мощно ударило под дых. Так бывает с бедой, когда ее тяжесть ложится и на вестника, невольно перенося вину и на него.

Усилием воли Артем отринул ноты обиды – ведь мог Максим сказать все раньше! Но, откровенно говоря, никто бы ему не поверил, кроме Артема. А пока родня сомневалась, дядя замел бы следы... Все было правильно, но от этого не менее мерзко.

Разумеется, никакой гражданской войны не ожидалось – в город был призван дед, а значит вскоре дядя сам явится и попросит пощады. Потому как никто не даст ему укрытия и убежища – глупо оставлять на своих землях человека, за которым однажды придет Хозяин Леса. Так что, рано или поздно... Тем более, что дядю просто измочалят в кровь, не оставив и живого места, но жизнь сохраняют.

Проблема у этого решения выискалась довольно щекотливая. Все дело в том, что Артем уже приличное время – со злополучного турнира – не был тем, кого помнил дедушка. Он стал сильнее, он изменился, а значит был шанс, что родич не признает в нем внука и просто убьет. Обескураживающее знание, с учетом той надежды на встречу с дедом, которая горела в Артеме.

Не то, чтобы они с дедом были близки – скорее, нет, чем да. Тем более, что видел Артем деда всего трижды в жизни.

Первый раз – в шесть лет, когда строгий мужчина с аурой могущества впервые появился в их доме. Он довольно болезненно ощупал мальчишку, обращая внимания на суставы и кости, но напоследок потрепал его по волосам, одобрительно кивнув отцу. Этот момент запомнился особо, но

воспринимался Артемом слегка иначе – просто все это время он купался в ощущении силы и величия, что пробирала его искренним восторгом, а боль от пальпации чувствовалась как-то отстраненно. Тем более ему не запомнилось искреннее облегчение во взгляде отца, после одобрительного кивка деда...

Второй раз встреча состоялась в десять, и она точно запомнилась восторгом игры с дедом во втором облинии. Рядом с молодым медведем Артемом вышагивало олицетворение силы их рода – и даже память крови, мучившая его чужими мыслями, благоговейно спряталась в глубины разума. Это облегчение, это счастье, эта радость сытого лета, холодных ручьев и реки, полной рыбы – именно они формировали любовь к патриарху рода.

Третий раз была охота в двенадцать лет. Первая самостоятельная охота Артема – и его первый олень. Дед, с гордостью наблюдавший за всем процессом, и одобрительно стукнувший его лапой. Правда, почти весь олень деду и достался, но кое-что он все-таки оставил внуку.

Больше встреч не было – отец говорил, что Артему нечего делать в чащобе. А после турнира и роста в силе, появляться там стало попросту опасно.

Тем не менее, скоро должно было исполниться восемнадцать лет, и в этот день новая встреча просто обязана была состояться. Так предписывала традиция, которую невозможно было изменить.

В этой связи, Артем слегка недоумевал, почему ему требуется покинуть город, если до дня рождения все равно оставался считанный месяц. Но с отцом не спорят – тем более, он был довольно напряжен, отдавая приказ, и играть на его нервах не стоило. Складывалось ощущение, что на этот раз традиция будет и вовсе нарушена – каковым бы диким это не казалось.

Далее была дорога, университет и Максим, который вообще не изменился в той части, что умеет находить неприятности и виртуозно их решать с сопутствующими массовыми разрушениями. Правда, в этот раз рушил Артем... Да и влипал в неприятности скорее он сам, чем друг... Короче, Максим был прежним, но все-таки стал иным. Он научился планировать.

Собственно, друг умел планировать и раньше, но все его планы были размеренными и четкими ровно до взрыва, после чего переходили в импровизацию.

Кто же знал, во что это превратится через три года.

Подумать только, натравить дядю на клан!!! Это же просто ни в какие

ворота!!! Это неуважение, это втоптанная в грязь дружба в первую очередь!

А что он сотворил всего пару дней назад?! Притащил деда в город. ЕГО ДЕДА! Силой! Артем впервые видел слезы на лице предка, рассказывающего про пытки и мучения. Почти сломленный старик даже поклялся ему, Артему, в верности, лишь бы тот оградил его от Максима. И это – кажущийся еще вчера бессмертным и непобедимым, практически бессмертный патриарх, которого Максим довел до совершенно жалкого состояния. Притащил в город, как цирковую зверушку! Силой – старого, больного человека!!! Ради чего, на что он надеялся?! Что Артем, увидев любимого родича, его простит?!

Шуйскому было физически больно от поведения друга. От того, что его приходится ненавидеть за им содеянное. Хотя получалось плохо.

Да еще тут дед начал чудить. Постирал ему, Артему, носки...

В общем, Артем даже думать не стал над причинами, а просто сбежал из купленной квартиры и снял новую. Только Вере написал, что переехал, чтобы не сунулась.

Вера... Сердце болезненно сжалось, но юноша предпочел выкинуть эти мысли. Ее Максим тоже у него отнял. Но за это тоже не получалось ненавидеть.

Потому что для ненависти нужны не просто чувства, нужна еще логическая стройность обвинения. Однако кое-что не сходилось, определенно.

Ведь а как же «это для твоего блага» сказанное тогда возле университета?

Есть кое-что, в чем Артем был насчет своего бывшего друга уверен. Максим старался никогда не врать. Это было настолько естественно для аристократа по происхождению, которым его старый знакомый безусловно являлся, настолько немислимо для человека, который не строил свой базис Силы на Чести. Попросту, Максиму незачем было соблюдать свое слово, он не получил бы от собственной Силы никакого штрафа за откровенное вранье. Не было ни малейшей причины, чтобы не пользоваться тем тонким лукавством, которое дает полуправда. Да даже с ним, с Артемом, он мог не поругаться! Соврал бы насчет дяди! Соврал насчет Веры и остался бы другом!

Но Максим – скажем откровенно – не врал никогда. Мог отвести взгляд, вместо прямого ответа задать вопрос или ответить столь уклончиво, что можно было трактовать десятком способов, половина из которых была похожа на истину. Но соврать прямо – никогда.

Так как же «для твоего блага»? Что именно для его блага?

Предательство дяди? Бегство из дома? Зашуганный дед, который опасался посмотреть ему в глаза? Это же, в конце концов, не дедушка с лавочки! Это «мастер»!

То, что он не понимал, не означало, что ответа не было.

Артем прошел в комнату, которую называл своей и задумчиво присел на кровать. Тронул подушку, собираясь прилечь и подумать. Постарался не измениться во взгляде, и абсолютно спокойно лег в одежде поверх одеяла, глубоко вздохнув.

После чего резко выстрелил рукой в видимую пустоту, подхватил пискнувшую Веру за бок, проявившуюся из невидимости, и прижал к себе спиной.

– Кто лежал на моей кровати и заплакал всю подушку? – Грозно спросил он ее на ухо.

– Прости, я просто... – Легонько дернулась Вера.

– Пропадешь сейчас – не прощу. – Тихо шикнул Артем и чуть придвинулся вглубь кровати, чтобы обоим хватало места.

– Артем, я не знала ничего про своего деда, – затараторила она. – Он появился год назад. Он ничего никогда не рассказывал! Я родилась уже после того, как прошла война, да мы аристократами с мамой никогда не были!

– Т-ш, я думаю. – Отмахнулся Шуйский, как от мелочи.

– Артем, я чем угодно поклянусь, – заплакала Вера. – Все, что я помню из детства, это голод.

– Ты живая? – Словно между делом поинтересовался юноша.

– Д-да, – с легким удивлением произнесла она.

– А дед твой? Жив?

– Ага... Я звонила предупредить, – созналась Вера и понурилась. – Он неплохой человек. Может, раньше был плохим. Но сейчас... Ведь люди могут становиться лучше...

– Раз ты жива, и он жив, значит вам ничего не будет, – констатировал Артем.

– Но Максим...

– А я понятия не имею, чего Максим, – в сердцах высказался Артем. – Вот что у него на уме, а?!

– С ним опять что-то случилось? – робко произнесла Вера.

– С ним всегда что-то случается, – заворчал юноша. – А мне разбирайся, злиться на него или нет.

– Может, просто его спросить? – С непонятной для себя отвагой предложила девушка, а затем зажмурила глаза и отважно предложила. –

Хочешь, я наберу его номер?

– Нет, это слишком легкий путь, – задумался Артем. – Предлагаю срочно родить дочку и назначить Максима ее крестным. Пусть ощутит, каково это – не понимать, что теперь делать!

– А м-может, я все-таки позвоню?

– Обязательно позвоним. Надо же на свадьбу пригласить.

– Ой... А как же твои родные...

– Не обсуждается! Я тут с позавчера главмедведь!

А разведки, заговоры, тайные планы... Первый же ребенок сотрет все старые обязательства и долги. «Дорогая, у нас будет медвежонок!» – и все, нет больше прошлого, есть только обморок у жены и успокаивающий ромашковый чай.

Что до Максима... Артем с кристальной четкостью осознал, что тот действительно не его друг.

Он ему брат. Тот самый, которого никогда не было, но так хотелось всю его жизнь. Несносный, но заботливый. Влипающий в неприятности – но с грацией трактора вытаскивающий его из своих собственных. Не просящий ничего за помощь и помогающий без спроса.

А на родню не обижаются.